3 1761 07802826 3

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/literaturnyian00kotl

95-I.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ

АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ЭПОХИ

LR.H
8758 kx
Kotlyarevsky, Nestor Aleksandrovich

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ

Literaturnuya napravleniya

АЛЕКСАНДРОВСКОЙ

Aleksandrovskoi epokhi

ЭПОХИ

ПОСОБІЕ ДЛЯ ПРИСТУПАЮЩИХЪ КЪ ИЗУЧЕНІЮ РУССКОЙ ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ XIX ВѢКА

НЕСТОРА КОТЛЯРЕВСКАГО

3. izd.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ БЕЗЪ ПЕРЕМѢНЪ

519820
22. 3. 51

ПЕТРОГРАДЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28
1917

4744

Предлагаемая читателю книга написана по слѣдующему поводу:

За многіе годы моей преподавательской дѣятельности мнѣ часто приходилось встрѣчаться съ однимъ требованіемъ слушателей, которое ставило меня всегда въ большое затрудненіе. „Укажите намъ—говорили мнѣ слушатели—такую книгу, которая при наименьшей затратѣ времени съ нашей стороны дала бы намъ связный очеркъ развитія русской изящной словесности за протекшее столѣтіе“. Требованіе это было, конечно, вполнѣ законное. Сначала слова „при наименьшей затратѣ времени“ были мнѣ непріятны, такъ какъ я въ нихъ предполагалъ желаніе поскорѣй отдѣлаться отъ предмета, съ которымъ, на мой взглядъ, каждый русскій долженъ знакомиться подробно, въ деталяхъ, въ возможной полнотѣ. Мнѣ пришлось, однако, скоро иначе оцѣнить предъявляемое мнѣ требованіе. Пока я преподавалъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, я могъ настаивать на исключительномъ вниманіи къ моему предмету, но когда вольная аудиторія стала наполняться публикой самыхъ различныхъ профессій, учениками и ученицами средней школы, учениками разныхъ профессіональныхъ училищъ, наконецъ, въ недавніе годы, рабочими, мнѣ естественно пришлось подумать о томъ, какъ бы помочь слушателю выгоднѣе распорядиться своимъ временемъ. Когда за день имѣешь два-три часа свободныхъ, которые надлежитъ употребить на самообразованіе, поневолѣ, прежде чѣмъ читать книгу, посмотришь, сколько въ ней страницъ и какой матеріалъ въ нее вложенъ.

Составляя программу для самообразованія по русской изящной литературѣ XIX вѣка, я очутился передъ очень трудной задачей.

Первое, что̀ надлежало опредѣлить, это былъ размѣръ литературнаго чтенія. Какихъ авторовъ читать, и какихъ не читать? и какія произведенія опредѣленнаго автора читать, а какія обойти?

Второе — надлежало найти учебникъ самый краткій и самый полный, т.-е. среди десятковъ книгъ надлежало выбрать самую „подходящую“.

Наконецъ, нужно было по каждому, въ особенности крупному, писателю указать такъ называемую „литературу предмета“, т.-е. опять-таки найти самое „подходящее“ теперь уже не изъ десятковъ, а изъ сотенъ статей и книгъ. При выполненіи этихъ трехъ задачъ надлежало кромѣ того неуклонно держаться minimum'а.

Первая задача способна отдать преподавателя въ жертву большимъ угрызеніямъ совѣсти. Возмнить себя безконтрольнымъ судьей надъ всѣми русскими писателями и ихъ произведеніями—едва ли рѣшишься, хотя бы имѣя на то всѣ юридическія права. Ставить надъ однимъ произведеніемъ „да“, надъ другимъ „нѣтъ“, наконецъ, поставить „нѣтъ“ надъ цѣлымъ авторомъ — для этого нужна особая смѣлость. А между тѣмъ этой смѣлостью обладать нужно. Конечно, когда рѣчь заходитъ о первоклассныхъ писателяхъ, то машинально повторяешь нѣсколько именъ, къ сочетанію звуковъ которыхъ какъ-то привыкъ. Но трудность даетъ себя чувствовать, когда переходишь къ второстепеннымъ, уже потому, что относительно нѣкоторыхъ писателей такъ и не знаешь, въ какой разрядъ ихъ отчислить—въ разрядъ первоклассныхъ или второго сорта — за неимѣніемъ вѣсовъ, на которыхъ можно талантъ взвѣшивать. А сортировать надо.

Трудность возрастаетъ, когда отъ сортировки авторовъ переходишь къ сортировкѣ ихъ произведеній. Мнѣ очень часто приходилось встрѣчаться съ слушателями, которые

заявляли, что у нихъ не хватало терпѣнія, а потомъ и желанія читать, напр., всего Жуковскаго, всего Лермонтова, даже всего Пушкина. „Всего Тургенева и всѣ художественныя произведенія Толстого, — говорили они, — еще можно прочитать, Достоевскаго уже труднѣе, а на чтеніе всего Писемскаго и всего Щедрина терпѣнія уже не хватаетъ“— и слушатели были правы. И намъ, преподавателямъ и спеціалистамъ дѣла, бываетъ трудно и скучно читать полныя собранія сочиненій даже весьма извѣстныхъ авторовъ, въ особенности старыхъ. Но преподаватель читаетъ, зная все-таки, кого онъ читаетъ; если же тотъ, кто въ первый разъ знакомится съ такимъ старымъ, хотя бы и очень извѣстнымъ авторомъ, начнетъ его читать съ первой страницы, то я готовъ вѣрить, что книга можетъ выпасть изъ его рукъ до окончанія перваго тома. Я имѣлъ возможность убѣдиться въ этомъ, когда мнѣ возвращали полныя собранія сочиненій Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова, Баратынскаго и другихъ, которыя я давалъ неподготовленнымъ слушателямъ. Книги были разрѣзаны лишь на первыхъ листахъ, и каждый, возвращая ихъ, просилъ съ довольно сердитымъ видомъ отмѣтить карандашемъ то, что̀ читать должно.

Хрестоматіи могли бы въ данномъ случаѣ прійти на помощь и, конечно, до извѣстной степени онѣ помогаютъ, но если въ полныхъ собраніяхъ сочиненій дано слишкомъ много, то въ хрестоматіяхъ дано слишкомъ мало.

Вторая, и неменьшая, трудность, это—указаніе учебника. Учебниковъ новой русской литературы у насъ много, отъ краткихъ до объемистыхъ. Входить въ ихъ оцѣнку я не стану, а выскажу только нѣсколько общихъ соображеній, на которыя меня навело знакомство съ ними и разговоры по поводу нихъ со слушателями.

Учебники, болѣе или менѣе удовлетворяющіе своей задачѣ, писались для средней школы, т.-е. имѣлось въ виду, что учитель на каждомъ урокѣ будетъ разъяснять учебникъ, вычеркивать изъ него, что̀ не нужно, добавлять то,

чего въ немъ нѣтъ, подкрашивать всѣ облѣзлыя мѣста,— что онъ вообще сдѣлаетъ эти литературные консервы вполнѣ съѣдобными и вкусными. Такъ оно всегда на самомъ дѣлѣ и бываетъ, и учитель, точно придерживающійся учебника, неминуемо рискуетъ потерять свой престижъ. Такимъ образомъ, ученикъ и учитель въ концѣ концовъ смотрятъ на учебникъ далеко не дружелюбными глазами. Нужно признаться, впрочемъ, что установившаяся форма учебниковъ заслуживаетъ такого отношенія, и виноваты въ этомъ не столько составители учебниковъ, сколько программы.

Кромѣ того наши учебники заранѣе какъ будто предполагаютъ, что всѣ ученики непремѣнно поступятъ на филологическій факультетъ, чтобы стать спеціалистами по русской литературѣ, или они предполагаютъ, что ни одинъ изъ учениковъ на филологическій факультетъ не поступитъ и потому спѣшатъ на всю жизнь снабдить ихъ достаточнымъ количествомъ знаній. Но цѣль не достигается, потому что вмѣсто знанія дается огромное количество механически сгруппированныхъ свѣдѣній. Книга пестритъ именами и заглавіями сочиненій и хронологическими датами, которыя ученикъ беретъ памятью, съ бою. Спрашивается, нужно ли такое обиліе свѣдѣній для перваго знакомства съ исторіей литературы? Вѣдь всетаки самое цѣнное въ этой исторіи есть *художественное* творчество крупныхъ талантовъ. Зачѣмъ заставлять ихъ теряться въ толпѣ талантовъ болѣе слабыхъ или даже совсѣмъ посредственныхъ? Экономія времени и мѣста, которую при такомъ грузномъ матерьялѣ долженъ соблюдать составитель учебника, заставляетъ его обсчитывать крупныхъ людей въ пользу менѣе яркихъ, и стоитъ въ любомъ учебникѣ просмотрѣть отдѣлы, посвященные, напр., Жуковскому, Пушкину, Лермонтову, Гоголю и другимъ звѣздамъ нашей словесности, чтобы убѣдиться, что сказаннаго объ этихъ художникахъ недостаточно для полной и яркой ихъ характеристики.

Наконецъ, составитель учебника почти всегда расширяетъ до возможныхъ предѣловъ понятіе о „литературѣ“. Въ ея область онъ зачисляетъ и церковное краснорѣчіе, и политическіе трактаты, иногда ученыя сочиненія, имѣющія извѣстную литературную стоимость, публицистику, критику, переводную литературу и многое другое. Нѣтъ сомнѣнія, что все это имѣетъ свое значеніе въ исторіи нашей культуры, но по праву ли оно занимаетъ мѣсто въ исторіи литературы? Не лучше ли добрую половину всего этого перенести въ учебникъ исторіи или, наконецъ, создать особый предметъ, очень и давно желательный въ нашей средней школѣ, а именно — исторію русской общественной мысли? Но если ужъ удѣлять всѣмъ перечисленнымъ отраслямъ писательской дѣятельности мѣсто въ исторіи словесности, то отнюдь не столь обширное, какое имъ обыкновенно отводится.

Всѣ эти недочеты учебника учитель можетъ, однако, до извѣстной степени исправить въ классѣ. Но какъ быть, когда съ просьбой объ учебникѣ обращается слушатель, который осужденъ на самообразованіе? Дайте ему любой учебникъ — и литература въ тѣсномъ смыслѣ этого слова потонетъ для него въ общей массѣ словеснаго производства: въ глазахъ у него зарябитъ отъ огромнаго количества именъ ему совершенно неизвѣстныхъ авторовъ и отъ заглавій книгъ, которыхъ онъ не читалъ и никогда не прочтетъ. Наконецъ, истинные мастера слова предстанутъ передъ нимъ въ такомъ видѣ, что едва ли онъ почувствуетъ всю силу ихъ мысли и фантазіи, всю глубину ихъ настроенія. Самъ учащійся предугадываетъ свое разочарованіе и обыкновенно послѣ просьбы объ учебникѣ сейчасъ же проситъ указать ему по каждому крупному писателю подходящую „литературу“ предмета. Для преподавателя начинается третье испытаніе.

Ему надлежитъ изъ необъятнаго количества книгъ и статей выбрать самое существенное. Повидимому недостатка

въ матерьялѣ нѣтъ, но при подборѣ его замѣчается, что, за рѣдкимъ исключеніемъ, почти всѣ крупные наши писатели и по сію пору ждутъ біографовъ и комментаторовъ. Есть біографы, но они не комментаторы, а лишь разсказчики, и притомъ крайне добросовѣстные, неутомимые и потому требующіе отъ читателя столь же неутомимаго интереса. Такія біографіи въ двадцать слишкомъ печатныхъ листовъ нельзя давать начинающимъ. Есть комментаторы, иногда очень талантливые, которые того или другого писателя дѣлаютъ предметомъ обслѣдованія въ интересахъ разныхъ идей, имъ, т.-е. комментаторамъ, дорогихъ. Книги или статьи такого рода предполагаютъ уже подробное знакомство съ разбираемымъ авторомъ и кромѣ того въ большинствѣ случаевъ онѣ очень субъективны. Такія пособія вполнѣ пригодны для самообразованія, въ общемъ смыслѣ слова, но едва ли они пригодны для перваго знакомства съ писателемъ: они слишкомъ налегаютъ на читателя и даютъ мало простора его собственному сужденію. Наконецъ, существуетъ цѣлая масса цѣнныхъ работъ, разъясняющихъ отдѣльные вопросы жизни и творчества того или другого писателя. Въ этихъ статьяхъ и книгахъ, разрабатывающихъ детали, заключенъ очень богатый матерьялъ и въ нихъ много научныхъ выводовъ, которые, сведенные во-едино, могли бы дать исчерпывающую оцѣнку творчества и полную картину жизни многихъ писателей, но этотъ трудъ—а именно подведеніе итоговъ—пока еще не сдѣланъ. Давать же въ руки учащагося списокъ статей, въ которыхъ разработаны детали вопроса—ему пока еще незнакомаго—безполезно. Онъ не сможетъ сгруппировать эти детали въ цѣльную картину и въ нихъ неизбѣжно запутается.

Итакъ, вотъ съ какими трудностями приходится считаться преподавателю новой русской литературы, когда онъ имѣетъ дѣло со смѣшанной аудиторіей, для которой экономія времени—вопросъ очень важный.

И можетъ прійти педагогу въ голову мысль — какъ хо-

рошо было бы, если бы подъ руками имѣлась книга не особенно большого размѣра, въ которой всѣ упомянутыя трудности были бы превзойдены, насколько это возможно. Въ такой книгѣ должны быть указаны: во-1-хъ, тѣ писатели, знакомство съ которыми для всякаго образованнаго человѣка обязательно; во-2-хъ, указаны тѣ сочиненія авторовъ, въ которыхъ исторія ихъ творчества, ихъ идей и настроенія всего ярче отражается. Эти свѣдѣнія должны быть, въ 3-хъ, даны въ формѣ связнаго разсказа, по формѣ своей не похожаго на казенный учебникъ, но способнаго до извѣстной степени замѣнить его. Наконецъ, въ 4-хъ, въ этомъ разсказѣ должны быть сгруппированы тѣ выводы, къ какимъ пришла наука и критика въ оцѣнкѣ творчества того или другого художника.

Такая книга, если бы она когда-нибудь была написана, была бы весьма пригодна для перваго ознакомленія съ предметомъ. И пусть она не давала бы большого запаса знаній, она во всякомъ случаѣ могла бы пробудить вкусъ и интересъ къ судьбамъ нашей изящной словесности въ ея прошломъ.

Очертанія такой книги рисовались мнѣ, когда я приступалъ къ работѣ; теперь, когда часть этой работы окончена, я вижу, насколько исполненное далеко отъ желаемаго. Впрочемъ, иначе и быть не могло: настоящая работа есть лишь первый опытъ въ новомъ направленіи и, конечно, надо произвести много такихъ опытовъ и не одному лицу, прежде чѣмъ опредѣлится типъ такой общеобразовательной книжки, которая удовлетворила бы всѣмъ вышеизложеннымъ требованіямъ.

Сознавая всѣ недостатки моей работы, я всетаки считаю нужнымъ указать на основныя мысли, какими я руководствовался при ея выполненіи.

Первая и руководящая мысль—въ томъ, что исторія литературы есть прежде всего исторія *художественнаго* творчества и потому первое мѣсто въ ней должно принадлежать

памятникамъ съ истинно художественной цѣнностью. Я пошелъ дальше и въ книгу включилъ *только* такіе памятники, отстранивъ всѣ остальные. Мѣрило художественности всегда очень субъективно, но если число упомянутыхъ въ книгѣ памятниковъ можетъ быть увеличено, то уменьшено оно ни въ какомъ случаѣ быть не можетъ.

Я намѣревался, такимъ образомъ, говорить лишь о художникахъ и о памятникахъ искусства, но это не значитъ, что я цѣнилъ въ нихъ одну лишь красоту. Я полагалъ, что каждый литературный памятникъ долженъ быть оцѣненъ прежде всего какъ историческій документъ своей эпохи, и какъ документъ, объясняющій психику поэта. Въ виду этого необходимо было ввести въ разсказъ историческую перспективу и біографическія данныя. Эти части работы выполнены мною съ наивозможной краткостью. Да и число упомянутыхъ художниковъ весьма не велико, но я думаю, что въ годы, о которыхъ идетъ рѣчь,—другихъ и не было.

Всѣ второстепенные беллетристы и поэты, всѣ критики и публицисты умышленно мною опущены, какъ не имѣющіе прямого отношенія къ развитію художественнаго слова. Страннымъ можетъ показаться отсутствіе Карамзина, но мнѣ кажется, что если въ его сочиненіяхъ были крупицы истинной поэзіи, то онѣ всецѣло растворились въ поэзіи Жуковскаго.

Выдѣливъ художниковъ, надлежало выдѣлить изъ ихъ сочиненій то, что̀ мнѣ казалось наиболѣе цѣннымъ и характернымъ. Это „цѣнное“ [количество его опять-таки можно увеличить, но уменьшить нельзя] поименовано въ текстѣ и за исключеніемъ крупныхъ произведеній перепечатано. Читатель, вѣроятно, не посѣтуетъ на меня за обильныя перепечатки стихотвореній. Онъ будетъ избавленъ отъ необходимости, прерывая чтеніе книги, заглядывать въ собраніе сочиненій того автора, о которомъ идетъ рѣчь.

Отмѣтивъ произведенія, мнѣ надлежало по нимъ возстановить исторію творчества художниковъ и исторію развитія

словеснаго искусства вообще. Сдѣлать это нужно было, считаясь, конечно, съ выводами критики и науки. На эти выводы я и опирался, но полагалъ совершенно излишнимъ въ такой книгѣ, какъ моя, дѣлать какія-либо ссылки.

Въ главахъ „Общій обзоръ“ и „Дальнѣйшія судьбы нашей изящной словесности“ читатель найдетъ тѣ выводы, за которые лишь я одинъ отвѣчаю.

Книгъ и статей общаго содержанія по исторіи эпохи, о которой идетъ рѣчь, я также не указывалъ, такъ какъ онѣ перечислены С. А. Венгеровымъ и мной въ петербургскихъ программахъ для самообразованія [„Программы чтенія для самообразованія“. Спб., 1911, изд. 6-е].

Когда родилась наша изящная словесность?

Исторію жизни человѣчества, для удобства ея обозрѣнія, принято дѣлить на столѣтія. Такое дѣленіе можетъ до извѣстной степени быть оправдано тѣмъ, что понятія и нравы людей, а также строй ихъ общественной и политической жизни за столѣтній промежутокъ времени обыкновенно существенно мѣняются. Перемѣны во внутреннемъ и внѣшнемъ строѣ человѣческой жизни происходятъ, однако, очень медленно, и старое исчезаетъ и переходитъ въ новое не сразу, а путемъ длиннаго органическаго процесса развитія. Даже тѣ историческія событія первостепенной важности, съ которыхъ мы начинаемъ новый счетъ цѣлыхъ историческихъ эпохъ, какъ напр. христіанская проповѣдь, паденіе римской имперіи, возрожденіе классической древности, реформація, великая революція—при ближайшемъ изученіи теряютъ свой характеръ новизны и представляются простымъ неизбѣжнымъ продолженіемъ и слѣдствіемъ того стараго, которое они отрицали и уничтожали. Жизнь человѣчества есть непрерывная цѣпь причинъ и слѣдствій, и если мы эту цѣпь разсѣкаемъ и дѣлимъ на части, то мы должны помнить, что мы это дѣлаемъ для удобства обозрѣнія и что на дѣлѣ самое новое и неожиданное въ исторіи есть лишь наиболѣе яркое выраженіе давно ожидаемаго и неизбѣжнаго.

Если это справедливо въ отношеніи къ цѣлымъ *эпохамъ* и *періодамъ* исторіи, то еще болѣе справедливо примѣнительно къ тѣмъ мелкимъ подраздѣленіямъ нашей жизни, которыя мы называемъ „*столѣтіями*“.

При дѣленіи жизни на вѣка или столѣтія надо кромѣ того имѣть въ виду, что очень рѣдко „новое“ въ направленіи жизни совпадаетъ съ первыми годами новаго столѣтія. Иногда это новое, которое характеризуетъ какой-нибудь вѣкъ, сказывается уже совершенно опредѣленно и ясно въ концѣ или въ серединѣ вѣка предшествующаго, и историкъ, говоря о какомъ-нибудь „вѣкѣ“, долженъ подразумѣвать иную серію лѣтъ, чѣмъ та, которая укладывается въ рамки круглаго столѣтія: 1701—1800, 1801—1900.

Мы привыкли дѣлить нашу отечественную исторію на древнюю, до Петра Великаго, и на новую—со времени его реформы, и такое дѣленіе вполнѣ удобно и допустимо, если опять-таки не упускать изъ виду, что реформа Петра во всѣхъ ея частяхъ была уже вполнѣ намѣчена до него, и самъ Петръ, являясь новаторомъ и реформаторомъ, былъ въ то же время истолкователемъ и исполнителемъ уже вполнѣ назрѣвшихъ потребностей. Но случай захотѣлъ, что его „реформа“ совпала съ самымъ концомъ XVII вѣка и съ первыми годами вѣка XVIII-го.

Такой же случайностью было и совпаденіе первыхъ лѣтъ царствованія императора Александра Павловича съ первыми годами наступавшаго девятнадцатаго столѣтія. Съ этихъ первыхъ лѣтъ XIX вѣка привыкли мы также начинать счетъ особаго періода въ нашей исторіи. Но всѣ отличительныя и характерныя черты нашей политической и общественной жизни при императорѣ Александрѣ Павловичѣ достаточно ясно обрисовались еще въ XVIII вѣкѣ, въ особенности въ царствованіе Екатерины II. Сближеніе съ западомъ, либеральный налетъ въ политикѣ внутренней и затѣмъ крутой поворотъ къ консервативной программѣ; господствовавшее въ интеллигентномъ обществѣ сентиментальное міропони-

маніе, пробужденіе критическаго отношенія къ дѣйствительности, ростъ религіозной мысли и интересъ къ постановкѣ философскихъ вопросовъ—всѣ эти черты жизни и духа, ярко проступившія наружу въ царствованіе Александра I, отчетливо намѣчены уже при Екатеринѣ II. Симпатіи императрицы къ западной цивилизаціи, ея увлеченіе европейской свободомыслящей литературой и публицистикой, ея „Наказъ" и затѣмъ преслѣдованіе всякой самостоятельной общественной мысли бросаютъ немалый свѣтъ на аналогичное поведеніе ея внука въ вопросахъ внѣшней и внутренней политики его времени. Такъ же точно литературная дѣятельность Карамзина, вполнѣ закончившаяся въ Екатерининское царствованіе, религіозно-нравственные кружки массонскіе и піэтистическіе и ростъ общественной и критической мысли въ сатирѣ Новикова, въ комедіяхъ Фонвизина, въ публицистикѣ Радищева — вполнѣ оправдываютъ расцвѣтъ сентиментализма, религіозно-нравственной мысли и либеральной общественной тенденціи въ царствованіе Александра I. Связь Александровской эпохи съ XVIII вѣкомъ—связь самая тѣсная, тѣмъ болѣе, что внутренній укладъ нашей жизни—крѣпостной строй и административная централизація—остаются въ обѣ эти эпохи неизмѣнными, несмотря на крупныя перестройки въ самой системѣ управленія.

Такъ трудно отдѣлить одинъ вѣкъ отъ другого, когда говоришь о всей культурной жизни въ ея совокупности.

Трудность эта не исчезаетъ, но уменьшается, если съузить вопросъ и имѣть въ виду развитіе лишь одной какой-нибудь стороны матеріальной и духовной жизни народа.

Когда, напр., мы говоримъ объ отдѣльныхъ эпохахъ въ развитіи русской литературы, то установленіе такихъ граней въ общемъ ея теченіи можетъ быть сдѣлано съ нѣсколько большей опредѣленностью. Конечно, всякое литературное теченіе, всякое направленіе художественной мысли и пріемы ея выраженія никогда не бываютъ явленіями случайными: какъ все въ жизни, и они являются звеномъ въ общемъ орга-

ническомъ развитіи; и литературное теченіе, которое мы пріурочиваемъ къ какому-нибудь вѣку, такъ же точно можетъ корениться своими началами и достичь вполнѣ яснаго выраженія въ годы, предшествующіе этому вѣку, задолго до числового нарожденія его въ нашемъ лѣтосчисленіи. Но въ исторіи развитія словеснаго искусства самое главное есть всетаки само *искусство*, т.-е. болѣе или менѣе совершенный плодъ того, что̀ называется „эстетическимъ отношеніемъ" человѣка къ окружающей его жизни. Матеріалъ для искусства даетъ, конечно, сама жизнь, но *художественная обработка* этого матеріала зависитъ прежде всего отъ степени талантливости самихъ художниковъ и отъ условій, благопріятныхъ развитію ихъ дарованія. Наличность такихъ условій и появленіе самихъ талантовъ значительно облегчаетъ дѣленіе исторіи литературы на періоды.

Ограничиваясь лишь ближайшими къ намъ временами, исторію русской словесности отъ Петра до нашихъ дней можно раздѣлить на два основныхъ періода: на періодъ, *когда литературный нашъ языкъ медленно слагался и когда настоящихъ художниковъ слова у насъ еще не было*; и на періодъ, *когда литературный языкъ былъ выработанъ и когда такіе истинные художники народились*. Первый періодъ обнимаетъ весь XVIII вѣкъ, вѣкъ Петра и его сотрудниковъ, вѣкъ Ломоносова, Сумарокова, Екатерины II, Новикова, Радищева, Фонвизина, Державина и Карамзина; второй періодъ начинается съ первыхъ годовъ XIX столѣтія, съ расцвѣта творчества Жуковскаго и длится до нашихъ дней.

Въ XVIII вѣкѣ нашъ литературный языкъ переживалъ годы медленнаго и труднаго сложенія, постепенно освобождаясь отъ славяно-русской старины и отъ механической инкрустаціи иноземныхъ словъ и оборотовъ. До Жуковскаго и Батюшкова этотъ языкъ не обладалъ достаточной гибкостью, образностью, самобытно-русскимъ богатымъ лексикономъ, несмотря на писательскій талантъ Ломоносова, Фонвизина и Державина. Даже языкъ Карамзина не можетъ

назваться вполнѣ художественной русской рѣчью, несмотря на его стилистическія достоинства. Лексиконъ Карамзина очень ограниченъ, иностранныхъ оборотовъ въ его языкѣ много и плавность его стиля монотонна, изысканна и малоестественна.

Восемнадцатый вѣкъ не располагалъ художественной рѣчью ни для стиховъ, ни для прозы. Не знавалъ онъ и истинныхъ художниковъ. Нельзя, конечно, отрицать поэтической силы въ нѣкоторыхъ строфахъ Ломоносова и Державина; нельзя не признать трезваго, реальнаго воспроизведенія жизни въ нѣкоторыхъ сценахъ комедій Фонвизина и на нѣкоторыхъ страницахъ Новиковской сатиры, нельзя Карамзину отказать въ желаніи создать художественные типы— но всѣ наши самые талантливые писатели XVIII вѣка все-таки истинными художниками не были. Имъ всѣмъ недоставало настоящаго художническаго темперамента, который не позволялъ бы имъ мѣнять роль художника на роль проповѣдника, защитника религіозныхъ, нравственныхъ и общественныхъ взглядовъ или „увеселяющаго“ разсказчика. Писатели XVIII вѣка были въ большой степени дидактики, цѣнившіе въ своемъ творчествѣ всего больше то назиданіе, которое въ немъ заключалось. Кромѣ того, они находились почти что въ рабствѣ у писателей западныхъ, у которыхъ заимствовали и форму и, главное, содержаніе своихъ произведеній, часто совсѣмъ не совпадавшее съ нашей жизнью.

Истинные художники слова народились и развились лишь въ XIX столѣтіи, и первый изъ нихъ былъ Жуковскій.

Въ этомъ смыслѣ все XIX столѣтіе отъ Жуковскаго до нашихъ дней можетъ быть признано за одну цѣльную и связную эпоху, отличительной чертой которой является обиліе творческихъ талантовъ, обиліе истинныхъ художниковъ Dei gratia, владѣющихъ литературнымъ языкомъ, достигшимъ въ короткій срокъ, въ произведеніяхъ Жуковскаго, Батюшкова и Пушкина, степени высокаго совершенства.

Если затѣмъ весь XIX вѣкъ, эту длинную эпоху литера-

турнаго развитія, мы пожелали бы, въ свою очередь, раздѣлить на періоды, то намъ при такомъ дѣленіи слѣдуетъ держаться уже не тѣхъ соображеній, на основаніи которыхъ мы отдѣлили XVIII вѣкъ отъ XIX-го.

Девятнадцатое столѣтіе въ исторіи развитія русской изящной словесности—вѣкъ сознательнаго и цѣлостнаго эстетическаго отношенія художника къ жизни. Въ этомъ смыслѣ годы, когда творилъ Пушкинъ, ничѣмъ не отличаются отъ годовъ, когда писалъ Тургеневъ, Достоевскій и Толстой. И Пушкинъ, и Левъ Толстой [пока онъ не отрекся отъ своей художественной работы] одинаково — художники; и то, что̀ ими создано,—создано ими прежде всего въ удовлетвореніе ихъ эстетическаго чувства. Измѣнился матеріалъ, которымъ они пользовались, измѣнилось отношеніе художника къ этому матеріалу, измѣнились наконецъ техническіе пріемы творчества, но оба они остались художниками, служителями единаго на всѣ вѣка искусства.

Мы сказали, что измѣнилось *отношеніе художника къ матеріалу*, которымъ онъ пользуется, и это-то измѣненіе и даетъ намъ право произвести новое дѣленіе длиннаго вѣкового періода нашей словесности. На протяженіи XIX вѣка въ самомъ *отношеніи художника къ обрабатываемому имъ матеріалу* замѣчается, дѣйствительно, весьма значительная перемѣна.

Въ первыя десятилѣтія XIX вѣка—во времена такъ называемаго „классицизма“, „сентиментализма“ и „романтизма“, художникъ занятъ преимущественно своей личностью; для него—онъ самъ, съ его мыслями, убѣжденіями, вкусами, настроеніями, полетомъ фантазіи — самое главное. Онъ говоритъ преимущественно о томъ, какъ вся окружающая его жизнь отражается *въ немъ* — въ поэтѣ. Его отношеніе къ этому міру, какъ принято говорить, — очень *субъективно*.

Приблизительно съ сороковыхъ годовъ XIX столѣтія такое субъективное отношеніе художника къ окружающей его жизни начинаетъ мѣняться и очень быстро преобра-

жается. Художникъ стремится какъ можно вѣрнѣе и полнѣе охватить и изобразить окружающую его среду и людей: жизнь во всемъ своемъ разнообразіи—она, отъ него отличная — становится главнымъ предметомъ его интереса: онъ пристально наблюдаетъ и анализируетъ ее и затѣмъ возсоздаетъ по частямъ или въ болѣе общихъ картинахъ. Художникъ считаетъ для себя большой заслугой, если въ его произведеніи не видно его самого, не чувствуется его личности, если его симпатіи и антипатіи скрыты. Онъ стремится какъ можно *объективнѣе* взглянуть на матеріалъ, которымъ пользуется.

Такова въ общихъ чертахъ перемѣна, замѣтная въ техникѣ и въ психикѣ художника за цѣлое XIX столѣтіе, и она даетъ намъ право раздѣлить этотъ длинный періодъ на двѣ части—на періодъ, когда художникъ относился къ жизни *преимущественно субъективно*, и періодъ, когда онъ стремился стать къ нему *преимущественно* въ *объективное* отношеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, бѣгло обозрѣвая ростъ нашей словесности за XIX вѣкъ, мы видимъ, что художникъ въ способѣ отношенія своего къ жизни рѣзко мѣнялъ пріемы и тенденцію. Поэзія Жуковскаго, Батюшкова, Баратынскаго, Языкова, Веневитинова, Кольцова, Лермонтова, Полежаева была *личной субъективной исповѣдью* художника. Поэтъ почти совсѣмъ не интересовался тѣмъ, что̀ съ его личностью въ прямой связи не стояло. Басня Крылова была картиннымъ доказательствомъ той практической мудрости, которую Крыловъ усвоилъ *для собственнаго обихода*. Сатира Грибоѣдова была выраженіемъ его *личныхъ* взглядовъ на одно изъ самыхъ характерныхъ явленій того времени—на столкновеніе старшаго поколѣнія съ молодымъ. Герой его комедіи былъ *онъ самъ*, а всѣ остальные участники дѣйствія—*его* сужденія въ лицахъ. Даже поэзія Пушкина, которую такъ привыкли превозносить за ея объективность, за способность воспроизводить жизнь во всемъ ея объемѣ, даже она, эта съ виду столь всеобъемлющая поэзія, носитъ на себѣ печать своего

вѣка: Пушкинъ былъ очень субъективенъ, именно, какъ художникъ. Онъ бралъ изъ жизни лишь то, что̀ непосредственно его вдохновляло какъ художника, пѣвца личныхъ настроеній, патріота и историка; отъ художественнаго воспроизведенія жизни его окружавшей Пушкинъ воздерживался и кромѣ неоконченнаго „Евгенія Онѣгина", онъ въ своихъ произведеніяхъ почти ничего не сказалъ о русской дѣйствительности его времени.

Такъ незначителенъ былъ въ первую половину XIX вѣка объективный интересъ художника-писателя къ жизни, въ движеніи которой онъ участвовалъ. Такое же субъективное отношеніе къ ней замѣтно и въ литературной критикѣ. Бѣлинскій и его друзья тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ были очень субъективные эстетики и философы, которые подгоняли русскую дѣйствительность подъ облюбованныя общія философскія формулы. Такъ же поступали и славянофилы.

Если крупные таланты первой половины XIX вѣка не могли въ своемъ художественномъ творчествѣ выйти изъ круга личныхъ убѣжденій, чувствъ и настроеній, то въ произведеніяхъ талантовъ второстепенныхъ эта субъективность сказывалась еще рѣзче... Примѣръ тому—произведенія Полевого, Марлинскаго, Загоскина, Лажечникова, Бенедиктова, Подолинскаго и др.

Только съ Гоголя въ нашей литературѣ сталъ явственно замѣтенъ поворотъ художника къ истинно объективному творчеству, и въ „Ревизорѣ", и въ „Мертвыхъ Душахъ" даны были первыя широкія картины той дѣйствительной жизни, которая насъ окружала. Но Гоголь со своимъ творчествомъ стоялъ на распутьи двухъ дорогъ. Всѣмъ своимъ міросозерцаніемъ и настроеніемъ онъ принадлежалъ прошлому, и только его талантъ, одинъ талантъ заставилъ его вступить на дорогу новую. Какъ человѣкъ, онъ былъ натура крайне субъективная, какъ писатель, онъ обладалъ даромъ трезваго объективнаго отношенія къ жизни. И этотъ

разладъ души субъективно настроеннаго художника на службѣ объективной истины отозвался, какъ извѣстно, очень болѣзненно и на самомъ писателѣ, и на его творчествѣ.

Со времени Гоголя и торжества такъ называемой „натуральной“ школы художникъ сдѣлалъ окружавшую его жизнь предметомъ тщательнаго изученія и наблюденія, стараясь прежде всего художественно воспроизводить эту жизнь въ ея цѣломъ или по частямъ, и стремясь насколько возможно скрыть, стушевать въ этомъ изображеніи свою собственную личность. Такъ относились къ окружающей ихъ средѣ всѣ наши большіе художники, начиная съ сороковыхъ годовъ, — Тургеневъ, Достоевскій, Островскій, Гончаровъ, Толстой, Некрасовъ и Щедринъ. Если каждый изъ нихъ проводилъ въ своихъ сочиненіяхъ свое міросозерцаніе и съ особой любовью останавливался на типахъ, которымъ симпатизировалъ или которымъ поручалъ защиту собственныхъ мыслей; если иногда въ реальную картину онъ вставлялъ отъ себя цѣлыя разсужденія и позволялъ себѣ прямо или косвенно исповѣдываться передъ читателемъ, то всетаки онъ хотѣлъ видѣть въ своихъ сочиненіяхъ прежде всего *правдивую и широкую картину окружающей его живой дѣйствительности*; и главной заботой художника было не выраженіе его личныхъ чувствъ и взглядовъ, а уловленіе смысла и общаго облика той жизни, которая на его глазахъ развертывалась. Такова была задача всѣхъ нашихъ крупныхъ писателей второй половины XIX вѣка.

Писатели меньшей силы шли той же дорогой, и въ своемъ стремленіи изображать реальную жизнь гнались также прежде всего за точностью и широтой въ этомъ изображеніи; они нерѣдко жертвовали ради этой точности художественной цѣльностью произведенія и красотой композиціи, какъ то дѣлали, напр., Писемскій, Помяловскій, Глѣбъ Успенскій, Боборыкинъ, Левитовъ, Рѣшетниковъ, Слѣпцовъ и др. Объективная правда окружающаго стала лозунгомъ и для тѣхъ, кто писалъ стихами, хотя за исключеніемъ Никитина и Не-

красова, поэзія „среды“, а не личности, не имѣла у насъ крупныхъ представителей: „поэзія“ въ тѣсномъ смыслѣ слова оставалась попрежнему очень субъективной, и такая субъективность Майкова, Тютчева, Фета, Полонскаго и А. Толстого вызывала въ вѣкѣ торжествующаго реализма ожесточенныя и часто несправедливыя нападки.

„Реальной“ и „объективной“ по существу стремилась стать и литературная критика того времени. Она говорила не столько о писателѣ, какъ о художникѣ, сколько „по поводу“ него о той жизни, которую онъ изображалъ. Публицистическій и бытовой элементъ въ ней возобладали и руководящими стали публицистическія статьи Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева и Михайловскаго.

Такое объективное отношеніе художника къ жизни остается и до сего дня виднымъ теченіемъ въ нашей литературѣ, несмотря на то, что количество талантовъ къ концу вѣка значительно убавилось и рядомъ съ художниками-реалистами стали съ конца XIX вѣка пользоваться все бо̀льшимъ и бо̀льшимъ успѣхомъ художники съ чисто субъективнымъ отношеніемъ къ дѣйствительности—большіе индивидуалисты въ искусствѣ, извѣстные подъ разными именами декадентовъ, символистовъ, модернистовъ и импрессіонистовъ.

Итакъ, изящная наша словесность родилась въ первыя десятилѣтія XIX вѣка. Въ XVIII вѣкѣ мы не обладали еще настоящимъ литературнымъ языкомъ и среди нашихъ писателей не было ни одного истиннаго поэта художника, для котораго искусство имѣло бы значеніе и цѣль само по себѣ. Были лишь писатели-дидактики, моралисты, публицисты, иногда съ несомнѣннымъ поэтическимъ дарованіемъ, — но дарованіемъ не сильнымъ, не устойчивымъ, а главное не разработаннымъ и малооцѣненнымъ самимъ его носителемъ.

Изящная словесность, родившаяся въ началѣ XIX вѣка, развилась и расцвѣла очень быстро.

Въ своемъ развитіи она обнаружила двоякое отношеніе

художника къ собственной личности и къ окружающей его жизни. Сначала художникъ былъ для самого себя предметомъ наибольшаго вниманія. Затѣмъ внѣ его лежащая жизнь сдвинула съ перваго плана его личность и заняла ея мѣсто.

Предметомъ дальнѣйшей нашей бесѣды будетъ обзоръ развитія изящной словесности въ первыя десятилѣтія ея роста, которыя совпали съ царствованіемъ Императора Александра I. Въ эти годы художникъ былъ не столько занятъ воспроизведеніемъ въ искусствѣ той дѣйствительности, которую вокругъ себя видѣлъ, сколько художественнымъ выраженіемъ тѣхъ чувствъ, мыслей, настроеній, какія она, эта реальная жизнь, въ немъ, человѣкѣ и художникѣ, будила.

Для развитія художественнаго творчества эпоха царствованія Александра I была очень благопріятна, и наша изящная словесность своимъ быстрымъ ростомъ безспорно обязана тѣмъ условіямъ внѣшней и внутренней жизни, какія сложились въ это достопамятное царствованіе.

Если самое существованіе изящной литературы зависитъ отъ степени талантливости писателей, т.-е. отъ извѣстной случайности, то успѣшное развитіе этихъ талантовъ находится въ прямой зависимости отъ общественныхъ условій ихъ времени.

Общественныя условія въ царствованіе Александра I были исключительно благопріятны для художественнаго творчества. Въ интеллигентныхъ кругахъ того времени, въ кругахъ, гдѣ родилась и развивалась изящная словесность, царило большое оживленіе мысли, и чувства били ключемъ. Художникъ имѣлъ много благопріятныхъ случаевъ для всесторонней шлифовки своего таланта.

Условія, при которыхъ наша изящная словесность родилась и начала развиваться.

Успѣшное развитіе изящной словесности зависитъ, конечно, прежде всего отъ наличности талантовъ. Опредѣлить условія, при которыхъ талантъ можетъ зародиться— едвали возможно, но вполнѣ возможно указать на тѣ условія, при которыхъ таланту обезпеченъ болѣе или менѣе правильный и быстрый ростъ. Первая четверть XIX столѣтія, совпавшая съ годами царствованія императора Александра Павловича, была именно такой эпохой, когда писатель съ истиннымъ талантомъ могъ подкрѣпить въ себѣ природой данное дарованіе широкой наблюдательностью, обиліемъ усвояемыхъ новыхъ мыслей, притокомъ новыхъ настроеній, наконецъ весьма поучительнымъ созерцаніемъ событій внѣшней и внутренней жизни своей родины, событій совсѣмъ исключительнаго смысла и значенія. Благопріятное стеченіе обстоятельствъ позволило тому малому количеству талантовъ, которые были налицо, дать то многое совершенное, что̀ они дали: Александровская эпоха своимъ внѣшнимъ и внутреннимъ движеніемъ облегчала талантамъ ихъ развитіе.

Бываютъ въ жизни народовъ эпохи повышенной дѣятельности въ широкомъ смыслѣ этого слова, эпохи, когда жизнь не позволяетъ людямъ замыкаться въ какой-нибудь узкой

сферѣ духовной или практической дѣятельности, когда она заставляетъ ихъ быть разносторонними въ ихъ мысляхъ, ощущеніяхъ, настроеніяхъ, интересахъ, склонностяхъ и дѣяніяхъ. Такую обильную пищу для размышленія, наблюденія, чувства и воли давала русская жизнь въ годы царствованія Императора Александра I всѣмъ, кто былъ къ этой жизни чутокъ, и болѣе всего, конечно, людямъ талантливымъ, т.-е. одареннымъ чуткостью въ повышенной степени.

Первое, на что должно указать при общей характеристикѣ тѣхъ годовъ нашей жизни, это—на особое положеніе, какое мы заняли въ отношеніи къ нашимъ западнымъ сосѣдямъ, сравнительно съ нами столь богатымъ идеями и историческимъ опытомъ. Стремленіе къ духовному общенію съ Западомъ сказывалось у насъ непрерывно со времени Петровской реформы вплоть до послѣднихъ лѣтъ царствованія Екатерины II. Наша образованность выигрывала немало, и въ глубинѣ и въ широтѣ, благодаря такому все болѣе и болѣе возраставшему интересу къ западной культурѣ, хотя въ послѣдніе годы жизни Екатерины и въ особенности при императорѣ Павлѣ этотъ интересъ въ своемъ свободномъ развитіи былъ насильственно на короткій срокъ остановленъ.

Съ вступленіемъ на престолъ Александра Павловича искусственныя преграды были сняты. Съ первыхъ же дней новаго царствованія наше общеніе съ Западомъ вышло изъ тѣсныхъ границъ чистой теоріи и нашло себѣ нѣкоторое приложеніе къ жизни, такъ какъ императоръ, воспитанный въ духѣ просвѣщеннаго гуманизма XVIII вѣка, хотѣлъ начать перестраивать государственный и общественный строй Россіи на болѣе современныхъ, либеральныхъ началахъ. Если либерализмъ императора въ конечномъ своемъ итогѣ далъ нашей жизни очень мало, если онъ не оградилъ Россіи отъ сильной реакціи во вторую половину царствованія Александра Павловича, то всетаки даже кратковременное господство либерализма въ царскихъ словахъ, указахъ и манифестахъ, какъ и въ произведенныхъ царемъ перемѣнахъ въ системѣ

управленія—имѣло свое благотворное вліяніе на умы и характеры людей отзывчивыхъ и идейныхъ. Этотъ многообѣщавшій либерализмъ возвышалъ насъ въ собственныхъ глазахъ и хоть въ мечтахъ и въ мысляхъ приравнивалъ къ культурнымъ сосѣдямъ.

Мы бросились тогда нагонять западную науку и литературу. Въ этой погонѣ мы очень торопились, и западная мысль и фантазія захватывали необычайно быстро широкіе круги общества, давая нашему уму и сердцу самую разнообразную и очень богатую пищу.

Послѣ краткаго затишья мы очутились вдругъ подъ перекрестнымъ огнемъ для насъ совсѣмъ новыхъ западныхъ міросозерцаній и настроеній. Французскіе энциклопедисты, скептики и матерьялисты, англійскіе сентименталисты и религіозные сектанты, нѣмецкіе гуманисты, піэтисты и мечтатели-эстетики — всѣ эти представители разныхъ міропониманій, быстро развившихся на Западѣ и быстро смѣнявшихъ другъ друга со средины XVIII вѣка, имѣли въ Александровское царствованіе у насъ и учениковъ, и просто любопытствующихъ слушателей. Книги самаго пестраго содержанія ходили тогда по рукамъ, возбуждая работу пока еще не вышколенной нашей мысли. Читались съ одинаковымъ интересомъ самые разнообразные авторы, философы, моралисты, богословы, публицисты, ученые и поэты—представители различныхъ теченій мысли и разныхъ литературныхъ школъ, читалось все выдающееся и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самое противорѣчивое. Все возбуждало интересъ и находило откликъ. Если въ большинствѣ случаевъ этотъ откликъ и не былъ вполнѣ продуманный и пока еще мало будилъ самостоятельную творческую работу ума, то онъ имѣлъ всетаки большое воспитательное значеніе. Онъ показывалъ, что русскій умъ былъ легко возбудимъ и обладалъ способностью быстраго усвоенія.

Для писательскаго таланта такая атмосфера, насыщенная разносторонними умственными интересами, была очень благопріятнымъ условіемъ развитія. Кругозоръ писателя быстро

расширялся, и въ немъ поддерживалась чуткость къ впечатлѣніямъ самымъ разнообразнымъ. Нужно помнить, однако, что эти впечатлѣнія нашъ писатель выносилъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ не непосредственно изъ жизни, а изъ книгъ,—почему въ своихъ собственныхъ произведеніяхъ онъ въ тѣ годы бывалъ такъ часто и такъ невольно подражателемъ. Но, во всякомъ случаѣ, свобода обращенія, какой пользовалась у насъ западная мысль въ первые годы Александровскаго царствованія, должна быть выставлена какъ одна изъ характерныхъ чертъ того времени, и народившіеся тогда художественные таланты отъ этой свободы выиграли очень много.

Сближеніе наше съ Западомъ не ограничилось одной идейной областью. Политическія событія начала XIX вѣка привели насъ въ непосредственное столкновеніе съ сосѣдями, и случилось это при такихъ обстоятельствахъ, которыя были для Россіи весьма почетны. Мы явились какъ бы избавителями Европы отъ Наполеоновскаго самовластія. Прежде съ нами считались лишь какъ съ грубой силой; хотя и въ данномъ случаѣ сила рѣшила дѣло, но помощь, оказанная Россіей Европѣ, была столь значительна, что наши сосѣди въ благодарность готовы были признать русскій народъ равноправнымъ членомъ своей семьи. Намъ это очень льстило и мы спѣшили признать себя европейцами.

Рѣшительное вступленіе Россіи въ семью европейскихъ народовъ, не только на правахъ должника, но и кредитора, въ эпоху войнъ съ Наполеономъ, затѣмъ вниманіе, съ какимъ къ намъ относился оффиціальный Западъ послѣ Вѣнскаго конгресса, были также однимъ изъ условій, благопріятныхъ для роста нашего художественнаго творчества. Отечественная война 1812 года, война за освобожденіе Европы отъ Наполеона 1813—1815 годовъ и участіе нашей дипломатіи въ рѣшеніи всѣхъ международныхъ вопросовъ послѣ 1815 года сопровождались въ Россіи большимъ подъемомъ національнаго самосознанія. Если наша политика на Западѣ и на

Ближнемъ Востокѣ и не могла назваться дальновидной, и если союзъ съ оффиціальной Европой въ концѣ концовъ толкнулъ насъ на путь реакціи внутренней, то всетаки сознаніе нашей силы влекло за собой подъемъ энергіи, смѣлости, рѣшительности въ сужденіяхъ, подъемъ вѣры въ себя, какъ въ націю.

Національная идея стала весьма замѣтно пробиваться наружу. Она иногда вырождалась въ опасную самоувѣренность, которая могла стать тормазомъ для истиннаго просвѣщенія; она создавала цѣлую группу консервативныхъ патріотовъ, которымъ всякое обновленіе жизни, даже тамъ, гдѣ оно было всего нужнѣе, казалось подозрительнымъ; она могла стать источникомъ общественной косности — и дѣйствительно, въ Александровскую эпоху примѣровъ такого излишне самодовольнаго націонализма было немало. Но въ подъемѣ національнаго чувства была и своя свѣтлая сторона, которая съ лихвой искупала неизбѣжные недочеты увлеченія той видной исторической ролью, которая выпала намъ на долю.

Въ силу растущаго народнаго самосознанія во многихъ укоренялось вполнѣ законное желаніе видѣть цвѣтущей самобытную науку и самобытную литературу. Намъ хотѣлось сохранить нашъ національный обликъ среди другихъ народовъ и мы съ нетерпѣніемъ ждали, чтобы наши національныя особенности поскорѣе отразились и на плодахъ нашей науки и въ художественномъ творчествѣ. Уже тогда сказывалось въ нѣкоторыхъ людяхъ желаніе отстоять противъ западныхъ идей, западныхъ обычаевъ и образцовъ западной словесности нашу русскую жизнь въ ея духовномъ проявленіи. Для удовлетворенія такого національнаго чувства у насъ было тогда, конечно, еще мало средствъ. Наука была въ зародышѣ, изящная литература только-что начинала развиваться. Тѣмъ не менѣе труды сторонниковъ національной идеи дали хорошіе результаты. Попытки создать „самобытный“ литературный языкъ при помощи внесенія въ него

словъ и оборотовъ старой славянской рѣчи потерпѣли неудачу, но разработка народной старины пошла очень успѣшно. Стали издаваться памятники стараго народнаго творчества, дѣлались археологическія разысканія, собирались историческіе документы. Карамзинымъ въ „Исторіи Государства Россійскаго“ вся эта старина была сведена въ одно цѣлое, а поэты и романисты принялись за обработку народныхъ или мнимонародныхъ сюжетовъ нашего легендарнаго и историческаго прошлаго. Художники, а за ними и критики, стали задумываться надъ вопросомъ о водвореніи „народности“ въ литературѣ, разумѣя подъ этимъ неопредѣленнымъ словомъ все, что̀ носило на себѣ хотя бы внѣшній только отпечатокъ родной старины или живой, родной дѣйствительности.

Эпоха всевозможныхъ подражаній въ литературѣ кончалась и писатель начиналъ цѣнить въ своемъ творчествѣ больше то, что̀ его отличало отъ другихъ, чѣмъ то, что̀ въ немъ напоминало хорошіе образцы, по которымъ онъ учился. Желаніе и въ сферѣ искусства дать почувствовать силу самобытности становилось въ художникѣ господствующимъ и онъ торопился изъ положенія ученика перейти поскорѣе на положеніе учителя.

Такъ—при необычайно разностороннемъ богатствѣ идей и чувствъ, которыя приходили къ намъ съ Запада, и при быстро растущемъ національномъ самосознаніи стала развиваться наша умственная и общественная жизнь въ началѣ XIX вѣка, а съ ними вмѣстѣ и изящная словесность.

Говоря объ оживленіи умственной и общественной жизни тѣхъ годовъ, надо помнить, однако, что ея движеніе свершалось въ кругу ограниченномъ, въ кругу почти исключительно дворянскомъ—военномъ, чиновномъ и помѣщичьемъ. Вся остальная громадная народная масса, слагавшаяся изъ другихъ классовъ, въ этомъ движеніи принимала самое ничтожное участіе, или совсѣмъ на него не откликалась. Но въ классахъ интеллигентныхъ работа мысли шла родомъ

очень оживленнымъ и въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ.

Повышенная умственная дѣятельность въ однихъ кругахъ и почти полное отсутствіе ея въ другихъ — несравненно болѣе многочисленныхъ—явленіе обычное въ русской жизни, далеко не исчезнувшее и въ наши дни. Въ Александровскую эпоху пропасть, отдѣлявшая интеллигенцію отъ народа, была, конечно, еще больше и это вполнѣ понятно, если принять во вниманіе, что, несмотря на успѣхи нашей образованности, крѣпостной укладъ жизни оставался неизмѣненъ, и для просвѣщенія не только народной массы, но и среднихъ сословій почти ничего сдѣлано не было. Такое ненормальное распредѣленіе образованности въ странѣ имѣло первымъ и прямымъ слѣдствіемъ отчужденіе писателя отъ общенародной жизни, малый его интересъ ко многимъ сторонамъ народнаго быта, и нѣкоторое брезгливое его отношеніе къ непросвѣщенной толпѣ. Извѣстнаго рода писательскій аристократизмъ, извѣстная кружковщина въ служеніи искусству были дѣйствительно явленіемъ нерѣдкимъ въ писательской средѣ того времени. Но и въ данномъ случаѣ Александровская эпоха давала писателю много поводовъ задуматься надъ столь важнымъ и основнымъ вопросомъ его жизни, какимъ былъ вопросъ объ обязанностяхъ художника передъ родиной и передъ народомъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Все болѣе и болѣе расширявшееся знакомство съ западной литературой, въ которой было въ тѣ годы немало демократическаго духа; либеральный курсъ, какой на первыхъ порахъ былъ взятъ правительствомъ; намеки самого императора на необходимость улучшенія быта крестьянъ; нѣкоторыя книги отечественной публицистики, бывшія въ недавнее время подъ строгимъ запретомъ, о которыхъ теперь вновь разрѣшено было вспомнить [какъ напр. знаменитая книга Радищева]; геройскіе подвиги простонародья въ годы отечественной войны—все это для писателя было предлогомъ къ раздумью надъ вопросомъ объ его служеніи народу. И

писатель начиналъ включать въ кругъ своего поэтическаго міросозерцанія новый бытовой матерьялъ и новыя понятія и образы. Само собою разумѣется, что при новизнѣ самого вопроса о служеніи народу писатель разрѣшалъ себѣ касаться его очень рѣдко, и часто не могъ избѣжать противорѣчій. Но во всякомъ случаѣ первые опыты сочетанія словеснаго искусства съ служеніемъ народнымъ нуждамъ должны быть отнесены къ Александровской эпохѣ.

Переходя къ другимъ областямъ мысли и чувства, какими жилъ художникъ того времени, должно отмѣтить, что въ выработкѣ всѣхъ своихъ взглядовъ: религіозныхъ, нравственныхъ, философскихъ, политическихъ и эстетическихъ, онъ встрѣчалъ большую поддержку въ царившемъ вокругъ него умственномъ оживленіи.

Быстро росла и упорно работала мысль религіознонравственная. Хотя развитіе ея было съ внѣшней стороны обставлено довольно стѣснительными условіями, но потребность въ этой мысли была такъ велика, что она вопреки этимъ условіямъ прорывалась наружу. Въ интеллигентномъ обществѣ встрѣчались самыя различныя направленія этой мысли, выросшія частью на русской почвѣ, а въ большинствѣ случаевъ пришедшія къ намъ съ Запада. Православная мысль, раскольничья и сектантская всевозможныхъ видовъ, сталкивалась съ мыслью католической и іезуитской, съ разнообразными оттѣнками мысли протестантской, піэтистической, массонской, квакерской и другими. Мысли эти соприкасались не тайно, а довольно явно, проникая иногда даже въ печать и соединяя людей въ особые кружки, въ которыхъ то или другое ученіе проповѣдывалось. Нельзя сказать, что броженіе этихъ общехристіанскихъ идей принесло большой плодъ въ смыслѣ ихъ богословскаго или научнаго развитія, но ихъ обращеніе въ нашемъ обществѣ—тогда на всякую новизну очень падкомъ—безспорно способствовало подъему духовной работы читателя, направляя его вниманіе на такія стороны общечеловѣческой жизни, которыя требовали живого и сер-

дечнаго отношенія. Терпимость въ вопросахъ вѣроисповѣданія и вообще религіозной мысли — большой культурный факторъ, и если эта терпимость въ царствованіе Александра I и не была вполнѣ признанной, а въ послѣдніе годы его жизни даже отвергалась, тѣмъ не менѣе она давала сильный толчокъ нашей мысли и держала ее въ весьма напряженномъ состояніи. Давала она толчокъ и воображенію, такъ какъ въ религіозной мысли было искони много поэзіи.

Этимъ броженіемъ религіозныхъ идей художникъ могъ воспользоваться, если не какъ готовымъ матеріаломъ для творчества со строгимъ религіознымъ содержаніемъ, то какъ поводомъ для расширенія круга своей наблюдательности. Въ тѣ годы люди, дѣйствительно, часто, долго и искренно волновались религіозными и нравственными вопросами — основывая и посѣщая массонскія ложи, гдѣ сталкивались по свободному желанію представители самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества; участвуя въ разныхъ свободныхъ же кружкахъ и собраніяхъ, гдѣ велись бесѣды на религіозно-нравственныя темы; состоя членами Библейскихъ обществъ, и наконецъ углубляясь въ разныя формы мистики, чтобы использовать ее, кто въ интересахъ болѣе свободнаго взгляда на жизнь, а кто въ усиленіи фанатизма. Художникъ, который могъ и не участвовать непосредственно въ этомъ движеніи религіозной мысли, косвенно былъ всетаки ею охваченъ и она поддерживала въ немъ одно изъ возвышенныхъ настроеній, полныхъ поэтическаго чувства.

Вмѣстѣ съ мыслью религіозной обнаруживала нѣкоторое движеніе и мысль философская. Она была тогда новинкой для интеллигентнаго общества, такъ какъ въ XVIII вѣкѣ только въ замкнутыхъ кружкахъ въ Москвѣ можно было подмѣтить нѣкоторое ея присутствіе. И въ царствованіе Александра Павловича она широкаго распространенія не получила, но въ университетскомъ кругѣ имѣла своихъ представителей. Весьма характернымъ явленіемъ былъ тотъ интересъ, который обнаружила въ двадцатыхъ годахъ москов-

ская молодежь къ ученію знаменитаго нѣмецкаго философа Шеллинга. Ученіе это, пытавшееся объять единымъ философскимъ взглядомъ природу и человѣка, ученіе, трудно усвояемое, но необычайно поэтичное, было воспринято кружкомъ московскихъ студентовъ и, благодаря талантливости нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ, напр., кн. В. Ѳ. Одоевскаго и Д. В. Веневитинова, оставило свой слѣдъ и на русской поэзіи, и на страницахъ нашей журналистики. Конечно, это была пища для немногихъ и еще совсѣмъ неокрѣпшее теченіе мысли, которому суждено было развиться лишь въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Однако движеніе этой отвлеченной мысли въ Александровское царствованіе не должно быть оставлено безъ вниманія. При очень поверхностномъ отношеніи къ философскимъ вопросамъ, какое тогда господствовало, при большомъ количествѣ диллетантовъ, которые въ рѣшеніи этихъ вопросовъ придерживались упрощеннаго взгляда, взятаго безъ всякой провѣрки изъ французскихъ философскихъ книгъ XVIII вѣка, плохо понятыхъ, — такая серьезная, глубокая мысль, какъ мысль Шеллинга, была самой желанной поправкой въ раздумьи русскаго интеллигентнаго человѣка надъ коренными проблемами жизни. Не должно забывать также, что нѣмецкая отвлеченная мысль искупала свои трудности поэтичностью замысла и построенія. И художникъ, не углубляясь въ дебри отвлеченной мысли, могъ испытать на себѣ ея вліяніе, привыкая сводить прозу жизни къ широкимъ поэтическимъ обобщеніямъ, полнымъ философскаго смысла.

На-ряду съ отвлеченной религіозно-философской мыслью еще большее оживленіе обнаруживала тогда мысль политическая и общественная. Самъ императоръ въ первые годы своего царствованія былъ большимъ либераломъ. Мрачныя стороны русской дѣйствительности: невѣжество и рабство массъ, нравственное растлѣніе чиновной машины, отсутствіе въ обществѣ интеллигентной самодѣятельности мысли и неразвитость въ немъ гражданскаго чувства, наконецъ, несо-

вершенство самой системы управленія,—на все это императоръ обратилъ вниманіе, и цѣлый рядъ реформъ былъ имъ задуманъ и частью выполненъ въ цѣляхъ наискорѣйшаго исправленія всѣхъ этихъ недочетовъ. Новому вѣянію часть общества пошла съ энтузіазмомъ навстрѣчу, и такъ какъ на первыхъ порахъ царь поощрялъ такой откликъ въ своихъ подданныхъ и правительство развитію политической мысли въ обществѣ неодолимыхъ преградъ не ставило, то слѣдствіемъ этого въ короткій срокъ было весьма замѣтное повышеніе интереса къ вопросамъ общественнымъ и вопросамъ политики. Быстрому росту этого интереса способствовало и наше сближеніе съ Европой. Многимъ тогда казалось, что рѣшительная перемѣна въ формѣ правленія могла бы очень благотворно отозваться на всемъ нашемъ общественномъ развитіи, и такъ какъ самъ императоръ такой перемѣны, судя по его словамъ, не страшился, то въ нашемъ обществѣ скоро образовалось совершенно опредѣленное теченіе политической мысли, которое хотя и сосредоточивалось въ „тайныхъ" обществахъ, но гласности не боялось.

Легко себѣ представить, какое движеніе вносила въ жизнь нашего интеллигентнаго общества эта политическая мысль, тѣмъ болѣе, что по своимъ оттѣнкамъ она была чрезвычайно разнообразна. Рядомъ съ вольнодумцами стараго Екатерининскаго вѣка, съ служаками во вкусѣ Павла Петровича, съ консерваторами и ретроградами, отрицавшими всякія общественныя и политическія новшества, при благосклонной на первыхъ порахъ терпимости высшей власти, пробивали себѣ дорогу либералы безъ опредѣленной программы, либералы съ ясными конституціонными стремленіями и, наконецъ, люди, позволявшіе себѣ мечтать даже о республикѣ. Всѣ эти разношерстные взгляды сталкивались и спорили между собой, и если сама дѣйствительность отъ ихъ броженія въ концѣ концовъ выигрывала мало, то для ума, для полета фантазіи, для выработки темперамента и характера такой подъемъ мысли былъ очень плодотворенъ.

Въ самомъ дѣлѣ — было чему научиться, внимательно слѣдя за ходомъ нашей внутренней политики тѣхъ годовъ. Огромное впечатлѣніе произвела сама перемѣна царствованія и событія, сопровождавшія вступленіе на престолъ Александра Павловича; необычайный подъемъ поэтически-туманныхъ надеждъ вызвали первые либеральные указы царя; жаркіе споры разгорѣлись вокругъ этихъ указовъ и раздѣлили общество на ихъ сторонниковъ и враговъ; въ быстромъ возвышеніи Сперанскаго данъ былъ примѣръ совсѣмъ особаго пониманія роли совѣтника при царѣ — примѣръ, напоминавшій далекія героическія времена Петра I; загадочное паденіе Сперанскаго возбудило массу толковъ и подняло политическія страсти; на повышеніе этихъ страстей оказало большое вліяніе то обостреніе борьбы либеральныхъ стремленій съ ретроградными, которое давало себя очень ясно чувствовать, какъ только отшумѣли грозныя событія 1812—1815 годовъ; большой загадкой являлось любовное отношеніе царя къ Польшѣ и все болѣе и болѣе проступавшее въ немъ невниманіе къ Россіи; трудно примиримыми казались съ одной стороны неумолкавшіе и свободно обращавшіеся въ обществѣ толки о свободѣ печати, объ освобожденіи крестьянъ, о гласномъ судѣ и о введеніи „современныхъ“ учрежденій, а съ другой, повышеніе религіозной и политической нетерпимости, участіе царя въ цѣломъ рядѣ конгрессовъ, направленныхъ противъ того самаго либерализма въ политикѣ, которымъ царь вначалѣ такъ увлекался, его недружелюбное отношеніе къ борющейся за свободу Греціи и, наконецъ, все болѣе и болѣе возраставшее, съ его согласія, вліяніе Аракчеева; не могла не поразить и перемѣна въ чувствахъ къ самому царю, которая наблюдалась въ различныхъ слояхъ общества: изъ всеобщаго кумира, какимъ онъ былъ раньше, онъ становился предметомъ очень ожесточенныхъ нападокъ, и всѣ знали, что противъ его правленія и даже противъ его личности готовился заговоръ; мысль о прямомъ политическомъ воздѣйствіи на существующій поря-

докъ многимъ кружила головы; „волнообразный“ либерализмъ, который наблюдался въ умахъ и сердцахъ, готовилъ совсѣмъ неожиданные повороты въ мысляхъ и настроеніяхъ; наростало ощущеніе, что близится что-то очень серьезное и рѣшительное — изнутри ли или извнѣ, опредѣлить было трудно — но нѣчто исключающее то благодушное и довѣрчивое отношеніе къ жизни и людямъ, которое въ началѣ царствованія такъ было сильно и выражалось такъ опредѣленно въ сентиментальномъ міропониманіи; наконецъ, дѣла на западѣ будили также немало тревожныхъ и пытливыхъ мыслей: агонія Наполеона, ретроградный режимъ Бурбоновъ, революціонныя движенія въ Греціи, Италіи и Испаніи, либеральное настроеніе молодого поколѣнія во Франціи и Германіи, союзъ почти всѣхъ правительствъ противъ народовъ, какими они правили—всѣ эти показатели весьма тревожнаго положенія не могли не волновать насъ, какъ бы мы отдалены ни были отъ всѣхъ центровъ, гдѣ вершились судьбы Европы.

Итакъ, русскій художникъ-писатель Александровской эпохи имѣлъ въ вопросахъ общественно политическихъ широкое поле для наблюденія и размышленія, и будь онъ даже мало къ такимъ вопросамъ подготовленъ—внутренняя жизнь его родины заманивала его въ кругъ этихъ понятій и настроеній.

Для развитія наблюдательности, для умѣнья понимать людей, читать въ ихъ душахъ, для углубленія въ человѣкѣ способности къ психологическому анализу такая насыщенная мыслями и чувствами жизнь, какъ наша тѣхъ годовъ, была весьма благотворна: на помощь естественному росту таланта приходила сама жизнь съ ея сложнымъ содержаніемъ и воспитывающимъ волненіемъ.

Ставить, однако, русскому писателю того времени большія идейныя требованія было бы несправедливо; хоть онъ и откликался на необычайно разнообразныя мысли и настроенія, какими сразу былъ охваченъ при своемъ рѣшитель-

номъ столкновеніи съ западной культурой, — онъ не могъ самостоятельно владѣть ими, такъ какъ исторической подготовки для такого независимаго отношенія къ нимъ у него не было. И западная мысль и событія западной жизни были для него пока предметомъ наблюденія и усвоенія, къ которому онъ ничего новаго отъ себя не могъ добавить: вотъ почему въ творчествѣ нашихъ даже самыхъ сильныхъ талантовъ того времени мы не встрѣчаемъ мотивовъ и сюжетовъ съ общеміровымъ значеніемъ, т.-е. такихъ, которые давали бы новое или оригинальное освѣщеніе проблемамъ философскимъ, религіознымъ, нравственнымъ, эстетическимъ и инымъ, надъ которыми издавна задумывалось человѣчество, и которые въ Европѣ въ концѣ XVIII вѣка и въ первыя десятилѣтія XIX-го получили такое поэтическое освѣщеніе въ творчествѣ великихъ художниковъ. Къ попыткамъ общечеловѣческаго толкованія такихъ проблемъ или къ ихъ рѣшенію въ духѣ самобытно-русскомъ мы приступили значительно позже.

Бездонныя проблемы бытія пока еще не мучили нашего художника и въ душѣ его еще не было разлада. Ощущеніе удали, юной смѣлости и довѣрія къ жизни — одна изъ характерныхъ чертъ нашей нарождавшейся изящной словесности, несмотря на большое обиліе въ ней меланхолическихъ, слезливыхъ и печальныхъ мотивовъ. Но эти мотивы печали, иногда очень искренніе, въ концѣ концовъ всетаки не могли устоять передъ общей жизнерадостностью, вполнѣ понятной въ людяхъ, которымъ не о чемъ было жалѣть и у которыхъ надеждъ было такъ много. Сентиментальная печаль, какъ и байроническая скорбь забывались скоро, пока условія самой русской жизни — уже въ иное царствованіе — не придали этой душевной печали и этой скорби ума болѣе смысла и силы.

Къ числу условій, благопріятно отражавшихся на развитіи литературныхъ талантовъ, надо отнести и повышеніе стоимости ученаго и литературнаго труда вообще, которое

тогда становилось замѣтно. И власть, и общество начали соглашаться въ томъ, что мысль и слово — а тѣмъ болѣе слово художественное—великія силы. Правительствомъ было сдѣлано не мало для повышенія уровня образованія среди классовъ, пользовавшихся достаткомъ. Въ провинціальной глуши было основано нѣсколько университетовъ и имъ дарованы широкія права; былъ предоставленъ свободный проѣздъ за границу; основаны школы взаимнаго обученія, которыя имѣли особый успѣхъ въ арміи; литературные кружки, и въ столицахъ, и въ провинціи собирали большое число членовъ; потребность въ чтеніи увеличилась и рынокъ книгъ оригинальныхъ и въ особенности переводныхъ оживился; выходившія книги по содержанію были очень разносторонни; цензурный уставъ былъ составленъ въ мягкомъ духѣ [1804] и съ нѣкоторой терпимостью относился къ философскимъ, религіознымъ, экономическимъ и даже политическимъ вопросамъ.

Огромную роль въ дѣлѣ просвѣщенія сыграли журналы, число которыхъ въ тѣ годы быстро размножалось; это были частью оффиціальные журналы при министерствахъ, а въ большинствѣ случаевъ журналы, основанные по вольной иниціативѣ, трудами „литераторовъ“, которые съ этого времени начинаютъ выдѣляться почти-что въ особое сословіе. Это—люди, убѣжденные въ томъ, что на поприщѣ литературы можно служить родинѣ съ неменьшей честью и силой, чѣмъ на любой иной аренѣ. Журналъ становится не только сборникомъ, складочнымъ мѣстомъ знаній, но проводникомъ опредѣленныхъ взглядовъ на жизнь, выразителемъ извѣстнаго міросозерцанія, въ которомъ, правда, нѣкоторые вопросы духа и жизни разрабатываются совсѣмъ поверхностно [отчасти въ силу внѣшнихъ стѣсненій], другіе недостаточно полно, но въ которомъ зато все бо̀льшее и бо̀льшее значеніе пріобрѣтаютъ вопросы искусства.

Въ литературѣ начинаетъ мало-по-малу сосредоточиваться весь нервъ духовной жизни людей интеллигентныхъ;

всѣ вопросы, обобщающіе явленія жизни, всѣ высшіе помыслы о ней становятся предметомъ обсужденія и раздумья, принимая въ той или иной формѣ литературную оболочку. Зарождается и быстро растетъ и настоящая критика, которая изъ чисто формальной и стилистической становится идейной и начинаетъ привлекать въ сферу своего разсмотрѣнія проблемы философскія и отвлеченно-эстетическія.

Такое оживленіе интереса къ знанію вообще и въ частности къ литературѣ было для развитія таланта писателя однимъ изъ самыхъ счастливыхъ условій. Литераторъ съ первыхъ шаговъ привыкалъ высоко цѣнить то дѣло, на служеніе которому отдавалъ свои силы. И если онъ искалъ примѣра, какъ много добра для родины можетъ сдѣлать частный человѣкъ, всецѣло преданный словесности и журналистикѣ, какъ онъ можетъ заставить себя слушать, какъ онъ можетъ стать предметомъ всеобщаго уваженія—то примѣръ Карамзина былъ налицо. И вотъ почему имя этого журналиста, литератора, публициста и впослѣдствіи историка было окружено такимъ почетомъ въ глазахъ всѣхъ начинавшихъ тогда писателей, несмотря на то, что художникомъ въ истинномъ смыслѣ слова Карамзинъ не былъ.

Итакъ, при живомъ обмѣнѣ и движеніи самыхъ разнообразныхъ идей и настроеній, религіозно-нравственныхъ, философскихъ, политическихъ, общественныхъ и національныхъ; при достаточно близкомъ, и идейномъ, и непосредственно житейскомъ общеніи нашемъ съ Западомъ; при все возраставшей цѣнѣ литературнаго слова — пришлось работать нашимъ первымъ художникамъ. Ихъ положеніе, какъ видимъ, было выгодное, просторъ для ума былъ большой и поле для наблюденія широкое. Имъ недоставало только внѣшнихъ формъ, въ какія могли бы облечься плоды ихъ художественнаго созерцанія.

Прежде чѣмъ художники наши выработали самостоятельно такія формы, имъ пришлось пользоваться чужими. Подражаніе иноземнымъ образцамъ на первыхъ порахъ

было неизбѣжно, и черезъ эту полосу подражанія прошли всѣ, даже самые сильные наши художники, прежде чѣмъ форма ихъ произведеній стала принадлежать имъ самимъ безъ раздѣла.

Выборъ готовыхъ внѣшнихъ формъ и стилей былъ тогда достаточно богатъ. Въ большомъ ходу были въ тѣ годы на Западѣ два литературныхъ стиля: 1) „классическій", античный, либо непосредственно заимствованный у грековъ и римлянъ, либо подновленный французами, и 2) стиль „сентиментальный", болѣе простой и современный, широко распространенный во всей Европѣ приблизительно со средины XVIII вѣка. Эти два стиля сильно разнились между собой по техническимъ пріемамъ. Классическій стиль предпочиталъ аллегоріями и символами выражать свои настроенія и мысли, пользовался богатыми внѣшними формами античной словесности, формою эпической поэмы, высокой трагедіи, посланія, сатиры, вакхической пѣсни, любовной элегіи, эпиграммы и оды. Стиль „сентиментальный" предпочиталъ разсказъ, повѣсть, романъ въ формѣ писемъ, дневникъ, задушевную исповѣдь въ стихахъ, т.-е. всѣ тѣ формы, которыя облегчали художнику возможность бо̀льшаго углубленія въ свою душу и большей интимности съ читателемъ. „Классическій" стиль любилъ возвышенные, патетическіе, величаво трагическіе или безумно игривые мотивы. Стиль „сентиментальный" предпочиталъ мотивы нѣжные, меланхолическіе, печальные, религіозные и мечтательные.

Оба эти стиля, въ которыхъ отражались два цѣльныхъ міросозерцанія, господствовавшія тогда на Западѣ, были нами усвоены, конечно, прежде всего, чисто внѣшнимъ образомъ, какъ внѣшнія формы для выраженія нашихъ чувствъ и мыслей. „Классическій" стиль, разрабатываемый у насъ еще съ половины XVIII вѣка и художественно подновленный въ первыя десятилѣтія XIX столѣтія—въ поэзіи Батюшкова, молодого Пушкина и его друзей—продержался недолго. „Сентиментальный", проникшій въ нашу литературу

при Карамзинѣ, держался дольше, такъ какъ онъ болѣе соотвѣтствовалъ тому кругу понятій и настроеній, которыя господствовали въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ.

Кромѣ этихъ двухъ самыхъ ходкихъ литературныхъ стилей къ намъ проникалъ въ тѣ годы и еще одинъ новый стиль, тогда на Западѣ только-что расцвѣтшій, — стиль, какъ его называютъ, „романтическій". Это былъ очень красивый стиль по богатству оттѣнковъ. Сравнительно съ классическимъ и сентиментальнымъ, онъ отличался необычайной тревогой въ своемъ темпѣ, мрачностью образовъ, драматичностью положеній и большой повышенностью чувствъ.

Переходя къ разсказу о томъ, какъ зародилась и окрѣпла наша самобытная художественная словесность, напомнимъ еще разъ, что на первыхъ порахъ отношеніе нашего художника къ жизни было преимущественно *субъективное*, т.-е., что онъ интересовался не столько самой окружавшей его жизнью, сколько своимъ отношеніемъ къ ней, какъ художника.

Сентиментальное міросозерцаніе и его художественное отраженіе въ стихахъ Жуковскаго.

Молодое поколѣніе писателей, которые въ началѣ XIX вѣка своимъ вдохновеніемъ способствовали росту нашей художественной словесности, признавало единогласно Василія Андреевича Жуковскаго своимъ наставникомъ. Когда заходила рѣчь о томъ, кому мы обязаны наиболѣе мелодичными стихами, кто первый далъ намъ почувствовать поэзію жизни человѣка и природы, кто умѣлъ всего сильнѣе тронуть наше сердце, возбудить нашу фантазію возвышенными мыслями о Богѣ, о нравственномъ призваніи человѣка, о подвигахъ человѣчества и его страданіяхъ,—наши дѣды всегда вспоминали Жуковскаго. Его имя было не только окружено ореоломъ славы поэта: Жуковскаго любили и уважали какъ наставника, какъ истинно просвѣщеннаго и добродѣтельнаго человѣка; и эта любовь осталась за нимъ надолго. Говорятъ, что современники не умѣютъ цѣнить крупныхъ людей, съ которыми они запросто сталкиваются. Къ Жуковскому современники были, однако, справедливы; они вполнѣ поняли и оцѣнили его, такъ какъ его думы и его настроеніе, весь складъ его души и его міросозерцаніе какъ нельзя лучше отражали въ очень красивой формѣ тѣ мысли и чувства, какими жило большинство образованныхъ людей его времени. Рѣдко когда между поэтомъ и обществомъ было

установлено такое согласіе, сердечное и умственное, какое объединяло Жуковскаго и его современниковъ.

Признавая всѣ заслуги Жуковскаго передъ нашей словесностью, надо, однако, помнить, что и онъ имѣлъ учителей и предшественниковъ. Державинъ въ своихъ одахъ достигалъ иногда высоты истинно патетическаго и героическаго, и еще не вполнѣ художественный его языкъ былъ уже приноровленъ къ выраженію настоящаго поэтическаго восторга— религіознаго и патріотическаго. Вмѣстѣ съ этимъ порядкомъ чувствъ, оттѣняющихъ въ жизни ея величественную, иногда трагическую сторону, нашли себѣ поэтическое воплощеніе и чувства иного порядка, чувства болѣе мягкія, нѣжныя, не менѣе серьезныя, но болѣе обыденныя. Ихъ проводилъ въ своихъ повѣстяхъ, стихотвореніяхъ, въ прозаическихъ разсужденіяхъ и въ своихъ извѣстныхъ „Письмахъ русскаго путешественника“ Николай Михайловичъ Карамзинъ. Его стилистическому таланту обязаны мы первой красотой и гибкостью нашей прозаической рѣчи; а его благочестивому настроенію, теплому сердцу и уму, не склонному къ анализу и легко примиряющемуся съ самыми трудными вопросами жизни,—тѣми вполнѣ литературно написанными разсказами, въ которыхъ такъ отчетливо выразилось столь распространенное въ то время „сентиментальное“ настроеніе и міропониманіе. Карамзинъ былъ непосредственный предшественникъ и учитель Жуковскаго. Жуковскій на всю жизнь сохранилъ къ нему неизмѣнное чувство самаго благоговѣйнаго уваженія, признавая открыто, какое идейное и вообще воспитательное значеніе имѣлъ для него этотъ талантливый, если не художникъ, то литераторъ. Дѣйствительно, Жуковскій въ своемъ міропониманіи, въ своемъ отношеніи ко всѣмъ задачамъ жизни не вышелъ изъ того круга понятій, а отчасти и того круга литературныхъ вкусовъ, какого держался Карамзинъ.

Какое же мѣсто должны мы отвести Жуковскому въ исторіи нашей изящной словесности?

Значеніе его не должно преувеличивать теперь, когда мы можемъ взглянуть на него издали, когда вся его дѣятельность представляется намъ въ исторической перспективѣ. Жуковскій не принадлежалъ къ числу тѣхъ поэтовъ, въ которыхъ всѣ наиболѣе глубокія думы и чувства ихъ вѣка находятъ себѣ откликъ. Время, когда онъ жилъ, было значительно богаче идейнымъ содержаніемъ, чѣмъ его поэзія, и она отразила только одинъ порядокъ мысли и одно настроеніе, правда, самое распространенное въ тогдашнемъ обществѣ. Поэзіи Жуковскаго недоставало очень существеннаго, чтобы стать вполнѣ голосомъ своего времени. Въ ней совсѣмъ не было критическаго и аналитическаго отношенія къ явленіямъ жизни. Жуковскій не умѣлъ и не хотѣлъ быть судьей отдѣльныхъ житейскихъ явленій, изъ которыхъ слагается жизнь человѣка въ данный историческій моментъ. Онъ любилъ созерцать жизнь въ ея цѣломъ на протяженіи многихъ-многихъ вѣковъ и отыскивалъ въ ней оправданія и доказательства того религіозно-нравственнаго міросозерцанія, которое онъ самъ для себя выработалъ въ тихомъ уголкѣ своей скромной жизни. Но если Жуковскій, какъ поэтъ, и не смогъ откликнуться на всю полноту жизни своего времени, тѣмъ не менѣе его поэзія составляетъ цѣлую эпоху въ исторіи нашей изящной словесности. Онъ былъ нашъ первый по времени *истинный художникъ слова.*

Какъ настоящій художникъ воспринималъ Жуковскій явленія внѣшней и внутренней жизни человѣка и выражалъ ихъ какъ художникъ, не примѣшивая къ нимъ постороннихъ, искусству чуждыхъ соображеній. Онъ имѣлъ тонкій эстетическій вкусъ, и этотъ вкусъ уберегалъ его отъ всякой фальши: реторика, которой такъ много у Державина, изъ поэзіи Жуковскаго исчезла очень быстро, какъ и неестественная слащавость, столь обычная у Карамзина.

Особая цѣнность поэзіи Жуковскаго заключалась въ томъ, что она сознавала свою собственную силу именно какъ поэзія, т.-е. поэтъ смотрѣлъ на художественную дѣятельность,

какъ на особое „святое дѣло“, направленное ко благу человѣчества, дѣло совершенно самостоятельное и отличное отъ другихъ дѣлъ человѣка. Поэзія сама по себѣ была для него святыней, которая облагораживаетъ всѣхъ, на кого ея лучи падаютъ. Не между дѣломъ и при случаѣ долженъ человѣкъ отдавать себя ей и ея служенію; онъ долженъ посвятить себя ей всецѣло, и, кромѣ нея, не знать иного Бога. Жуковскій былъ первый, который стремился вселить намъ такое возвышенное понятіе объ искусствѣ; до него, въ XVIII вѣкѣ, оно, по мнѣнію многихъ даже очень талантливыхъ писателей, было лишь „украшеніемъ“ жизни, благородной забавой или непосредственнымъ нравоученіемъ. Жуковскій всей своей жизнью показалъ, какъ должно безкорыстно любить искусство, и онъ неустанно въ своихъ стихахъ говорилъ объ его святости и самодержавіи среди другихъ проявленій человѣческаго духа.

Большую цѣну придавала поэзіи Жуковскаго также и ея безусловная искренность. Нельзя, конечно, сказать, что у его предшественниковъ это качество совершенно отсутствовало, но тотъ фактъ, что Жуковскій понималъ поэзію, какъ „святое служеніе“, исключалъ возможность всякой умышленной натяжки въ чувствахъ, которыя онъ изливалъ въ своихъ стихотвореніяхъ. Его предшественники, цѣнившіе поэзію какъ придатокъ къ жизни, какъ украшеніе ея или какъ косвенное наставленіе, могли, исполняя „долгъ пѣвца“, заставить себя иной разъ говорить не отъ вдохновеннаго сердца—что̀ они нерѣдко и дѣлали. Жуковскій писалъ всегда подъ властью глубоко захватившаго его чувства.

Еще одинъ даръ дала природа Жуковскому, даръ, которымъ до него не обладалъ ни одинъ изъ нашихъ писателей. Это былъ необычайно тонкій поэтическій слухъ, который обусловливалъ мелодичность его стихотворной рѣчи. Въ техникѣ русскаго стиха рѣчь Жуковскаго произвела настоящій переворотъ. Никогда еще этотъ стихъ не былъ такъ звонокъ, такъ музыкаленъ, такъ гибокъ. Обиліе размѣровъ, богатство

риомъ, мелодичность звуковъ рѣчи Жуковскаго поражали всѣхъ современниковъ и для подрастающихъ художниковъ стали мѣриломъ истинно поэтической рѣчи. На музыкѣ стиховъ Жуковскаго воспитались Пушкинъ и всѣ его товарищи по вдохновенію.

Такова была сила таланта Жуковскаго. Но помимо своей поэтической цѣнности, она имѣла еще большую стоимость, какъ сила образовательная. Жуковскій былъ опять-таки первый, кто открылъ намъ широкій доступъ ко всѣмъ богатствамъ иностранной словесности. Никто изъ нашихъ писателей, не исключая и тѣхъ, которые пошли за Жуковскимъ, не пользовался такъ широко всемірными литературными мотивами, какъ онъ. Онъ переводилъ, пересказывалъ и передѣлывалъ художественные памятники словесности всѣхъ странъ и народовъ, и сочиненія его, помимо многаго, лично ему принадлежащаго, были хрестоматіей лучшихъ образцовъ изъ произведеній лучшихъ поэтовъ всего міра. Если Жуковскій изъ сочиненій этихъ поэтовъ выбиралъ только тѣ стихотворенія, которыя соотвѣтствовали его личному настроенію и совпадали по смыслу съ его образомъ мыслей, то всетаки это были стихотворенія лучшія; читатель находилъ въ нихъ богатую пищу для ума и могъ удобно развивать на нихъ свое эстетическое чувство. Поэзія Жуковскаго была, такимъ образомъ, настоящей образовательной силой, цѣлымъ курсомъ изящной словесности.

Итакъ, если поэзія Жуковскаго и не отражала многихъ теченій мысли и чувствъ, какими жило его время, она была тѣмъ не менѣе поэзіей истинно художественной, искренней пѣснью поэта, убѣжденнаго въ святости своего дѣла, и человѣка съ очень широкимъ литературнымъ образованіемъ. Наконецъ, эта изящная поэзія была самымъ полнымъ выраженіемъ весьма распространеннаго тогда міровоззрѣнія, извѣстнаго въ исторіи и въ литературѣ подъ названіемъ „сентиментальнаго“.

Въ чемъ же сущность этого міровоззрѣнія?

Сентиментальное настроеніе и міропониманіе, широко распространенныя на Западѣ въ концѣ XVIII столѣтія и процвѣтавшія у насъ въ началѣ XIX вѣка, отражаютъ одно очень опредѣленное и ясное отношеніе человѣка къ самымъ существеннымъ вопросамъ жизни. Оно не есть отношеніе критическое, при которомъ человѣкъ анализируетъ явленія жизни и судитъ ихъ безпристрастно, становясь къ нимъ въ положеніе вполнѣ независимое. Сентиментальный человѣкъ руководствуется въ оцѣнкѣ жизни не умомъ, а чувствомъ. У него есть заранѣе составленные отвѣты на самые существенные вопросы бытія, и онъ въ жизни обращаетъ вниманіе только на то, что̀ съ этими отвѣтами согласуется, а то, что̀ не согласуется, онъ либо обходитъ, либо истолковываетъ въ свою пользу. Онъ не поправляетъ своихъ взглядовъ фактами жизни; онъ, наоборотъ, стремится всѣ явленія жизни перетолковать по-своему, въ угоду своимъ чувствамъ. Чувства эти, въ свою очередь, грѣшатъ односторонностью и монотонностью. Всѣ они—нѣжныя, мирныя, теплыя чувства, въ которыхъ рѣзкія, страстныя движенія почти не встрѣчаются; преобладаетъ настроеніе томное, мечтательное, очень слабо реагирующее на волю человѣка, но зато весьма благотворно дѣйствующее на его способность тѣшиться игрой собственнаго воображенія. Такое настроеніе мало привязываетъ человѣка къ жизни реальной, заставляетъ его болѣзненно относиться къ житейской сутолокѣ, къ шуму повседневныхъ событій, и развиваетъ въ немъ склонность къ созерцательному, примиряющему обобщенію явленій. Въ конечныхъ своихъ выводахъ сентиментальное міросозерцаніе оптимистично; если сентименталистъ бываетъ такъ часто меланхолически и грустно настроенъ, то не потому, что онъ жизнь считаетъ печальнымъ даромъ или думаетъ, что на землѣ зло и страданіе одерживаютъ верхъ надъ добромъ и радостями. Онъ печаленъ потому, что то добро и счастье, которое онъ считаетъ вполнѣ осуществимымъ на землѣ, вполнѣ доступнымъ для человѣка—по винѣ самого человѣка

такъ часто отсутствуютъ въ жизни. Онъ потому живетъ въ мірѣ мечтаній и потому такъ часто думаетъ о небѣ и о загробной блаженной жизни, что чувствуетъ себя слишкомъ рано родившимся и слабымъ для того, чтобы дѣятельно торопить наступленіе на землѣ лучшаго и болѣе счастливаго времени. Но онъ при всей своей грусти и томленіи по загробному бытію считаетъ нравственное усовершенствованіе человѣка первымъ дѣломъ и первой обязанностью здѣсь, на землѣ, и всегда, гдѣ можетъ, отзывается на всякое доброе начинаніе. Кругъ его убѣжденій не особенно широкъ, но убѣжденія его тверды и сводятся они къ нѣкоторымъ очень простымъ основнымъ мыслямъ. Первое убѣжденіе—вѣра въ добраго, милосерднаго, пекущагося о людяхъ Бога, личнаго или безличнаго, Бога, который испытуетъ людей ради ихъ собственнаго блага, который, въ концѣ концовъ, не дастъ злу восторжествовать и всегда наградитъ добродѣтель, на землѣ ли или на небесахъ. Второе убѣжденіе—увѣренность въ томъ, что наша земная жизнь, личная, общественная и даже государственная, находится подъ постояннымъ контролемъ божественной силы, которая направляетъ ее къ лучшему, руководитъ ею для блага всѣхъ живущихъ. Божественный Промыслъ знаетъ, что̀ онъ творитъ, и человѣкъ долженъ быть очень остороженъ въ своемъ ропотѣ и гнѣвѣ. Когда человѣкъ видитъ явное нарушеніе справедливости, несложное, бросающееся въ глаза, то онъ, конечно, въ правѣ вознегодовать и вмѣшаться, но, напр., въ сложныхъ вопросахъ политическихъ и соціальныхъ, въ которыхъ трудно разобраться, человѣкъ долженъ быть очень осмотрителенъ и не поддаваться искушенію протеста. Жизнь массовая движется по предустановленнымъ законамъ и всякое рѣзкое вмѣшательство въ нее отдѣльнаго человѣка можетъ оказаться посягательствомъ на Божіе Предопредѣленіе. Лучше будетъ, если человѣкъ займется нравственнымъ самовоспитаніемъ. Это его первое и главное дѣло. Создавъ свою собственную нравственную личность и расширивъ ея благотворное вліяніе

на самыхъ близкихъ людей—на свою семью и друзей — человѣкъ можетъ успокоиться въ сознаніи совершеннаго имъ нравственнаго долга. Что касается конечнаго итога нашей скромной работы, то пусть насъ не тревожатъ сомнѣнія. Побѣда и награда суждены въ мірѣ добру, и всякій человѣкъ, даже самый преступный, даже самый злой, способенъ на нравственное совершенствованіе. Сентименталистъ вѣритъ въ основы добра, заложенныя въ душу каждаго человѣка, и, поэтому, быть можетъ, его борьба со зломъ не принимаетъ формы рѣзкаго и рѣшительнаго выступленія.

Таковы основоположенія сентиментальнаго міропониманія и настроенія. Въ такомъ чистомъ видѣ оно встрѣчается рѣдко, и нужны особыя общественныя условія, чтобы такое благодушное, инертное, смирное настроеніе охватило цѣлые круги общества и держалось въ нихъ долго. Обыкновенно оно долго и не держится—и критическій разумъ, и волевое отношеніе человѣка къ жизни быстро подтачиваютъ и разрушаютъ этотъ покорный и спокойный взглядъ на жизнь. На Западѣ сентиментализмъ достигъ своего полнаго расцвѣта къ серединѣ XVIII вѣка. Онъ былъ одной изъ формъ протеста противъ критическаго, разсудочнаго рѣшенія всѣхъ вопросовъ жизни въ эпоху торжествующаго скептицизма и раціонализма, и онъ предшествовалъ тому періоду волевого энергическаго разрушенія всѣхъ старыхъ устоевъ, которое закончилось французской революціей. Въ разныхъ культурныхъ странахъ этотъ сентиментализмъ принималъ разные оттѣнки. Наиболѣе спокоенъ и благодушенъ былъ онъ въ Германіи и въ Англіи — въ виду особыхъ общественныхъ условій, въ которыхъ жили эти страны, а также и въ силу особенностей національнаго темперамента. Во Франціи онъ сразу, въ ученіи Руссо, отказался отъ пассивной общественной программы и примѣшалъ къ своему настроенію большую дозу страстности, которая и превратила очень скоро сентименталиста въ революціонера.

У насъ, въ Россіи, сентиментальное міровоззрѣніе и на-

строеніе расцвѣли также въ концѣ XVIII вѣка, но продержались дольше, чѣмъ на Западѣ,—приблизительно до тридцатыхъ годовъ XIX столѣтія. Характеръ русскаго сентиментализма былъ въ общемъ необычайно спокойный и мирный; пожалуй, болѣе благодушный, чѣмъ гдѣ-либо.

Проводниками и выразителями нашего сентиментализма въ его чистомъ видѣ были Карамзинъ и Жуковскій. Карамзинъ изложилъ это міросозерцаніе въ своихъ повѣстяхъ и въ „Письмахъ русскаго путешественника". Жуковскій первый облекъ его въ художественную поэтическую форму. Онъ остался ему вѣренъ во всю свою долгую жизнь, и даже тогда, когда сентиментализмъ совсѣмъ выдохся въ русскомъ сердцѣ, Жуковскій продолжалъ напоминать о немъ, хотя и не находилъ уже прежнихъ внимательныхъ и восторженныхъ поклонниковъ.

Личная жизнь поэта предрасполагала Жуковскаго къ усвоенію сентиментальнаго міропониманія и къ неизмѣнному согласію съ нимъ.

Василій Андреевичъ родился въ 1783 году. Семейство, въ которомъ воспитывался ребенокъ, любило его, какъ родного сына, и обставило его дѣтство условіями, весьма благопріятными для его умственнаго и нравственнаго развитія. Семья была патріархально-дворянская, въ которой религіозныя и нравственныя основы жизни поддерживались убѣжденно и настойчиво. Въ семьѣ, кромѣ того, были очень сильно развиты интересы умственные и литературные, и ребенокъ съ дѣтскихъ лѣтъ имѣлъ возможность удовлетворять и развивать врожденную ему склонность къ сознательному и поэтическому воспріятію впечатлѣній жизни. Начальное образованіе Жуковскій получилъ дома, а затѣмъ въ городѣ Тулѣ, въ одномъ частномъ пансіонѣ. На образъ его мыслей и на укрѣпленіе въ немъ врожденнаго поэтическаго настроенія большое вліяніе оказалъ московскій университетскій благородный пансіонъ, куда онъ поступилъ въ 1797 году. Это было въ тѣ годы, пожалуй,

самое лучшее изъ нашихъ учебныхъ заведеній, какъ по составу преподавателей, такъ и по общему своему педагогическому направленію. Наука была въ этомъ пансіонѣ въ большомъ уваженіи и притомъ наука самая разносторонняя— до архитектуры и фортификаціи включительно. Рядомъ съ научнымъ образованіемъ большое вниманіе было обращено на образованіе художественное, и музыка и живопись преподавались вмѣстѣ съ древностями и математикой. Въ особой чести была словесность, процвѣтаніе которой въ пансіонѣ было довѣрено самимъ воспитанникамъ. Они имѣли свое литературное „собраніе", предсѣдателемъ котораго одно время былъ Жуковскій. Торжественные акты этого заведенія были настоящими литературными праздниками, и всѣ литературныя знаменитости того времени оказывали воспитанникамъ особое вниманіе и покровительство. Большое значеніе для умственнаго и нравственнаго развитія учащихся имѣлъ и общій духъ, въ какомъ велось въ этомъ заведеніи и воспитаніе, и обученіе. Это былъ религіозно-нравственный духъ нѣмецкихъ гуманистовъ, „піэтистовъ" средины и конца XVIII вѣка, которые съ особымъ благоговѣніемъ относились ко всѣмъ возвышеннымъ сторонамъ человѣческой жизни. Критики и анализа въ ихъ міропониманіи было мало, но зато религія, основанная на свободномъ и глубокомъ чувствѣ, нравственность, самая альтруистическая, любовь и уваженіе къ просвѣщенію, преклоненіе предъ искусствомъ и широкое признаніе достоинства человѣка были основными положеніями ихъ ученія. На сентиментальную натуру Жуковскаго это ученіе оказало самое благотворное вліяніе. Оно помогло ему осмыслить еще неукрѣпившіяся мысли и неустановившееся настроеніе, которыя затѣмъ, по выходѣ Жуковскаго изъ пансіона, сложились быстро въ цѣлое міросозерцаніе.

Жуковскій очень рано созналъ свое призваніе и, окончивъ ученіе, записался въ литераторы. Два года, съ 1808 до 1810, былъ онъ редакторомъ очень извѣстнаго тогда

журнала — „Вѣстника Европы“. Мирное теченіе его литераторской жизни было, однако, скоро нарушено. Ему пришлось пережить семейную драму, которая оставила неизгладимый слѣдъ на всей его послѣдующей жизни и на его творчествѣ. Это была любовь къ его племянницѣ Маріи Андреевнѣ Протасовой, — любовь, которая сулила ему и ей большое счастье, если бы мать дѣвушки [сестра Жуковскаго по отцу] не воспротивилась этому браку, подъ предлогомъ родства жениха и невѣсты. Молодымъ людямъ пришлось склониться передъ волею старшихъ, но съ этимъ рѣшеніемъ Жуковскій не могъ помириться, хотя и сохранялъ наружное, видимое спокойствіе, даже тогда, когда племянница его вышла замужъ, кажется, уступая болѣе волѣ матери, чѣмъ собственной склонности. Эта печальная исторія завершилась ранней смертью Маріи Андреевны, и неудовлетворенная любовь, трагедія людьми разлученныхъ любящихъ сердецъ и ранняя могила стали излюбленными поэтическими мотивами въ стихотвореніяхъ поэта. По сентиментальной своей природѣ и безъ того склонный къ меланхоліи, Жуковскій имѣлъ теперь реальное оправданіе своей грусти, и нѣтъ сомнѣнія, что этотъ эпизодъ, омрачившій его юность, наложилъ свою печать на все сентиментальное міросозерцаніе Жуковскаго, придавъ ему особенно мечтательный и меланхолическій характеръ.

Въ годъ Отечественной войны мы находимъ Жуковскаго въ рядахъ ополченцевъ; онъ участвуетъ въ Бородинскомъ сраженіи, и въ лагерѣ подъ Тарутинымъ пишетъ извѣстный патріотическій гимнъ — „Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ“, гимнъ, про который современники говорили, что за него должно дать автору Георгія 1-ой степени. Патріотическое воодушевленіе, охватившее тогда все наше общество, а также и сердечная тоска заставили Жуковскаго искать славы воина. Но военнаго духа было въ немъ мало и онъ тотчасъ же послѣ войны вернулся къ мирнымъ занятіямъ. Жилъ онъ попеременно то въ столицахъ, то въ де-

ревнѣ, то въ городѣ Дерптѣ, куда переселились его родственники, жилъ тихой жизнью литератора и поэта. Въ эти годы падаетъ окончательная выработка его сентиментальнаго міросозерцанія, которое онъ развиваетъ подробно въ перепискѣ и облекаетъ въ художественную форму въ стихотвореніяхъ. Онъ пишетъ много и бодро принимаетъ участіе въ литературномъ движеніи молодыхъ силъ, выступающихъ на защиту новизны и „народности" противъ старыхъ литературныхъ формъ и подражанія. Успѣхъ его у читателей растетъ очень быстро; талантъ его зрѣетъ съ каждымъ годомъ.

Къ этому времени относится и первое сближеніе Жуковскаго съ семьей Государя — сближеніе, которое имѣло такое рѣшающее вліяніе на всю его дальнѣйшую жизнь. Его патріотическія стихотворенія: „Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ", „Посланіе къ Императору Александру I" и „Пѣвецъ въ Кремлѣ" обратили на него вниманіе Двора. Онъ былъ представленъ императрицѣ, ему дали пожизненную пенсію, а въ 1817 году онъ былъ назначенъ учителемъ русскаго языка при великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Наконецъ, въ 1827 году, императоръ Николай Павловичъ поручилъ ему воспитаніе наслѣдника, будущаго императора Александра II. Эта близость ко Двору оградила Жуковскаго отъ всякихъ внѣшнихъ тревогъ жизни, дала ему возможность спокойнаго наблюденія надъ нею, но налагала на все, что̀ онъ писалъ и говорилъ, извѣстныя обязательства. И безъ того спокойный и ровный ходъ его мыслей сталъ еще спокойнѣе и осторожнѣе. Жуковскій понялъ свою роль воспитателя при Наслѣдникѣ въ самомъ возвышенномъ и отвѣтственномъ смыслѣ: онъ все свое вниманіе и время отдалъ этому дѣлу, и любимыя литературныя занятія стали заполнять лишь часы его досуга. Много лѣтъ прожилъ Жуковскій въ царской семьѣ, и только съ совершеннолѣтіемъ Наслѣдника могъ считать свой трудъ законченнымъ. Этотъ періодъ его жизни былъ богатъ впечатлѣніями. Жу-

ковскій неоднократно ѣздилъ за границу, сначала одинъ, а въ 1838 г. и съ Наслѣдникомъ. Съ нимъ же объѣздилъ онъ и Сибирь, и Россію въ 1837 году. Дворцовая жизнь не измѣнила характера поэта и той сердечной простоты, которая всегда его отличала, и много добра смогъ онъ сдѣлать нашей литературѣ въ лицѣ многихъ ея представителей, за которыхъ заступался передъ царемъ, либо обращая его вниманіе на лицъ талантливыхъ, либо защищая ихъ отъ слишкомъ придирчивой цензуры, либо, какъ это было съ декабристами, стремясь добиться улучшенія ихъ участи. Жуковскій былъ посредникомъ между русской словесностью и правительственной властью, которая въ тѣ годы крайне подозрительно относилась къ печатному слову.

Годы текли; Жуковскій былъ уже старикъ, когда и ему улыбнулось, наконецъ, семейное счастье. Въ 1841 г. онъ женился на дочери своего стараго пріятеля, Рейтерна. Хоть ему самому было тогда лѣтъ подъ шестьдесятъ, и жена его годилась ему въ дочери, тѣмъ не менѣе этотъ неровный бракъ былъ счастливымъ, хотя и недолгимъ. Жуковскаго и его молодую жену соединяла не только любовь, но и общность ихъ сентиментальнаго и религіознаго настроенія. Это настроеніе въ душѣ Жуковскаго съ годами крѣпло; въ семьѣ Рейтерна оно нашло себѣ живую поддержку, и послѣдніе годы его жизни протекли въ мирномъ религіозномъ размышленіи и тихой литературной работѣ. Живя въ Германіи, куда онъ переселился, старикъ вновь почувствовалъ приливъ вдохновенія, и въ послѣднія 10 лѣтъ своей жизни съ бодрымъ духомъ отдался литературной работѣ, и она была очень плодотворна. Скончался Жуковскій въ 1852 году; жена его скоро за нимъ послѣдовала.

Такова была жизнь поэта. Огражденная отъ всякихъ бурь внѣшнихъ и богатая внутреннимъ содержаніемъ, эта жизнь не располагала къ напряженію воли или къ борьбѣ; она была полна раздумья и мечтанія. Вся поэтическая дѣятельность Жуковскаго была отраженіемъ этихъ думъ и этихъ

мечтаній, и во всемъ, что онъ создалъ, много теплоты, искренности, живости воображенія, упорной мысли, въ особенности много добрыхъ чувствъ, но почти совсѣмъ нѣтъ энергіи, порыва и смѣлаго сужденія.

Прежде чѣмъ давать обзоръ произведеній поэта нужно, однако, коснуться одного основного вопроса, отъ рѣшенія котораго многое зависитъ въ оцѣнкѣ Жуковскаго какъ поэта. Онъ былъ преимущественно переводчикъ. Правда, у него не мало оригинальныхъ пѣсенъ, но настроеніе и смыслъ этихъ пѣсенъ повторены и гораздо глубже и ярче въ его переводахъ. Кто же онъ—искусный переводчикъ или оригинальный поэтъ? Самъ Жуковскій, самомнѣніемъ никогда не грѣшившій, не хотѣлъ признавать себя только переводчикомъ, и всѣ переводные свои стихи считалъ „своими"— и онъ былъ правъ. Онъ, во-первыхъ, никогда не переводилъ ради перевода, а переводилъ лишь тѣ произведенія, которыя по духу своему были ему родственны. Онъ переживалъ каждое стихотвореніе чужого автора, вынашивалъ его въ своемъ умѣ и сердцѣ, и только тогда, когда оно вполнѣ выражало его собственную мысль и его настроеніе, онъ переводилъ его, или по-своему излагалъ его, приноровляя иногда къ русской жизни. Нерѣдко дѣлалъ онъ также въ чужихъ стихотвореніяхъ вставки отъ себя, примѣнительно къ личному настроенію или событіямъ личной жизни. Онъ пользовался, такимъ образомъ, иностранными образцами для колоритнаго и яркаго выраженія того міросозерцанія, которое было плодомъ его собственнаго долгаго раздумья и поэтическаго проникновенія въ жизнь. Оставаясь вполнѣ свободнымъ въ выборѣ темъ для переводовъ, онъ всегда влагалъ нѣчто свое въ каждаго автора, съ которымъ знакомилъ нашу публику. „Подражатель-стихотворецъ, говорилъ Жуковскій, можетъ быть авторомъ *оригинальнымъ*, хотя бы онъ не написалъ и ничего собственнаго. Переводчикъ въ *прозѣ* есть рабъ; переводчикъ въ *стихахъ*—соперникъ".

Въ исторіи развитія творчества Жуковскаго нельзя уста-

новить никакихъ подраздѣленій, такъ какъ никакихъ колебаній и переломовъ Жуковскій, какъ мыслитель и поэтъ, не переживалъ. Онъ въ старости былъ все тотъ же молодой Жуковскій. Если ужъ группировать его стихи, то ихъ надобно дѣлить по отдѣльнымъ мыслямъ: религіознымъ, нравственнымъ, патріотическимъ или эстетическимъ, какія входятъ въ его цѣлое сентиментальное міропониманіе. И тогда стихи ранняго періода окажутся тѣсно слитыми со стихотвореніями, написанными въ послѣдніе годы его жизни. Бросимъ бѣглый взглядъ на общій ходъ развитія его творчества, прежде чѣмъ излагать міровоззрѣніе поэта его собственными словами и образами.

Если не считать самыхъ раннихъ стихотворныхъ опытовъ, мало характерныхъ, то литературная дѣятельность Жуковскаго началась въ 1802 году, когда онъ перевелъ извѣстную элегію Грея „Сельское кладбище"—тихое, мирное стихотвореніе, въ которомъ уже достаточно законченнымъ выразилось основное сентиментальное настроеніе поэта. Религіозное преклоненіе передъ тайнами жизни, отказъ отъ сильныхъ страстей, мысль о близости кончины и о тщетѣ всего земного, кротость сердца, смиренное исполненіе нравственнаго долга, мечтательная любовь—вотъ тотъ кругъ настроеній и чувствъ, въ какихъ утопалъ тогда молодой мечтатель. Въ нѣмецкой и англійской поэзіи конца XVIII вѣка и начала XIX вѣка такихъ мотивовъ было очень много, и въ стихотвореніяхъ Гебеля, Маттисона, Томсона они достигали достаточной степени художественной разработки. Но Грей, кажется, больше всего пришелся по душѣ Жуковскому, судя по тому, что нашъ поэтъ подъ конецъ своей жизни вновь къ нему вернулся и перевелъ во второй разъ то же самое „Сельское кладбище", съ котораго началась его литературная работа. Скоро, однако, къ этому совсѣмъ мирному и кроткому тону въ поэзіи Жуковскаго прибавился новый, болѣе тревожный и по краскамъ болѣе яркій. Подъ впечатлѣніемъ патріотическаго подъема чувствъ въ 1812 году

муза Жуковскаго стала воинственна и въ достаточной степени горда и самоувѣренна. Такія стихотворенія, какъ „Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ“ [1812], „Императору Александру“ [1814], „Пѣвецъ въ Кремлѣ“ [1814], „На рожденіе В. К. Александра Николаевича“ [1818]—образцы патріотическихъ одъ и гимновъ, красивыхъ, звучныхъ, полныхъ восторженнаго подъема. Жуковскій сохранилъ къ нимъ склонность на всю жизнь, хотя не злоупотреблялъ этимъ родомъ творчества. Въ общемъ очень мирно и элегически настроенный, онъ въ этихъ гимнахъ поднимался до паѳоса, и кажется, что изъ всѣхъ страстей земныхъ онъ былъ доступенъ одной только этой національно-патріотической страсти.

Почти одновременно съ патріотическими стихами въ лирикѣ Жуковскаго подмѣчается и другая тревожная нота. Онъ увлекается балладами Шиллера и усваиваетъ тотъ драматизмъ, который Шиллеръ такъ любилъ вносить въ этотъ родъ лирико-эпической пѣсни. Тема религіозная, нравственное наставленіе, въ особенности борьба добраго и злого начала облекаются въ красивую форму баллады, съ очень занятной интригой, страстной, полной движенія, иногда съ примѣсью элемента грознаго и ужаснаго. Жуковскій переводитъ баллады Шиллера, Уланда, Бюргера, Саути и Вальтеръ Скотта и дѣлаетъ попытки сочинить оригинальныя баллады. Всѣ эти произведенія, при всемъ различіи въ ихъ содержаніи, связаны у него одной общей нравственно-религіозной мыслью о Провидѣніи, которое ведетъ насъ къ добру, мыслью о томъ, что всякій порокъ найдетъ рано или поздно свою кару, и что доброе, нѣжное, смиренное чувство—лучшій залогъ земного счастья. Это были излюбленныя мысли Жуковскаго,—и тѣ, даже самые даровитые иностранные писатели, которые недостаточно эти мысли оттѣняли или въ ихъ правотѣ сомнѣвались, не привлекали къ себѣ сердца Жуковскаго, и онъ бралъ изъ ихъ стиховъ очень мало. Такъ напримѣръ, онъ очень мало взялъ у Гете, и изъ всѣхъ стихотвореній Байрона перевелъ лишь самое

его смиренное стихотвореніе „Шильонскій узникъ“ [1821]. Жуковскій любилъ, чтобы нравственная мысль проступала явственно наружу. Къ числу балладъ съ такой смиренной нравственной тенденціей относится и извѣстная его поэма „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“ и „Вадимъ“ [1810]—въ которой проведена мысль объ искупленіи преступленія покаяніемъ и о наградѣ за любовь и смиреніе. Поэма эта съ сюжетомъ очень драматичнымъ [также заимствованнымъ изъ западной литературы]—самое цѣльное произведеніе Жуковскаго первыхъ лѣтъ его творчества. Она замѣчательна также, какъ попытка пригнать иностранный сюжетъ къ легендарной древне-русской обстановкѣ. Религіозно-нравственная мысль съ богатымъ драматическимъ движеніемъ проведена и въ стихотворной передѣлкѣ повѣсти Фуке „Ундина“, [1833—36]. И въ этой повѣсти любовь и смиреніе торжествуютъ побѣду надъ страстью, и страсть несетъ наказаніе за свою жестокость и за забвеніе нравственнаго долга. Эта же мысль о забвеніи нравственнаго долга—мысль, понятая очень строго, даже слишкомъ строго,—заставила Жуковскаго такъ полюбить извѣстную драму Шиллера „Орлеанскую Дѣву“, которую онъ и перевелъ съ удивительнымъ мастерствомъ [1821].

Религіозная и нравственная идея облекалась у Жуковскаго иногда и въ форму менѣе драматичную, болѣе спокойную и эпическую. Къ числу такихъ произведеній можетъ быть отнесенъ, напримѣръ, переводъ изъ „Мессіады“ Клопштока—„Аббадонна“ [1814]—элегія на тему о грусти, съ какой падшій и грѣшный человѣкъ вспоминаетъ о раѣ, объ утраченной чистотѣ своего сердца. Много религіознаго чувства вложено поэтомъ и въ стихотвореніе „Выборъ Креста“ [1844], въ необычайно спокойный разсказъ о томъ, сколь тщетенъ бываетъ ропотъ человѣка на Бога, который знаетъ, какой крестъ какому человѣку нести въ жизни должно. Религіознымъ смиреніемъ проникнута и знаменитая драматическая поэма „Камоэнсъ“ [1839], заимствованная Жуковскимъ

у Гальма. Въ этомъ разсказѣ о стойкости, съ какой истинно вдохновенный и религіозно настроенный поэтъ переноситъ всѣ удары судьбы, всѣ несчастья земной жизни, Жуковскій изложилъ свой личный взглядъ на призваніе художника въ мірѣ, и поэма Гальма стала какъ бы его личной исповѣдью. Такою же исповѣдью была и широко задуманная поэма „Агасверъ“ [1852], надъ которой Жуковскій работалъ въ послѣдній годъ своей жизни. Смерть помѣшала ему окончить поэму, но ея основная мысль ясна и въ отрывкѣ. Это—переложеніе старой легенды объ Агасверѣ, который осужденъ былъ скитаться по землѣ до второго пришествія Христова за то, что оттолкнулъ Христа отъ порога своего дома, когда Его вели на распятіе. Въ поэмѣ Жуковскаго Агасверъ—грѣхомъ отягченная душа, жаждущая покоя. Покой и спасеніе мыслимы для нея только въ вѣрѣ, въ вѣрѣ во Христа, Котораго она не признала. И самое сильное мѣсто поэмы Жуковскаго—это тѣ страницы, на которыхъ разсказано покаяніе Агасвера и смиреніе его мятежной души передъ всепрощающей благостью вѣры. Эти страницы имѣютъ автобіографическое значеніе: въ нихъ излилась предсмертная молитва Жуковскаго.

Мирный и ровный тонъ „Агасвера“ вполнѣ соотвѣтствуетъ тону всѣхъ стихотвореній, надъ которыми Жуковскій работалъ въ послѣдніе годы своей жизни. По натурѣ своей вообще человѣкъ спокойнаго созерцанія, Жуковскій подъ старость сталъ совсѣмъ благочестивымъ и набожнымъ мыслителемъ и моралистомъ. Это сказалось на его поэзіи не только въ выборѣ религіозныхъ сюжетовъ, но и въ пониженіи тревожнаго настроенія въ самихъ стихотвореніяхъ. Поэтъ съ особенной любовью обратился къ народному эпическому творчеству, художественно пересоздалъ нѣсколько народныхъ сказокъ и обогатилъ нашу литературу чудесными переводами: „Одиссеи“ [1842—9], „Наля и Дамаянти“ [1841] и „Рустема и Зораба“ [1844—7]. Излюбленныя христіанскія мысли автора—смиреніе передъ высшей волей,

искупленіе грѣха, награда праведному и отстрадавшему человѣку—проступали наружу и въ этихъ языческихъ поэмахъ изъ греческой, индійской и старо-персидской жизни, и въ нихъ всегда чувствовалось религіозное настроеніе смирившагося созерцателя, который на жизнь смотритъ какъ на подвигъ, совершаемый человѣкомъ во имя чего-то иного и болѣе высокаго, чѣмъ наше кратковременное и страстями сжигаемое земное бытіе.

Такъ цѣлостно и въ себѣ замкнуто было поэтическое міросозерцаніе и настроеніе Жуковскаго за всю его жизнь.

Началась литературная дѣятельность Василія Андреевича словами: „Да будетъ Воля Твоя“ и этими же словами и кончилась. „Неподвижною“ назвалъ эту поэзію одинъ изъ близкихъ друзей Жуковскаго, и она, дѣйствительно, въ мысляхъ и настроеніяхъ была неподвижна, хотя, какъ мы видѣли, обнаруживала нѣкоторое движеніе во внѣшнихъ формахъ. Она была въ самыхъ раннихъ годахъ своего развитія элегически мирная, ровная и тихая; затѣмъ въ ней сталъ преобладать драматическій элементъ и, наконецъ, въ послѣдніе годы она вновь пріобрѣла, но уже не лирическое только, а эпическое, ясно религіозное спокойствіе.

Мирное чувство на зарѣ жизни, слегка тревожное въ зрѣлые годы и примиренно-созерцательное подъ старость—вотъ въ какой внѣшней оболочкѣ являлось передъ русскимъ читателемъ—впервые въ художественныхъ стихахъ—то сентиментальное міровоззрѣніе, которое въ началѣ XIX вѣка было обычнымъ отвѣтомъ на всѣ серьезные запросы ума и сердца.

Попытаемся теперь словами самого поэта очертить это міровоззрѣніе какъ оно сложилось въ художникѣ за первые годы его литературной дѣятельности въ Александровскую эпоху, поясняя его при случаѣ стихами болѣе поздняго періода.

Сентиментальное настроеніе—религіозное по преимуществу. И Жуковскій изъ всѣхъ нашихъ поэтовъ наиболѣе

религіозный поэтъ: мысль о Богѣ—его постоянная мысль, которую онъ облекаетъ то въ стихотворную форму, то въ форму прозаическаго разсужденія.

Богъ—всему цѣль; цѣль всей духовной жизни человѣка. Онъ одинъ только даетъ знанію жизнь. Весь смыслъ науки въ томъ, чтобы помочь намъ понять Бога. Богъ есть и высшая нравственность. Религія истинная и нравственная—одно и то же. Кто возвышаетъ душу свою, тотъ сближается съ Богомъ. Міръ существуетъ только для души человѣческой. Богъ и душа — вотъ два существа; все прочее — печатное объявленіе, приклеенное на минуту. Богъ есть каждое прекрасное чувство, которое не что иное, какъ Его видимый или слышимый и чувствуемый образъ. Каждая высокая, сердцемъ внушенная мысль—есть Богъ. Человѣкъ образуется для вѣры въ Бога и для безусловнаго преданія воли своей въ высшую волю:

На потребу мнѣ одно—
Покорность и передъ Господомъ всей воли
Уничтоженіе. О, сколько силы,
Какая сладость въ этомъ словѣ сердца:
«Твое, а не мое да будетъ!» Въ немъ
Вся человѣческая жизнь! въ немъ наша
Свобода, наша мудрость, наши всѣ
Надежды; съ нимъ нѣтъ страха, нѣтъ заботъ
О будущемъ, сомнѣній, колебаній;
Имъ все намъ ясно; случай исчезаетъ
Изъ нашей жизни; мы своей судьбы
Властители, понеже власть Тому
Надъ нею предали смиренно, Кто
Одинъ всесиленъ, все за насъ, для насъ
И нами строитъ, намъ во благо.

Богъ—источникъ и конецъ нашъ, и если нѣтъ вѣры въ Него, то нѣтъ и жизни. Вѣра есть добровольное покореніе разсудка, и въ то же время любовь къ Тому, кто даетъ откровеніе. Откровеніе есть голосъ съ того свѣта. Одна вѣра возвращаетъ душѣ человѣческой утраченное ею подобіе Божіе, и въ этой вѣрѣ вся награда праведника.

Я съ Нимъ, Онъ мой, Онъ все, въ Немъ все, Имъ все,
Все отъ Него, Все одному Ему.

Жуковскій вѣрилъ въ неустанную и благую опеку Божества надъ нами.

Мы здѣсь не иное что, какъ путешественники по землѣ Провидѣнья. Всякій случай жизни есть средство къ прекрасному: не наше дѣло вступаться въ распоряженіе сихъ случаевъ, въ критическій разборъ сихъ предлагаемыхъ намъ средствъ, мы должны и можемъ только исполнять требованія Промысла. Жизнь должна быть прекрасною, а все прекрасное жизни можно выразить однимъ словомъ: *религія*. Небесное должно быть съ земнымъ неразлучно; не уничтожая его, оно только его освящаетъ. Это—два товарища, ведущіе насъ къ одной и той же цѣли:

Желанное вдали;
Вѣрь небу, жди смиренно;
Все измѣняетъ на земли,
А небо неизмѣнно.
[«Вадимъ» 1817].

Святой символъ надеждъ и утѣшенья!
Мы всѣ стоимъ у таинственныхъ вратъ:
Опущена завѣса провидѣнья;
Но проникать ее дерзаетъ взглядъ;
За нею скрытъ предѣлъ соединенья;
Изъ-за нея, мы слышимъ, говорятъ:
«Мужайтеся; душою не скорбите;
Съ надеждою и съ вѣрой приступите!»
[«На кончину королевы Виртембергской» 1819].

Ужели наша жизнь есть только привидѣнье,
И трудная стезя къ ничтожеству ведетъ?
Ахъ! нѣтъ, мой милый другъ, не будемъ безнадежны:
Есть пристань вѣрная, есть берегъ безмятежный:
Тамъ все погибшее предъ нами оживетъ:
Незримая рука, простертая надъ нами,
Ведетъ насъ къ одному различными путями!
Блаженство наша цѣль; когда мы къ ней придемъ,
Намъ провидѣніе сей тайны не открыло.
Но рано-ль, поздно ли, мы радостно вздохнемъ:
Надеждой не вотще насъ небо одарило.
[«Къ К. М. С—ой» 1803].

Неправда сама себя губитъ—говоритъ поэтъ—и никогда правда не имѣла губительныхъ послѣдствій: это правило жизни, не терпящее исключеній. Зло посылается Богомъ для нашего же добра. Умѣть во всякое время, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни произносить смиренно: „Да будетъ Твоя воля“ есть верховная наука жизни. Отецъ небесный готовитъ насъ для вѣчности. Все истекаетъ отъ Бога, и явное благо, называемое нами добромъ, и неявное, которое кажется намъ зломъ. Случая нѣтъ. Все, что ни встрѣчается съ нами въ жизни—есть Богъ въ разныхъ видахъ:

Лучшій другъ намъ въ жизни сей
Вѣра въ Провидѣнье.
Благъ Зиждителя законъ;
Здѣсь несчастье—лживый сонъ;
Счастье—пробужденье.
[«Свѣтлана» 1811].

Будемъ скромны и терпѣливы: ропотъ на Бога — величайшій грѣхъ:

Вихремъ бѣдствія гонимый
Безъ кормила и весла,
Въ океанъ неисходимый
Буря челнъ мой занесла.
Въ тучахъ звѣздочка свѣтилась;
«Не скрывайся!» я взывалъ,
Непреклонная сокрылась,
Якорь былъ—и тотъ пропалъ.
Все одѣлось черной мглою,
Всколыхалися валы,
Бездны въ мракѣ предо мною,
Вкругъ ужасныя скалы.
«Нѣтъ надежды на спасенье!»
Я ропталъ, унывъ душой...
О, безумецъ! провидѣнье
Было тайный кормщикъ твой.
[«Пловецъ» 1811].

Можно-ль въ жизни молодой
Сердце мучить лживой тѣнью?
Нѣтъ, считай мечту мечтой,
Остальное-жъ—провидѣнью.
Въ бурю, въ легкомъ челнокѣ,

Окруженный тучи мглою,
Плылъ младенецъ по рѣкѣ,
И несло челнокъ волною.
Буря вкругъ него кипитъ,
Челнъ ужасно колыхаетъ—
Беззаботно онъ сидитъ
И весломъ своимъ играетъ.
Волны плещутъ на челнокъ—
Онъ веселыми глазами
Смотритъ, бросивъ въ нихъ цвѣтокъ,
Какъ цвѣтокъ кружитъ волнами.
Челнъ, ударясь у бреговъ
Объ утесы, развалился,
И на брегѣ межъ цвѣтовъ
Мореходецъ очутился.
Челнъ забытъ... а гибель, страхъ?
Ихъ невинность и не знаетъ.
Улыбаясь, на цвѣтахъ
Мой младенецъ засыпаетъ.
Вотъ примѣръ! Безпечно въ свѣтъ!
Пусть гроза, пускай волненье;
Намъ погибели здѣсь нѣтъ;
Правитъ челнъ нашъ провидѣнье.
[«Стансы» 1815].

Когда угрюмый Эпимесидъ, въ ропотѣ на боговъ и на людей, задумалъ лишить себя жизни—что̀ отвѣчало ему небо?

«Ты лжешь, хулитель провидѣнья,
Богамъ любезенъ человѣкъ,
И благъ источникъ наслажденья;
Отринь, слѣпецъ, что въ буйствѣ рекъ,
И не гнѣви творца роптаньемъ».
Эпимесидъ простерся въ прахъ.
Покорный, съ тихимъ упованьемъ,
Съ благословеньемъ на устахъ,
Идетъ онъ съ берега крутова.
Два мѣсяца не протекли—
На берегъ онъ приходитъ снова.
«О, небеса! вы отвели
Меня отъ страшной сей пучины;
Хвала вамъ! тайный перстъ судьбины
Уже мнѣ друга указалъ.
О, сколь безумно я роптал!
Не дремлютъ очи провидѣнья,

И часто посреди волненья
Оно являетъ пристань намъ;
Мы живы подъ его рукою,
И смертный не къ однѣмъ бѣдамъ
Приходитъ трудною стезою».
[«Эпимесидъ» 1813].

Еще раньше, своей любезной Людмилѣ, героинѣ первой его баллады, Жуковскій говорилъ то же самое:

«О, Людмила, грѣхъ роптанье;
Скорбь—Создателя посланье;
Зла Создатель не творитъ;
Кратко жизни сей страданье;
Рай—смиреннымъ воздаянье,
Адъ—бунтующимъ сердцамъ;
Будь послушна небесамъ.
Смертныхъ ропотъ безразсуденъ.
Царь Всевышній правосуденъ».
[«Людмила» 1808].

Довѣренность къ Творцу!
Что̀-бъ ни было—Незримой
Ведетъ насъ къ лучшему концу
Стезой непостижимой.
Ему, друзья, отважно вслѣдъ!
Прочь низкое; прочь—злоба!
Духъ бодрый на дорогѣ бѣдъ,
До самой двери гроба!
[«Пѣвецъ въ станѣ» 1812].

А за этой дверью—насъ ждетъ великая радость:

Ахъ! Царь небесный, что за праздникъ будетъ,
Когда послѣдняя промчится ночь!
Когда всѣ звѣзды, малыя, большія,
И мѣсяцъ, и заря, и солнце вдругъ
Въ небесномъ пламени растаютъ; свѣтъ
До самой глубины могилъ прольется,
И скажутъ матери младенцамъ: утро!
И все отъ сна пробудится; тамъ дверь
Тяжелая отворится, тамъ ставень;
И выглянутъ усопшіе оттуда!..
О, сколько бѣдъ забыто въ тихомъ снѣ!
И сколько ранъ глубокихъ въ самомъ сердцѣ
Исцѣлено! Встаютъ, здоровы, ясны;

Пьютъ воздухъ жизни; онъ вливаетъ крѣпость
Имъ въ душу...
Полночь било! въ добрый часъ!
Спите, Богъ не спитъ за насъ!
Еще лежитъ на небѣ тѣнь;
Еще далеко свѣтлый день;
Но живъ Господь, онъ знаетъ срокъ:
Онъ вышлетъ утро на востокъ.
[«Деревенскій сторожъ» 1816].

Тамъ, за гранью жизни, человѣкъ убѣдится, сколь милостива была къ нему та сила, которая здѣсь испытывала его печалями и страданіемъ.

При такомъ религіозномъ взглядѣ на міръ,—какъ упрощается вся жизненная задача! Сколько страховъ отпадаетъ и сколь несложными являются всѣ наши обязанности! „Одного, душа, не позволяй себѣ—говоритъ поэтъ—ропота и отрицанія... Это бѣдствіе не отъ Бога. Все прочее есть Имъ даруемый крестъ“.

При такой вѣрѣ никакое осужденіе жизни не имѣетъ власти надъ душой человѣка; и Жуковскій былъ рѣшительный противникъ такого осужденія. Отчаянія и недовольства не можетъ быть тамъ, гдѣ есть свѣтъ евангельской истины, говорилъ онъ. Какъ скоро откровеніе освѣтило душу, и вѣра сошла въ нее, ея скорбь обращается въ высокую дѣятельность, не производитъ въ душѣ раздора съ окружающимъ міромъ и оцѣниваетъ его блага. Пусть прекрасное гибнетъ въ пышномъ цвѣтѣ—„таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ“; пусть въ нашей жизни „вѣрны лишь утраты и милому мгновенье лишь дано“—мы будемъ неправы и совершимъ грѣхъ, если начнемъ роптать или просить у Бога, чтобы онъ прервалъ нашу жизнь; надо высоко думать о жизни и человѣкѣ, въ ожиданіи лучшей небесной жизни.

Но мысль о загробномъ блаженствѣ не должна мѣшать намъ быть участниками земной жизни.

Рай есть и на землѣ, только не слѣдуетъ требовать отъ этихъ райскихъ мгновеній длительности. Они мелькаютъ быстро, смѣняясь печалью и страданіемъ въ ожиданіи вѣчнаго свѣта и счастія—тамъ за гробомъ...

Но если человѣкъ не долженъ подпадать отчаянію и излишней скорби, то меланхолія — чувство вполнѣ законное. Никто изъ нашихъ писателей не испытывалъ на себѣ ея мягкой власти такъ часто, какъ Жуковскій. Еще въ ранней юности онъ такъ нѣжно говорилъ о ней:

«Кого не трогаетъ чувствительность? Кто не предавался меланхоліи? Кто не мечталъ въ тишинѣ уединенія о своей участи, не строилъ воздушныхъ замковъ, не бросалъ унылаго взора на минувшее время юности? Молодой человѣкъ съ пламенною душою хотѣлъ бы, кажется, всю натуру прижать къ своему сердцу. Всюду летаютъ за нимъ мечты, сіи метеоры юнаго воображенія. Взоръ его стремится въ будущее; надежды, желанія волнуютъ его сердце; онъ вопрошаетъ судьбу, хочетъ узнать, что̀ готовится ему за таинственнымъ покровомъ, которымъ закрыта она отъ взоровъ любопытныхъ; самъ за нее отвѣчаетъ себѣ, играетъ призраками, и счастливъ. Но какъ скоротечна сія пылкая, живая молодость! Увядаютъ чувства, и бѣдный человѣкъ, лишенный магической силы, которая прежде созидала вокругъ него волшебный міръ, напрасно унылымъ взоромъ ищетъ прелестей въ пышной, великолѣпной натурѣ: вокругъ него—развалины. Гробъ и смерть остались для него въ будущемъ, воспоминанія—въ прошедшемъ, воспоминанія прелестныя и вмѣстѣ печальныя».
[«О путешествіи въ Малороссію» 1803].

„Меланхолія — говорилъ поэтъ — не есть ни горесть, ни радость; я назвалъ бы ее оттѣнкомъ веселья на сердцѣ печальнаго, оттѣнкомъ унынья на душѣ счастливца [„Меланхолія“ 1808].

Такой поэтичной и заманчивой казалась меланхолія Жуковскому въ его ранніе годы. Подъ старость онъ нѣсколько измѣнилъ свой взглядъ на нее, называлъ ее лѣнивой нѣгой, грустной роскошью, мало-по-малу изнуряющей и, наконецъ, губящей душу.

Его души она, впрочемъ, не погубила, а всегда настраивала ее необычайно поэтично. Самые задушевные стихи Жуковскаго всѣ меланхоличны:

Къ младенчеству-ль душа прискорбная летитъ,
Считаю-ль радости минувшаго—какъ мало!
Нѣтъ! счастье къ бытію меня не пріучало;
Мой юношескій цвѣтъ безъ запаха отцвѣлъ.
Едва въ душѣ своей для дружбы я созрѣлъ—
И что же!.. предо мной увядшаго могила.
Душа, не воспылавъ, свой пламень угасила.
Любовь... но я въ любви нашелъ одну мечту,
Безумца тяжкій сонъ, тоску безъ раздѣленья,
И невозвратное надеждъ уничтоженье.
Изсякшія души наполню-ль пустоту?
Какое счастіе мнѣ въ будущемъ извѣстно?
Грядущее для насъ—протекшимъ лишь прелестно!
[«Къ Филалету» 1809].

Куда идти? Что̀ ждетъ насъ въ отдаленьѣ?
Чему еще на свѣтѣ вѣру дать!
И можно-ль, другъ, желаніе питать
Когда для насъ столь бѣдно исполненье?
Мы разными дорогами пошли:
Но что-жъ, куда онѣ насъ привели?
Все къ одному, что счастье—заблужденье.
Сравни, сравни себя съ самимъ собой!
Гдѣ прежній ты, цвѣтущій, жизни полный!
Бывало все—и солнце за горой,
И запахъ липъ, и чуть шумящи волны,
И шорохъ нивъ, струимыхъ вѣтеркомъ,
И темный лѣсъ, склоненный надъ ручьемъ,
И пастыря въ долинѣ пѣснь простая—
Веселіемъ всю душу растворяя,
Съ прелестною сливалося мечтой:
Вся жизни даль являлась предъ тобой;
И ты, восторгъ предчувствіемъ считая,
Въ событіе надежду обращалъ.
Природа та-жъ, но гдѣ очарованье?
Ахъ! съ нами, другъ, а прежній міръ пропалъ;
Предъ опытомъ умолкло упованье;
Что̀ въ оны дни будило радость въ насъ,
То въ насъ теперь унылость пробуждаетъ;
Во всемъ, во всемъ прискорбный слышенъ гласъ,
Что ничего намъ жизнь не обѣщаетъ.
И мы еще, мой другъ, во цвѣтѣ лѣтъ!
О! бѣденъ, кто себя переживетъ,
Предъ кѣмъ сей міръ, столь нѣкогда веселый,
Какъ отчій домъ, ужасно опустѣлый;
Тамъ въ старину все жило, все цвѣло,

Тамъ онъ игралъ младенцемъ въ колыбели;
Но время все оттуда унесло,
И съ милыми веселья улетѣли;
Онъ ихъ зоветъ... ему отвѣта нѣтъ;
Въ его глазахъ развалины унылы;
Одинъ его минувшей жизни слѣдъ:
Утраченныхъ безмолвныя могилы.
[«А. И. Тургеневу» 1813].

Много такихъ печальныхъ мотивовъ въ поэзіи Жуковскаго. И раннія могилы, и смертью пресѣченная дружба, и любовь, увядшая нежданно, и грусть въ ожиданіи тѣхъ испытаній, которыя готовитъ жизнь, и страхъ за живость впечатлительности и собственная кончина,—и все же, говорилъ поэтъ въ одномъ изъ самыхъ лучшихъ своихъ оригинальныхъ стихотвореній:

О! Вѣрь мнѣ, прекрасна вселенна!

При такомъ взглядѣ на міропорядокъ исключена всякая возможность пессимистической оцѣнки жизни. Даже при встрѣчѣ съ тѣми глубоко скорбными мыслями, которыя поселяли въ сердцахъ сентименталистовъ наибольшую тревогу—Жуковскій сохранялъ свою мирную философію.

Мысль о разладѣ мечты и дѣйствительности, идеала и жизни не поколебала въ немъ спокойствія духа. Трудно найти стихотворенія, въ которыхъ этотъ разладъ былъ бы обрисованъ такъ мягко—съ полной готовностью примириться съ нимъ и даже съ вѣрой, что чудо можетъ разрѣшить великую тайну—какъ въ двухъ пѣсняхъ Жуковскаго „Путешественникъ“ и „Желаніе“.

Дней моихъ еще весною
Отчій домъ покинулъ я,
Все забыто было мною —
И семейство и друзья.
Въ ризѣ странника убогой,
Съ дѣтской въ сердцѣ простотой
Я пошелъ путёмъ-дорогой —
Вѣра былъ вожатый мой.

И въ надеждѣ, въ увѣреньѣ,
Путь казался не далекъ.
«Странникъ, слышалось, терпѣнье!
Прямо, прямо на востокъ.
«Ты увидишь храмъ чудесной,
Ты въ святилище войдешь,
Тамъ въ нетлѣнности небесной
Все земное обрѣтешь».
Утро вечеромъ смѣнялось,
Вечеръ утру уступалъ,
Неизвѣстное скрывалось,
Я искалъ—не обрѣталъ.
Тамъ встрѣчались мнѣ пучины,
Здѣсь высокихъ горъ хребты,
Я взбирался на стремнины,
Чрезъ потоки стлалъ мосты.
Вдругъ рѣка передо мною—
Водъ склоненье на востокъ,
Вижу зыблемый струею
Подлѣ берега челнокъ.
Я въ надеждѣ, я въ смятеньи,
Предаю себя волнамъ,
Счастье вижу въ отдаленьи,
Все, что̀ мило, мнится, тамъ!
Ахъ! въ безвѣстномъ океанѣ
Очутился мой челнокъ,
Даль попрежнему въ туманѣ,
Брегъ невидимъ и далекъ.
И вовѣки надо мною
Не сольется, какъ поднесь,
Небо свѣтлое съ землею...
Тамъ не будетъ вѣчно—здѣсь.

[«Путешественникъ» 1809].

Озарися, долъ туманный;
Разступися, мракъ густой;
Гдѣ найду исходъ желанный?
Гдѣ воскресну я душой?
Испещренные цвѣтами,
Красны холмы вижу тамъ...
Ахъ! зачѣмъ я не съ крылами?
Полетѣлъ бы я къ холмамъ.
Тамъ поютъ согласны лиры,
Тамъ обитель тишины,
Мчатъ ко мнѣ оттоль зефиры
Благовонія весны,

Тамъ блестятъ плоды златые
На сѣнистыхъ деревахъ,
Тамъ не слышны вихри злые
На пригоркахъ, на лугахъ.
О, предѣлъ очарованья!
Какъ прелестна тамъ весна,
Какъ отъ юныхъ розъ дыханья
Тамъ душа оживлена!
Полечу туда... напрасно!
Нѣтъ путей къ симъ берегамъ!
Предо мной потокъ ужасной
Грозно мчится по скаламъ.
Лодку вижу... гдѣ-жъ вожатый?
Ѣдемъ!.. будь, что̀ суждено!..
Паруса ея крылаты
И весло оживлено.
Вѣрь тому, что̀ сердце скажетъ;
Нѣтъ залоговъ отъ небесъ;
Намъ лишь чудо путь укажетъ
Въ сей волшебный край чудесъ.

[«Желаніе» 1810].

Съ такимъ же спокойствіемъ отнесся Жуковскій и къ великому вопросу о тлѣнности и суетности всего земного—вопросу, который поднималъ въ сердцахъ сентименталистовъ волны печали и ропота. Въ своихъ балладахъ Жуковскій неоднократно останавливался на жалкой судьбѣ всего великаго на землѣ; съ большимъ паѳосомъ говорилъ онъ о закатѣ героевъ, но что̀ значили эти трагическія кончины передъ кончиной всего міра? Что̀ станется съ людьми, когда земля сгоритъ?—спрашивалъ поэтъ и отвѣчалъ спокойно:

Будь добръ; смиреннымъ сердцемъ
Вѣрь Богу; береги въ душѣ невинность
И все тутъ!.. будешь добръ, и будешь
Въ одной изъ звѣздъ, и будетъ миръ съ тобою;
И товарищу ты скажешь:
«Смотри: тамъ встарину земля была;...
Господь мнѣ далъ
Кончину мирную... и здѣсь мнѣ лучше».

[«Тлѣнность» 1816].

Всего труднѣе мирится человѣкъ съ наличностью и торжествомъ зла и со смертью, не какъ съ общимъ понятіемъ,

а какъ съ частнымъ случаемъ. Жуковскій мирился и съ этими печалями жизни. Зло онъ признавалъ орудіемъ испытанія въ Божьей десницѣ и вѣрилъ, что не только при конечномъ разсчетѣ, но и здѣсь на землѣ оно влечетъ за собой кару и воздаяніе. Многія изъ его балладъ написаны на тему казни преступника [„Адельстанъ“ 1813. „Ивиковы журавли“ 1813. „Варвикъ“ 1814. Баллада о старушкѣ“ 1814. „Красный карбункулъ“ 1816. „Мщеніе“ 1816]. Тему эту поэтъ любилъ, но любилъ еще больше другую родственную ей по идеѣ, но болѣе близкую его мягкому сердцу—тему объ искупленіи грѣха и о покаяніи грѣшника. Идею объ искупленіи провелъ поэтъ въ своей первой повѣсти въ стихахъ „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“ [1810—1817], а какъ умиленно онъ умѣлъ говорить о раскаяніи преступника, видно по послѣдней картинѣ поэмы „Пери и Ангелъ“ [1821]: всѣ подвиги земные поблѣднѣли передъ чистой слезой раскаявшагося злодѣя.

Спокойное міросозерцаніе Жуковскаго окрасило нѣжными и мягкими красками и самую страшную тайну жизни—тайну смерти.

Безсмертье—тихій, свѣтлый брегъ;
Нашъ путь—къ нему стремленье.
Покойся, кто свой кончилъ бѣгъ!
Вы, странники, терпѣнье!
[«Пѣвецъ въ станѣ» 1812].

Рѣдко кто изъ нашихъ поэтовъ говорилъ такъ часто о смерти, какъ Жуковскій. Онъ думалъ о ней еще въ дѣтскіе годы и въ своихъ первыхъ стихахъ часто возвращался къ этой мысли.

Конецъ всему—души покой,
Конецъ желаніямъ, конецъ воспоминаньямъ,
Конецъ боренію и съ жизнью и съ собой...
Ахъ! время, Филалетъ, свершиться ожиданьямъ.
Не знаю... но, мой другъ, кончины сладкій часъ
Моей любимою мечтою становится;
Унылость тихая въ душѣ моей хранится;

Во всемъ внимаю я знакомый смерти гласъ.
Зоветъ меня... зоветъ... куда зоветъ?.. не знаю;
Но я зовущему съ волненіемъ внимаю;
Я сердцемъ сопряженъ съ сей тайною страной,
Куда насъ всѣхъ влачитъ судьба неодолима;
Томящейся душѣ невидимая зрима—
Повсюду вѣстники могилы предо мной.
Смотрю ли, какъ заря съ закатомъ угасаетъ,
Такъ, мнится, юноша цвѣтущій исчезаетъ;
Внимаю ли рогамъ пастушьимъ за горой,
Иль вѣтра горнаго въ дубравѣ трепетанью,
Иль тихому ручья въ кустарникѣ журчанью,
Смотрю-ль въ туманну даль вечернею порой,
Къ клавиру-ль преклонясь, гармоніи внимаю—
Во всемъ печальныхъ дней конецъ воображаю.
Иль предвѣщаніе въ уныніи моемъ?
Или судилъ мнѣ рокъ въ весенни жизни годы,
Сокрывшись въ мракѣ гробовомъ,
Покинуть и поля и отческія воды,
И міръ, гдѣ жизнь моя безплодно расцвѣла?..
Скажу-ль?.. Мнѣ ужасовъ могила не являетъ,
И сердце съ горестнымъ желаньемъ ожидаетъ,
Чтобъ промысла рука обратно то взяла,
Чѣмъ я безрадостно въ семъ мірѣ бременился,
Ту жизнь, въ которой я столь мало насладился,
Которую давно надежда не златитъ.

[«Къ Филалету» 1808].

Чѣмъ дольше жилъ поэтъ, тѣмъ эти юношескія мечты—сначала мало прочувствованныя — становились поэтичнѣе и теплѣе. Смерть близкаго друга и затѣмъ кончина любимой женщины, умершей такъ неожиданно и безвременно, придали этимъ мечтамъ покорную религіозную окраску. Съ безропотнымъ смиреніемъ принялъ Жуковскій кончину своей грезы и своей любви:

Ты предо мною
Стояла тихо,
Твой взоръ унылый
Былъ полонъ чувствъ.
Онъ мнѣ напомнилъ
О миломъ прошломъ;
Онъ былъ послѣдній
На здѣшнемъ свѣтѣ.

Ты удалилась,
Какъ тихій ангелъ;
Твоя могила,
Какъ рай спокойна.
Тамъ всѣ земныя
Воспоминанья,
Тамъ всѣ святыя
О небѣ мысли.
Звѣзды небесъ!
Тихая ночь!
[«19 марта» 1823].

Всѣ святыя мысли поэта о небѣ не разлучались съ тѣхъ поръ съ мыслью о смерти. Жуковскій сталъ цѣнить смерть, какъ великую утѣшительницу во скорбяхъ жизни. Для него могила была путемъ къ вѣчной жизни, исполненіемъ всѣхъ обѣщаній, мѣстомъ отдыха, знакомой, тайной страной, гдѣ намъ должно быть возвращено все, что̀ мы утратили на землѣ: „мѣстомъ, гдѣ мы забываемся сномъ безпробуднымъ, быть можетъ, сны прекрасные видя“. Смерть не есть отрицаніе этой жизни, а ея утвержденіе—говорилъ поэтъ:

Всѣхъ на пути
Застигнетъ сонъ... что-жъ нужды! всё мы будемъ
На милой родинѣ; кто на кладбищѣ
Нашелъ постель—въ часъ добрый; вѣдь могила
Послѣдній на землѣ ночлегъ; когда же
Проглянетъ день, и мы, проснувшись, выйдемъ
На новый свѣтъ, тогда пути и часу
Не будетъ намъ съ ночлега до отчизны...
Сіяютъ звѣзды съ вышины,
То свѣтъ родимой стороны:
Туда черезъ могилу путь;
Въ могилѣ-жъ... только отдохнуть.
[«Деревенскій сторожъ» 1816].

Поэтъ спокойно смотрѣлъ въ глаза смерти. Онъ давно пріучилъ себя жить въ воспоминаніяхъ. Съ нимъ минувшее было всегда неразлучно и „меланхолическая усладительная привязанность къ прошедшему“ была для него однимъ изъ наслажденій настоящимъ. Въ этомъ наслажденіи онъ

часто утопалъ и тогда даже близкое казалось ему отдаленнымъ:

Давнишній гласъ на лирѣ оживаетъ
Чуть слышимый, какъ генія полетъ;
И душу хладную разогрѣваетъ
Опять тоска по благамъ прежнихъ лѣтъ:
Все близкое мнѣ зрится отдаленнымъ,
Отжившее, какъ прежде, оживленнымъ.
[«Двѣнадцать спящихъ дѣвъ» 1817].

Поэтъ зналъ, что прошедшее умерло и не вернется:

Минувшихъ дней очарованье,
Зачѣмъ опять воскресло ты?
Кто разбудилъ воспоминанье
И замолчавшія мечты?
Шепнулъ душѣ привѣтъ бывалой;
Душѣ блеснулъ знакомый взоръ;
И зримо ей въ минуту стало
Незримое съ давнишнихъ поръ.
О, милый гость, святое прежде,
Зачѣмъ въ мою тѣснишься грудь?
Могу-ль сказать: живи надеждѣ?
Скажу-ль тому, что̀ было: будь?
Могу-ль узрѣть во блескѣ новомъ
Мечты увядшей красоту?
Могу-ль опять одѣть покровомъ
Знакомой жизни наготу?
Зачѣмъ душа въ тотъ край стремится,
Гдѣ были дни, какихъ ужъ нѣтъ?
Пустынный край не населится,
Не узритъ онъ минувшихъ лѣтъ;
Тамъ есть одинъ жилецъ безгласный,
Свидѣтель милой старины;
Тамъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ дни прекрасны
Въ единый гробъ положены.
[«Пѣсня» 1816].

Но если прошедшее недвижимо, то вѣдь мы можемъ къ нему вернуться:

О, милое воспоминаніе
О томъ, чего ужъ въ мірѣ нѣтъ!
О, дума сердца—упованіе
На лучшій, неизмѣнный свѣтъ!

Блаженъ, кто васъ среди губящаго
Волненья жизни сохранилъ,
И съ вами низость настоящаго
И пренебрегъ и позабылъ.
[«Мотылекъ и цвѣты» 1824].

Чѣмъ-то таинственнымъ казалась жизнь нашему поэту, слабымъ символомъ чего-то иного, что̀ свершается на небесахъ. Иногда съ этихъ горнихъ селеній къ намъ слетаютъ незримые геніи, и восторгъ, какимъ мы охвачены при встрѣчѣ съ ними, напоминаетъ намъ, что эта жизнь, гдѣ „страданіе составляетъ настоящее величіе“, есть предчувствіе, предвкушеніе иного міра.

Поэтъ часто любилъ говорить о темницѣ, и въ этомъ образѣ несомнѣнно таился для него особый смыслъ. Недаромъ изъ всѣхъ героевъ Байрона онъ подарилъ свою любовь одному лишь Шильонскому узнику, который, испытавъ всѣ ужасы тюрьмы, такъ съ нею свыкся, что съ грустью вздохнулъ о ней, когда наконецъ наступилъ для него день освобожденія.

И съ жизнью можно свыкнуться, сколько бы въ ней ни было печалей. Одна изъ великихъ земныхъ радостей—ощущеніе близости таинственныхъ привидѣній:

Отуманеннымъ потокомъ
Жизнь унылая плыла;
Берегъ въ сумракѣ глубокомъ;
На холодномъ небѣ мгла;
Тьмою звѣзды обложило;
Бури нѣтъ—одинъ туманъ;
И вдали реветъ уныло
Скрытый мглою океанъ.
Было время—былъ день ясный,
Были пышны берега,
Были рощи сладкогласны,
Были зелены луга.
И за ней вились толпою
Свѣтлокрылые друзья:
Юность легкая съ мечтою
И живыхъ надеждъ семья.

Къ ней тѣснились, услаждали
Мирный путь ея игрой,
И надъ нею разстилали
Благодатный парусъ свой.
Къ ней фантазія летала
Въ блескѣ радужныхъ лучей,
И съ небесъ къ ней прикликала
Очарованныхъ гостей:

Вдохновеніе съ звѣздою
Надъ возвышенной главой,
И Хариту съ молодою
Музой, генія сестрой;
И она, ихъ внемля пѣнье,
Засыпала въ тишинѣ,
И ловила привидѣнье
Счастья милаго во снѣ!...

Все пропало, измѣнило;
Разлетѣлися друзья;
Въ безднѣ брошена унылой
Одинокая ладья;
Року странница послушна,
Не желаетъ и не ждетъ,
И прискорбно-равнодушна
Въ безпредѣльное плыветъ.

Что же вдругъ затрепетало
Надъ поверхностью зыбей?
Что же прелестью бывалой
Вдругъ повѣяло надъ ней?
Легкой птичкой встрепенулся
Пробужденный вѣтерокъ;
Сонный парусъ развернулся;
Дрогнулъ руль; быстрѣй челнокъ.

Смотритъ... ангеломъ прекраснымъ
Кто-то свѣтлый прилетѣлъ,
Улыбнулся, взоромъ яснымъ
Подарилъ и въ лодку сѣлъ;
И запѣлъ онъ пѣснь надежды;
Жизнь очнулась, ожила,
И съ волненьемъ робки вѣжды
На красавца подняла.

Видитъ... мрачность разлетѣлась;
Снова зеркальна вода;
И привѣтно загорѣлась
Въ небѣ яркая звѣзда:
И въ нее проникла радость,

Прежней вѣры тишина,
И какъ будто снова младость
Съ упованьемъ отдана.
О, хранитель, небомъ данной!
Пой, небесный, и ладьей
Правь ко пристани желанной
За попутною звѣздой.
Будь сіянье, будь ненастье;
Будь, что̀ надобно судьбѣ:
Вся для жизни будетъ счастье,
Добрый спутникъ, при тебѣ.

[«Жизнь» 1819].

Этотъ добрый геній—

Онъ лишь въ чистыя мгновенья
Бытія бываетъ къ намъ,
И приноситъ откровенья,
Благотворныя сердцамъ;
Чтобъ о небѣ сердце знало
Въ темной области земной,
Намъ туда сквозь покрывало
Онъ даетъ взглянуть порой;
И во всемъ, что̀ здѣсь прекрасно,
Что̀ нашъ міръ животворитъ,
Убѣдительно и ясно
Онъ съ душою говоритъ;
А когда насъ покидаетъ,
Въ даръ любви у насъ въ виду
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Онъ прощальную звѣзду.

[Лалла-Рукъ. 1821].

Кто же онъ, этотъ таинственный посѣтитель?

Кто ты, призракъ, гость прекрасный?
Къ намъ откуда прилеталъ?
Безотвѣтно и безгласно,
Для чего отъ насъ пропалъ?
Гдѣ ты? гдѣ твое селенье?
Что съ тобой? Куда исчезъ?
И зачѣмъ твое явленье
Въ поднебесную съ небесъ?
Не надежда-ль ты младая,
Приходящая порой
Изъ невѣдомаго края

Подъ волшебной пеленой?
Какъ она, неумолимо
Радость чистую на часъ
Показалъ ты, съ нею мимо
Пролетѣлъ и бросилъ насъ.
Не любовь ли намъ собою
Тайно ты изобразилъ?..
Дни любви, когда одною
Міръ для насъ прекрасенъ былъ.
Ахъ! Тогда сквозь покрывало
Неземнымъ казался онъ...
Снятъ покровъ; любви не стало,
Жизнь пуста и счастье—сонъ.
Не волшебница ли дума
Здѣсь въ тебѣ явилась намъ?
Удаленная отъ шума
И мечтательно къ устамъ
Приложивши перстъ, приходитъ
Къ намъ, какъ ты, она порой,
И въ минувшее уводитъ
Насъ безмолвно за собой.
Иль въ тебѣ сама святая
Здѣсь поэзія была?
Къ намъ, какъ ты, она изъ рая
Два покрова принесла:
Для небесъ лазурно ясный,
Чистый, бѣлый для земли:
Съ ней все близкое прекрасно
Все знакомо, что́ вдали.
Иль предчувствіе сходило
Къ намъ во образѣ твоемъ
И понятно говорило
О небесномъ, о святомъ?
Часто въ жизни такъ бывало:
Кто-то свѣтлый къ намъ летитъ,
Поднимаетъ покрывало
И въ далекое манитъ.

[«Таинственный посѣтитель» 1824].

Но любя въ мірѣ таинственное, поэтъ любилъ и зримое и осязаемое. Красота природы, дружба, любовь, семейный очагъ и слава родины—всегда будили въ немъ творческую мечту и поэтическое умиленіе передъ ихъ возвышеннымъ смысломъ.

Въ своихъ стихотвореніяхъ Жуковскій обнаружилъ тонкое и разностороннее пониманіе красоты природы.

Какъ древле рукъ своихъ созданье
Боготворилъ Пигмаліонъ —
И мраморъ внялъ любви стенанье,
И мертвый былъ одушевленъ—
Такъ пламенно объята мною
Природа хладная была;
И, полная моей душою,
Она подвиглась, ожила.
[«Мечты» 1810].

Оживала природа подъ его кистью, когда тѣснились вокругъ него образы прошлаго, когда онъ вспоминалъ свое дѣтство и русскую усадьбу:

Тамъ небеса и воды ясны,
Тамъ пѣсни птичекъ сладкогласны!
О, родина, всѣ дни твои прекрасны;
Гдѣ-бъ ни былъ я, но все съ тобой
Душой.
Ты помнишь ли, какъ подъ горою,
Осеребряемый росою,
Свѣтился лугъ вечернею порою
И тишина слетала въ лѣсъ
Съ небесъ?
Ты помнишь ли нашъ прудъ спокойной,
И тѣнь отъ ивъ въ часъ полдня знойной,
И надъ водой отъ стада гулъ нестройной,
И въ лонѣ водъ, какъ сквозь стекло,
Село?
Тамъ на зарѣ пичужка пѣла,
Даль озарялась и свѣтлѣла,
Туда, туда душа моя летѣла:
Казалось сердцу и очамъ—
Все тамъ!
[1816].

Оживала она, когда онъ подбиралъ пейзажъ для своихъ балладъ съ содержаніемъ изъ отечественной или иноземной жизни. Этотъ пейзажъ былъ то очень мирный и тихій, ласкающій и нѣжный, то необычайно бурный, стремительный,

полный мрачныхъ красокъ. Нужно замѣтить, однако, что мирныя картины природы удавались Жуковскому лучше, чѣмъ грозныя. Иногда тотъ и другой колоритъ и темпъ встрѣчаются въ одномъ стихотвореніи, и получается очень красивая элегія, какъ, напр., стихотвореніе „Море".

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарованъ надъ бездной твоей,
Ты живо; ты дышишь; смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мнѣ глубокую тайну твою:
Что̀ движетъ твое необъятное лоно?
Чѣмъ дышитъ твоя напряженная грудь?
Иль тянетъ тебя изъ земныя неволи
Далекое, свѣтлое небо къ себѣ?...
Таинственной, сладостной полное жизни,
Ты чисто въ присутствіи чистомъ его;
Ты льешься его свѣтозарной лазурью,
Вечернимъ и утреннимъ свѣтомъ горишь,
Ласкаешь его облака золотыя
И радостно блещешь звѣздами его.
Когда же сбираются темныя тучи,
Чтобъ ясное небо отнять у тебя—
Ты бьешься, ты воешь, ты волны подъемлешь,
Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу...
И мгла исчезаетъ, и тучи уходятъ;
Но, полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганны волны,
И сладостный блескъ возвращенныхъ небесъ
Не вовсе тебѣ тишину возвращаетъ;
Обманчивъ твоей неподвижности видъ;
Ты въ безднѣ покойной скрываешь смятенье,
Ты небомъ любуясь, дрожишь за него.

[1822].

Иногда фантастическое примѣшивается къ чувству природы и получаются романтическія баллады съ причудливымъ узоромъ чувствъ и настроеній, какъ, напр., „Гаральдъ" 1816 и „Лѣсной царь" 1818. Иногда поэтъ ищетъ въ природѣ религіознаго смысла, видитъ въ ней „Господнюю развернутую книгу, гдѣ каждая буква благовѣститъ Его Евангеліе", и онъ пишетъ:

Среди Господней
Природы, я наполненъ чуднымъ чувствомъ
Уединенія, въ неизреченномъ
Его присутствіи, и чудеса
Его созданія въ моей душѣ
Блаженною становятся молитвой;
Молитвой—но не призываньемъ въ часъ
Страданія на помощь, не прошеньемъ,
Не выраженьемъ страха иль надежды,
А смирнымъ, безсловеснымъ предстояньемъ
И сладостнымъ глубокимъ постиженьемъ
Его величія, Его святыни,
И благости, и безпредѣльной власти,
И сладостной сыновности моей,
И моего предъ Нимъ уничтоженья:—
Невыразимый вздохъ, въ которомъ вся
Душа къ Нему, горящая, стремится—
Такою предъ Его природой чудной
Становится моя молитва.

Иногда природа была для поэта цѣлымъ откровеніемъ „невыразимаго", пояснить которое словами онъ не могъ при всей силѣ своего чувства.

Что нашъ языкъ земной предъ дивною природой?
Съ какой небрежною и легкою свободой
Она разсыпала повсюду красоту
И разновидное съ единствомъ согласила!
Но гдѣ, какая кисть ее изобразила?
Едва, едва одну ея черту
Съ усиліемъ поймать удастся вдохновенью...
Но льзя ли въ мертвое живое передать?
Кто могъ созданіе въ словахъ пересоздать?
Невыразимое подвластно-ль выраженью?
Святыя таинства, лишь сердце знаетъ васъ.
Не часто ли въ величественный часъ
Вечерняго земли преображенья—
Когда душа смятенная полна
Пророчествомъ великаго видѣнья
И въ безпредѣльное унесена—
Спирается въ груди болѣзненное чувство,
Хотимъ прекрасное въ полетѣ удержать
Ненареченному хотимъ названье дать,
И обезсиленно безмолвствуетъ искусство?
Что видимо очамъ—сей пламень облаковъ,

По небу тихому летящихъ,
Сіе дрожаніе водъ блестящихъ,
Сіи картины береговъ
Въ пожарѣ пышнаго заката,
Сіи столь яркія черты—
Легко ихъ ловитъ мысль крылата,
И есть слова для ихъ блестящей красоты
Но то, что̀ слито съ сей блестящей красотою—
Сіе столь смутное, волнующее насъ,
Сей внемлемый одной душою
Обворожающаго гласъ,
Сіе къ далекому стремленіе,
Сей миновавшаго привѣтъ,
Сіе шепнувшее душѣ воспоминанье
О миломъ радостномъ и скорбномъ старины,
Сія всходящая святыня съ вышины,
Сіе присутствіе Создателя въ созданьѣ,—
Какой для нихъ языкъ?.. Горѣ душа летитъ,
Все необъятное въ единый вздохъ тѣснится,
И лишь молчаніе понятно говоритъ.

[«Невыразимое» 1818].

Изъ всѣхъ чувствъ, какими скрашивается земная жизнь, душѣ Жуковскаго ближе и дороже всѣхъ были чувства дружбы, любви и семейнаго очага. Съ раннихъ лѣтъ онъ мечталъ о другѣ, и онъ имѣлъ его, но потерялъ очень рано [Андрея Тургенева]; всегда мечталъ онъ о любви, для которой находилъ столь искреннія и мелодичныя пѣсни, и онъ любилъ, любилъ страстно, но любовь не оправдала надежды и любящія сердца были разъединены; мечталъ онъ всю жизнь и о мирномъ семейномъ очагѣ; онъ говорилъ, что только тотъ, „кто способенъ наслаждаться семейственною жизнью, есть прямо добрый и слѣдовательно прямо счастливый человѣкъ“, что вся „вселенная, со всѣми ея радостями, заключена въ мирной семейной обители“ — и только подъ старость его завѣтная мечта осуществилась.

Понятно, сколько грусти должно было таиться для поэта во всѣхъ этихъ чувствахъ. Если, независимо отъ лично пережитаго, Жуковскій утверждалъ, что „истинная любовь та,

которая объемлетъ сердце и не даетъ въ немъ мѣста никакому другому чувству, и, счастливая и несчастная, неразлучна съ меланхоліей"—то для него самого это общее правило подтверждалось суровыми уроками жизни.

Увы! пора любви придетъ:
Вамъ сердце тайну скажетъ,
Для васъ она украситъ свѣтъ,
Вамъ милаго покажетъ;
И взоръ наполнится тоской,
И тихимъ грудь желаньемъ,
И, распаленныя душой,
Влекомы ожиданьемъ,
Для васъ взойдетъ краснѣе день,
И будетъ лугъ душистѣй,
И сладостнѣй дубравы тѣнь,
И птичка голосистѣй.
[«Двѣнадцать спящихъ дѣвъ»].

. . . . . .
. . . . . .

Любви сей полный кубокъ въ даръ!
Среди борьбы кровавой,
Друзья, святой питайте жаръ:
Любовь одно со славой.
Кому здѣсь жребій удѣленъ
Знать тайну страсти милой,
Кто сердцемъ сердцу обрученъ,—
Тотъ смѣло, съ бодрой силой
На все великое летитъ:
Нѣтъ страха, нѣтъ преграды;
Чего, чего не совершитъ
Для сладостной награды?
[«Пѣвецъ въ станѣ» 1812].

Святому братству сей фіалъ
Отъ вѣрныхъ братій круга!
Блаженъ, кому Создатель далъ
Усладу жизни, друга;
Съ нимъ счастье вдвое, въ скорбный часъ
Онъ сердцу утѣшенье,
Онъ наша совѣсть, онъ для насъ
Второе провидѣнье.
[«Пѣвецъ въ станѣ» 1812].

А что̀ дали они ему, эти чувства, о которыхъ онъ говорилъ съ такимъ паѳосомъ и такой нѣжностью?

Въ тѣни деревъ, надъ чистыми водами,
Дерновый холмъ вы видите-ль, друзья?
Чуть слышно тамъ плескаетъ въ брегъ струя;
Чуть вѣтерокъ тамъ дышетъ межъ листами;
На вѣтвяхъ лира и вѣнецъ...
Увы!—друзья! сей холмъ—могила;
Здѣсь прахъ пѣвца земля сокрыла,
Бѣдный пѣвецъ!

Онъ сердцемъ простъ, онъ нѣженъ былъ душою—
Но въ мірѣ онъ минутный странникъ былъ;
Едва расцвѣлъ—и жизнь ужъ разлюбилъ,
И ждалъ конца съ волненьемъ и тоскою;
И рано встрѣтилъ онъ конецъ,
Заснулъ желаннымъ сномъ могилы...
Твой вѣкъ былъ мигъ, но мигъ унылый,
Бѣдный пѣвецъ!

Онъ дружбу пѣлъ, давъ другу нѣжну руку—
Но вѣрный другъ во цвѣтѣ лѣтъ угасъ;
Онъ пѣлъ любовь—но былъ печаленъ гласъ;
Увы! онъ зналъ любви одну лишь муку;
Теперь всему, всему конецъ;
Твоя душа покой вкусила;
Ты спишь; тиха твоя могила,
Бѣдный пѣвецъ!

Здѣсь, у ручья, вечернею порою,
Прощальну пѣснь онъ заунывно пѣлъ:
«О, красный міръ, гдѣ я вотще расцвѣлъ,
Прости навѣкъ: съ обманутой душою
Я счастья ждалъ—мечтамъ конецъ;
Погибло все, умолкни, лира;
Скорѣй, скорѣй въ обитель мира,
Бѣдный пѣвецъ!

Что жизнь, когда въ ней нѣтъ очарованья?
Блаженство знать, къ нему летѣть душой,
Но пропасть зрѣть межъ нимъ и межъ собой
Желать всякъ часъ и трепетать желанья...
О, пристань горестныхъ сердецъ,
Могила, вѣрый путь къ покою,
Когда же будетъ взятъ тобою
Бѣдный пѣвецъ?

И нѣтъ пѣвца... его не слышно лиры...
Его слѣды исчезли въ сихъ мѣстахъ;
И скорбно все въ долинѣ, на холмахъ;
И все молчитъ... лишь тихіе зефиры,
Колебля вянущій вѣнецъ,

Порою вѣютъ надъ могилой
И лира вторитъ имъ уныло:
Бѣдный пѣвецъ!

[«Пѣвецъ» 1811].

Не всегда, конечно, любовные стихи Жуковскаго такъ безнадежно грустны; но минорный тонъ несомнѣнно преобладаетъ во всѣхъ балладахъ [за исключеніемъ лишь баллады „Пустынникъ“ 1812, и пѣсни „Вѣрность до гроба“ 1818]. Мотивы любви переплетаются съ мотивами ранней смерти двухъ любящихъ, но разлученныхъ сердецъ и съ мотивомъ любви вообще неудовлетворенной. Алина, Эльвина и Минвана умерли, потому что любили [„Алина и Альсимъ“ 1814, „Эльвина и Эдвинъ“ 1814, „Эолова арфа“ 1814, „Утѣшеніе“ 1818], умеръ рыцарь Тогенбургъ, потому что ему не отвѣтили взаимностью [„Рыцарь Тогенбургъ“ 1818]. Умеръ и тотъ узникъ, который слышалъ за стѣной пѣнье невѣдомой ему узницы, въ которую заочно влюбился: умеръ тогда, когда догадался, что она скончалась [„Узникъ“ 1819].

Все очень трогательныя и печальныя картины,... которыя способны затуманить красоту жизни, если бы человѣку не дано было любить воспоминаніе и въ этой любви къ тѣнямъ находить счастіе. „Сказать „я полюблю тебя“ или „я долго любилъ тебя“ — значитъ неглубоко понять сущность любви. Только тотъ, кто скажетъ „я буду любить тебя и въ вѣчности“ — тотъ разгадалъ всю тайну“ [„Три путника“ 1820].

Въ чудесномъ, пожалуй, лучшемъ изъ всѣхъ его оригинальныхъ стихотвореній — въ балладѣ „Теонъ и Эсхинъ“ [1814] выразилъ Жуковскій это сочетаніе любви земной съ любовью загробной, философскаго смиренія передъ страданіемъ съ утвержденіемъ красоты и смысла жизни. Въ этомъ стихотвореніи, какъ въ поэтическомъ синтезѣ, соединены въ одномъ символѣ многія основныя положенія его міровоззрѣнія.

Эсхинъ возвращался къ пенатамъ своимъ,
Къ брегамъ благовоннымъ Алфея.

Онъ долго по свѣту за счастьемъ бродилъ—
Но счастье какъ тѣнь убѣгало.
И роскошь, и слава, и Вакхъ, и Эротъ—
Лишь сердце они изнурили;
Цвѣтъ жизни былъ сорванъ; увяла душа;
Въ ней скука смѣнила надежду.
Ужъ взорамъ его тихоструйный Алфей
Въ цвѣтущихъ брегахъ открывался;
Предъ нимъ оживились минувшіе дни,
Давно улетѣвшая младость...
Все тѣ-жъ берега и поля и холмы,
И то же прекрасное небо;
Но гдѣ-жъ озарявшая нѣкогда ихъ
Волшебнымъ сіяньемъ надежда?
Жилища Теонова ищетъ Эсхинъ.
Теонъ, при домашнихъ пенатахъ,
Въ желаніяхъ скромный, безъ пышныхъ надеждъ
Остался на брегѣ Алфея.
Близъ мѣста, гдѣ въ море втекаетъ Алфей,
Подъ сѣнью оливъ и платановъ
Смиренную хижину видитъ Эсхинъ—
То было жилище Теона.
Съ безоблачныхъ солнце сходило небесъ,
И тихое море горѣло;
На хижину сыпался розовый блескъ
И мирты окресты алѣли.
Изъ бѣлаго мрамора гробъ не вдали,
Обсаженный миртами зрѣлся;
Душистыя розы и гибкій ясминъ
Вѣтвями надъ нимъ сплетались.
На прагѣ сидѣлъ въ размышленьи Теонъ,
Смотря на багряное море—
Вдругъ видитъ Эсхина, и вмигъ узнаетъ
Сопутника юныя жизни.
«Да благостно взглянетъ хранитель-Зевесъ
На мирный возвратъ твой къ пенатамъ!»
Съ блистающимъ радостью взоромъ Теонъ
Сказалъ, обнимая Эсхина.
И взглядъ на него любопытный вперилъ:
Лицо его скорбно и мрачно.
На друга внимательно смотритъ Эсхинъ,
Взоръ друга прискорбенъ, но ясенъ.
«Когда я съ тобой разлучился, Теонъ,
Надежда сулила мнѣ счастье;
Но опытъ иное мнѣ въ жизни явилъ:

Надежда лукавый предатель.
Скажи, о, Теонъ, твой задумчивый взглядъ
Не ту же-ль судьбу возвѣщаетъ?
Ужель и тебя посѣтила печаль
При мирныхъ, домашнихъ пенатахъ?»
Теонъ указалъ, воздыхая, на гробъ:
«Эсхинъ, вотъ безмолвный свидѣтель,
Что боги для счастья послали намъ жизнь—
Но съ нею печаль неразлучна.
«О, нѣтъ! не ропщу на Зевесовъ законъ:
И жизнь и вселенна прекрасны.
Не въ радостяхъ быстрыхъ, не въ ложныхъ мечтахъ
Я видѣлъ земное блаженство.
«Что̀ можетъ разрушить въ минуту судьба,
Эсхинъ, то на свѣтѣ не наше;
Но сердца нетлѣнныя блага: любовь
И сладость возвышенныхъ мыслей—
«Вотъ счастье! о, другъ мой, оно не мечта.
Эсхинъ, я любилъ и былъ счастливъ;
Любовью моя освятилась душа,
И жизнь въ красотѣ мнѣ предстала.
«При блескѣ возвышенныхъ мыслей я зрѣлъ
Яснѣе великость творенья;
Я вѣрилъ, что путь мой лежитъ по землѣ
Къ прекрасной, возвышенной цѣли.
«Увы, я любилъ... и ея уже нѣтъ!
Но счастье, вдвоемъ столь живое,
Навѣки-ль исчезло? И прежніе дни
Вотще ли столь были прелестны?
«О, нѣтъ! никогда не погибнетъ ихъ слѣдъ;
Для сердца прошедшее вѣчно.
Страданье въ разлукѣ есть та же любовь;
Надъ сердцемъ утрата безсильна.
«И скорбь о погибшемъ не есть ли, Эсхинъ,
Обѣтъ неизмѣнной надежды:
Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ,
Погибшее намъ возвратится?
«Кто разъ полюбилъ, тотъ на свѣтѣ, мой другъ,
Уже одинокимъ не будетъ...
Ахъ! свѣтъ, гдѣ *она* предо мною цвѣла—
Онъ тотъ же: все ею онъ полонъ.
«По той же дорогѣ стремлюся одинъ,
И къ той же возвышенной цѣли,
Къ которой такъ бодро стремился вдвоемъ—
Сихъ узъ не разрушитъ могила.

«Сей мыслью высокой украшена жизнь;
Я взоромъ смотрю благодарнымъ
На землю, гдѣ столько разсыпано благъ,
На полное славы творенье.
«Спокойно смотрю я съ земли рубежа
На сторону лучшія жизни;
Сей сладкой надеждою міръ озаренъ,
Какъ небо сіяньемъ Авроры.
«Съ сей сладкой надеждой я выше судьбы,
И жизнь мнѣ земная священна;
При мысли великой, что я—человѣкъ,
Всегда возвышаюсь душою.
«А этотъ безмолвный таинственный гробъ...
О, другъ мой, онъ вѣрный свидѣтель,
Что лучшее въ жизни еще впереди,
Что вѣрно желанное будетъ:
«Сей гробъ затворенная къ счастію дверь
Отворится... жду и надѣюсь!
За нимъ ожидаетъ сопутникъ меня
На мигъ мнѣ явившійся въ жизни.
«О, другъ мой, искавъ измѣняющихъ благъ,
Искавъ наслажденій минутныхъ,
Ты вѣрныя блага утратилъ свои—
Ты жизнь презирать научился.
«Съ симъ гибельнымъ чувствомъ ужасенъ и свѣтъ;
Дай руку; близъ вѣрнаго друга
Съ природой и жизнью опять примирись;
О, вѣрь мнѣ, прекрасна вселенна.
«Все небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ:
Все въ жизни къ великому средство;
И горесть и радость—все къ цѣли одной:
Хвала жизнодавцу-Зевесу!»

Мотивы патріотическіе встрѣчаются въ стихахъ Жуковскаго очень часто. Поэтъ былъ большой патріотъ и какъ свидѣтель великихъ событій Отечественной войны не могъ не откликнуться на общій подъемъ національнаго чувства. Въ поэзіи онъ былъ однимъ изъ первыхъ проводниковъ національнаго воодушевленія. „Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ“ 1812 создалъ ему славу народнаго пѣвца, и дѣйствительно, эта ода новаго типа была полна и красоты, и

паѳоса. Какъ должны были биться сердца патріотовъ того времени, когда они читали, напр., такія строфы:

Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!
Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки.
Что̀ вашу прелесть замѣнитъ?
О, родина святая,
Какое сердце не дрожитъ
Тебя благословляя?
Тебѣ сей кубокъ, русскій царь!
Цвѣти твоя держава!
Священный тронъ твой намъ алтарь
Предъ нимъ обѣтъ нашъ: слава!
Не измѣнимъ; мы отъ отцовъ
Пріяли вѣрность съ кровью:
О, царь, здѣсь сонмъ твоихъ сыновъ,
Къ тебѣ горимъ любовью;
Нашъ каждый ратникъ славянинъ,
Всѣ долгу здѣсь послушны;
Бѣжитъ предатель сихъ дружинъ
И чуждъ имъ малодушный.
Друзья, кипящій кубокъ сей
Вождямъ, сраженнымъ въ боѣ!
Уже не придутъ въ сонмъ друзей,
Не станутъ въ ратномъ строѣ,
Ужъ для врага ихъ грозный ликъ
Не будетъ вѣстникъ мщенья,
И не помчитъ ихъ мощный кликъ
Дружину въ пылъ сраженья;
Ихъ празденъ мечъ, безмолвенъ щитъ,
Ихъ ратники унылы;
И сиръ могучихъ конь стоитъ
Близъ тихой ихъ могилы.

Когда война отшумѣла, Жуковскій повторилъ эти же напѣвы въ новой одѣ, которую назвалъ „Пѣвецъ въ Кремлѣ“ 1814. Въ ней былъ тотъ же національный паѳосъ, даже еще повышенный, и въ ней впервые въ разбивку встрѣчались

тѣ мысли, которыя потомъ сложились у Жуковскаго въ цѣлую теорію, какъ бы предвосхищавшую славянофильское ученіе. Историческаго чутья въ этихъ мысляхъ было мало, но искренности много и въ особенности много довѣрія къ Провидѣнію и къ земной власти:

О, нѣтъ! орудіе одно
Въ десницѣ Провидѣнья...
Внимай! внимай! летитъ оно
Съ жезломъ міроправленья
Надъ темной бездною временъ,
И съ вѣчной колесницы
Судьбы державъ, судьбы племенъ
Бросаетъ изъ десницы.
Кто быстрый перемѣнитъ токъ?
Чья сила, чья упорность?
Летитъ... а намъ Его урокъ:
«Умѣренность, покорность!»
О, совершись, святой завѣтъ!
Въ одну семью, народы!
Цари, въ одинъ отцовъ совѣтъ;
Будь, сила, щитъ свободы!
Духъ благодати, пронесись
Надъ мирною вселенной,
И вся земля совокупись
Въ единый градъ нетлѣнный!
Въ совѣтъ къ царямъ—Небесный Царь!
Символъ имъ: Провидѣнье!
Тронъ власти, обратись въ алтарь!
Въ любовь—повиновенье!
[«Пѣвецъ въ Кремлѣ» 1814].

Къ царской власти Жуковскій питалъ всегда большое и неизмѣнное довѣріе, но во всѣхъ словахъ, съ какими онъ обращался къ царю и членамъ его семьи, никогда не звучало никакой лести, никогда не курилось никакого традиціонно-шаблоннаго ѳиміама: поэтъ говорилъ отъ сердца и въ духѣ самомъ гуманномъ. Знаменательны тѣ слова, какими онъ въ „посланіи къ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ“ 1818 привѣтствовалъ рожденіе В. К. Александра Николаевича, будущаго императора Александра II:

Какъ тишина, его прекрасенъ сонъ
И жизни вѣсть къ нему не достигала...
Но ужъ судьба свой судъ о немъ сказала:
Уже въ ея святилищѣ стоитъ
Ему испить назначенная чаша.
Что́ скрыто въ ней, того надежда наша
Во тьмѣ земной для насъ не разрѣшитъ...
. . . . . .
Лѣта пройдутъ, подвижникъ молодой,
Откинувши младенчества забавы,
Онъ полетитъ въ путь опыта и славы...
Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: *человѣкъ.*
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага всѣхъ—свое позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать;—
Вотъ правила царей великихъ внуку.

Годы шли, и поэтъ лишь укрѣплялся въ своемъ патріотизмѣ. Отдѣльныя мысли и чувства слагались въ цѣлое ученіе. Поэтъ вѣрилъ, что у Россіи есть „особенный союзъ съ Богомъ“, что „Божья Правда почіетъ на ней“, что „Россія призвана произрастить богатую жатву гражданскаго благоденствія“. Для достиженія этой цѣли она должна оторваться отъ насильственнаго вліянія на нее Европы, у которой она заняла богатство образованности, но за которой донынѣ слишкомъ покорно стремилась. Россія — мечталъ поэтъ— должна вступить на особый, самимъ Промысломъ ей проложенный путь: она не будетъ Европа, не будетъ Азія, она будетъ Россія—самобытный великій міръ, полный силы неисчерпаемой... Исполнить это предназначеніе можетъ Россія, только свято храня начала своей самобытной жизни— церковь православную и самодержавіе. Россія, ея царь, ея вѣра были для Жуковскаго предметомъ культа, который не допускалъ никакой критики ни самыхъ основъ этой вѣры, ни нашего историческаго прошлаго и настоящаго. Поэтъ былъ

рѣшительный и послѣдовательный оптимистъ во всемъ, что̀ касалось судебъ нашей родины.

Такой оптимизмъ, конечно, не располагалъ его къ зоркой оцѣнкѣ достоинствъ и недостатковъ нашей жизни. Жуковскій, безспорно, видѣлъ многое злое, несправедливое, что̀ творилось въ Россіи; по мѣрѣ силъ своихъ онъ, какъ частный человѣкъ, старался злу противодѣйствовать, но, какъ писатель и поэтъ, онъ оберегалъ свою пѣсню отъ всякихъ темъ общественныхъ или политическихъ. Онъ вѣрилъ въ правительство и думалъ, что оно въ своей борьбѣ со зломъ не нуждается въ помощи писателя.

Быть рабомъ есть несчастіе, происходящее отъ обстоятельствъ,—говорилъ онъ; любить рабство есть низость; не быть способнымъ къ свободѣ есть испорченность, произведенная рабствомъ. Государь, — въ высокомъ смыслѣ сего слова, отецъ подданныхъ,—также не можетъ любить рабство своего народа и желать продолженіе его, какъ отецъ не можетъ любоваться низостью своихъ дѣтей [1847].

Такъ утѣшалъ себя поэтъ и чувствовалъ себя спокойнымъ.

Вопросъ, которымъ болѣли многіе его сверстники и его ближайшіе друзья—вопросъ о крѣпостномъ положеніи народа—обратилъ на себя рано вниманіе поэта. Въ стихотвореніи „Сельское кладбище“ 1802 Жуковскій съ чужого голоса говорилъ о тѣхъ людяхъ, для которыхъ угрюмою судьбою былъ затворенъ храмъ просвѣщенія, воздвигнутый вѣками, которыхъ рокъ обременилъ цѣпями и геній которыхъ умерщвленъ строгой нуждою. Правда начала ему рано открываться и онъ сталъ думать о томъ, какъ помочь бѣдѣ. Рабство поэтъ призналъ за самое унизительное состояніе въ мірѣ, и говоря о талантливыхъ людяхъ, которые находятся въ „*зависимости*“, онъ писалъ: „Вы замѣчаете въ своемъ человѣкѣ дарованіе и умъ необыкновенный—итакъ, прежде нежели рѣшитесь открыть ему тайну его сокровища, возвратите ему свободу или убійственное чувство рабства уничтожитъ всѣ ваши о немъ попеченія“ [„Печальное происшествіе“ 1809]. Вопросъ былъ поставленъ довольно остро и

прямо, но Жуковскій не сталъ трудиться надъ его рѣшеніемъ. Поэтъ довольствовался лишь разсужденіями о необходимости для народа образованія и разрѣшенія соціальной задачи искалъ въ умственномъ уравненіи людей. Онъ признавалъ, что „земледѣльцы должны быть до нѣкоторой степени образованы“, онъ требовалъ для „простолюдиновъ“ ограниченнаго, приличнаго ихъ скромному жребію просвѣщенія, которое научило бы ихъ наслаждаться жизнью въ томъ самомъ кругу, въ которомъ помѣщены они судьбою, и наслаждаться достойнымъ человѣчества образомъ“ [„О новой книгѣ“ 1808], онъ предлагалъ нѣкоторымъ изъ соотечественниковъ, воспламененнымъ человѣколюбіемъ, соединиться для распространенія благодѣтельнаго свѣта въ умахъ бѣдныхъ своихъ согражданъ, осужденныхъ проводить всѣ дни свои въ тяжкомъ трудѣ и ограничившихъ всю дѣятельность свою сохраненіемъ одной тѣлесной жизни. „Мы имѣемъ, говорилъ онъ, Академію Наукъ и Художествъ, почему же не можемъ имѣть Академіи для *просвѣщенія простолюдиновъ*?“ [„О новой книгѣ“ 1808]. Отъ распространенія образованности поэтъ ожидалъ великаго соціальнаго блага. „Съ успѣхами образованности, писалъ онъ, состоянія должны придти въ равновѣсіе: земледѣлецъ, купецъ, помѣщикъ, чиновникъ, каждый равно дѣятельный въ своемъ особенномъ кругѣ, и въ сей дѣятельности заключившій свое счастье, равно увѣренный въ частныхъ преимуществахъ своего особеннаго званія, для котораго онъ приготовленъ, взирающій независтливымъ окомъ на преимущества чуждаго, которое для него несвойственно, сравняются между собою въ стремленіи къ одному и тому же предмету, въ стремленіи образовать, украсить, приблизить къ творческой свою человѣческую натуру. Одинакія понятія о наслажденіяхъ жизнію соединятъ чертоги и хижину. Взглянувъ на первые, будете говорить: тамъ средства находить счастіе разнообразнѣе и тонѣе; взглянувъ на послѣднюю, скажете: здѣсь средства находить счастіе простѣе и легче; но тамъ и здѣсь живутъ съ одинакою цѣлію“ [„Письмо изъ уѣзда“ 1808].

Всѣ эти юношескія разсужденія были достаточно туманны и наивны и говорили лишь о пробудившемся въ юношѣ интересѣ къ серьезному вопросу. Отъ этого вопроса поэтъ, однако, скоро отошелъ. Въ 1822 году онъ отпустилъ на волю своихъ крѣпостныхъ и затѣмъ уже не упоминалъ больше о крестьянскомъ вопросѣ, конечно не потому, что пересталъ думать о немъ, а потому, что довѣрялъ власти и не хотѣлъ ей подсказывать никакихъ совѣтовъ.

Сентиментальное и оптимистическое настроеніе, довѣрчивость къ власти и упованіе на Промыслъ Божій заставляли Жуковскаго недружелюбно смотрѣть на всякую попытку человѣка рѣзко протестовать противъ общаго хода того уклада жизни, при которомъ жить приходится. Поэтъ былъ противникомъ всякаго „революціоннаго“ духа, въ чемъ бы онъ ни сказывался—въ области ли идей или въ области фактовъ. Ему самому пришлось быть довольно близкимъ свидѣтелемъ лишь одного революціоннаго движенія въ 1848 году, когда онъ жилъ за границей, и онъ не скрывалъ ни своего негодованія, ни своей растерянности передъ этимъ событіемъ. Онъ былъ страшно напуганъ тѣмъ подъемомъ, какъ онъ называлъ, „коммунизма“, который грозилъ тогда подорвать всякую власть; онъ понялъ это движеніе, какъ проявленіе исключительно неправеднаго „бунта“, какъ желаніе перескочить изъ понедѣльника прямо въ среду; онъ полагалъ, что истинный создатель есть время, которое никогда не должно упреждать насильственно; что средства не оправдываются цѣлью; что разрушеніе, всетаки, зло, хотя бы оно было благодѣтельно въ своихъ послѣдствіяхъ; что никто не имѣетъ права жертвовать будущему настоящимъ и нарушать вѣрную справедливость для невѣрнаго, возможнаго блага. „Намъ не дано—говорилъ нашъ смиренный и вѣрующій мыслитель—ничего строить особеннаго по собственному плану: мы можемъ только дѣлать пристройки

къ зданію вѣковъ, котораго планъ не нами начертанъ и намъ даже неизвѣстенъ въ цѣломъ. Чтобы понимать—гдѣ, какъ и что̀ нужно пристроить, мы должны справляться съ исторіей: она одна раскрываетъ намъ планъ Провидѣнія. Если мы будемъ хотѣть не пристраивать, а самобытно строить, то мы будемъ разстраивать, то-есть, набрасывать развалины. Это самовольное набрасываніе развалинъ есть то, что̀ называется „революціей“.

Изъ этихъ словъ, которыя были написаны Жуковскимъ, какъ все, что̀ онъ писалъ, очень искренно, отъ души, безъ всякой задней мысли,—видно, что онъ во всякой рѣзкой перемѣнѣ жизни хотѣлъ видѣть только разрушительную работу отрицанія и не хотѣлъ признать въ ней работы созидающей, творческой. Силу творческую онъ приписывалъ не людямъ, а Богу.

Чудесный даръ боговъ!
О, пламенныхъ сердецъ веселье и любовь,
О, прелесть тихая, души о̀чарованье—
Поэзія! съ тобой
И скорбь, и нищета, и мрачное изгнанье—
Теряютъ ужасъ свой!
Въ тѣни дубравы надъ потокомъ,
Другъ Феба, съ ясною душой,
Въ убогой хижинѣ своей,
Забывшій рокъ, забвенный рокомъ—
Поетъ, мечтаетъ... и блаженъ!
[«Къ поэзіи» 1805].

Такъ просто понималъ поэтъ свое призваніе, когда только-что приступалъ къ служенію музамъ. Правда, уже и тогда онъ думалъ, что „доброта моральная служитъ основаніемъ чувству изящнаго и что это чувство, не будучи соединено съ расположеніемъ къ добру, никогда не можетъ имѣть надлежащей вѣрности“ [„О критикѣ“ 1809].

Въ молодые годы Жуковскій смотрѣлъ на поэзію глазами своихъ предшественниковъ, писателей XVIII вѣка: поэзія была для него веселая богиня—фантазія прихотливая, без-

печно играющая, посланная въ міръ на радость и утѣшеніе людямъ... Поэзія—веселье и любовь всѣхъ пламенныхъ сердецъ, она есть тихая прелесть и очарованіе души. Поэтъ—блаженный мечтатель, счастливый и спокойный въ своемъ уединеніи. Онъ—безпечное дитя; онъ съ младенческой беззаботностью, невидимый толпѣ, идетъ туда, куда его влечетъ крылатый геній; душа его свободна и ясна; она—повсюду видитъ красоту и благо. Одинъ только совѣтъ можно дать поэту: подальше отъ суетныхъ людей, отъ искушеній и обольщеній:

Къ святилищу, гдѣ скрытъ его [Аполлона] незримый тронъ,
Извѣстно намъ, ведутъ безчисленны дороги;
Прямая же одна;
И только тѣмъ очамъ она, мой другъ, видна,
Которыхъ колыбель парнасскимъ лавромъ боги
Благоволили въ часъ рожденья осѣнить.
На славномъ семъ пути пѣвца встрѣчаетъ геній;
И, веселъ посреди божественныхъ явленій,
Онъ съ беззаботностью младенческой идетъ,
Куда рукой неодолимой,
Невидимой толпѣ, его лишь сердцу зримый,
Крылатый проводникъ влечетъ.
Блаженъ, когда, ступивъ на путь, онъ за собою
Покинулъ гордости угрюмой суеты
И славолюбія убійственной мечты.
Тогда съ свободною и ясною душою
Наслѣдіе свое, великолѣпный свѣтъ,
Онъ быстро на крылахъ могучихъ облетаетъ
И вдохновенный восклицаетъ,
Повсюду зря красу и благо: я поэтъ!
[«Посланіе къ кн. Вяземскому» 1814].

Иногда въ опредѣленіи призванія поэта начинаетъ слышаться знакомая намъ элегическая, грустная нота, но задача пѣвца остается попрежнему очень простой и несложной:

Мнѣ рокъ судилъ брести невѣдомой стезей,
Быть другомъ мирныхъ селъ, любить красы природы,
Дышать подъ сумракомъ дубравной тишиной,
И, взоръ склонивъ на пѣнны воды,
Творца, друзей, любовь и счастье воспѣвать.
О, пѣсни, чистый плодъ невинности сердечной!

Блаженъ, кому дано цѣвницей оживлять
Часы сей жизни скоротечной!
Кто, въ тихій утра часъ, когда туманный дымъ
Ложится по полямъ и холмы облачаетъ,
И солнце, восходя, по рощамъ голубымъ
Спокойно блескъ свой разливаетъ,
Спѣшитъ, восторженный, оставя сельскій кровъ,
Въ дубравѣ упредить пернатыхъ пробужденье,
И лиру соглася съ свирѣлью пастуховъ,
Поетъ свѣтила возрожденье!
Такъ пѣть есть мой удѣлъ...
[«Вечеръ» 1806].

Съ 1812 года на поэзію ложится новая миссія.

Сей кубокъ чистымъ Музамъ въ даръ!
Друзья, онѣ въ героя
Вливаютъ бодрость, славы жаръ,
И месть, и жажду боя.
Гремятъ ихъ лиры—старъ и младъ
Одѣлись въ бранны латы;
Ничто имъ стрѣлъ свистящихъ градъ,
Ничто твердынь раскаты.
Пѣвцы—сотрудники вождямъ;
Ихъ пѣсни—жизнь побѣдамъ,
И внуки, внемля ихъ струнамъ,
Въ слезахъ дивятся дѣдамъ.
[«Пѣвецъ въ станѣ воиновъ» 1812].

Чѣмъ дальше идетъ поэтъ по жизненному пути, тѣмъ понятіе о роли поэзіи въ жизни становится для него все шире и глубже. Онъ начинаетъ чувствовать, что съ поэзіей слито все цѣнное и святое его жизни:

Я музу юную, бывало,
Встрѣчалъ въ подлунной сторонѣ
И вдохновеніе слетало
Съ небесъ, незваное, ко мнѣ;
На все земное наводило
Животворящій лучъ оно—
И для меня въ то время было:
Жизнь и поэзія одно.
Но дарователь пѣснопѣній
Меня давно не посѣщалъ;
Бывалыхъ нѣтъ въ душѣ видѣній,

И голосъ арфы замолчалъ.
Его желаннаго возврата
Дождаться-ль мнѣ когда опять?
Или навѣкъ моя утрата?
И вѣчно арфѣ не звучать?
Но все, что́ отъ временъ прекрасныхъ,
Когда онъ мнѣ доступенъ былъ,
Все, что́ отъ милыхъ темныхъ, ясныхъ,
Минувшихъ дней я сохранилъ—
Цвѣты мечты уединенной
И жизни лучшіе цвѣты—
Кладу на твой алтарь священной,
О, геній чистой красоты! [1823].

И все возвышеннѣе и глубже становилась оцѣнка благодатной роли этого генія въ жизни и вмѣстѣ съ ней и самооцѣнка поэта.

Богиня красоты превращалась въ исповѣдницу и служительницу Господа:

Поэзія небесной
Религіи сестра земная; свѣтлый
Маякъ, самимъ Создателемъ зажженный,
Чтобъ мы во тьмѣ житейскихъ бурь не сбились
Съ пути. Поэтъ, на пламени его
Свой факелъ зажигай! Твои всѣ братья
Съ тобою заодно засвѣтятъ каждый
Хранительный свой огнь, и будутъ здѣсь
Они во всѣхъ странахъ и временахъ
Для всѣхъ племенъ звѣздами путевыми;
При блескѣ ихъ, что́-бъ труженикъ земной
Ни испыталъ—душой онъ не падетъ,
И вѣра въ лучшее въ немъ не погибнетъ.

Когда исполняешь такую роль, то нельзя уже думать о счастьи и радостяхъ только:

Нѣтъ, нѣтъ! не счастія, не славы здѣсь
Ищу я: быть хочу крыломъ могучимъ,
Подъемлющимъ родныя мнѣ сердца
На высоту; зарей, побѣду дня
Предвозвѣщающей, великихъ думъ
Воспламенителемъ, глаголомъ правды,
Лекарствомъ душъ, безвѣріемъ крушимыхъ,

И сторожемъ нетлѣнной той завѣсы,
Которою предъ нами горній міръ
Задернутъ, чтобъ порой для смертныхъ глазъ
Ее приподымать и святость жизни
Являть во всей ея красѣ небесной—
Вотъ долгъ поэта, вотъ мое призванье!

Другія всѣ искусства,—говорилъ Жуковскій устами Камоэнса [„Камоэнсъ“, 1839],—намъ возможно пріобрѣсть наукою; поэта же творитъ—природа. Геніи родятся сами. „Нисходитъ прямо съ неба то, что̀ къ небу насъ возноситъ“. Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли; какъ Богъ есть полнота всѣхъ совершенствъ въ мірѣ—сліяніе добра, красоты и истины, такъ и поэзія есть воплощеніе всѣхъ этихъ великихъ благъ въ звукахъ и образахъ, воплощеніе безкорыстное, служащее само себѣ цѣлью. Не своеволіе, не тщетный призракъ—поэта зоветъ самъ Богъ, и онъ къ великому долженъ стремиться смиренно. Само творчество есть возвышенная непроницаемая тайна. Кто можетъ сказать, что̀ такое вдохновеніе и какъ оно нисходитъ на поэта? Оно есть общеніе избраннаго человѣка съ Богомъ, молитва за людей, предвкушеніе лучшей жизни, даръ прозрѣнія въ будущее, даръ пониманія прошлаго. Это великая тайна, безъ которой, однако, наша земная жизнь была бы лишена лучшаго своего украшенія, своего смысла и счастья...

Такъ высоко думалъ Жуковскій о призваніи пѣвца и съ юныхъ лѣтъ до старости онъ служилъ только этому одному своему дѣлу, которое онъ считалъ для жизни самымъ необходимымъ. Никто до него не цѣнилъ поэзіи такъ безкорыстно возвышенно, и въ этомъ смыслѣ онъ былъ по времени нашъ первый поэтъ, первый истинный служитель искусства.

Въ такое связное и цѣльное міровоззрѣніе слагаются взгляды Жуковскаго на жизнь и человѣка. Въ этихъ взгля-

дахъ много искренности, глубины и красоты, но, конечно, они односторонни *).

Поэтъ ревниво сторонился отъ всякаго зла, гдѣ только могъ заподозрить его присутствіе, а „зломъ“ онъ считалъ всякое душевное волненіе, всякую тревогу, мѣшавшую людямъ спокойно отдаваться нравственному совершенствованію, смиренію и подавленію въ себѣ эгоистическихъ чувствъ. Въ Жуковскомъ отъ природы всегда было больше чувства, чѣмъ наблюдательности и связанной съ ней способности къ стро-

---

*) Припомнимъ характеристику творчества Жуковскаго, данную Бѣлинскимъ: Поэзія Жуковскаго дала русской поэзіи душу и сердце, познакомивъ ее съ таинствомъ страданія, утратъ, мистическихъ откровеній и полнаго тревоги стремленія «въ оный таинственный свѣтъ», которому нѣтъ имени, нѣтъ мѣста, но въ которомъ юная душа чувствуетъ свою родную, завѣтную сторону. Есть пора въ жизни человѣка, когда грудь его полна тревоги и волнуется тоскливымъ порываніемъ безъ цѣли, когда горячія желанія съ быстротою смѣняютъ одно другое, и сердце, желая многаго, не хочетъ ничего; когда опредѣленность убиваетъ мечту, удовлетвореніе подсѣкаетъ крылья желанію, когда человѣкъ любитъ весь міръ, стремится ко всему и не въ состояніи остановиться ни на чемъ; когда сердце человѣка порывисто бьется любовью къ идеалу и гордымъ презрѣніемъ къ дѣйствительности, и юная душа, расправляя мощныя крылья, радостно взвивается къ свѣтлому небу, желая забыть о существованіи земного праха. Правда, въ этой порѣ много односторонности, много ложнаго, больше фантазіи, чѣмъ сердца и за нею непремѣнно должна слѣдовать пора горячаго и тяжелаго разочарованія, для того, чтобъ человѣкъ пришелъ въ состояніе понять истину, какъ она есть, простую и прекрасную собственною красотою, а не радужнымъ нарядомъ фантазіи; чтобъ онъ могъ понять, что вѣчное и безконечное является въ преходящемъ и конечномъ, что идея въ фактахъ, душа въ тѣлѣ... Но эта пора юношескаго энтузіазма есть необходимый моментъ въ нравственномъ развитіи человѣка—и кто не мечталъ, не порывался въ юности къ неопредѣленному идеалу фантастическаго совершенства, истины, блага и красоты, тотъ никогда не будетъ въ состояніи понимать поэзію—не одну только создаваемую поэтами поэзію, но и поэзію жизни; вѣчно будетъ онъ влачиться низкою душою по грязи грубыхъ потребностей тѣла и сухого, холоднаго эгоизма...

Жуковскій, это поэтъ стремленія, душевнаго порыва къ неопредѣленному идеалу. Произведенія Жуковскаго не могутъ восхищать всѣхъ и каждаго во всякій возрастъ: они внятно говорятъ душѣ и сердцу въ извѣстный возрастъ жизни или въ извѣстномъ расположеніи духа: вотъ настоящее значеніе поэзіи Жуковскаго, которое она всегда будетъ имѣть».

гому разсужденію. Явленія обыденной жизни ускользали отъ него и замѣнялись видѣніями.

Любовь, дружба, преклоненіе передъ добродѣтелью, служеніе искусству и горячая христіанская вѣра нашли въ немъ ревностнаго служителя и искренняго, вдохновеннаго поэта. Вдохновеніе поэта Жуковскій считалъ откровеніемъ Божіимъ, поэзію понималъ, какъ высшее призваніе человѣка; красоту и добро считалъ неразлучными: въ писателѣ видѣлъ апостола нравственности и вѣры. Поэзія, понятая въ такомъ смыслѣ, должна была естественно сторониться отъ всего несовершеннаго, нечистаго, плотскаго, соблазнительнаго и тревожнаго, то-есть отъ всей обыденной жизни, и витать въ области идеальнаго и желаемаго. Жуковскій и жилъ въ мірѣ просвѣтленномъ, гдѣ лица, взятыя изъ дѣйствительности, превращались въ сказочные образы; или онъ жилъ въ мірѣ желаемомъ—въ мірѣ загробномъ, который онъ населялъ образами, взятыми изъ собственныхъ воспоминаній.

Свои общественные взгляды Жуковскій вывелъ изъ того же оптимизма, который лежалъ въ основѣ всей его житейской философіи. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ нашихъ славянофиловъ, былъ твердо убѣжденъ въ необходимости самобытной русской цивилизаціи, мечталъ о великомъ міровомъ призваніи Россіи, и всю свою вѣру въ лучшее и счастливое будущее возложилъ на православіе и самодержавіе, которымъ служилъ искренно, отъ всего своего сердца.

Такой мирный и спокойный взглядъ на жизнь былъ тогда по душѣ очень многимъ—всѣмъ „сентименталистамъ“, въ которыхъ строгое критическое отношеніе къ жизни было еще мало развито. И надо сознаться, что въ этомъ религіозномъ, смиренномъ и довѣрчивомъ отношеніи къ жизни было для своего времени много прогрессивнаго и гуманнаго содержанія. Нужно было людямъ привить и любовь, и вѣру въ добро, надо было пробудить и укрѣпить въ нихъ нѣжныя чувства—надо было также внушить имъ уваженіе и любовь къ націи, которую они составляли. Россія двинулась

въ началѣ XIX вѣка по пути широкаго общественнаго, гражданскаго и политическаго развитія, ее ожидала большая и трудная работа, при которой подъемъ вѣры въ себя и въ гуманные идеалы жизни былъ необходимъ и желателенъ. Жуковскій болѣе чѣмъ кто-либо способствовалъ этому подъему, и въ этомъ его культурная заслуга *).

---

*) Такъ какъ стихотворенія Жуковскаго—цѣлая литературная хрестоматія, то авторъ рекомендовалъ бы не жалѣть времени на чтéніе произведеній Жуковскаго, и предложилъ бы такой выборъ въ хронологическомъ порядкѣ [по изданію Маркса, редактированному проф. Архангельскимъ]: Сельское кладбище 1801. Тоска по миломъ 1808. Людмила 1808. Кассандра 1808. Къ Филалету 1809. Моя богиня 1809. Путешественникъ 1809. Свѣтлана 1809. Двѣнадцать спящихъ дѣвъ 1810—1817. Пловецъ 1811. Жалоба 1811. Желаніе 1811. Пѣвецъ 1811. Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ 1812. Мечты 1812. Пустынникъ 1812. Адельстанъ 1813. Ивиковы журавли 1813. Эпимесидъ 1813. Уединеніе 1814. Баллада, въ которой описывается какъ одна старушка... 1814. Варвикъ 1814. Алина и Альсимъ 1814. Эльвина и Эдвинъ 1814. Ахиллъ... 1814. Эолова арфа 1814. Аббадонна 1814. Молитва русскаго народа 1814. Теонъ и Эсхинъ 1814. Ночь 1815. Стансы 1815. Пѣвецъ въ Кремлѣ 1814—16. Пѣсня бѣдняка 1816. Счастіе въ снѣ 1816. Мщеніе 1816. Гаральдъ 1816. Три пѣсни 1816. Овсяный кисель 1816. Красный карбункулъ 1816. Деревенскій сторожъ 1816. Тлѣнность 1816. «Тамъ небеса и воды ясны» 1816. Явленіе боговъ 1816. Утѣшеніе въ слезахъ 1817. Рыцарь Тогенбургъ 1818. Вѣрность до гроба 1818. Горная дорога 1818. Лѣсной царь 1818. Невыразимое 1818. Утѣшеніе 1818. Рыбакъ 1818. На кончину Королевы Виртембергской 1819. Жизнь 1819. Путешественникъ и поселянка 1819. Узникъ 1819. «Отымаетъ наши радости» 1820. Три путника 1820. Пери и Ангелъ 1821. Лалла Рукъ 1821. Шильонскій узникъ 1821. Замокъ Смальгольмъ 1822. Привидѣніе 1822. Море 1822. 19 марта 1823. Ангелъ и Пѣвецъ 1823. «Я музу юную бывало» 1824. Таинственный посѣтитель 1824. Торжество побѣдителей 1828. Сидъ 1831. Кубокъ 1831. Перчатка 1831. Неожиданное скитанье 1831. Поликратовъ перстень 1831. Жалоба Цереры 1831. Доника 1831. Судъ Божій надъ епископомъ 1831. Замокъ на берегу моря 1831. Алонзо 1831. Ленора 1831. Покаяніе 1831. Королева Урака 1831. Двѣ были и еще одна 1831. Пери 1831. Сраженіе со змѣемъ 1831. Сказка о царѣ Берендеѣ 1831. Война мышей и лягушекъ 1831. «Въ долину къ пастырямъ смиреннымъ» 1831. Судъ въ подземельѣ 1832. Роландъ-оруженосецъ 1832. Рыцарь Роллонъ 1832. Братоубійца 1832. Старый рыцарь 1832. Уллинъ и его дочь 1833. Элевзинскій праздникъ 1833. Ночной смотръ 1836. Сельское кладбище 1839. Маттео Фальконе 1843. Капитанъ Боппъ 1843. Выборъ креста 1845. «У сына Франціи» 1849. Царскосельскій лебедь 1849. Орлеанская Дѣва 1821. Разрушеніе Трои 1822. Ундина 1836. Камо-

Поэзія Жуковскаго, прельщая своей художественностью, скоро перестала удовлетворять читателя своимъ настроеніемъ и смысломъ.

Оптимизмъ и тихое мечтательное настроеніе не могли наполнить всей жизни подраставшихъ молодыхъ поколѣній, какъ они заполняли жизнь самого Жуковскаго. Многіе вопросы, отъ которыхъ Жуковскій сторонился, какъ отъ зла, стали настойчиво требовать рѣшенія, и не могли быть обойдены въ искусствѣ. Самъ Жуковскій понималъ это и не сердился, видя, какъ поэты младшаго поколѣнія его опережали.

Еще въ 1828 году онъ набросалъ стихотвореніе „Умирающій лебедь". Надъ умирающимъ дряхлымъ лебедемъ склонялся сизокрылый голубокъ и слушалъ его предсмертную пѣсню. Стихотвореніе не удалось и авторъ остался имъ недоволенъ. Много лѣтъ спустя поэтъ вернулся къ этому стихотворенію и передѣлалъ его.

И такими словами прощался онъ съ своими учениками:

Лебедь бѣлогрудый, лебедь бѣлокрылый,
Какъ же нелюдимо, ты, отшельникъ хилый,
Здѣсь сидишь на лонѣ водъ уединенныхъ;
Спутниковъ давнишнихъ, прежней современныхъ
Жизни, переживши, сѣтуя глубоко,
Ихъ ты поминаешь думой одинокой;
Сумрачный пустынникъ, изъ уединенья
Ты на молодое смотришь поколѣнье
Грустными очами; прежняго единый
Брошенный обломокъ, въ новый лебединый
Свѣтъ на пиръ веселый гость не приглашенный,
Ты вступить дичишься въ кругъ неблагосклонный
Рѣзвой молодежи...
Старикъ печальный
Молодость ихъ образъ твой монументальный
Рѣзвую пугаетъ, онъ на нихъ наводитъ
Скуку, и въ пріютъ твой ни одинъ не входитъ
Гость, изъ молодежи, вѣтрено летящей

энсъ 1839. Наль и Дамаянти 1841. Рустемъ и Зорабъ 1847. Одиссея 1849. Странствующій жидъ 1850—2.

Вслѣдъ за быстрымъ мигомъ жизни настоящей...

. . . . . .

Дни текли за днями. Лебедь позабытый
Таялъ одиноко; а младое племя
Въ шумѣ рѣзвой жизни забывало время...
Разъ среди ихъ шума раздался чудесно
Голосъ, всю пронзившій бездну поднебесной;
Лебеди, услышавъ голосъ, присмирѣли
И, стремимы тайной силой, полетѣли
На голосъ: предъ ними, вновь помолодѣлый,
Радостно вздымая перья груди бѣлой,
Голову на шеѣ гордо распрямленной,
Къ небесамъ подъемля, весь воспламененный,
Лебедь благородный дней Екатерины
Пѣлъ, прощаясь съ жизнью, гимнъ свой лебединый;
А когда допѣлъ онъ,—на небо взглянувши
И крылами сильно дряхлыми взмахнувши,—
Къ небу, какъ во время оное бывало,
Онъ съ земли рванулся... и его не стало
Въ высотѣ... и навзничь съ высоты упалъ онъ;
И прекрасенъ мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,
Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
Въ небеса вперяя взоръ ужъ негорящій.

[«Царскосельскій лебедь»].

И дѣйствительно, тогда, когда Жуковскому впервые мелькнулъ этотъ трогательный образъ умирающаго лебедя, пламенная любовь его читателей была уже перенесена на его ученика, котораго онъ самъ готовъ былъ признать своимъ учителемъ,—на Пушкина.

Батюшковъ и усовершенствованіе стихотворнаго стиля.

Одной изъ характерныхъ чертъ творчества молодыхъ поэтовъ Александровскаго времени было ихъ пристрастіе къ мотивамъ античной древности и къ тѣмъ внѣшнимъ формамъ словеснаго творчества, которыя процвѣтали въ литературѣ греческой и римской. Усвоить себѣ античное міросозерцаніе во всей его широтѣ и глубинѣ мы, конечно, не могли въ виду нашей неподготовленности къ пониманію многихъ сторонъ столь отъ насъ далекой культуры, но учиться на образцахъ стараго словеснаго искусства мы могли съ успѣхомъ—что̀ и дѣлали. Большинство нашихъ писателей проходило эту античную школу подъ руководствомъ преимущественно учителей французскихъ, но были и такіе, которые могли читать сами оригиналы, и прилежно въ нихъ вчитывались. Знакомясь съ этой русской лирикой античнаго стиля, преимущественно римскаго, съ ея эпистолами, эпиграммами, мадригалами, сатирами, элегіями, идилліями,—видишь, какъ хорошо наши поэты были знакомы съ классическимъ Парнасомъ.

Ѳеокритъ, Горацій, Ювеналъ, Тибуллъ, Катуллъ, Марціалъ, Вергилій, Апулей и въ особенности Овидій, читались охотно и, какъ говорилъ Пушкинъ—въ ущербъ Цицерону. Русская лирика при рожденіи своемъ была крещена въ языческую вѣру и долго молилась всѣмъ греко-римскимъ бо-

гамъ. Боги и полубоги, герои, нимфы, сатиры, фавны, Аглаи, Хлои и другія прелестницы очень занимали воображеніе нашихъ поэтовъ, и мы ошибемся, если заподозримъ, что всѣ эти имена и связанные съ ними образы были лишь риторическими украшеніями или звонкими риѳмами.

Поэтъ Александровской эпохи любилъ классическую древность, и эта любовь была не случайной. Онъ любилъ древность прежде всего за ея символизмъ и ея идеальную красоту. Она въ своемъ весельѣ, въ своей грусти, въ своемъ гнѣвѣ и радости, слезахъ и смѣхѣ была такъ красива, величественна, спокойна и витала, повидимому, такъ высоко надъ обыденной жизнью. Конечно, при историческомъ взглядѣ на античную словесность и она оказалась бы „злобой" своего дня, но историческій взглядъ для поэта вообще не обязателенъ, а въ тѣ времена для русскаго поэта былъ почти недоступенъ. Лирикъ двадцатыхъ годовъ находилъ въ классической поэзіи наиболѣе подходящее выраженіе своимъ вполнѣ реальнымъ чувствамъ,—выраженіе, передававшее всю сущность его настроенія и не напоминавшее о тѣхъ мелочахъ жизни, изъ которыхъ данное настроеніе вытекало. Сказать: меня разсердилъ такой-то непонятливый критикъ—значило унизить священное чувство поэтическаго гнѣва, а потому и красивѣе, и сильнѣе возгласить вмѣстѣ съ Гораціемъ: „Прочь, непросвѣщенная чернь!" Возвести свѣтскую даму или просто любую изъ своихъ знакомыхъ въ званіе Деліи или Хлои и написать ей посланіе, гдѣ упомянуть объ ея соперничествѣ съ Кипридой или Граціями, значило возвысить и освятить свое чувство. Въ застольной пѣснѣ помянуть Вакха и Киприду было также какъ будто благороднѣе, чѣмъ прямо написать тостъ въ честь благороднаго напитка.

Но кромѣ этой традиціонной красоты и идеальной возвышенности, какія въ готовыхъ образцахъ были даны въ классической литературѣ, само античное міросозерцаніе одной своей стороной подходило къ жизни нашихъ лириковъ начала XIX столѣтія. Хваленая гармонія духа, о которой такъ

много говорится, когда рѣчь заходитъ о классической древности, вполнѣ соотвѣтствовала тому благодушному настроенію, въ какомъ обрѣтались тогда наши писатели—большіе оптимисты, любившіе жизнь той непосредственной любовью, какой любилъ ее и грекъ, и римлянинъ въ годы цвѣтенія классическаго искусства и литературы. Эта гармонія не исключала ни меланхоліи, ни тоски, ни даже глубокой скорби, какую мы иногда подмѣчаемъ въ лирическихъ пѣсняхъ нашихъ молодыхъ поэтовъ того времени.

Страннымъ можетъ показаться, однако, такое смѣшеніе необузданнаго веселья съ искренней и глубокой скорбью. Съ одной стороны—полное упоеніе жизнью, ея надеждами и радостями, съ другой—неотвязная мысль о тщетѣ всего земного, скорбные помыслы о непостоянствѣ всѣхъ благъ жизни. Это противорѣчіе вполнѣ естественно, и нѣтъ необходимости предполагать, что въ томъ или другомъ случаѣ наши пѣвцы гонялись за модой или повторяли чужія слова. Печаль этихъ вѣтренниковъ и молодыхъ служителей вдохновенія не есть печаль романтика, томящагося по идеалу, мечтателя, упавшаго съ небесъ на землю; она не есть гнѣвная печаль оскорбленнаго человѣка, сознающаго свою силу, но связаннаго и отверженнаго—эти разновидности человѣческой скорби, какими такъ богато XIX столѣтіе, имѣютъ мало общаго съ грустнымъ настроеніемъ нашихъ лириковъ Александровской эпохи. Они въ своей печали — не романтики, не байронисты, они скорѣе всего классики, вѣрующіе въ неумолимую судьбу, тяготѣющую надъ міромъ, столь прекраснымъ и радостнымъ; они—молодые люди, беззаботные и веселые, съ грустью смотрящіе впередъ на необходимость оторвать скоро свои уста отъ сладкой чаши жизни. Они въ своей грусти скорѣе мыслители, чѣмъ люди чувства, скорѣе люди трезваго взгляда, чѣмъ нервные мечтатели, какими были ихъ плачущіе и гнѣвные современники на Западѣ. Понятно, почему они такъ любили классическую поэзію. У древнихъ трагиковъ, у Вергилія, Овидія и Го-

рація, находили они тѣ мысли о бренности всего земного, о страшномъ, неотразимомъ приговорѣ судьбы, находили тотъ крикъ страданія, который рано или поздно долженъ прервать всѣ веселыя рѣчи, пѣсни и бесѣды. Этотъ скорбный взглядъ на жизнь, не мѣшавшій юнымъ пѣвцамъ пользоваться минутою, легъ въ основаніе многихъ печальныхъ стихотвореній нашей молодой лирики, и потому эти стихотворенія носятъ такой общій характеръ: они очень неопредѣленны, почти всегда однообразны, за ними не видно житейскаго опыта, котораго, конечно, не могло быть, такъ какъ эти пѣсни вытекали изъ общихъ размышленій о жизни, а не изъ нея самой. Позднѣе, когда эти люди обогатились опытомъ, когда жизнь ихъ поломала и обманула—грустныя пѣсни ихъ стали болѣе содержательны и ихъ печаль болѣе опредѣленна.

Нельзя забывать, что и настроеніе нервной раздраженности, охватывавшее временами сердца нашихъ юныхъ поэтовъ, находило себѣ въ древности также готовыя формы. Ювеналъ былъ безсмертнымъ образцомъ, и всякій разъ, когда кто-либо изъ нашихъ лириковъ желалъ говорить словами „гражданина", онъ учился боевымъ пріемамъ у этого классика. Помогали лирику, конечно, въ данномъ случаѣ и классики-прозаики, какъ, напр., Тацитъ и въ особенности Плутархъ — историкъ-пѣвецъ всѣхъ доблестей военныхъ и гражданскихъ.

Итакъ, обилію классическихъ мотивовъ у нашихъ поэтовъ начала XIX вѣка удивляться не приходится; надо только помнить, что въ число усвоенныхъ нами античныхъ мотивовъ не попали многіе, и притомъ самые сложные и глубокіе, какъ напр. религіозныя и философскія проблемы, въ древности столь неразрывно связанныя съ искусствомъ.

Но кромѣ мотивовъ и идейнаго ихъ содержанія, классическая древность давала нашимъ писателямъ наглядный примѣръ того, какая высота художественной формы можетъ быть достигнута въ словесномъ воплощеніи этихъ мотивовъ.

Одинъ изъ первыхъ, кто по достоинству оцѣнилъ эту

красоту словесной формы и, подражая ей, самъ достигъ большой художественной высоты въ обработкѣ поэтической рѣчи, былъ Константинъ Николаевичъ Батюшковъ. Ему и Жуковскому обязаны мы первыми образцами истинно поэтическаго стихотворнаго языка, созданіе котораго облегчило Пушкину его работу.

Пушкинъ любилъ поэзію Батюшкова, высоко цѣнилъ технику его стиха и преклонялся передъ нимъ, какъ передъ истиннымъ поэтомъ. Батюшковъ и былъ истиннымъ поэтомъ, но приравнять его къ Жуковскому и назвать учителемъ цѣлаго литературнаго поколѣнія — едва ли можно. Его талантъ былъ односторонній, хотя въ своей односторонности сильный. Если ужъ поэзія Жуковскаго далеко не отражала всѣхъ сторонъ современной ему жизни, всѣхъ ея настроеній, то поэзія Батюшкова была совсѣмъ бѣдна содержаніемъ—почему и не имѣла вліянія на широкіе круги общества. То, что̀ составляетъ несомнѣнную заслугу Батюшкова, это — грація формы и мелодичность стиха въ его зрѣлыхъ произведеніяхъ. Если мы сравнимъ его стихъ со стихомъ Жуковскаго, то въ обработкѣ нѣкоторыхъ лирическихъ формъ мы Батюшкову отдадимъ предпочтеніе. Для выработки литературнаго художественнаго языка Батюшковъ сдѣлалъ много, въ короткій срокъ и притомъ работая въ тяжелыхъ условіяхъ.

Поэтъ замолчалъ очень рано, подорванный неизлѣчимой психической болѣзнью, и талантъ его не далъ всего, что̀ онъ могъ дать, судя по его силѣ. „Я похожъ — говорилъ несчастный художникъ — на человѣка, который не дошелъ до цѣли своей, а несъ онъ на головѣ красивый сосудъ, чѣмъ-то наполненный. Сосудъ сорвался съ головы, упалъ и разбился въ дребезги. Поди, узнай теперь, что̀ въ немъ было“.

Было, впрочемъ, одно сильное чувство, въ передачѣ котораго Батюшковъ обнаружилъ несомнѣнный талантъ первоклассного мастера, это—то особенно тонкое эстетическое

чувство, какое возбуждаетъ въ насъ созерцаніе красоты. До Пушкина никто не умѣлъ такъ безкорыстно наслаждаться красотой, какъ Батюшковъ, потому что Жуковскій, при всемъ своемъ преклоненіи передъ чистой красотой, всетаки не могъ отстранить отъ себя мысли о добрѣ, съ которымъ красота связана. Батюшковъ не отрицалъ, конечно, этой связи, но онъ любилъ самое впечатлѣніе красоты больше, чѣмъ тѣ чувства, которыя сопутствовали этому впечатлѣнію. Вотъ почему онъ и имѣлъ такое пристрастіе къ античной антологической поэзіи и такъ художественно умѣлъ подражать ей.

Общей массѣ читателей имя Батюшкова говорило мало, но всѣ любители искусства ставили его очень высоко: онъ былъ для нихъ живымъ образцомъ очень тонко чувствующаго художника, для котораго все наслажденіе жизни дано въ искусствѣ—художника, который сотворенъ для созерцанія красоты и не можетъ найти себѣ въ жизни иной радости по сердцу, поэта, который живетъ въ мірѣ красивой мечты и только ею дышетъ.

Эту радость о красотѣ Батюшковъ выразилъ въ удивительно ясной и отчетливой формѣ. Свѣтлый и опредѣленный міръ изящной древности помогъ ему въ этомъ и стихъ его пріобрѣлъ такую пластичность, что сталъ какъ бы „видимъ глазу“ [слова Бѣлинскаго].

Печальная жизнь Батюшкова окружила къ тому же его творчество особымъ ореоломъ.

Дѣтство было не изъ радостныхъ: семья жила недружно. Воспитывался поэтъ хоть у родственниковъ, которые его очень любили, но всетаки въ чужомъ домѣ. Рано его зачислили на службу, но къ службѣ онъ не имѣлъ никакой склонности. Затѣмъ на долгіе годы его увлекла война, сначала съ Наполеономъ [1807] и со шведами [1807—9], затѣмъ, послѣ краткаго перерыва, война отечественная [1812] и кампанія 1813—1814 года. Походы, конечно, обогатили умъ и фантазію поэта впечатлѣніями, но такими, которыя съ его

артистическимъ темпераментомъ имѣли мало общаго; кромѣ того онъ былъ тяжело раненъ, и эта рана разрушила его здоровье. Къ этому времени относится, кажется, и несчастная любовь, которую пришлось пережить. Война кончилась; Батюшковъ вернулся къ мирнымъ литературнымъ занятіямъ и завязалъ дружественныя связи со всѣми видными литераторами. Но разбитое здоровье заставило его покинуть столицу и для него вновь потекли годы странствованія. Онъ, впрочемъ, любилъ перемѣну мѣста, но теперь какой-то безпокойный духъ овладѣлъ имъ и указывалъ на приближеніе иной, болѣе тяжелой болѣзни—психической. Послѣдніе годы своей сознательной жизни Батюшковъ прожилъ въ Италіи, прикомандированный къ нашему посольству. Но и жизнь въ Италіи не успокоила его омраченной души, и въ 1822 году разсудокъ его окончательно затуманился.

За свою краткую жизнь Батюшковъ успѣлъ написать немного. И изъ этого немногаго прійдется бо̀льшую половину отчислить въ разрядъ опытовъ, которые особенныхъ художественныхъ достоинствъ не имѣютъ и въ настоящее время представляютъ лишь историческій интересъ.

Въ первыхъ своихъ стихахъ Батюшковъ былъ всецѣло во власти сентиментальнаго настроенія и повторялъ обычные мотивы, въ большинствѣ случаевъ меланхолическіе и религіозно-нравственные. Грустныя пѣсни ему удавались, такъ какъ вообще онъ къ минорному порядку чувствъ былъ болѣе всего склоненъ. Тихая мечта, мысль о загробномъ мірѣ, постоянныя жалобы на суету и зло повседневной жизни, и очень искренняя склонность къ уединенію — вотъ любимые мотивы его первыхъ пѣсенъ.

Но пока поэтъ былъ здоровъ и юнъ, не могъ же онъ не откликнуться порой и на свѣтлую сторону жизни, и его минорныя пѣсни иногда прерывались веселыми:

О, пока безцѣнна младость
Не умчалася стрѣлой,
Пей изъ чаши полной радость

И, сливая голосъ свой
Въ часъ вечерній съ тихой лютней,
Славь безпечность и любовь!
А когда въ сѣни пріютной
Мы услышимъ смерти зовъ,
То, какъ лозы винограда
Обвиваютъ тонкій вязъ,
Такъ меня, моя отрада,
Обними въ послѣдній часъ!
Такъ лилейными руками
Цѣпью нѣжною обвѣй,
Съедини уста съ устами
Душу въ пламени излей!
И тогда тропой безвѣстной
Долу къ тихимъ берегамъ,
Самъ онъ, богъ любви прелестной
Проведетъ насъ по цвѣтамъ
Въ тотъ Элизей, гдѣ все таетъ
Чувствомъ нѣги и любви,
Гдѣ любовникъ воскресаетъ
Съ новымъ пламенемъ въ крови,
Гдѣ, любуясь пляской Грацій
Нимфъ сплетенныхъ въ хороводъ,
Съ Деліей своей Горацій
Гимны радости поетъ.
Тамъ, подъ тѣнью миртовъ зыбкой,
Намъ любовь сплететъ вѣнцы,
И привѣтливой улыбкой
Встрѣтитъ нѣжные пѣвцы.

[«Отрывокъ изъ элегіи» 1808].

Въ веселыхъ пѣсняхъ поэта было больше литературнаго задора и моды, чѣмъ житейской истины. Тѣ, кто знавалъ Батюшкова, говорили, что задумчивость и меланхолія были отличительными качествами его души. Только въ грустныхъ пѣсняхъ возвышался онъ до истинной художественности, а въ бравурныхъ былъ простымъ стихотворцемъ. И сатира не давалась ему; но элегіи его отличались всегда особой задушевностью.

Съ годами въ Батюшковѣ меланхолія крѣпла, и лишь на короткое время это омраченіе души было остановлено сильнымъ и яркимъ подъемомъ чисто эстетическаго чувства.

Образъ непонятаго и страдающаго художника былъ давно милъ сердцу Батюшкова, и въ элегіи „Умирающій Тассъ“— едва ли не лучшемъ изъ его крупныхъ стихотвореній—онъ излилъ свою жалобу на горестную судьбу избранника небесъ, вѣнчаннаго поэта. Онъ воспѣвалъ страданія Тасса, но думалъ о себѣ.

Элегія не блещетъ особенной глубиной мысли; вопросъ о призваніи поэта въ ней лишь слегка намѣченъ, но очень искренно оттѣнено ощущеніе грустнаго одиночества художника, имѣющаго всѣ права быть центромъ любви и вниманія. Батюшковъ, исходя изъ личныхъ впечатлѣній, коснулся въ этомъ стихотвореніи темы, которая на Западѣ и у насъ имѣла потомъ очень долгую жизнь.

Припомнимъ нѣкоторыя мѣста изъ этой жалобы—столь красивой:

Какое торжество готовитъ древній Римъ?
Куда текутъ народа шумны волны?
Къ чему сихъ ароматъ и мирры сладкій дымъ,
Душистыхъ травъ кругомъ кошницы полны?
До Капитолія отъ Тибровыхъ валовъ,
Надъ стогнами всемірныя столицы,
Къ чему раскинуты средь лавровъ и цвѣтовъ
Безцѣнные ковры и багряницы?
Къ чему сей шумъ, къ чему тимпановъ звукъ и громъ?
Веселья онъ или побѣды вѣстникъ?
Почто съ хоругвіей течетъ въ молитвы домъ
Подъ митрою апостоловъ намѣстникъ?
Кому въ рукѣ его сей зыблется вѣнецъ
Безцѣнный даръ признательнаго Рима?
Кому тріумфъ? Тебѣ, божественный пѣвецъ,
Тебѣ сей даръ, пѣвецъ Ерусалима!
И шумъ веселія достигъ до кельи той,
Гдѣ борется съ кончиною Торквато,
Гдѣ надъ божественной страдальца головой
Духъ смерти носится крылатой.
Ни слезы дружества, ни иноковъ мольбы
Ни почестей столь позднія награды,
Ничто не укротитъ желѣзныя судьбы,
Не знающей къ великому пощады.
Полуразрушенный, онъ видитъ грозный часъ,
Съ веселіемъ его благословляетъ

И, лебедь сладостный, еще въ послѣдній разъ
Онъ, съ жизнію прощаясь, восклицаетъ:
«Друзья! о, дайте мнѣ взглянуть на пышный Римъ,
Гдѣ ждетъ пѣвца безвременно кладбище!
Да встрѣчу взорами толпы твои и дымъ,
О, древнее квиритовъ пепелище,
Земля священная героевъ и чудесъ,
Развалины и прахъ краснорѣчивый!
Лазурь и пурпуры безоблачныхъ небесъ,
Вы, тополи, вы, древнія оливы,
И ты, о, вѣчный Тибръ, поитель всѣхъ племенъ,
Засѣянный костьми гражданъ вселенной.
Васъ, васъ привѣтствуетъ изъ сихъ унылыхъ стѣнъ
Безвременной кончинѣ обреченный!
Свершилось! Я стою надъ бездной роковой
И не вступлю при плескахъ въ Капитолій,
И лавры славные надъ дряхлой головой
Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли!
Отъ самой юности игралище людей,
Младенцемъ былъ уже изгнанникъ,
Подъ небомъ сладостнымъ Италіи моей
Скитаяся, какъ бѣдный странникъ,
Какихъ не испыталъ превратностей судебъ?
Гдѣ мой челнокъ волнами не носился,
Гдѣ успокоился? Гдѣ мой насущный хлѣбъ
Слезами скорби не кропился?
Такъ! Я свершилъ назначенное Фебомъ.
Отъ первой юности его усердный жрецъ,
Подъ молніей, подъ разъяреннымъ небомъ
Я пѣлъ величіе и славу прежнихъ дней,
И въ узахъ я душой не измѣнился.
Музъ сладостный восторгъ не гасъ въ душѣ моей,
И геній мой въ страданьяхъ укрѣпился.
Онъ жилъ въ странѣ чудесъ, у стѣнъ твоихъ, Сіонъ,
На берегахъ цвѣтущихъ Іордана!
Онъ вопрошалъ тебя, мутящійся Кедронъ,
Васъ, мирныя убѣжища Ливана!
Предъ нимъ воскресли вы, герои древнихъ дней,
Въ величіи и въ блескѣ грозной славы!
Но поздно: я стою надъ бездной роковой
И не вступлю при плескахъ въ Капитолій,
И лавры славные надъ дряхлой головой
Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли!»
Умолкъ...
Свѣтило дневное ужъ къ западу текло

И въ заревѣ багряномъ утопало;
Часъ смерти близился, и мрачное чело
Въ послѣдній разъ страдальца просіяло.
Съ улыбкой тихою на западъ онъ глядѣлъ
И, оживленъ вечернею прохладой,
Десницу къ небесамъ внимающимъ воздѣлъ,
Какъ праведникъ съ надеждой и отрадой.
«Смотрите, онъ сказалъ рыдающимъ друзьямъ,
Какъ царь свѣтилъ на западѣ пылаетъ!
Онъ, онъ зоветъ меня къ безоблачнымъ странамъ,
Гдѣ вѣчное свѣтило засіяетъ,
Ужъ ангелъ предо мной, вожатый оныхъ мѣстъ,
Онъ осѣнилъ меня лазурными крылами...
Приближьте знакъ любви, сей таинственный крестъ,
Молитеся съ надеждой и слезами!
Земное гибнетъ все—и слава и вѣнецъ,
Искусствъ и музъ творенья величавы...
Но тамъ все вѣчное, какъ вѣченъ самъ Творецъ,
Податель намъ вѣнца небренной славы,
Тамъ все великое, чѣмъ духъ питался мой,
Чѣмъ я дышалъ отъ самой колыбели!
О, братья, о, друзья, не плачьте надо мной!
Вашъ другъ достигъ давно желанной цѣли!
Отыдетъ съ миромъ онъ и, вѣрой укрѣпленъ,
Мучительной кончины не примѣтитъ.
Тамъ, тамъ,—о, счастіе!—средь непорочныхъ женъ,
Средь ангеловъ Элеонора встрѣтитъ!»
И съ именемъ любви божественный погасъ.
Друзья надъ нимъ въ безмолвіи рыдали.
День тихо догоралъ, и колокола гласъ
Разнесъ кругомъ по стогнамъ вѣсть печали.
«Погибъ Торквато нашъ»—воскликнулъ съ плачемъ Римъ,
«Погибъ пѣвецъ, достойный лучшей доли!»...
На утро факеловъ узрѣли мрачный дымъ,
И трауромъ покрылся Капитолій.

[1816].

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ этихъ стихахъ передъ нами личное признаніе. Душа поэта была затуманена какой-то очень глубокой печалью.

И вотъ, среди такихъ грустныхъ размышленій и ощущеній поэтъ на нѣкоторое время нашелъ покой и радость въ созерцаніи чистой красоты. Общеніе съ античной музой

сдѣлало Батюшкова—уже больного—вдругъ какъ бы жизнерадостнымъ. Онъ сталъ подражать древнимъ въ ихъ веселыхъ и любовныхъ пѣсняхъ, и въ немъ оживился художникъ, но, конечно, не человѣкъ, который продолжалъ быстро идти къ печальной развязкѣ.

Стихотворенія: „Изъ греческой антологіи", 1817—18 гг., и еще нѣкоторыя другія, также навѣянныя древностью, создали славу Батюшкова какъ поэта, и дѣйствительно, нѣкоторыя изъ нихъ достигаютъ высокой степени художественнаго совершенства. Вспомнимъ, напр., эту удивительно выдержанную вакхическую пѣсню:

Всѣ на праздникъ Эригоны
Жрицы Вакховы текли,
Вѣтры съ шумомъ разнесли
Громкій вой ихъ, плескъ и стоны.
Въ чащѣ дикой и глухой
Нимфа юная отстала.
Я за ней... Она бѣжала
Легче серны молодой.
Эвры волосы взвѣвали
Перевитые плющомъ,
Нагло ризы поднимали
И свивали ихъ клубкомъ.
Стройный станъ, кругомъ обвитый
Хмеля желтаго вѣнцомъ,
И пылающи ланиты
Розы яркимъ багрецомъ.
И уста, въ которыхъ таетъ
Пурпуровый виноградъ,
Все въ неистовой прельщаетъ,
Въ сердце льетъ огонь и ядъ!
Я за ней... Она бѣжала
Легче серны молодой;
Я настигъ, она упала,
И тимпанъ подъ головой!
Жрицы Вакховы промчались
Съ громкимъ воплемъ мимо насъ
И по рощѣ раздавались
«Эвоэ» и нѣги гласъ!

[«Вакханка», 1816].

Или такую пѣсню, любовную и торжествующую:

Свершилось: Никагоръ и пламенный Эротъ
За чашей Вакховой Аглаю побѣдили...
О, радость! здѣсь они сей поясъ разрѣшили,
Стыдливости дѣвической оплотъ.
Вы видите: кругомъ разсѣяны небрежно
Одежды пышныя надменной красоты,
Покровы легкіе изъ дымки бѣлоснѣжной
И обувь стройная, и свѣжіе цвѣты;
Здѣсь всѣ развалины роскошнаго убора,
Свидѣтели любви и счастья Никагора.
[1817—1818].

И рядомъ съ ней пѣсню любовнаго томленія:

Изнемогаетъ жизнь въ груди моей остылой.
Конецъ боренію, увы, всему конецъ!
Киприда и Эротъ, мучители сердецъ,
Услышьте голосъ мой, послѣдній и унылой!
Я вяну, и еще мученія терплю;
Полмертвый, но сгораю;
Я вяну, и еще такъ пламенно люблю
И безъ надежды умираю!
Такъ жертву обхвативъ кругомъ,
На алтарѣ огонь блѣднѣетъ, умираетъ
И, вспыхнувъ ярче предъ концомъ,
На пеплѣ погасаетъ. [1817—1818].

Или, наконецъ, этотъ гимнъ природѣ-матери:

Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ,
Есть радость на приморскомъ брегѣ,
И есть гармонія въ семъ говорѣ валовъ,
Дробящихся въ пустынномъ бѣгѣ.
Я ближняго люблю, но ты, природа,—мать,
Для сердца ты всего дороже!
Съ тобой, владычица, привыкъ я забывать
И то, чѣмъ былъ, какъ былъ моложе,
И то, чѣмъ нынѣ сталъ, подъ холодомъ годовъ.
Тобою въ чувствахъ оживаю:
Ихъ выразить душа не знаетъ стройныхъ словъ,
И какъ молчать объ нихъ, не знаю.
Шуми же ты, шуми, угрюмый океанъ!
Развалины на прахѣ строитъ

Минутный человѣкъ, сей суетный тиранъ,
Но море чѣмъ себѣ присвоитъ?
Трудися, созидай громады кораблей. [1819].

Какое настоящее, величавое, классическое спокойствіе царитъ въ этихъ стихотвореніяхъ, по которымъ никакъ нельзя догадаться о психическомъ состояніи художника, ихъ создавшаго. Но ихъ создалъ именно художникъ, нашедшій въ безстрастной красотѣ временное утѣшеніе и облегченіе отъ тяжелаго чувства одиночества, все настойчивѣе его преслѣдовавшаго.

Поэтъ заболѣвалъ, и передъ тѣмъ, какъ разсудку его окончательно погаснуть, онъ въ послѣднемъ своемъ стихотвореньи говорилъ:

Ты помнишь, что изрекъ,
Прощаясь съ жизнію сѣдой Мельхиседекъ?
Рабомъ родится человѣкъ,
Рабомъ въ могилу ляжетъ,
И смерть ему едва ли скажетъ,
Зачѣмъ онъ шелъ долиной чудной слезъ,
Страдалъ, рыдалъ, терпѣлъ, исчезъ.
[«Изреченіе Мельхиседека», 1821].

Какъ напоминаетъ это стихотвореніе древніе хоры греческой трагедіи, въ которыхъ часто высказывалась подобная безотрадная философія жизни!

Изъ приведенныхъ стихотвореній можно видѣть, чѣмъ именно Батюшковъ, писавшій рѣдко и мало, плѣнялъ своихъ современниковъ. Самое совершенное и красивое въ его творчествѣ было не всѣмъ доступно, но всякій человѣкъ съ развитымъ художественнымъ вкусомъ не могъ не прельститься этими перлами искусства, разсыпанными хотя бы не щедрой рукой. Батюшковъ не вносилъ въ область творчества никакого новаго идейнаго содержанія, но онъ давалъ образцы пластики рѣчи и художественныхъ образовъ, и любоваться этой пластикой значило совершенствовать въ себѣ эстетическое чувство; и всѣ современники поэта, рѣшительно всѣ,

въ комъ было чутье къ изящному, признавали Батюшкова истиннымъ поэтомъ и считали его болѣзнь великой потерей для искусства *).

*) Кромѣ приведенныхъ стихотвореній Батюшкова желательно знакомство съ нижеслѣдующими: «Выздоровленіе» 1808. «Ложный страхъ» 1810. «На развалинахъ замка въ Швеціи» 1814. «Тѣнь друга» 1814. «Надежда» 1815. «Пѣснь Гаральда Смѣлаго» 1816. «Гезіодъ и Омиръ—соперники» 1816 (переводная пьеса на тему слегка напоминающую «Умирающаго Тасса»). «Изъ греческой антологіи» 1817—1818. «Подражаніе древнимъ» 1821.

Ранніе годы Пушкина.

Въ первые же годы развитія нашей изящной словесности, когда работа истиннаго генія была всего нужнѣе для успѣха только-что начинавшагося дѣла, судьба была къ намъ милостива и послала намъ Пушкина.

Съ тѣхъ поръ какъ русскій народъ себя помнитъ, у него не было болѣе яркаго поэтическаго дарованія. Какъ художникъ Пушкинъ остается великъ и въ наше время, которое можетъ говорить о Гоголѣ, Лермонтовѣ, Тургеневѣ, Достоевскомъ и Толстомъ какъ о своихъ учителяхъ. Если искусству со дня смерти Пушкина открывались все болѣе и болѣе широкіе горизонты, то всетаки самый способъ художественнаго воспріятія жизни и ея претворенія въ поэзію ни у кого изъ писателей не достигалъ болѣе высокой степени совершенства, чѣмъ у Пушкина. По силѣ и глубинѣ *художественнаго* воспріятія явленій внѣшняго и внутренняго міра, по *умѣнію* творить людей, творить ихъ души Пушкинъ стоитъ въ ряду первоклассныхъ міровыхъ поэтовъ. Гомеръ, Данте, Шекспиръ, Гете — вотъ имена, которыя мы всего чаще произносимъ, когда силу Пушкинскаго творчества хотимъ пояснить сравненіемъ. Можетъ показаться, что въ насъ говоритъ въ данномъ случаѣ патріотическое пристрастіе, тѣмъ болѣе, что на Западѣ Пушкину этой чести не оказываютъ; но Западу трудно оцѣнить Пушкина: въ переводѣ

пропадаетъ очень многое и чисто русское въ творчествѣ поэта мѣшаетъ иностранцу оцѣнить то, что́ въ Пушкинѣ есть общечеловѣческаго.

Мы, русскіе, вышли позже другихъ на арену литературной работы и мы долго учились на образцахъ западнаго искусства, безъ различія національностей; поэтому, быть можетъ, въ нашихъ сужденіяхъ и въ литературныхъ вкусахъ болѣе терпимости и пониманія, чѣмъ у нашихъ сосѣдей. Высокое мнѣніе о Пушкинѣ, какъ о художникѣ, мнѣніе, раздѣляемое у насъ всѣми, имѣетъ за собой именно потому столько правды, что оно есть голосъ людей, воспитанныхъ на всемъ богатствѣ западной словесности, людей, которые въ оцѣнкѣ литературныхъ памятниковъ одни, пожалуй, во всей Европѣ имѣютъ право назваться космополитами.

Но, сравнивая поэзію Пушкина съ поэзіей Данте, Шекспира, Гете, мы не можемъ не замѣтить, что въ ней нѣтъ многихъ мотивовъ, которые придаютъ творчеству этихъ Пушкину равныхъ художниковъ такое глубокое философское и историческое значеніе.

Мы будемъ крайне несправедливы, однако, если въ виду относительной несложности и простоты мотивовъ Пушкинской поэзіи, пожелаемъ умалить *поэтическій геній* художника. Фантазія каждаго поэта питается тѣмъ, что́ ему даетъ окружающая его дѣйствительность и условія личной и общественной жизни, среди которой онъ выросъ, всегда налагаютъ извѣстную печать на его творчество.

Поэзія тѣхъ великихъ поэтовъ, имена которыхъ мы только-что назвали, была художественнымъ воплощеніемъ очень сложной, глубокой, широко развитой духовной и матерьяльной жизни ихъ вѣка, и тотъ фактъ, что они сумѣли возсоздать эту жизнь въ главнѣйшихъ моментахъ ея развитія, освѣтить ее съ возможно бо́льшаго числа сторонъ—и даетъ имъ право на названіе поэтовъ міровыхъ: они—выразители не только своихъ личныхъ думъ; они истолкователи настрое-

ній и думъ цѣлой эпохи, цѣлаго знаменательнаго этапа, пройденнаго человѣчествомъ.

Когда мы произносимъ имя Данте, передъ нами возстаетъ вся средневѣковая жизнь, съ ея философской и богословской мыслью, съ ея вѣковыми политическими ученіями объ имперіи и папствѣ, съ Италіей и Римомъ, какъ столицей всего цивилизованнаго міра, съ воспоминаніями о древней культурѣ и съ надеждами на ея возрожденіе. Поэзія Данте, это—художественный синтезъ одной изъ важнѣйшихъ эпохъ всемірной исторіи. Драмы Шекспира вызываютъ также въ нашей памяти представленіе о необычайно сложной умственной, политической и гражданской жизни эпохи Возрожденія и философское міросозерцаніе этихъ драмъ отражаетъ на себѣ работу новой европейской мысли XVI-го вѣка—той мысли, которая имѣла такое рѣшающее вліяніе на умственную и затѣмъ общественную жизнь послѣдующихъ поколѣній.

Имя Гете тѣсно связано съ эпохой просвѣщенія конца XVIII вѣка, съ эпохой, которая открываетъ собой новую эру всемірной культуры. Освободительная работа въ области религіи, философіи, нравственности и общественныхъ условій жизни нашли въ Гете своего истолкователя и своего критика. Поэзія Гете была зеркаломъ, въ которомъ отразились всѣ колебанія ума и сердца за этотъ—опять-таки глубокій по своему смыслу періодъ въ исторіи культурнаго міра.

И Пушкинъ также былъ свидѣтелемъ знаменательной исторической эпохи, когда на Западѣ люди стали разбираться въ богатѣйшемъ идейномъ и фактическомъ наслѣдствѣ великой революціи. Но Пушкинъ жилъ въ Россіи, гдѣ всѣ западныя движенія, умственныя, политическія и соціальныя отражались съ уменьшенной силой и получали интересъ болѣе теоретическій, чѣмъ практическій. Пушкинъ не стоялъ въ центрѣ кипѣвшей вокругъ него богатой жизни, онъ созерцалъ ее издалека. Вотъ почему его творчество, сохраняя свое художественное совершенство и свою художествен-

ную полноту, не выразило многихъ идей и чувствъ, которыми жили наши сосѣди и которыми они болѣли и волновались. Въ умѣ своемъ Пушкинъ былъ и судьей этихъ идей и ихъ хозяиномъ, но какъ поэтъ онъ не ощущалъ непосредственно ихъ силы вокругъ себя и оберегалъ отъ нихъ свое вдохновеніе.

Наша жизнь, хоть и самобытная и по-своему красивая, была еще слишкомъ юна, чтобы дать художнику матеріалъ для созданія мірового памятника искусства. Эта жизнь могла подарить насъ самимъ художникомъ—какъ она и подарила насъ Пушкинымъ,—художникомъ съ геніальной способностью художественнаго воспріятія жизни и ея претворенія въ поэзію, но этому великому мастеру она для обработки не могла дать особенно богатаго, для всего міра цѣннаго матеріала, такъ какъ сама еще его не имѣла.

При всемъ этомъ нельзя не удивиться необычайной разносторонности интересовъ Пушкина и широтѣ его поэтическаго кругозора. Онъ обладалъ даромъ усваивать, сживаться съ міросозерцаніями и чувствами самыхъ различныхъ эпохъ человѣческой жизни. Хотя онъ рѣдко пользовался этимъ даромъ, но, какъ художникъ, успѣлъ доказать, что онъ умѣлъ говорить и думать какъ язычникъ, какъ христіанинъ, какъ средневѣковый рыцарь, какъ сынъ эпохи Возрожденія, какъ поклонникъ Вольтера и ученикъ Руссо.

Эта разносторонность и многогранность души Пушкина всего яснѣе проступаютъ въ его отношеніи къ явленіямъ родной ему русской жизни. Ни одно литературное, общественное, умственное и даже политическое движеніе въ Россіи не осталось ему — какъ человѣку — чуждо, хотя не съ одинаковой полнотой и ясностью отразилось на его творчествѣ.

У него, какъ у художника, всегда была какая-то странная нелюбовь къ переживаемому историческому моменту. Мы могли бы ожидать, что именно онъ, одаренный такимъ даромъ перевоплощенія, всего чаще и подробнѣе будетъ намъ гово-

рить о той жизни, которую онъ вокругъ себя видѣлъ, объ ея идейныхъ теченіяхъ и общественномъ движеніи. Но онъ объ этомъ говорилъ неохотно и рѣдко. Онъ былъ слишкомъ разборчивъ въ томъ матеріалѣ, который онъ привлекалъ для поэтической обработки. Многое интересное, живое и достойное онъ исключалъ изъ поля своего художественнаго зрѣнія.

Если поэтъ вообще, какъ царь міра фантазіи и самовольный творецъ душъ и тѣлесъ, всегда въ извѣстномъ смыслѣ разобщенъ съ жизнью реальной, съ „существенностью", какъ говорили въ старину, то еще больше разъединенъ былъ онъ съ текущимъ историческимъ моментомъ въ тѣ далекіе годы, когда такое разъединеніе онъ считалъ особой добродѣтелью, особымъ преимуществомъ художника. А въ Александровскую эпоху, когда только-что зарождалась наша изящная словесность, поэтъ, дѣйствительно, гордился тѣмъ, что житейская суета, во всѣхъ ея видахъ, оставалась за порогомъ его кабинета. Много потребовалось времени и упорнаго труда со стороны художника и много настойчивыхъ требованій со стороны общества, пока не произошло возможное соглашеніе между поэтомъ и жизнью и пока художникъ не призналъ истинной поэзіи за той житейской прозой, которая его окружала, пока къ этой прозѣ онъ не сталъ относиться съ той же серьезностью, съ какой раньше относился исключительно къ своей мечтѣ. Въ годы, когда созрѣвалъ Пушкинъ, такого соглашенія между искусствомъ и жизнью не было. Художникъ считалъ себя призваннымъ на иную работу, чѣмъ та, которая вершилась прозаическими орудіями жизни, и онъ былъ доволенъ, если его поздравляли съ умѣньемъ пройти мимо этой прозы, не запыливъ и не загрязнивъ своей свѣтлой ризы.

И тѣмъ не менѣе, когда ставится вопросъ—кто же изъ нашихъ художниковъ Александровской эпохи стоялъ всего ближе къ нашей дѣйствительности—придется, конечно, указать на Пушкина.

При всемъ нежеланіи сближать свое творчество съ текущимъ историческимъ моментомъ, Пушкинъ—нашъ единственный художникъ слова, въ творчествѣ котораго сохранилось въ достаточной полнотѣ міросозерцаніе и господствующее настроеніе его эпохи. Эти черты вѣка были Пушкинымъ сохранены неумышленно. Онъ не задавался цѣлью отмѣчать ихъ, разбираться въ нихъ, дѣлать ихъ предметомъ строгаго обсужденія—онъ, какъ натура чуткая, улавливалъ ихъ и схватывалъ и, овладѣвъ ими какъ художникъ, довольствовался ихъ воспроизведеніемъ.

Религіозныхъ мотивовъ въ творчествѣ Пушкина—мало; въ Александровскую эпоху поэтъ былъ скорѣе антирелигіозно настроенъ и далекъ отъ всякаго религіознаго сентиментализма, мистики и піэтизма, столь тогда распространенныхъ; къ философской мысли онъ также не имѣлъ влеченія. Но зато общественная жизнь нашла въ немъ достаточно яркаго выразителя.

Въ художественной словесности Александровской эпохи общественные мотивы слышны далеко не часто и не съ той силой, на какую мы имѣли бы право разсчитывать. Въ беллетристическихъ произведеніяхъ и въ поэзіи Карамзина они отсутствуютъ; ихъ нѣтъ въ пѣсняхъ всѣхъ лириковъ, образующихъ такъ называемую „плеяду“ Пушкина, за исключеніемъ лишь пѣсенъ Рылѣева; въ очень обобщенной формѣ появляются они въ нѣкоторыхъ басняхъ Крылова и тонутъ среди другихъ басенъ, которыя предостерегаютъ писателя отъ непрошеннаго вмѣшательства въ общественную жизнь. Правда, одинъ изъ общественныхъ вопросовъ, даже очень острый, поднятъ въ комедіи Грибоѣдова. Наконецъ, въ романахъ и повѣстяхъ того времени попадаются кое-какія робкія попытки иллюстрировать то или другое общественное явленіе бытовой картинкой. Но почти во всѣхъ случаяхъ такія иллюстраціи съ настоящимъ художественнымъ творчествомъ не имѣютъ ничего общаго.

И одна лишь поэзія Пушкина отзывается въ Алексан-

дровскую эпоху на общественные и даже политическіе запросы.

Но по природѣ своей Пушкинъ былъ всетаки мало расположенъ къ такому отзвуку. Политическая буря 1825 года прошла мимо него; онъ былъ возвращенъ изъ ссылки и въ исторіи творчества поэта начался новый періодъ — самый зрѣлый. Настроеніе стало эстетически-спокойнымъ и общественные мотивы стали слышаться все рѣже и рѣже. Сохраняя полное спокойствіе художника въ своемъ творчествѣ, поэтъ, какъ личность, ревниво и страстно относился къ „суетѣ" дня. И всю свою жизнь онъ въ глазахъ ревностныхъ охранителей порядка считался опаснымъ человѣкомъ; эти опасенія были, конечно, совершенно излишни, такъ какъ юношескій либерализмъ поэта давно выдохся и никакой оппозиціи, явной или тайной, онъ господствующей власти не оказывалъ и не хотѣлъ оказать: если чего опасались, такъ это его свѣтлаго ума, о которомъ знали, что онъ видитъ многое, и его рѣзкаго остроумнаго слова, которое при случаѣ не кстати могло сорваться.

Пушкина неоднократно упрекали въ томъ, что картина русской жизни, какъ она дана въ его произведеніяхъ, страдаетъ неполнотой, и что онъ, касаясь многихъ насущныхъ вопросовъ дѣйствительности, неравномѣрно или невѣрно освѣщалъ ихъ. Говорили, что показная сторона жизни привлекала Пушкина больше, чѣмъ слѣдутъ, что его взглядъ на нашу будущность и на наше настоящее былъ недостаточно мотивированъ въ своемъ оптимизмѣ, что внѣшній успѣхъ Россіи среди другихъ державъ, ея физическая сила и внѣшній порядокъ, который царилъ внутри, помѣшали ему заглянуть глубже въ жизнь и высказать свое мнѣніе о тѣхъ многихъ аномаліяхъ, которыя таились въ ея съ виду ровномъ теченіи. Упрекали поэта въ томъ, что его патріотизмъ, его любовь къ Россіи страдали отсутствіемъ трезвой критики, что, дворянинъ до мозга костей, онъ слишкомъ покровительственно и сентиментально смотрѣлъ на просто-

народье, что, поклонникъ свободы въ теоріи, онъ недостаточно протестовалъ противъ разныхъ формъ произвола, которыя существовали на практикѣ. Всѣ эти упреки справедливы, и Пушкинъ можетъ раздѣлить ихъ со многими культурными и образованными людьми своего вѣка, во главѣ которыхъ, по силѣ ума и дарованія, онъ долженъ быть поставленъ.

Когда мы теперь, въ началѣ XX-го вѣка, послѣ поэзіи Лермонтова и Некрасова, послѣ всѣхъ тѣхъ картинъ русской дѣйствительности, которыя даны намъ въ сочиненіяхъ Гоголя, Тургенева, Достоевскаго, Толстого, Островскаго и другихъ,—возвращаемся къ поэзіи Пушкина, насъ поражаетъ ея безстрастность... Взглядъ поэта на жизнь художественно спокоенъ, и нѣтъ раздвоенія въ его душѣ. Нѣтъ рефлектирующей, самоистязующей мысли и отзвуки вѣчнаго трагическаго спора идеала и дѣйствительности почти не слышны въ горней сферѣ его поэзіи.

Время Пушкина—это пока еще ранняя заря нашей культурности. Лучи свѣта озаряли тогда только однѣ вершины общества; что̀ творилось внизу — было покрыто туманомъ. Эта тьма рѣдѣла лишь постепенно, и много разочарованій готовила русская жизнь тѣмъ людямъ, которые судили о ней, стоя на этихъ освѣщенныхъ вершинахъ. Всѣ эти люди съ Пушкинымъ во главѣ были исполнены глубокой любви къ Россіи, но, конечно, они ее недостаточно знали; воспитаніе, которое они получили съ дѣтства, избранный интеллигентный кругъ, въ которомъ они вращались, привычка судить о жизни съ самыхъ общихъ точекъ зрѣнія, сентиментальные идеалы, завѣщанные имъ предшествующимъ поколѣніемъ, внѣшній успѣхъ Россіи и, наконецъ, сильная и энергичная личность Императора Николая Павловича, въ котораго они вѣрили, — все поддерживало въ ихъ сердцѣ оптимистическій взглядъ не только на будущее, но и на настоящее. Для того, чтобы этотъ оптимизмъ поколебался или, по крайней мѣрѣ, былъ подвергнутъ строгому испы-

танію, для этого нужно было, чтобы громче заговорила сама жизнь въ лицѣ разныхъ своихъ представителей, вышедшихъ изъ разныхъ ея слоевъ, а также, чтобы писатель, изображавшій эту жизнь, отнесся съ большой строгостью къ ея содержанію. Такъ, дѣйствительно, и случилось впослѣдствіи, когда ряды русскихъ писателей стали пополняться, когда каждый изъ этихъ писателей приносилъ съ собою богатый запасъ живого матерьяла, собраннаго со всѣхъ концовъ Россіи и во всѣхъ слояхъ общества, и когда строгая безъ прикрасъ правда жизни получила въ глазахъ писателя высокую цѣну.

Пушкинъ только начиналъ эту работу; самый тяжелый трудъ выпалъ на долю его послѣдователей, тѣхъ самыхъ, которые центръ своихъ интересовъ перенесли съ своей личности художника на разнообразіе всей раскинувшейся вокругъ нихъ жизни.

Много и часто было говорено о томъ, что Пушкинъ и его поколѣніе относились съ аристократическимъ презрѣніемъ къ непросвѣщенной толпѣ, которая ихъ окружала. Поэта упрекали въ отсутствіи широкаго и правильнаго пониманія той гражданской и культурной роли, которую художникъ призванъ выполнить среди своего народа. Но слово „толпа“ въ устахъ Пушкина и его сверстниковъ никогда не означало „народной массы“, „народа“, стоявшаго на соціальной лѣстницѣ ниже того сословія, къ которому принадлежалъ поэтъ. Презрѣннымъ именемъ толпы Пушкинъ клеймилъ всѣхъ враговъ всего возвышеннаго въ жизни—рабовъ пошлости, суеты, людей, презирающихъ всякую мысль и чувство, которыя возвышаютъ человѣка надъ данной минутой и освобождаютъ его отъ слѣпого служенія ей;—и Пушкинъ былъ правъ въ своемъ презрѣніи къ такимъ людямъ. Русскій народъ къ этой „толпѣ“ причисленъ не былъ, и самъ поэтъ неоднократно черпалъ матеріалъ для своей поэзіи изъ народной жизни и народнаго творчества.

Но тѣмъ не менѣе, связь между поэтомъ и его народомъ не была въ тѣ годы такой тѣсной, какой она стала потомъ, когда общественная солидарность между отдѣльными классами общества развилась и повысилась.

И по мѣрѣ того, какъ мысль о такой солидарности проникала въ сознаніе, по мѣрѣ того, какъ она требовала отъ человѣка все болѣе и болѣе энергичной борьбы съ тѣми условіями гражданской жизни, которыя разъединяли части единаго цѣлаго, — росло въ писателѣ и сознанье своей нравственной отвѣтственности передъ обществомъ, и прежній самодовольный покой ума и сердца былъ въ немъ нарушенъ.

Поэтическій талантъ Пушкина развился очень быстро. Въ 1820-мъ году, когда поэма „Русланъ и Людмила" увидѣла свѣтъ, двадцатилѣтній юноша былъ уже вождемъ молодого литературнаго поколѣнія, вождемъ, передъ которымъ старики съ почтеньемъ посторонились.

Такимъ раннимъ развитіемъ поэтъ былъ обязанъ, конечно, прежде всего счастливымъ условіямъ, въ какихъ протекли его дѣтство и юность. Семья, въ которой онъ выросъ, была не только относительно богатой, но и очень интеллигентной семьей: образованіе въ широкомъ смыслѣ цѣнилось въ ней высоко, во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ служебное положеніе—предметъ страстей и желаній большинства изъ нашихъ тогдашнихъ аристократическихъ семей. И питомецъ этой семьи—нашъ поэтъ—получилъ по наслѣдству уваженіе къ богатству духовному, которому онъ отдавалъ всегда предпочтеніе передъ всякимъ инымъ. Онъ сознавалъ и цѣнилъ себя высоко какъ художника и работника на нивѣ умственной, за что, какъ извѣстно, въ своемъ кругу ему приходилось страдать не мало. Аристократы по положенію не всегда готовы были склониться передъ аристократомъ по вдохновенію и потому заставляли Пушкина иногда слиш-

комъ рѣзко подчеркивать свои права на родовитость и знатность. Часто упрекали Пушкина за его дворянскую спесь и горделивыя слова, забывая, что такія рѣчи въ устахъ поэта были самообороной художника, въ своемъ кругу недостаточно признаннаго.

Дѣтство свое Пушкинъ провелъ въ Москвѣ и въ родной деревнѣ, въ близкомъ общеніи съ тѣми слоями народа, о которыхъ русскій писатель тѣхъ годовъ мало думалъ. Нельзя сказать и про Пушкина, что онъ объ этихъ слояхъ думалъ много, но случай заставилъ его въ ранней юности и позднѣе жить съ ними довольно тѣсной жизнью. Глубокой душѣ поэта рано открылись неприглядная красота народной жизни, ея религіозный смыслъ, нравственная выдержка и нравственное чутье, сохранившіеся вопреки развращающимъ внѣшнимъ условіямъ, въ которыхъ жила эта народная масса.

Одиннадцати лѣтъ, въ 1811 году, мальчикъ былъ отданъ въ Царскосельскій лицей—закрытое привилегированное учебное заведеніе. По мысли Императора, лицей долженъ былъ стать разсадникомъ государственныхъ мужей, и онъ оправдалъ эти надежды. Онъ былъ серьезной школой, хорошо приноровленной къ тому, чтобы всесторонне воспитать и развить способности своихъ воспитанниковъ. Культъ искусства въ лицеѣ процвѣталъ, пожалуй, больше, чѣмъ культъ науки. Пушкинъ былъ не изъ первыхъ учениковъ по успѣхамъ. Его горячая, съ примѣсью африканской, кровь, его темпераментъ поэта и размахъ мечты мало согласовались съ усидчивой выдержкой, которая необходима для успѣшной научной работы. Но лицей всетаки заставилъ Пушкина работать надъ собой, и много работать. Среди профессоровъ были люди съ философскимъ и широкимъ литературнымъ образованіемъ; среди товарищей—много лицъ съ живыми умственными интересами и большой любовью къ художественному творчеству, наконецъ, среди знакомыхъ—самые выдающіеся писатели того времени. Мальчикъ быстро расширялъ кругъ своего литературнаго чтенія, и французская, нѣмецкая и

англійская словесность подняли его скоро до уровня европейски образованнаго человѣка. Конечно, глубины въ этомъ образованіи не было, была одна только широта, но она-то именно и дѣйствовала благотворно на развивающійся съ непомѣрной быстротой художественный талантъ Пушкина.

Литературное чтеніе въ лицеѣ обогатило душу поэта массой отраженныхъ впечатлѣній жизни, въ ожиданіи, что они будутъ дополнены прямымъ его вмѣшательствомъ въ ея теченіе. Въ 1817 году Пушкинъ былъ выпущенъ изъ лицея. Онъ поступилъ „на службу", но она, кажется, мало брала у него времени, и онъ смотрѣлъ на нее, какъ на придатокъ къ тому, чему онъ тогда служилъ на самомъ дѣлѣ. А служилъ онъ своему таланту, который пользовался каждымъ днемъ, чтобы запасаться новыми впечатлѣніями. Общественное положеніе семьи Пушкина, лицейскій дипломъ, привлекательность и талантливость его личности, обезпеченность—облегчали ему движеніе и круженіе во всевозможныхъ кругахъ и ознакомленіе съ тѣмъ богатымъ запасомъ идей и чувствъ, какимъ въ началѣ XIX столѣтія жило наше интеллигентное общество. Указывалось часто на разсѣянный образъ жизни, какой Пушкинъ велъ по выходѣ изъ лицея; онъ жилъ, дѣйствительно, жизнью шумной; свѣтскія развлеченія, салонные обряды, холостое веселье со всѣми причитающимися нескромными удовольствіями—все это брало много времени, но въ концѣ концовъ все шло на пользу поэтической души и вдохновенія. Не надо забывать также, что въ этотъ періодъ разсѣянныхъ увлеченій Пушкинъ былъ уже хоть и небольшой пока, но всетаки литературной силой, которая въ разныхъ литературныхъ кружкахъ и обществахъ съ успѣхомъ выступала. Талантъ, однако, требовалъ извѣстной экономіи силъ и, вѣроятно, онъ пострадалъ бы въ концѣ концовъ отъ такого лирическаго безпорядка жизни, если бы случай не озаботился дать поэту необходимую передышку. Въ своей погонѣ за всевозможными мыслями, впечатлѣніями и ощуще-

ніями Пушкинъ попалъ въ полосу увлеченія политическими вопросами и въ обнаруженіи этого увлеченія не соблюлъ должной мѣры. Въ 1820 году его сослали на югъ въ довольно почетную ссылку.

То, что̀ Пушкинымъ было написано въ лицеѣ и въ первые три года его вольной жизни, имѣетъ теперь болѣе историческую, чѣмъ эстетическую стоимость, но въ свое время было литературнымъ событіемъ, съ которымъ современники считались какъ съ многообѣщающимъ словомъ. Опредѣлить историческую цѣнность „лицейскихъ" стихотвореній и другихъ стиховъ Пушкина первыхъ годовъ его творчества не такъ легко: только подробное ознакомленіе съ литературными теченіями того времени позволяетъ установить ихъ стоимость. Эта стоимость — временная, а не вѣчная, какую имѣютъ истинно художественныя созданія.

Первая и неизбѣжная черта этого юношескаго творчества—смѣшеніе въ немъ самыхъ разнообразныхъ стилей. Поэтъ учится на хорошихъ образцахъ, но, какъ ученикъ съ громаднымъ талантомъ, онъ не подражаетъ слѣпо [за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда просто переводитъ], а старается пережить съ любимымъ авторомъ настроенія, которыя ему открылись. Перечислять эти образцы, къ которымъ Пушкинъ приглядывался,—нѣтъ нужды; всѣ самые видные художники западные [преимущественно англійскіе и французскіе], классическаго стиля и сентиментальнаго, интересовали Пушкина и были безспорно предметомъ добросовѣстнаго изученія, судя по тому, какъ умѣло онъ усвоилъ ихъ манеру письма и ихъ пріемы мастерства. Изъ русскихъ писателей можно указать на Державина, Богдановича, Жуковскаго, Батюшкова и Карамзина, слѣды вліянія которыхъ остались на этихъ первыхъ опытахъ Пушкина.

Намъ нѣтъ, впрочемъ, необходимости устанавливать зависимость раннихъ стихотвореній Пушкина отъ произве-

деній того или другого автора; достаточно будетъ обозрѣть въ цѣломъ то міросозерцаніе, которое въ нихъ открывается. Оно, конечно, юношеское, неглубокое, частями навѣянное чтеніемъ, но оно облечено въ красивую форму, которая указываетъ уже на силу поэтическаго чувства, зрѣющаго очень быстро.

Религіозныхъ мотивовъ въ раннихъ стихахъ Пушкина нѣтъ: наоборотъ, встрѣчается нерѣдко очень поверхностное, шутливое отношеніе къ этому порядку чувствъ, которыя, скажемъ кстати, глубоко коренились въ душѣ поэта. Что въ юные годы Пушкинъ, вопреки тогдашней сентиментальной модѣ, оставался холоденъ къ религіознымъ мотивамъ— это объясняется вольнодумнымъ, извнѣ усвоеннымъ направленіемъ, вычитаннымъ изъ французскихъ авторовъ XVIII вѣка, которые были въ большомъ почетѣ и въ его родной семьѣ, и въ кругу его знакомыхъ. Пушкинъ зналъ эту просвѣтительную литературу лучше, чѣмъ всѣ его сверстники.

Онъ былъ тѣмъ не менѣе, какъ и они, предрасположенъ къ мечтательному настроенію, и не избѣгъ „томленія души", столь характернаго для его сентиментальнаго вѣка. Но, поплакавъ надъ ранней своей могилой, надъ мимолетной радостью, обманами любви въ ея быстромъ бѣгѣ, погрустивъ при „оссіановской" лунѣ и воздавъ должную хвалу одиночеству, — Пушкинъ возвращался къ излюбленнымъ своимъ ощущеніямъ, жизнерадостнымъ и игривымъ, къ которымъ по природѣ былъ склоненъ и въ которыхъ его поддерживала вокругъ него кипѣвшая жизнь, довѣрчивая и вѣрующая въ счастье. Такихъ жизнерадостныхъ настроеній въ раннихъ стихахъ Пушкина очень много, и они чрезвычайно разнообразны. По примѣру французскихъ поэтовъ XVIII вѣка, а также непосредственно подъ вліяніемъ латинскихъ лириковъ, которыхъ онъ почитывалъ, Пушкинъ низвелъ въ своихъ стихахъ на землю весь веселый Олимпъ и премущественно, конечно, Вакха и Киприду.

Несложность темъ искупалась иногда необычайно хорошей отдѣлкой стиха и граціей стиля, какъ напр. въ стихотвореніи „Дорида“, въ которомъ Пушкинъ явился достойнымъ соперникомъ Батюшкова:

Въ Доридѣ нравятся и локоны златые,
И блѣдное лицо, и очи голубыя.
Вчера, друзей моихъ оставя пиръ ночной,
Въ ея объятіяхъ я нѣгу пилъ душой;
Восторги быстрые восторгами смѣнялись,
Желанья гасли вдругъ и снова разгорались...
Я таялъ; но среди невѣрной темноты
Другія милыя мнѣ видѣлись черты,
И весь я полонъ былъ таинственной печали,
И имя чуждое уста мои шептали
[1820].

Или въ такомъ нѣжномъ сентиментальномъ романсѣ:

Слыхали-ль вы за рощей гласъ ночной
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Когда поля въ часъ утренній молчали,
Свирѣли звукъ унылый и простой
Слыхали-ль вы?
Встрѣчали-ль вы въ пустынной тьмѣ лѣсной
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Слѣды ли слезъ, улыбку-ль замѣчали,
Иль тихій взоръ, исполненный тоской?
Встрѣчали-ль вы?
Вдохнули-ль вы, внимая тихій гласъ
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Когда въ лѣсахъ вы юношу видали,
Встрѣчая взоръ его потухшихъ глазъ
Вдохнули-ль вы?
[«Пѣвецъ» 1816].

Большимъ мастеромъ являлся поэтъ въ любовныхъ и застольныхъ пѣсняхъ, веселыхъ посланіяхъ, шуткахъ въ стихахъ, эпиграммахъ и экспромтахъ. Какой неподдѣльной радостью жизни вѣетъ, напр., отъ стихотворенія:

Кубокъ янтарный
Полонъ давно,
Пѣною парной
Блещетъ вино!
Свѣта дороже
Сердцу оно

Но за кого же
Выпью вино?
Здравіе славы
Выпью ли я?
Бранной забавы
Мы не друзья.
Это веселье
Не веселитъ,
Дружбы похмелье
Грома бѣжитъ.
Жители неба,
Феба жрецы,
Здравіе Феба
Пейте, пѣвцы.
Рѣзвой Камены
Ласки—бѣда!
Токъ Ипокрены
Просто вода!
Пейте за радость
Юной любви!
Скроется младость,
Дѣти мои.
Кубокъ янтарный
Полонъ давно;
Я, благодарный,
Пью—за вино!

[«Заздравный Кубокъ» 1816].

И сколько задора въ этомъ описаніи вакхическаго веселья:

Власы раскинувъ по плечамъ,
Вѣнчанны гроздьемъ, обнаженны,
Бѣгутъ вакханки по горамъ.
Тимпаны звонкіе, кружась межъ ихъ перстами,
Гремятъ и вторятъ ихъ ужаснымъ голосамъ.
Промчалися, летятъ, свиваются руками,
Волшебной пляской топчутъ лугъ;
И младость пылкая толпами
Стекается вокругъ.
Поютъ неистовыя дѣвы:
Ихъ сладострастные напѣвы
Въ сердца вливаютъ жаръ любви;
Ихъ перси дышатъ вожделѣньемъ;
Ихъ очи, полныя безумствомъ и томленьемъ
Сказали: счастіе лови!
Ихъ вдохновенныя движенья
Сперва изображаютъ намъ
Стыдливость милаго смятенья,
Желанье робкое, а тамъ
Восторгъ и дерзость наслажденья.
Но вотъ, разсыпались по холмамъ и полямъ,
Махая тирсами, несутся;
Ужъ издали ихъ вопли раздаются,
И гулъ ихъ вторитъ по лѣсамъ:
Эванъ, эвое! Дайте чаши!
Несите свѣжіе вѣнцы!
Невольники, гдѣ тирсы наши?

Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!
Друзья! въ сей день благословенный
Забвенью бросимъ суеты!
Теки, вино, струею пѣнной
Въ честь Вакха, музъ и Красоты!
[Изъ стихотворенія «Торжество Вакха» 1817].

Иногда это веселье становилось совсѣмъ холостымъ, и большая нескромность облекалась тогда въ красивую форму.

Быть можетъ, вспоминая такіе грѣхи противъ возвышеннаго и чистаго служенія поэзіи, Пушкинъ написалъ свое знаменитое покаяніе—одно изъ послѣднихъ по времени юношескихъ стихотвореній, въ которомъ выражена глубокая увѣренность въ томъ, что онъ какъ художникъ устоитъ передъ всѣми искушеніями жизни:

Художникъ-варваръ кистью сонной
Картину генія чернитъ
И свой рисунокъ беззаконный
Надъ ней безсмысленно чертитъ.
Но краски чуждыя, съ лѣтами,
Спадаютъ ветхой чешуей;
Созданья генія предъ нами
Восходятъ съ прежней красотой.
Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ, чистыхъ дней!
[«Возрожденіе» 1819].

Впрочемъ, особенно тужить о заблужденіяхъ едва-ли было нужно, такъ какъ и въ раннихъ своихъ стихахъ поэтъ затрагивалъ немало серьезныхъ темъ.

Отечественная война наводила Пушкина на возвышенныя патріотическія и историческія думы. Патріотизмъ военный былъ тогда въ большомъ ходу, и послѣ только-что одержанныхъ побѣдъ надъ Наполеономъ нельзя было требовать отъ патріотизма критической самооцѣнки. Онъ самонаслаждался, и Пушкинъ очень часто поддерживалъ его своими стихами въ этомъ чувствѣ. Много красивыхъ стиховъ на-

писалъ онъ во славу Императора Александра I и побѣдоноснаго русскаго войска и много патетическихъ на тему объ упавшемъ гигантѣ. Но этотъ патріотизмъ, что̀ очень характерно для юнаго, жизнерадостнаго весельчака, иногда— правда, не надолго и неожиданно, — отъ военныхъ темъ переходилъ къ темамъ общественнымъ и обнаруживалъ въ художникѣ серьезное гражданское чувство.

Въ юношескихъ стихотвореніяхъ Пушкина было много заимствованнаго, но въ нихъ прорывалась наружу и быстро растущая оригинальность.

Когда поэтъ списывалъ съ натуры картинки природы и зарисовывалъ попадавшіеся на глаза силуэты, какъ напр. въ стихотвореніяхъ „Казакъ“ и „Гусаръ“; когда онъ набрасывалъ на бумагу свои личныя воспоминанія, писалъ откровенныя посланія друзьямъ и учителямъ или пѣлъ свои веселыя застольныя пѣсни, — онъ былъ самостоятеленъ: ни развитіе сюжета, ни фактура стиха не указывали ни на какой образецъ. Но въ общемъ ранніе стихи Пушкина—конечно, звучный отголосокъ лучшихъ образцовъ западной словесности классическаго и сентиментальнаго стиля. Свой собственный стиль поэтъ пока еще только вырабатывалъ *).

Для каждаго молодого поэта мысль написать нѣчто крупное — сочиненіе почтенныхъ размѣровъ — мысль очень заманчивая.

---

*) Читать всѣ юношескіе стихи Пушкина подъ-рядъ значило бы ослабить производимое ими впечатлѣніе; и потому необходимо выбрать изъ нихъ лишь наиболѣе характерные.

Интимныя чувства, несомнѣнно, пережитыя поэтомъ, очень отчетливо отразились на слѣдующихъ стихотвореніяхъ: «Опытность» 1814. «Блаженство» 1814. «Къ Батюшкову» 1814. «Къ Батюшкову» 1815. «Посланіе къ кн. А. М. Горчакову» 1815. Элегія: «Опять я вашъ» 1816. «Къ Жуковскому» 1817. «Безвѣріе» 1817. «Упоеніе» 1819. «Мнѣ бой знакомъ» 1820.

О внѣшнемъ образѣ жизни поэта даютъ вѣрное понятіе стихотворенія: «Пирующіе студенты» 1814. «Городокъ» 1814. «Воспоминанія въ Царскомъ селѣ» 1815. «Разлука» 1817.

Трудность выполненія широкаго поэтическаго замысла обыкновенно не сразу ясна начинающему писателю, и біографія любого поэта показываетъ, какъ много такихъ широкихъ плановъ, задуманныхъ въ юности, остаются невыполненными. У Пушкина рано родилось желаніе написать что-нибудь „достойное“ поэта или во всякомъ случаѣ болѣе достойное, чѣмъ мелкіе стихи, какихъ онъ успѣлъ написать уже не малое количество.

Художественный инстинктъ пришелъ ему въ данномъ случаѣ на помощь, и подсказалъ тему, которая была вполнѣ въ его средствахъ, тему широкую по размѣру, но совсѣмъ не глубокую по мысли. Началъ Пушкинъ работу надъ этимъ первымъ своимъ крупнымъ произведеніемъ еще въ лицеѣ и закончилъ ее въ 1820 году. Это была столь извѣстная поэма „Русланъ и Людмила“.

Ее и въ настоящее время прочитать пріятно: такъ много въ ней граціи стиха, такъ много отдѣльныхъ вставокъ и отступленій, въ которыхъ молодой поэтъ обнаружилъ большое остроуміе и игривую наблюдательность.

Въ исторіи развитія творчества Пушкина „Руслану“ принадлежитъ роль очень видная.

Теперь доказано, что все содержаніе этой поэмы въ общемъ и даже въ частностяхъ взято Пушкинымъ изъ очень распространенныхъ въ его время разсказовъ и романовъ съ фантастическимъ колоритомъ. Поэтъ ничего не выдумывалъ, не „сочинялъ“, а просто пересказывалъ ходячія сказки, ко-

---

Стиль сентиментальный общеевропейскаго типа хорошо сохраненъ въ стихахъ: «Мечтатель» 1815. «Желаніе» 1815. Элегія: «Счастливъ, кто въ страсти» 1816. «Окно» 1815.

Попытки обработать русскія темы въ стилѣ, взятомъ изъ образцовъ иностранной словесности, даны въ стихахъ: «Романсъ» 1814. «Русалка» 1819.

Какъ на наиболѣе совершенные стихи по отдѣлкѣ и по выдержанности настроенія, стихи, въ которыхъ чувствуется уже мастеръ формы внѣшней и внутренней, можно указать на стихотворенія: «Казакъ» 1815. «Сраженный рыцарь» 1815. «Пуншевая пѣсня» (изъ Шиллера) 1816. «Усы» 1816. «Пѣвецъ» 1816.

торыя онъ вдобавокъ подслушалъ не у простого народа, а у книжниковъ.

Естественененъ вопросъ—какую же цѣну такой пересказъ могъ имѣть въ глазахъ поэта, стремившагося создать нѣчто „достойное“ и „крупное“?

Сознавалъ ли самъ поэтъ несамостоятельность своего произведенія? и почему никто изъ критиковъ не указалъ сразу на зависимость этой поэмы отъ общеизвѣстныхъ романовъ, и почему, наконецъ, „Русланъ“ былъ такъ восторженно всѣми принятъ, такъ восторженно, какъ пожалуй ни одно изъ произведеній Пушкина? Дѣло въ томъ, что и завязка, и развязка поэмы имѣли совсѣмъ второстепенное значеніе, и для поэта, и для читателя. Самое главное въ поэмѣ и самое для того времени цѣнное было ея настроеніе, настроеніе, всѣмъ знакомое, но впервые получавшее художественное облаченіе. Поэма была написана въ *мажорномъ* тонѣ, жизнерадостномъ и игривомъ, мѣстами даже шутовскомъ, и этотъ мажорный тонъ, дополнявшій тотъ сентиментальный, минорный, который такъ художественно былъ выраженъ Жуковскимъ, теперь, въ поэмѣ Пушкина, являлся съ требованіемъ полнаго своего признанія въ искусствѣ. Онъ получалъ права гражданства въ изящной литературѣ, права, которыхъ онъ раньше не имѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, если въ тѣ годы печальная сторона нашей жизни была такъ мелодично воспѣта Жуковскимъ, то гдѣ мы найдемъ такое же выраженіе ея веселой стороны до „Руслана“?

„Русланъ“ былъ жизнерадостнымъ гимномъ въ хвалу Провидѣнья, въ честь земныхъ радостей и благъ, и всяческихъ доблестей человѣка, дарующихъ ему желанное и заслуженное счастье.

Поэма была пѣснью любви торжествующей, одерживающей побѣду надъ всѣми испытаніями. Правда, рядомъ съ этимъ мотивомъ любви, готовой на жертвы, въ поэмѣ слышится и пѣсня любви очень игривой и нескромной,—но вѣдь и этотъ видъ любви одно изъ законныхъ веселій жизни.

Мораль поэмы, если уже говорить непремѣнно о морали [а о ней въ тѣ годы художники много думали], проведена необычайно послѣдовательно и ярко. Она — въ торжествѣ всѣхъ видовъ добра надъ всѣми видами зла: торжество свободнаго чувства надъ насиліемъ свѣтлыхъ духовъ надъ злыми, истинной храбрости надъ ложью, торжество даже запоздалой справедливости надъ преступленіемъ [какъ въ сценѣ съ головою]. Наконецъ, поэма—пѣснь во славу истиннаго русскаго рыцаря безъ страха и упрека, своего рода русскаго Баярда, неустрашимость, честность и величіе котораго пріобрѣтаютъ ему симпатіи всѣхъ инородцевъ отъ финна до хазарскаго хана. Самымъ безбрежнымъ оптимизмомъ и жизнерадостностью проникнута эта юношеская сказка.

Понятно, почему всѣ были безъ ума отъ „Руслана". Всѣмъ хотѣлось имѣть полное и художественное выраженіе того чувства довѣрія къ жизни, которымъ столь многіе, въ особенности юныя сердца, были тогда переполнены. Если поэзія Жуковскаго оттѣняла нѣжную меланхолическую сторону религіознаго и примиреннаго съ людьми сентиментальнаго міросозерцанія, если поэзія, подкрашенная подъ античную, рядомъ съ весельемъ очень настойчиво подчеркивала мимолетность земныхъ радостей, то игривая поэзія, которая въ „Русланѣ" била ключемъ, была выраженіемъ кипучей воли къ жизни, полной силъ, выраженіемъ жажды счастья, полной довѣрія къ себѣ и людямъ.

Особую форму приняла эта кипучая воля къ жизни въ знаменитыхъ „вольнолюбивыхъ" стихахъ Пушкина, которые причинили ему столь крупныя непріятности. Много объ этихъ стихахъ спорили; въ нихъ хотѣли видѣть неопровержимое доказательство зрѣющей общественной мысли Пушкина, мысли явно оппозиціонной и либеральной. Существовало и обратное мнѣніе, которое эти безспорно либеральные и вызывающіе стихи ставило на счетъ легкомыслія поэта и про-

стого озорства. Вѣрнѣе будетъ, если мы ихъ объяснимъ живостью его настроенія и его довѣрчивымъ взглядомъ на жизнь. Бываетъ въ человѣкѣ смѣлость, не угадывающая силы врага, противъ котораго возстаетъ. Такую смѣлость часто обнаруживаютъ люди веселые по темпераменту и полные вѣры въ жизнь; въ политическихъ стихахъ и выходкахъ Пушкина есть порывы филантропической надежды; много вспышекъ кипучаго веселья и веселой смѣлости, забрасывающихъ противника эпиграммами; въ нихъ наконецъ есть ясный, прямой вызовъ, тѣмъ болѣе смѣлый, чѣмъ болѣе онъ неожиданъ, чѣмъ болѣе онъ ласкаетъ въ человѣкѣ самолюбивую мечту о собственной его силѣ.

Поэтъ могъ закончить мирную идиллію „Деревня“ совершенно опредѣленнымъ пожеланіемъ скорѣйшаго раскрѣпощенія народа:

Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:
Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ.
Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца.
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее тащится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ,
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя;
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя;
Опора милая старѣющихъ отцовъ,
Младые сыновья, товарищи трудовъ,
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.
О, если-бъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!
Почто въ груди моей горитъ безплодный жаръ
И не данъ мнѣ въ удѣлъ витійства грозный даръ?
Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію царя.

И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

[1819].

Онъ могъ въ шутливую минуту заострить рядъ эпиграммъ противъ Аракчеева и попутно противъ Карамзина, котораго онъ очень любилъ и уважалъ; онъ могъ бравурничать въ театрѣ и показывать портретъ убійцы герцога Беррійскаго, проявляя этимъ актомъ вовсе не симпатіи къ террору, а просто давая случайный исходъ своей смѣлости.

Отчего было не помечтать о какомъ-нибудь истинно героическомъ подвигѣ, очень рѣшительномъ, очень головоломномъ, хотя, конечно, неясномъ въ своихъ очертаніяхъ,— и тогда онъ могъ писать, и съ вдохновеніемъ писать Чаадаеву:

Любви, надежды, гордой славы
Недолго тѣшилъ насъ обманъ:
Исчезли юныя забавы,
Какъ дымъ, какъ утренній туманъ!
Но въ насъ кипятъ еще желанья:
Подъ гнетомъ власти роковой
Нетерпѣливою душой
Отчизны внемлемъ призыванья!
Мы ждемъ, съ томленьемъ упованья,
Минуты вольности святой,
Какъ ждетъ любовникъ молодой
Минуты сладкаго свиданья.
Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасные порывы,
Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья;
Россія вспрянетъ ото сна
И на обломкахъ самовластья
Напишетъ наши имена.

[1818].

Можно было также сочинить по всѣмъ правиламъ одописанія оду въ честь „Вольности“ и обнаружить въ ней большой подъемъ поэтическаго темперамента при большомъ туманѣ политической мысли. Можно было одновременно

грозить царямъ—и тѣмъ, которые ихъ сводили съ престола, призвать Андрея Шенье, плакать объ участи Людовика XVI, проклинать Наполеона и задумчиво глядѣть на замокъ, въ которомъ провелъ предсмертную ночь императоръ Павелъ I.

Изъ всѣхъ этихъ страшныхъ воспоминаній можно было извлечь наставленіе царямъ и напомнить имъ о святости закона:

Увы, куда ни брошу взоръ,
Вездѣ бичи, вездѣ желѣзы.
Законовъ гибельный позоръ,
Неволи немощныя слезы.
Вездѣ неправедная власть
Въ сгущенной мглѣ предразсужденій,
Вездѣ неволи грозный геній,
И къ славѣ роковая страсть.
Лишь тамъ, надъ царскою главой
Не слышится людей стенанье,
Гдѣ крѣпко съ вольностью святой
Законовъ мощныхъ сочетанье,
Гдѣ всѣмъ простертъ ихъ твердый щитъ,
Гдѣ сжатый вѣрными руками,
Гражданъ надъ равными главами,
Ихъ мечъ безъ выбора скользитъ.
Гдѣ преступленье свысока
Сражаетъ праведнымъ размахомъ,
Гдѣ неподкупна ихъ рука
Ни къ злату алчностью, ни страхомъ,
Владыки! вамъ вѣнецъ и тронъ
Даетъ законъ, а не природа —
Стоите выше вы народа,
Но вѣчный выше васъ законъ.
И горе, горе племенамъ,
Гдѣ онъ блюдетъ неосторожно,
Гдѣ иль народу, иль царямъ
Закономъ властвовать возможно...
И здѣсь учитесь, о, цари!
Ни наказанья, ни награды,
Ни мракъ темницъ, ни алтари—
Невѣрныя для васъ ограды.—
Склонитесь первые главой
Подъ сѣнь надежную закона,
И станутъ вѣрной стражей трона
Народовъ вольность и покой.

[1817? 1819].

Всѣ такіе стихи можно было написать и разныя вольныя выходки сдѣлать, повинуясь поэтическому впечатлѣнію, какое производитъ на всякаго чуткаго человѣка слова „вольность“ и „свобода“ — слова, которыя всегда возбуждаютъ несравненно больше эмоцій, чѣмъ мыслей. Такъ волновался ими и молодой Пушкинъ, — въ тѣ годы большой весельчакъ и достаточно беззаботный юноша, геніальная натура, любующаяся своей геніальностью и смѣлая въ своемъ невѣдѣніи жизни. Въ то время, когда писались эти стихи [приблизительно около 1820 года], либеральная мысль и либеральное слово сохраняли пока за собой Высочайшее одобреніе и потому эти вольнолюбивыя стихотворенія не могли казаться ужъ очень дерзкими и свидѣтельствовать объ особенно протестующемъ и боевомъ настроеніи ихъ автора.

Должно быть, это соображеніе и отвело отъ Пушкина тотъ жестокій ударъ, какимъ императоръ Александръ собирался его наказать, когда узналъ, что̀ юноша наговорилъ и какія выходки себѣ позволилъ. Царю было, конечно, неудобно ссылать Пушкина въ Сибирь или заточать въ Соловецкую обитель [какъ предполагалось] за то, что онъ на словахъ пошелъ дальше въ томъ направленіи, которое своимъ подданнымъ указалъ самъ властитель. И Пушкинъ былъ удаленъ изъ Петербурга на югъ.

Первый періодъ развитія таланта Пушкина закончился, и вмѣстѣ съ этимъ періодомъ заключена была и особая глава въ исторіи развитія нашего словеснаго творчества.

Поэтъ былъ еще очень юнъ, но уже въ первыхъ своихъ стихахъ обнаружилъ поразительную способность откликаться на самыя разностороннія впечатлѣнія жизни. Одинъ порядокъ чувствъ былъ особенно милъ его душѣ, а именно — всѣ настроенія, въ которыхъ выражалась жизнерадостность и бодрость духа. На жизнь поэтъ смотрѣлъ пока бѣглымъ всеозирающимъ взглядомъ, не задумываясь, но ловя новыя

впечатлѣнія, которыхъ было такъ много и которыя онъ могъ ловить быстро, благодаря своему положенію въ обществѣ. Онъ былъ крайне субъективенъ во всемъ, что̀ онъ писалъ, онъ говорилъ только о томъ, что̀ *онъ* чувствуетъ, что̀ *онъ* видитъ въ картинѣ жизни, которая передъ нимъ стала развертываться, и если онъ иногда начиналъ критиковать эту жизнь и рѣзко выражался о нѣкоторыхъ ея сторонахъ, то онъ дѣлалъ это подъ наплывомъ настроенія мимолетнаго и также очень субъективнаго или подъ впечатлѣніемъ поэтичности мысли или чувства, привлекшихъ его вниманіе.

Во всей этой юношеской поэзіи совсѣмъ не было замѣтно пока никакой душевной тревоги, никакого разлада ума или сердца, ни одного изъ тѣхъ диссонансовъ, которые неизбѣжно должны получиться, по мѣрѣ того какъ человѣкъ отъ созерцанія жизни и художественнаго наслажденія ею начинаетъ переходить къ строгой ея оцѣнкѣ.

Судьба позаботилась о томъ, чтобы подвергнуть жизнерадостность Пушкина неожиданному испытанію.

Первые ростки русскаго художественнаго романтизма.

Разставшись съ Петербургомъ, и человѣкъ, и писатель выиграли немало отъ перемѣны обстановки. Пушкинъ вынужденъ былъ стать къ жизни въ совершенно новое положеніе, и первымъ плодотворнымъ слѣдствіемъ этого было обогащеніе его творчества новыми поэтическими мотивами.

Ссылка поэта была въ сущности почетной, а иногда совсѣмъ походила на прогулку. Въ кругу добрыхъ знакомыхъ, и очень интеллигентныхъ, Пушкинъ пожилъ на Кавказѣ, затѣмъ въ Крыму; потомъ попалъ въ Кишиневъ подъ надзоръ и начало очень мягкаго человѣка; изъ Кишинева дѣлалъ частыя экскурсіи, гостилъ у друзей въ деревнѣ и, наконецъ, былъ переведенъ на службу въ Одессу — какъ-никакъ, въ культурный центръ. Здѣсь, въ Одессѣ, онъ велъ образъ жизни разсѣянный и вольный, и въ концѣ концовъ между нимъ и главнымъ его начальникомъ графомъ Воронцовымъ сложились такія отношенія, при которыхъ дальнѣйшая совмѣстная служба стала немыслимой. Поэтъ къ тому же имѣлъ неосторожность въ одномъ частномъ письмѣ заговорить объ „атеизмѣ", въ каковомъ онъ будто бы дѣлалъ успѣхи. Этой шутки было достаточно, чтобы начальство въ Петербургѣ вспомнило объ его недавнемъ прошломъ, и Пушкинъ былъ вторично сосланъ, на этотъ разъ съ юга на сѣверъ, въ свое родовое имѣніе Псковской губерніи.

Четыре года жизни на югѣ [1820—1824] для художника были, конечно, большимъ выигрышемъ. Онъ увидалъ новую природу, — а онъ любилъ ее и она его вдохновляла; онъ столкнулся со многими новыми лицами изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества,—лицами типичными и интересными, и эти встрѣчи безспорно расширяли поэтическій кругозоръ художника. Наконецъ, онъ очутился довольно близко отъ арены, на которой шла политическая борьба и агитація — борьба Греціи за независимость, а у насъ въ Россіи первая политическая пропаганда въ войскахъ южной арміи. Конечно, и Кавказъ съ его преданіями, „вольной жизнью" и его „свободой" стали для поэта новымъ источникомъ раздумья. Правда, ссылка имѣла и свои непріятныя стороны, но отъ этихъ сторонъ и писатель, и человѣкъ выиграли, пожалуй, еще больше.

Ссылка нарушила душевное равновѣсіе поэта, подорвала въ немъ его благодушіе, довѣрчивое отношеніе къ людямъ и жизни, минутами сильно понижала его жизнерадостность, нерѣдко озлобляла его, заставляла его вести себя вызывающе, иногда прямо дерзко—однимъ словомъ, она поколебала въ немъ то сентиментальное настроеніе, въ какомъ онъ былъ воспитанъ. Этотъ переломъ обогатилъ его психику новымъ движеніемъ чувствъ и мыслей и кромѣ того сдѣлалъ его очень воспріимчивымъ къ усвоенію такихъ настроеній, на которыя раньше онъ не могъ откликнуться.

Въ самомъ дѣлѣ, одно чувство не покидало поэта за все это время — совсѣмъ новое для него чувство обиды. Пушкинъ могъ считать себя невинно гонимымъ, такъ какъ онъ не совершилъ никакого государственнаго проступка, а либо выражалъ благія пожеланія, либо повторялъ то, что̀ вокругъ него говорилось довольно громко и безнаказанно многими. Съ другой стороны, онъ не могъ не понимать, что во всемъ, что̀ онъ говорилъ, онъ въ сущности былъ правъ, что онъ клеймилъ эпиграммой человѣка, заслуживающаго ее, что онъ декламировалъ противъ самовластья, которое тогда

стало сворачивать на старую дорогу и довольно гласно подвергалось рѣзкимъ нападкамъ, что онъ взывалъ къ „вольности“, которая, понимаемая хоть и въ туманномъ смыслѣ, была достойна гимна, что онъ, наконецъ, былъ вполнѣ лойяленъ въ своемъ либерализмѣ. Всѣ эти доводы будили въ поэтѣ чувство обиды, несмотря на легкія условія его ссылки. Вмѣстѣ съ чувствомъ обиды въ немъ возрастала и гордость. Изгнаніе льстило ему—это несомнѣнно. Оно возвышало его въ собственныхъ глазахъ, и его личность стала ему рисоваться въ болѣе яркихъ, величаво-печальныхъ краскахъ. Онъ сталъ ухаживать за своей личностью—чего онъ раньше не дѣлалъ, когда любилъ рисовать себя безпечнымъ веселымъ гостемъ на пиру у жизни. Тогда онъ все говорилъ о своемъ родствѣ съ Анакреонтомъ, съ Тибуломъ, Катулломъ и Парни; теперь онъ сталъ разыскивать другихъ родственниковъ — не столь легкомысленныхъ. Онъ вспоминалъ объ изгнанникѣ Овидіи и чтилъ въ немъ брата по несчастію; онъ любилъ говорить объ Андреѣ Шенье, котораго казнили тираны, и когда ему въ руки попалъ, наконецъ, Байронъ,—естественно, что онъ нашелъ въ немъ своего истиннаго героя, въ котораго и влюбился.

Этотъ поворотъ отъ мимолетной тихой грусти и почти безпрерывнаго веселья къ болѣе глубокой печали, къ любованію собой какъ личностью исключительной, незаслуженно оскорбленной и, стало быть, непонятой, къ раздумью надъ своимъ трагическимъ положеніемъ — происходилъ въ душѣ поэта медленно и упорно, прерываясь, впрочемъ, состояніями духа болѣе ровными и спокойными, и всего чаще состояніемъ человѣка влюбленнаго. Пушкинъ на югѣ былъ, дѣйствительно, влюбленъ хронически, но процессъ „омраченія души“ поэта продолжался и доходилъ иногда до острыхъ кризисовъ; и тогда поэтъ писалъ почти-что человѣконенавистническія письма [какъ напр., знаменитое его письмо къ брату Льву].

Въ развитіи этихъ мрачныхъ чувствъ и этого тревожнаго

настроенія сыграли, конечно, нѣкоторую роль и мелочи жизни: какъ-то — скука въ минуты одиночества, служебная рутина, неизбѣжная возня съ людьми сѣрыми и пошлыми, непріязненныя отношенія съ графомъ Воронцовымъ, который въ своемъ неаккуратномъ чиновникѣ никакъ не хотѣлъ признавать поэта, и многое другое, неизбѣжное во всякой жизни. Всѣ эти мелочи не сердили бы Пушкина въ такой степени раньше, когда онъ о себѣ былъ болѣе скромнаго мнѣнія и когда никто его не „гналъ". Теперь каждый уколъ ощущался очень болѣзненно.

Ко всѣмъ этимъ личнымъ столкновеніямъ, которыя многое объясняютъ въ такъ называемомъ „байронизмѣ" Пушкина, нужно добавить еще и иныя столкновенія, очень серьезныя— съ историческими событіями, наводившими поэта на скорбное раздумье. Наслаждаясь красотами Кавказа, нельзя было не подумать о столкновеніи жестокой культуры съ первобытной вольной жизнью. Узнавъ о смерти Наполеона, можно было также задуматься надъ міровой трагедіей; нельзя было уберечь себя отъ мысли о „возстаніи"—когда оно совершалось по сосѣдству, въ Греціи, и когда среди близкихъ людей зрѣла политическая мысль, готовая перейти въ дѣйствіе.

Такимъ образомъ и личная драма, и нѣкоторые эпизоды міровой драмы вызвали въ душѣ Пушкина ту бурю, которая изъ мирнаго подражателя веселымъ классикамъ и сентименталиста сдѣлала его на время „романтикомъ".

Стихи, написанные Пушкинымъ за эти знаменательные годы его жизни, позволяютъ намъ съ большой точностью слѣдить за тѣмъ, какъ нарастало, крѣпло и улеглось въ немъ это неожиданное душевное волненіе.

Въ стихахъ поэта отразились ясно всѣ перебои его настроенія.

Волненіе сразу охватило его, какъ только онъ попытался дать себѣ отчетъ въ томъ, что съ нимъ случилось. Переѣзжая на кораблѣ изъ Ѳеодосіи въ Гурзуфъ и приближаясь къ мѣсту своей ссылки, онъ писалъ:

Погасло дневное свѣтило;
На море синее вечерній палъ туманъ,
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ.
Я вижу берегъ отдаленный,
Земли полуденной волшебные края;
Съ волненьемъ и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаньемъ упоенный...
И чувствую: въ очахъ родились слезы вновь;
Душа кипитъ и замираетъ;
Мечта знакомая вокругъ меня летаетъ.
Я вспомнилъ прежнихъ лѣтъ безумную любовь,
И все, чѣмъ я страдалъ, и все, что сердцу мило,
Желаній и надеждъ томительный обманъ...
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ.
Лети, корабль, неси меня къ предѣламъ дальнымъ
По грозной прихоти обманчивыхъ морей,
Но только не къ брегамъ печальнымъ
Туманной родины моей,
Страны, гдѣ пламенемъ страстей
Впервые чувства разгорались,
Гдѣ музы нѣжныя мнѣ тайно улыбались,
Гдѣ рано въ буряхъ отцвѣла,
Моя потерянная младость,
Гдѣ легкокрылая мнѣ измѣнила радость
И сердце хладное страданью предала.
Искатель новыхъ впечатлѣній,
Я васъ бѣжалъ, отечески края,
Я васъ бѣжалъ, питомцы наслажденій,
Минутной младости минутные друзья;
И вы, наперсницы порочныхъ заблужденій,
Которымъ безъ любви я жертвовалъ собой,
Покоемъ, славою, свободой и душой,
И вы забыты мной, измѣнницы младыя,
Подруги тайныя моей весны златыя,
И вы забыты мной... Но прежнихъ сердца ранъ,
Глубокихъ ранъ любви, ничто не излечило...
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!... [1820].

Какъ неясна была самому поэту тревога его духа! О какой отцвѣтшей и потерянной молодости могъ онъ вспоминать? Когда какая радость ему измѣняла и когда онъ бѣжалъ отъ наслажденій? Онъ смутно ощущалъ только, что

подъ наплывомъ новыхъ тревожныхъ чувствъ въ немъ начинаетъ исчезать любовь къ беззаботному наслажденію и взглядъ его на жизнь начинаетъ туманиться—и все, что въ душѣ было смутнаго, ему показалось какъ бы яснымъ и на яву совершившимся. Это преувеличеніе „мрачныхъ“ сторонъ жизни нарастало, и если, дѣйствительно, стихотвореніе „Элегія“ есть личное признаніе, то душу поэта несомнѣнно начинало окутывать густое облако печали. Онъ писалъ:

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты!
Остались мнѣ одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.
Подъ бурями судьбы жестокой
Увялъ цвѣтущій мой вѣнецъ!
Живу печальный, одинокій,
И жду: придетъ ли мой конецъ?
Такъ, позднимъ хладомъ пораженный,
Какъ бури слышенъ зимній свистъ,
Одинъ на вѣткѣ обнаженной
Трепещетъ запоздалый листъ. [1821].

Самовольный изгнанникъ, какъ Пушкинъ почему-то себя называетъ, „недовольный и свѣтомъ, и собой, и жизнью“, онъ находитъ нѣкоторое утѣшеніе въ той мысли, что были люди, которые не меньше его страдали и такъ же, какъ онъ, влачили незаслуженно свои дни въ изгнаніи, — и онъ пишетъ посланіе „Къ Овидію“ [1821].

Въ уста римскому поэту онъ влагаетъ стихи, въ которыхъ нетрудно прочесть его личную жалобу и просьбу.

О! возвратите мнѣ священный градъ отцовъ
И тѣни мирныя наслѣдственныхъ садовъ!
О, други, Августу мольбы мои несите!
Карающую длань слезами отклоните!
Но если гнѣвный богъ досель неумолимъ,
И вѣкъ мнѣ не видать тебя, великій Римъ,
Послѣднею мольбой смягчая рокъ ужасный,
Приближьте хоть мой гробъ къ Италіи прекрасной.

Просить — можно; но пусть эта просьба будетъ горда и непреклонна. Она не должна унижать его — безвинно страдающаго:

Суровый славянинъ, я слезъ не проливалъ,
Но понимаю ихъ;

говоритъ поэтъ, обращаясь къ Овидію,

Изгнанникъ самовольный,
И свѣтомъ и собой и жизнью недовольный,
Съ душой задумчивой, я мѣсто посѣтилъ,
Страну, гдѣ грустный вѣкъ ты нѣкогда влачилъ.
Здѣсь, ожививъ тобой мечты воображенья,
Я повторялъ твои, Овидій, пѣснопѣнья
И ихъ печальныя картины повѣрялъ...
Утѣшься! Не увялъ Овидіевъ вѣнецъ!
Увы! среди толпы затерянный пѣвецъ
Безвѣстенъ буду я для новыхъ поколѣній:
И жертва темная, умретъ мой слабый геній
Съ печальной жизнію, съ минутною молвой,
Но если обо мнѣ потомокъ поздній мой,
Узнавъ, придетъ искать въ странѣ сей отдаленной
Близъ праха славнаго мой слѣдъ уединенный:
Бреговъ забвенія оставя хладну сѣнь,
Къ нему слетитъ моя признательная тѣнь
И будетъ мило мнѣ его воспоминанье,
Да сохранится же завѣтное преданье!
Какъ ты, враждующей покорствуя судьбѣ,
Не славой, участью я равенъ былъ тебѣ.
Здѣсь лирой сѣверной пустыни оглашая,
Скитался я въ тѣ дни, какъ на брега Дуная
Великодушный грекъ свободу вызывалъ:
И не единый другъ мнѣ въ мірѣ не внималъ;
Но не унизилъ ввѣкъ измѣной беззаконной
Ни гордой совѣсти, ни лиры непреклонной [1821].

Но жалобы какъ будто начинаютъ утомлять поэта: онъ на свою неволю сердится и въ немъ рождается мысль — хорошо было бы вырваться на свободу!

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой,
Вскормленный на волѣ орелъ молодой,

Мой грустный товарищъ, махая крыломъ,
Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ.
Клюетъ и бросаетъ и смотритъ въ окно,
Какъ будто со мною задумалъ одно;
Зоветъ меня взглядомъ и крикомъ своимъ
И вымолвить хочетъ: «Давай улетимъ!
Мы—вольныя птицы; пора, братъ, пора!
Туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора,
Туда, гдѣ синѣютъ морскіе края,
Туда, гдѣ гуляемъ лишь вѣтеръ... да я» [«Узникъ» 1822].

Но кромѣ красивой и смѣлой мечты, которая можетъ лишь увеличить раздраженіе, есть еще и иное утѣшеніе для узника. Это — чувство презрѣнія къ толпѣ и чувство удовлетворенія въ признаніи со стороны людей, которыхъ уважаешь и любишь,—и это утѣшеніе доставилъ себѣ Пушкинъ въ посланіи „Ѳ. Н. Глинкѣ".

Когда средь оргій жизни шумной
Меня постигнулъ остракизмъ,
Увидѣлъ я толпы безумной
Презрѣнный, робкій эгоизмъ;
Безъ слезъ оставилъ я съ досадой
Вѣнки пировъ и блескъ Аѳинъ,
Но голосъ твой мнѣ былъ отрадой,
Великодушный гражданинъ!
Пускай судьба опредѣлила
Гоненья грозныя мнѣ вновь,
Пускай мнѣ дружба измѣнила,
Какъ измѣнила мнѣ любовь—
Въ моемъ изгнаньи позабуду
Несправедливость ихъ обидъ:
Онѣ ничтожны, если буду
Тобой оправданъ, Аристидъ! [1822].

Такъ всетаки живо было въ его душѣ чувство недавно перенесенной обиды!

Среди стихотвореній, написанныхъ Пушкинымъ въ эти годы, есть одно очень загадочное и необычайно сильное. Это—знаменитый „Демонъ" [1823].

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія—

И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы,
И ночью пѣнье соловья;
Когда возвышенныя чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенныя искусства
Такъ сильно волновали кровь—
Часы надеждъ и наслажденій
Тоской внезапной осѣня,
Тогда какой-то злобный геній
Сталъ тайно навѣщать меня.
Печальны были наши встрѣчи:
Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистощимой клеветою
Онъ Провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ—
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

Имѣются данныя, по которымъ можно съ увѣренностью сказать, что это лишь портретъ одного изъ друзей поэта—портретъ, конечно, разукрашенный въ сторону грознаго и страшнаго. Но художественная цѣлостность стихотворенія и необычайная яркость демоническаго типа наводятъ на мысль, что нѣчто родственное этому типу Пушкинъ носилъ тогда въ своей душѣ, но только не тогда, „когда ему были новы всѣ впечатлѣнія бытія“, а именно теперь, когда съ этими впечатлѣніями онъ уже въ достаточной мѣрѣ свыкся. Во всякомъ случаѣ, чтобы изобразить такого демона—такъ образно и рельефно, нужно было научиться понимать его, а къ этому пониманію Пушкина могла подготовить только та тревога духа, которую онъ самъ переживалъ въ тѣ годы.

Эта тревога отразилась не только на чисто личныхъ стихотвореніяхъ поэта, но и на нѣкоторыхъ другихъ, которыя не имѣли прямого, непосредственнаго отношенія къ его психикѣ.

Назовемъ, напр., извѣстную „Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ“ [1822]—эту торжественную героическую пѣснь, въ которой герою дано такое трагическое предостереженіе, полное глубокаго фаталистическаго смысла.

То же раздумье, смягченное, однако, чувствомъ удовлетвореннаго патріотизма, замѣтно и въ надгробной рѣчи, которую поэтъ произнесъ въ память Наполеона. Пушкинъ возвысился въ этомъ стихотвореніи до цѣлой исторической картины, до философской оцѣнки событій:

Чудесный жребій совершился:
Угасъ великій человѣкъ,
Въ неволѣ мрачной закатился
Наполеона грозный вѣкъ.
Исчезъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ:
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настаетъ.
О, ты, чьей памятью кровавой
Міръ долго, долго будетъ полнъ,
Пріосѣненъ твоею славой,
Почій среди пустынныхъ волнъ!
Великолѣпная могила...
Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почила,
И лучъ безсмертія горитъ.
Давно-ль орлы твои летали
Надъ обезславленной землей?
Давно ли царства упадали
При громахъ силы роковой?
Послушны силѣ своенравной,
Бѣдой шумѣли знамена,
И налагалъ яремъ державный
Ты на земныя племена.
Когда, надеждой озаренный,
Отъ рабства пробудился міръ,
И галлъ десницей разъяренной
Низвергнулъ ветхій свой кумиръ;
Когда на площади мятежной
Во прахѣ царскій трупъ лежалъ,
И день великій, неизбѣжный,
Свободы яркій день вставалъ;

Тогда въ волненьи бурь народныхъ,
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ.
Въ свое погибельное счастье
Ты дерзкой вѣровалъ душой;
Тебя плѣняло самовластье
Разочарованной красой.

И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ;
Новорожденная свобода,
Вдругъ онѣмѣвъ, лишилась силъ.
Среди рабовъ до упоенья
Ты жажду власти утолилъ,
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченья,
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.

И Франція, добыча славы,
Плѣненный устремила взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой блистательный позоръ.
Ты велъ мечи на пиръ обильный;
Все пало съ шумомъ предъ тобой:
Европа гибла; сонъ могильный
Носился надъ ея главой.

Искуплены его стяженья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душнаго изгнанья
Подъ сѣнью чуждою небесъ.
И знойный островъ заточенья
Полнощный парусъ посѣтитъ
И путникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начертитъ.

Гдѣ, устремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей
И льдистый ужасъ полуночи
И небо Франціи своей;
Гдѣ иногда, въ своей пустынѣ
Забывъ войну, потомство, тронъ,
Одинъ, одинъ о миломъ сынѣ
Въ уныньи горькомъ думалъ онъ;

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его увѣнчанную тѣнь!
Хвала!... Онъ русскому народу

Высокій жребій указалъ
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ [1821].

Въ стихотвореніи „Недвижный стражъ дремалъ на царственномъ порогѣ“ [1823] эта же тема проведена съ мистическимъ паѳосомъ.

Трагическое и патетическое жизни стало теперь все болѣе и болѣе приковывать къ себѣ вниманіе поэта, который до этого времени предпочиталъ мотивы игривые, нѣжные, въ рѣдкихъ случаяхъ меланхолическіе или столь обычные тогда военно-патріотическіе. Какой силой проникнуты, напр., стихотворенія, въ которыхъ Пушкинъ говоритъ о борьбѣ Греціи за свободу! Какой суровый бронзовый ликъ разбойника—борца за свободу—отлитъ въ стихотвореніи „Дочери Карагеоргія“.

Гроза луны, свободы воинъ,
Покрытый кровію святой,
Чудесный твой отецъ, преступникъ и герой,
И ужаса людей и славы былъ достоенъ.
Тебя, младенца, онъ ласкалъ
На пламенной груди рукой окровавленной;
Твоей игрушкой былъ кинжалъ
Братоубійствомъ изощренный.
Какъ часто, возбудивъ свирѣпый мести жаръ,
Онъ молча надъ твоей невинной колыбелью
Убійства новаго обдумывалъ ударъ
И лепетъ твой внималъ и не былъ чуждъ веселью!
Таковъ былъ: сумрачный, ужасный до конца.
Но ты, прекрасная, ты бурный вѣкъ отца
Смиренной жизнію предъ небомъ искупила:
Съ могилы грозной къ небесамъ
Она, какъ сладкій ѳиміамъ,
Какъ чистая любви молитва восходила [1820].

И сколько паѳоса и вѣры въ силу пѣсенъ—въ обращеніи Пушкина къ Греціи, которой онъ обѣщаетъ побѣду подъ звуки „пламенныхъ стиховъ“:

Возстань, о, Греція, возстань,
Не даромъ напрягаешь силы,

Не даромъ потрясаетъ брань
Олимпъ, и Пиндъ, и Ѳермопилы.
Подъ сѣнью ветхой ихъ вершинъ
Свобода древняя возникла.
Святые мраморы Аѳинъ,
Гроба Тезея и Перикла,
Страна героевъ и боговъ,
Расторгни рабскія вериги,
При пѣньи пламенныхъ стиховъ
Тиртея, Байрона и Риги [1812].

Самъ поэтъ переживалъ „прекрасныя минуты надежды и свободы", когда въ первый разъ встрѣчался съ людьми, для которыхъ борьба за вольность была дѣломъ жизни.

Не уберегъ себя Пушкинъ за это время и отъ стихотвореній чисто политическихъ, несмотря на только-что полученный урокъ. Хотя поэтъ и увѣрялъ, что стихотвореніе „Кинжалъ" [1821] написано не противъ правительства, но это вѣрно лишь въ томъ смыслѣ, что противъ русскаго правительства не сказано въ стихотвореніи ни одного слова, а много очень рѣзкихъ словъ, и притомъ съ очень крайней тенденціей, обращено къ „правительству" вообще, подъ которымъ можно разумѣть, однако, какое угодно.

Читая, напр., такія строки—

Лемносскій богъ тебя сковалъ
Для рукъ безсмертной Немезиды
Свободы тайный стражъ, карающій кинжалъ,
Послѣдній судія позора и обиды!
Гдѣ Зевса громъ молчитъ, гдѣ дремлетъ мечъ закона,
Свершитель ты проклятій и надеждъ;
Ты кроешься подъ сѣнью трона,
Подъ блескомъ праздничныхъ одеждъ,
Какъ адскій лучъ, какъ молнія боговъ,
Нѣмое лезвіе злодѣю въ очи блещетъ,
И, озираясь, онъ трепещетъ,
Среди своихъ пировъ.
Вездѣ найдетъ его ударъ надежный твой:
На сушѣ, на водахъ, во храмѣ, подъ шатрами,
За потаенными замками
На ложѣ сна, въ семьѣ родной...

трудно себѣ представить, что онѣ написаны мирнымъ поэтомъ въ мирныхъ условіяхъ жизни.

Итакъ, мы видимъ, какъ неспокойна была душа Пушкина эа эти годы. Но такая тревога нисколько не мѣшала поэту совершенствоваться какъ художнику и притомъ какъ пѣвцу самыхъ нѣжныхъ, незлобивыхъ чувствъ. Стòитъ только прочитать написанные тогда любовные стихи Пушкина, чтобы увидѣть, какъ чисто личное чувство всецѣло имъ овладѣвало и заставляло его забыть всякую иную тревогу, кромѣ любовной,—ясной, свѣтлой и счастливой *).

И не одни только любовные стихи говорятъ намъ о томъ, что душевная тревога не смогла всецѣло завладѣть поэтомъ; если рядомъ со всѣми выше перечисленными тревожными стихотвореніями поставить другія, написанныя въ это же время, то станетъ ясно, какъ колебалось настроеніе художника, какъ всякій порывъ недовольства, осужденія и раздраженія находилъ себѣ поправку въ совсѣмъ мирныхъ чувствахъ.

Тому самому Чаадаеву, вмѣстѣ съ которымъ Пушкинъ хотѣлъ „развалить самовластіе“, онъ пишетъ теперь:

Чаадаевъ, помнишь ли былое?
Давно-ль съ восторгомъ молодымъ
Я мыслилъ имя роковое
Предать развалинамъ инымъ?
Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ,
Теперь и лѣнь, и тишина,
И въ умиленьи вдохновенномъ,
На камнѣ дружбой освященномъ,
Пишу я наши имена.

[«Чаадаеву». 1820].

---

*) Съ любовной лирикой Пушкина этихъ годовъ необходимо ознакомиться, чтобы имѣть понятіе о высотѣ художественнаго совершенства, на какую поэтъ сразу поднялся: «Нереида» 1820. «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда» 1820. «Дѣва» 1821. «Умолкну скоро я» 1821. «Мой другъ, забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ» 1821. «Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты» 1823. «Ненастный день потухъ» 1823. «Ночь» 1823.

Очень своеобразно по внутренней тревогѣ и романтическому колориту извѣстное стихотвореніе «Черная шаль» 1820.

Сердце оказалось „усмиреннымъ“; да вѣдь только такое сердце и могло продиктовать стихотвореніе „Муза“—

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой, и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустого тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной;
И, радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милаго чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.— [1821].

и радоваться, утѣшаться и отказываться отъ всякаго ропота, „даровавъ птичкѣ то, чего не въ силахъ даровать ближнему—

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При свѣтломъ праздникѣ весны.
Я сталъ доступенъ утѣшенью;
За что на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Я могъ свободу даровать?
[«Птичка» 1822].

Очень откровенно и искренно писалъ Пушкинъ о себѣ опять Чаадаеву:

Оставя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ:
Вздохнувъ, оставилъ я другія заблужденья,
Враговъ моихъ предалъ проклятію забвенья,
И, сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
Для сердца новую вкушаю тишину.
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышленій;
Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;

Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.
Богини мира, вновь явились музы мнѣ
И независимымъ досугамъ улыбнулись;
Цѣвницы брошенной уста мои коснулись,
Старинный звукъ меня обрадовалъ,—и вновь
Пою мои мечты, природу и любовь,
И дружбу вѣрную, и милые предметы,
Плѣнявшіе меня въ младенческія лѣты,
Въ тѣ дни, когда, еще незнаемый никѣмъ,
Не зная ни заботъ, ни цѣли, ни системъ,
Я пѣньемъ оглашалъ пріютъ забавъ и лѣни
И царскосельскія хранительныя сѣни.
[«Чаадаеву» 1821].

И о политикѣ можно было также забыть... Переписавъ въ письмѣ къ А. И. Тургеневу [отъ 1 декабря 1823 года] стихотвореніе „Наполеонъ", Пушкинъ говорилъ: „это мой послѣдній либеральный бредъ; на дняхъ я закаялся и, смотря и на западъ Европы, и вокругъ себя, обратился къ евангельскому источнику и произнесъ сію притчу въ подражаніе баснѣ Іисусовой":

Свободы сѣятель пустынный,
Я вышелъ рано, до звѣзды;
Рукою чистой и безвинной
Въ порабощенныя бразды
Бросалъ живительное сѣмя;
Но потерялъ я только время,
Благіе мысли и труды...
Паситесь, мирные народы,
Васъ не пробудитъ чести кличъ!
Къ чему стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь;
Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды—
Ярмо съ гремушками да бичъ. [1823].

Мысль этого стихотворенія несовсѣмъ ясна: придавалъ ли художникъ своимъ словамъ тѣсный политическій смыслъ или вообще писалъ скорбное стихотвореніе, въ которомъ оплакивалъ стадное паденіе человѣка? Себя ли онъ разу-

мѣлъ подъ словами „сѣятель свободы“? да и вообще о какомъ народѣ шла рѣчь — о народѣ въ собирательномъ смыслѣ или о народѣ русскомъ? Вѣроятнѣе всего, что это стихотвореніе есть откликъ на начинавшую тревожить поэта мысль о томъ, что всякій народъ заслуживаетъ то правительство, которое имъ правитъ,—мысль, которая въ двадцатыхъ годахъ, въ эпоху реакціи, часто повторялась публицистами на Западѣ. Но во всякомъ случаѣ въ стихотвореніи нѣтъ и тѣни полемическаго задора или боевого настроенія.

Расширяя этотъ мирный и спокойный взглядъ на личную свою жизнь до общаго взгляда на жизнь человѣческую, Пушкинъ говорилъ, наконецъ, въ стихотвореніи „Телѣга жизни“:

Хоть тяжело подчасъ въ ней бремя,
Телѣга на ходу легка;
Ямщикъ лихой, сѣдое время,
Везетъ, не слѣзетъ съ облучка.
Съ утра садимся мы въ телѣгу:
Мы погоняемъ съ ямщикомъ
И, презирая лѣнь и нѣгу,
Кричимъ: валяй по всѣмъ по тремъ!..
Но въ полдень нѣтъ ужъ той отваги,—
Порастрясло насъ, намъ страшнѣй
И косогоры, и овраги...
Кричимъ: полегче, дуралей!
Катитъ попрежнему телѣга.
Подъ вечеръ мы привыкли къ ней,
И дремля ѣдемъ до ночлега,
А время гонитъ лошадей. [1823].

Жизнь самого поэта шла на полдень...

Въ душѣ Пушкина только то настроеніе могло продержаться долго, которое было способно на художественное облеченіе. Всякій душевный разладъ, непримиренное противорѣчіе, всякое длительное возстаніе духа, не завершившееся побѣдой надъ собой, тяготило поэта, потому что никакъ или съ трудомъ поддавалось художественному воплощенію.

И очень скоро художникъ возмутился противъ той тре-

воги, которая на первыхъ порахъ захватила его душу. А между тѣмъ обстоятельства личной жизни слагались такъ, что тревога, повидимому, должна была усилиться.

Поэту была во второй разъ нанесена обида и пожалуй болѣе чувствительная, чѣмъ та, которую пришлось перенести, когда его выслали изъ Петербурга. Тогда его какъ будто преслѣдовали за образъ мыслей, а теперь, неизвѣстно почему—потому ли, что онъ сталъ неудобенъ для главнаго своего начальника, — его съ юга пересылали на сѣверъ и приказывали жить въ деревнѣ безъ права выѣзда. Прощаясь съ югомъ, поэтъ опять обратился съ воззваніемъ къ морю, „къ свободной стихіи“, къ той самой, которую онъ привѣтствовалъ, когда съ сѣвера вынужденъ былъ перекочевать на югъ. И онъ писалъ [„Къ морю“]:

Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.
Какъ друга ропотъ заунывный,
Какъ зовъ его въ прощальный часъ,
Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный
Услышалъ я въ послѣдній разъ.
Моей души предѣлъ желанный!
Какъ часто по брегамъ твоимъ
Бродилъ я тихій и туманный,
Завѣтнымъ умысломъ томимъ.
Какъ я любилъ твои отзывы,
Глухіе звуки, бездны гласъ,
И тишину въ вечерній часъ,
И своенравные порывы!
Смиренный парусъ рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользитъ отважно средь зыбей.
Но ты взыгралъ, неодолимый,
И стая тонетъ кораблей.
Не удалось на вѣкъ оставить
Мнѣ скучный, неподвижный брегъ
Тебя восторгами поздравить,
И по хребтамъ твоимъ направить
Мой поэтическій побѣгъ.

Ты ждалъ, ты звалъ... я былъ окованъ;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарованъ
У береговъ остался я.
О чемъ жалѣть? Куда бы нынѣ
Я путь безпечный устремилъ?
Одинъ предметъ въ твоей пустынѣ
Мою бы душу поразилъ.
Одна скала, гробница славы...
Тамъ погружались въ хладный сонъ
Воспоминанья величавы:
Тамъ угасалъ Наполеонъ,
Тамъ онъ погасъ среди мученій.
И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ
Другой отъ насъ умчался геній,
Другой властитель нашихъ думъ
Исчезъ, оплаканный свободой,
Оставя міру свой вѣнецъ!
Шуми, взволнуйся непогодой
Онъ былъ, о, море, твой пѣвецъ.
Твой образъ былъ на немъ означенъ;
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ;
Какъ ты могущъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ не укротимъ.
Міръ опустѣлъ... Теперь куда же
Меня-бъ ты вынесъ, океанъ?
Судьба людей повсюду та же;
Гдѣ капля блага, тамъ на стражѣ
Иль самовластье, иль тиранъ.
Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И дого, долго слышать буду
Твой гулъ въ вечерніе часы.
Въ лѣса, въ пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полнъ,
Твои скалы, твои заливы,
И блескъ, и тѣнь, и говоръ волнъ. [1824].

Опять поэту припомнился и Наполеонъ, и Байронъ, опять его собственная личность выросла передъ нимъ и стала предъявлять какія-то требованія,—и все же какъ спокойны, хоть и глубоко печальны, были его слова! Въ нихъ нѣтъ даже жалобы. Прежде Пушкинъ ставилъ людямъ въ вину, огорченія, которыя они ему причинили, разныя „измѣны“

теперь онъ какъ будто забылъ о людяхъ и желаетъ унести съ собой въ новое изгнаніе лишь память о красотѣ природы, о блескѣ, о тѣни, о говорѣ волнъ.

Такъ вѣрно и полно отражала лирика Пушкина процессъ нарастанія тревоги въ душѣ поэта и постепенное ея умиротвореніе. Ясный слѣдъ этой душевной бури виденъ и на тѣхъ крупныхъ произведеніяхъ, на тѣхъ поэмахъ, въ которыхъ, несмотря на ихъ эпическую форму, художникъ оставался все тѣмъ же субъективнымъ лирикомъ, какимъ былъ во всѣхъ остальныхъ своихъ стихотвореніяхъ.

Эти поэмы Пушкина — „Кавказскій плѣнникъ“ [1821], „Братья-Разбойники“ [1822], „Вадимъ“ [1822], „Бахчисарайскій фонтанъ“ [1822], „Цыгане“ [1824] — имѣютъ для насъ двоякое значеніе. По нимъ явственно видно, какъ Пушкинъ-художникъ силился овладѣть тревогой своего духа, какъ онъ неоднократно пытался закрѣпить ее въ художественномъ цѣльномъ образѣ и какъ ему это не давалось. Поэмы эти имѣютъ также огромное значеніе, какъ первые ростки русскаго художественнаго „романтизма“ — пресловутаго, туманнаго, привлекательнаго, столь много нашумѣвшаго „романтизма“.

Трудъ всякаго историка литературы былъ бы очень облегченъ, если бы можно было совсѣмъ избѣжать этого рокового слова „романтизмъ“, которое всегда и во всѣхъ объясненіяхъ остается большимъ туманнымъ пятномъ. Но избѣжать его нельзя, такъ какъ въ старину о немъ велись нескончаемые споры, и они имѣли хотя неясный, но глубокій смыслъ для цѣлыхъ литературныхъ направленій.

Родина слова „романтизмъ“ на Западѣ, гдѣ оно имѣло разный смыслъ въ разныхъ странахъ, такъ какъ каждый народъ налагалъ на него печать своего индивидуальнаго темперамента и склада своей мысли. Романтизмомъ въ прямомъ смыслѣ слова принято называть тѣ литературныя на-

правленія, которыя возобладали съ конца XVIII столѣтія, когда вѣкъ торжествующаго раціонализма сталъ отходить въ прошлое. Такимъ образомъ, романтизмъ какъ *литературная форма* художественнаго творчества есть нѣчто новое, внесенное въ искусство XIX-тымъ столѣтіемъ. Но если имѣть въ виду тѣ чувства и настроенія, которыя въ эту новую форму выливались, то романтизмъ, *какъ настроеніе* и *психическое движеніе* — вѣченъ и можетъ быть найденъ гдѣ угодно и въ какую угодно эпоху, такъ какъ онъ неизмѣнный спутникъ человѣчества на всѣхъ этапахъ его жизни.

Оставимъ въ сторонѣ вопросъ объ историческомъ развитіи романтизма какъ литературной формы, такъ какъ для исторіи русскаго романтизма онъ имѣетъ второстепенное значеніе, и обратимся къ тѣмъ основнымъ психическимъ движеніямъ, на которыхъ всякій романтизмъ покоится.

Если разложить романтическое настроеніе на самыя простыя составныя части, то въ основѣ его окажется очень обычное чувство недовольства дѣйствительностью. Оно заставляетъ человѣка ставить неизмѣримо выше надъ жизнью ея просвѣтленный идеалъ, ту дорогую мечту объ иномъ желаемомъ мірѣ, въ которомъ столько гармоніи, красоты, истины, правды и свѣта,—мірѣ, о которомъ тоскуетъ человѣкъ, нравственно и умственно неудовлетворенный. Такое тяготѣніе къ идеалу — конечно, всегда неопредѣленному и туманному — неизбѣжно вліяетъ на оцѣнку той дѣйствительной жизни, которая окружаетъ человѣка. Вмѣсто того, чтобы постепенно приближать жизнь къ идеалу, насколько это возможно, и, вникая въ ея мелочи, попытаться найти въ нихъ смыслъ и понять ихъ необходимое значеніе, человѣкъ бываетъ склоненъ пренебречь всѣми прозаическими сторонами бытія, склоненъ всецѣло замкнуться въ сферѣ своей мечты и мысли. Этимъ онъ только усиливаетъ противорѣчіе между идеаломъ и жизнью. И дѣйствительно, какъ часто заблуждался романтикъ, думая, что онъ сможетъ найти свой идеалъ готовымъ и воплощеннымъ здѣсь, на землѣ, въ дан-

ную минуту, и среди людей, которые его окружали! Какъ часто такая надежда была обмануѣа, и какъ часто въ силу этого обмана человѣкъ порывалъ свою живую связь съ дѣйствительностью! Разладъ съ дѣйствительностью нерѣдко отнималъ у него энергію и силу воли, туманилъ его трезвый умъ и, вмѣсто того, чтобы служить стимуломъ дѣятельности, становился источникомъ апатіи и меланхоліи, тоски по чему-то и стремленія куда-то.

Романтическое настроеніе принимало, однако, далеко не всегда такую форму пассивнаго, мягкаго протеста противъ дѣйствительности; въ немъ кромѣ меланхоліи и томленія была своя, иногда необузданная энергія, порывъ страсти, который могъ раскалить сердце человѣка и дать его фантазіи самый смѣлый полетъ; этотъ активный, бурный элементъ романтическаго настроенія и составлялъ главнымъ образомъ его культурную силу. Но въ обоихъ случаяхъ, когда романтикъ рвался такъ необузданно впередъ или когда онъ изнемогалъ въ томленіи, онъ виталъ надъ жизнью: либо опережалъ ее, либо отставалъ отъ нея; и потому бо̀льшая часть его силы и энергіи терялись для этой жизни даромъ. Романтикъ не попадалъ какъ-то въ общую колею, требовалъ отъ жизни либо слишкомъ многаго, либо слишкомъ малаго.

Какъ видимъ, разница между романтизмомъ и уже знакомымъ намъ сентиментализмомъ еле замѣтна, и дѣйствительно, переходъ отъ настроенія сентиментальнаго къ романтическому почти неуловимъ. Это—одно психическое состояніе въ двухъ формахъ своего обнаруженія, и отличіе этихъ формъ между собою заключается лишь въ степени тревоги духа, какой подпадаетъ человѣкъ при своей ссорѣ съ жизнью. Если онъ, разссорившись съ ней, сохраняетъ вѣру въ Бога и въ человѣка, вѣру въ разрѣшеніе своей ссоры, здѣсь ли на землѣ, или за гробомъ, то онъ болѣе склоненъ смотрѣть на міръ сентиментально-грустно; если же эта вѣра въ немъ подорвана и въ разочарованности

своей и въ отчаяніи онъ не видитъ примиряющаго исхода или ищетъ его пока безуспѣшно — то онъ гораздо болѣе склоненъ къ вызывающему, гнѣвному, скорбному, иногда очень пессимистическому отношенію къ жизни, и тогда онъ съ полнымъ правомъ можетъ назваться „романтикомъ". Романтизмъ есть, такимъ образомъ, лишь повышенный въ тревогѣ сентиментализмъ. Само собой понятно, что эта тревога можетъ выражаться весьма различно, можетъ въ своемъ развитіи проходить черезъ весьма разнообразныя полосы настроенія и питать себя самыми разнообразными мыслями.

При приближеніи великаго идейнаго и общественнаго кризиса въ концѣ XVIII вѣка, во время него и непосредственно послѣ, повышенная тревога духа разъединила людей съ жизнью, заставила ихъ изыскивать способы выйти изъ этого томительнаго душевнаго разлада и какъ-нибудь согласовать идеалъ съ дѣйствительностью. Въ разныхъ странахъ это соглашеніе произошло и выразилось въ различныхъ формахъ. У нѣмцевъ романтическое раздвоеніе жизни и идеала разрѣшилось въ религіозное, отвлеченно-философское и эстетическое созерцаніе; у французовъ оно привело также къ эстетическоему міропониманію, оттѣнявшему преимущественно героическую и патетическую сторону жизни; въ Англіи оно, пройдя черезъ многоцвѣтныя окраски, достигло высшаго своего выраженія въ культѣ сильной своимъ независимымъ образомъ мысли личности. Вотъ эти-то различныя формы разрѣшенія сердечныхъ и идейныхъ диссонансовъ, поскольку они выразились въ литературѣ, извѣстны подъ именемъ „романтическихъ теченій"—единыхъ въ своей психической основѣ, но весьма различныхъ по формѣ выраженія и по окончательнымъ взглядамъ на міръ и человѣка, къ какимъ онн приводили художника.

У насъ въ Россіи сердечная и умственная тревога, охватившая умы и сердца на Западѣ, ощущалась, конечно, очень слабо, но всетаки ощущалась, въ виду все болѣе и болѣе

тѣснаго духовнаго общенія нашего съ сосѣдями. Но у нашихъ сосѣдей романтизмъ своими корнями уходилъ въ самую глубь жизни; онъ возникъ на почвѣ реальныхъ явленій, на почвѣ броженія идейнаго и общественнаго, и въ свою очередь вліялъ на ходъ событій. У насъ же романтизмъ такой широкой общественной основы не имѣлъ. Тотъ пахучій и красивый цвѣтокъ романтизма, который на Западѣ распустился подъ открытымъ небомъ, у насъ былъ выведенъ въ теплицѣ. Заранѣе можно было предсказать, что его жизнь будетъ кратковременна, что у него не будетъ ни сильнаго запаха, ни яркихъ красокъ. Такъ, дѣйствительно, и случилось. Въ русскомъ романтизмѣ были и страстные порывы, и нѣжныя движенія сердца, и стремленіе опередить жизнь, и желаніе спастись отъ нея въ область видѣній; въ немъ были и слезы меланхолической печали, и слезы досады, и прощеніе, и гнѣвъ; въ немъ вообще была смѣна разнообразныхъ настроеній и чувствъ; но всѣ эти психическія движенія овладѣвали русскимъ романтикомъ не вполнѣ, а какъ-то наполовину; онъ не находился всецѣло въ ихъ власти, и потому онъ могъ легко и быстро пережить это романтическое настроеніе, забыть его, даже удариться въ другую крайность—стать совсѣмъ спокойнымъ мыслителемъ и созерцателемъ той самой жизни, которая его сначала такъ волновала. И на самомъ дѣлѣ русскій человѣкъ отъ „романтизма“ отдѣлался очень быстро и даже въ самый разгаръ его не утратилъ способности критическаго къ нему отношенія.

Но пусть романтизмъ, какъ выраженіе особаго психическаго состоянія, и игралъ относительно блѣдную роль въ исторіи нашего самосознанія, онъ былъ достаточно распространенъ какъ литературная форма и въ продолженіе двухъ поколѣній служилъ предметомъ самыхъ оживленныхъ споровъ въ литературныхъ лагеряхъ.

Въ краткомъ, бѣгломъ очеркѣ исторія развитія романтическаго настроенія у насъ въ Россіи представляется въ такомъ видѣ:

Еще съ конца XVIII вѣка подъ вліяніемъ иностранной мысли и художественнаго творчества, а также въ силу развивающагося въ насъ сознанія общественнаго, въ силу поднятія умственнаго уровня, въ нашей публицистикѣ и литературѣ стало сказываться сентиментальное отношеніе къ проблемамъ жизни. Идеалъ былъ высоко поставленъ надъ несовершенной жизнью, мрачныя стороны которой явственно ощущались, но вѣра въ Бога, въ Его особую опеку надъ нами, вѣра въ земную власть правителя и вообще вѣра въ человѣка, какъ въ существо разумное и доброе, умиротворяли всякій разладъ духа и настраивали людей хоть порой и грустно, но довѣрчиво. Это—то самое настроеніе, которое намъ уже хорошо знакомо и которое въ Карамзинѣ нашло себѣ лучшаго публициста, а въ Жуковскомъ—своего вдохновеннаго пѣвца.

Въ первую половину царствованія Александра Павловича это настроеніе продержалось въ обществѣ, несмотря на то, что ходъ жизни все больше и больше подчеркивалъ разладъ мечты и дѣйствительности, а зрѣющее самосознаніе становилось все болѣе и болѣе требовательнымъ. Конецъ свѣтлыхъ дней александровскаго царствованія приближался.

Сентиментальное настроеніе начало постепенно осложняться особой тревогой, для самихъ ея носителей сначала мало понятной. Люди, характеръ и міросозерцаніе которыхъ сложились въ благодушныя времена торжествующаго сентиментализма, для такой тревоги не были созданы: она могла охватить ихъ лишь на короткое время, но долго держать ихъ въ плѣну была не въ силахъ. Она тяготила людей, и они стремились подавить ее. У Жуковскаго эта тревога души сказалась лишь въ повышеніи патетическаго тона и въ любви къ особенно драматическимъ положеніямъ. Въ душѣ Пушкина, какъ указано, несмотря на благопріятныя для нея условія личной жизни поэта, эта тревога никакъ не могла удержаться, и очень быстро пошла на убыль, возвращая художника къ прежнему ровному и довольно благодушному

міросозерцанію. Современники Пушкина — какъ увидимъ — для истиннаго романтизма также не были созданы. Даже у самыхъ тревожныхъ по темпераменту людей того времени, какими были, напр., декабристы, т.-е. у людей, которыхъ эта тревога духа подвинула на прямое возмущеніе и возстаніе, романтическая буря души улеглась очень скоро послѣ нервнаго кризиса.

Времена собственно русскаго романтизма наступили позднѣе, когда съ перемѣною царствованія окончательно водворился тотъ режимъ опеки надъ мыслью и чувствомъ, который заставилъ забыть о всякихъ сентиментальныхъ мечтаніяхъ. И вотъ тогда-то тревога ума и сердца могла органически вырасти на русской почвѣ—самобытно, безъ всякаго толчка извнѣ. Она въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ и произвела въ литературѣ довольно замѣтное романтическое броженіе, которое, впрочемъ, если не считать поэзіи Лермонтова, особенными художественными красками не блистало.

Во времена Пушкина въ нашемъ художникѣ было еще много смиренія и кротости передъ жизнью, много вѣры въ разныя власти—земныя и небесныя.

Когда романтизмъ, уже созрѣвшій на Западѣ, нахлынулъ къ намъ въ началѣ XIX столѣтія, онъ засталъ насъ совершенно неподготовленными для его пониманія и воспріятія. Точно отмежевать поэзію сентименталистовъ отъ поэзіи настоящихъ романтиковъ мы были не въ состояніи; но мы почувствовали въ писателяхъ романтикахъ большую силу и красоту; они всѣ сразу увлекли насъ, и мы готовы были всѣхъ, кто намъ понравился, окрестить этимъ таинственно-привлекательнымъ словомъ „романтикъ“.

Если порыться въ нашей литературной критикѣ начала XIX столѣтія, то мы увидимъ, что каждый критикъ понималъ нѣчто свое подъ этими терминами „романтизмъ“ и „романтикъ“ и такъ произвольно обращался съ ними, что въ концѣ концовъ этимъ словомъ стали обозначать вообще

всякое произведеніе, которое было настолько художественно и сильно, что производило впечатлѣніе и не смахивало на рутину. Происходило же такое произвольное обращеніе съ понятіемъ потому, что сама психическая основа, на которой романтизмъ выросталъ на Западѣ,—трагедія разлада между идеаломъ и жизнью — была намъ, русскимъ, въ юные годы нашего самосознанія не вполнѣ понятна за малымъ нашимъ историческимъ опытомъ.

Само собою разумѣется, что когда нашъ писатель, даже очень сильный по таланту, брался самостоятельно создать нѣчто въ „романтическомъ" родѣ и желалъ воплотить въ художественномъ образѣ ту тревогу, которой онъ любовался у иностранныхъ писателей или смутно ощущалъ въ своей собственной душѣ, то такія попытки должны были терпѣть неудачу. И дѣйствительно, если пересмотрѣть всѣ романтическія поэмы, которыя писались въ двадцатыхъ годахъ [а ихъ писалось не мало], то лучшими въ художественномъ отношеніи окажутся всетаки переводы съ иностраннаго.

И Пушкинъ не избѣжалъ соблазна. На югѣ его фантазія была занята планами довольно широкихъ и крупныхъ произведеній. Попытка написать историческую поэму или драму изъ старославянской жизни [„Вадимъ" 1822], съ ясной политической и либеральной тенденціей, не пошла дальше отрывковъ, довольно вялыхъ и традиціонныхъ по формѣ и стилю. Очевидно, что интересъ къ политической идеѣ не былъ достаточно силенъ въ авторѣ, чтобы вынести на себѣ тяжесть цѣлаго большого произведенія. Закончены были Пушкинымъ только четыре поэмы, легендарныя по содержанію и крайне субъективныя по настроенію: „Кавказскій плѣнникъ" [1821], „Братья-Разбойники" [1822], „Бахчисарайскій фонтанъ" [1823] и „Цыгане" [1824].

„Бахчисарайскій фонтанъ"—пѣснь любви, пѣснь личныхъ интимныхъ воспоминаній, своего рода перлъ любовной ли-

рики, вставленный въ оправу художественныхъ описаній природы. Поэма цѣнна какъ очень красочная картина Востока, картина, списанная съ натуры, а не съ иностранной гравюры. Что же касается главнаго драматическаго положенія поэмы, то для той поры жизни Пушкина, когда она была написана, въ немъ мало характернаго... Если не считать вообще мрачнаго колорита всего разсказа,—то душевная тревога дѣйствующихъ лицъ не таитъ въ себѣ ничего необычнаго: женская ревность, мрачное настроеніе человѣка любящаго, но не любимаго, и сентиментальный силуэтъ страдающей невинности. Субъективность художника сказывается въ глубокомъ пониманіи психологіи любви, любви то страстной, то примиренной съ отказомъ, то нѣжной и воздушной, неуловимо тонкой. Характерно лишь то, что среди всѣхъ до сихъ поръ пропѣтыхъ Пушкинымъ любовныхъ пѣсенъ это первая съ глубоко трагической развязкой. Въ этомъ только и сказалась та тревога духа, какой художникъ былъ временно охваченъ.

Гораздо больше матерьяла для опредѣленія тогдашняго душевнаго склада Пушкина даютъ поэмы „Братья-Разбойники“ и „Кавказскій плѣнникъ“.

Въ „Разбойникахъ“ бросается въ глаза моральная тенденція—осужденіе, высказанное разбою, и частыя упоминанія о совѣсти, которая въ концѣ концовъ должна восторжествовать надъ порокомъ. Но мы очень ошибемся, если подумаемъ, что именно ради этой дешевой морали поэма написана. Она съ нескрываемой симпатіей относится къ преступнику, — не за темныя его дѣла, конечно, которыхъ она совсѣмъ не оправдываетъ,—а за то возмущеніе сердца, какимъ воодушевленъ преступникъ, за его отказъ примириться съ своей судьбой, за любовь къ волѣ, за укоренившееся въ немъ сознаніе силы своей личности. Все это мотивы, которые въ романтической душѣ будили большую симпатію, и на Западѣ создали цѣлый циклъ художественныхъ поэмъ. Пушкинъ не подражалъ этимъ поэмамъ; онъ взялъ сюжетъ

изъ бытовой русской жизни и вложилъ въ него частицу своей души. Смыслъ поэмы былъ въ субъективномъ ея настроеніи, въ этой вскипѣвшей тревогѣ сердца, въ этомъ чувствѣ протеста, которые толкаютъ человѣка на преступленіе. Но характерно, что такой романтическій подъемъ души нашъ авторъ стремился тотчасъ же охладить нравственнымъ увѣщаніемъ.

Въ обществѣ разбойника поэту, очевидно, было какъ-то неловко, и эта неловкость отразилась на неясной психологіи дѣйствующихъ лицъ.

Не свободно чувствовалъ себя поэтъ и въ обществѣ человѣка гораздо болѣе смирнаго, чѣмъ разбойникъ, человѣка никакимъ преступленіемъ не отягощеннаго, но по натурѣ своей также очень тревожнаго и мрачнаго, какимъ былъ кавказскій плѣнникъ.

Пушкинъ неоднократно признавался, что онъ недоволенъ своей поэмой и что обрисовка характера плѣнника ему не удалась. Недочеты поэмы надо признать, однако, съ большими оговорками. Описанія природы были превосходны, мѣстный колоритъ былъ переданъ ярко и вѣрно, черкесская пѣсня была совершенствомъ; неясенъ вышелъ, дѣйствительно, только типъ самого плѣнника, но онъ и долженъ былъ выйти неяснымъ, потому что художникъ пожелалъ въ законченномъ образѣ выразить чувства, находившіяся въ полномъ броженіи и мутящія его душу весьма смутнымъ волненіемъ.

Плѣнникъ долженъ былъ говорить за Пушкина, возбужденнаго настроеніемъ, въ которомъ онъ самъ не разобрался, въ которомъ и не могъ разобраться, потому что оно органически не вязалось со всей его психикой. Романтическое волненіе прошло зыбью по сердцу поэта, и эта легкая зыбь, перелетная и мѣняющая постоянно свою форму, и нашла въ поэмѣ свое отраженіе. Когда поэтъ имѣлъ дѣло съ какимъ-нибудь разбойникомъ, то передъ его глазами былъ хотя условный, но традиціонный и закругленный типъ. Теперь же

надлежало ловить неуловимое и создавать типъ, руководясь лишь той тревогой, которой сердце было переполнено.

Поэма была написана, по собственному признанію Пушкина—

Когда [онъ] погибалъ, безвинный, безотрадный,
И шопотъ клеветы внималъ со всѣхъ сторонъ,
Когда кинжалъ измѣны хладный,
Когда любви тяжелый сонъ
[Его] терзали и мертвили.

Когда же, однако, были такіе печальные дни въ жизни Пушкина?

Въ поэмѣ все шло хорошо, пока не пришлось отвѣчать на вопросъ—какая именно тревога сердца заставила русскаго молодого, образованнаго человѣка ѣхать на Кавказъ и вступить въ ряды усмирителей и покорителей вольнаго племени? Въ мотивахъ этого поступка и должно было лежать объясненіе тайны сердца самого Пушкина.

Въ Россію дальній путь ведетъ,—
Въ страну, гдѣ пламенную младость
Онъ гордо началъ безъ заботъ,
Гдѣ первую позналъ онъ радость,
Гдѣ много милаго любилъ,
Гдѣ обнялъ грозное страданье,
Гдѣ бурной жизнью погубилъ
Надежду, радость и желанье,
И лучшихъ дней воспоминанье
Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ.
Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ,
И зналъ невѣрной жизни цѣну.
Въ сердцахъ друзей нашелъ измѣну,
Въ мечтахъ любви—безумный сонъ.
Наскучивъ жертвой быть привычной
Давно презрѣнной суеты,
И непріязни двуязычной,
И простодушной клеветы,—
Отступникъ свѣта, другъ природы,
Покинулъ онъ родной предѣлъ
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы.

Свобода! онъ одной тебя
Еще искалъ въ подлунномъ мірѣ,
Страстями сердце погубя,
Охолодѣвъ къ мечтамъ и лирѣ.
Съ волненьемъ пѣсни онъ внималъ,
Одушевленныя тобою,
И съ вѣрой, пламенной мольбою
Твой гордый идолъ обнималъ.

Но развѣ эти стихи объясняютъ намъ что-нибудь? Въ нихъ авторъ скорѣе стремится отвести наши глаза отъ главнаго вопроса, давая сразу рядъ условныхъ объясненій, изъ которыхъ, замѣтимъ кстати, ни одно не согласуется съ удостовѣренными фактами жизни самого автора. Въ объясненіи тревоги своей души Пушкинъ не могъ опереться ни на одинъ изъ выставленныхъ мотивовъ. Оставалось прибѣгнуть къ крайнему средству и свалить всю вину на несчастную любовь. Такъ Пушкинъ и сдѣлалъ:

«Забудь меня: твоей любви,
Твоихъ восторговъ я не стою;
Безцѣнныхъ дней не трать со мною;
Другого юношу зови.
Его любовь тебѣ замѣнитъ
Моей души печальный хладъ;
Онъ будетъ вѣренъ, онъ оцѣнитъ
Твою красу, твой милый взглядъ,
И жаръ младенческихъ лобзаній,
И нѣжность пламенныхъ рѣчей;
Безъ упоенья, безъ желаній,
Я вяну жертвою страстей.
Ты видишь слѣдъ любви несчастной,
Душевной бури слѣдъ ужасный;
Оставь меня, но пожалѣй
О скорбной участи моей!
Несчастный другъ, зачѣмъ не прежде
Явилась ты моимъ очамъ,—
Въ тѣ дни, какъ вѣрилъ я надеждѣ
И упоительнымъ мечтамъ!
Въ тѣ дни, когда луна, дубравы,
Морей и бури вольный шумъ,
Дѣвичій голосъ, гимны славы
Еще плѣняли жадный умъ!

Но поздно... умеръ я для счастья,
Надежды призракъ улетѣлъ;
Твой другъ отвыкъ отъ сладострастья,
Для нѣжныхъ чувствъ окаменѣлъ...
«Какъ тяжко мертвыми устами
Живымъ лобзаньямъ отвѣчать,
И очи, полныя слезами,
Улыбкой хладною встрѣчать!
Измучась ревностью напрасной,
Уснувъ безчувственной душой,
Въ объятіяхъ подруги страстной,
Какъ тяжко мыслить о другой!..
«Когда такъ медленно, такъ нѣжно,
Ты пьешь лобзанія мои,
И для тебя часы любви
Проходятъ быстро, безмятежно:
Снѣдая слезы въ тишинѣ,
Тогда разсѣянный, унылый,
Передъ собою, какъ во снѣ,
Я вижу образъ вѣчно милый;
Его зову, къ нему стремлюсь,
Молчу, не вижу, не внимаю;
Тебѣ въ забвеньи предаюсь
И тайный призракъ обнимаю;
О немъ въ пустынѣ слезы лью;
Повсюду онъ со мною бродитъ,
И мрачную тоску наводитъ
На душу сирую мою.
«Оставь же мнѣ мои желѣзы,
Уединенныя мечты,
Воспоминанья, грусть и слезы—
Ихъ раздѣлить не можешь ты.
Ты сердца слышала признанье:
Прости!..

Свести все къ несчастной любви, не значило ли это упростить тему до крайности и отнять у ней право на сложную, серьезную и идейную мотивировку? А вѣдь романтическая тревога имѣла всѣ права разсчитывать на такое серьезное объясненіе.

Отданный, хоть и временно, во власть чувства, которое онъ побороть въ себѣ не могъ, и также не могъ отчетливо себѣ выяснить, поэтъ кончилъ тѣмъ, что сталъ враждебно

относиться къ этой тревогѣ, къ этому „романтизму“ души, взволнованной и мрачной. Онъ сталъ искать случая отомстить ей за всѣ огорченія, которыя она ему причинила, и, дѣйствительно, налюбовавшись какъ художникъ красивыми позами, въ какія носитель романтическаго чувства порой становился, Пушкинъ предалъ этого безпокойнаго романтика суровому суду въ „Цыганахъ“.

„Цыгане“, какъ художественное произведеніе, самая выдержанная изъ раннихъ поэмъ Пушкина — и понятно почему. Художнику пришлось судить и критиковать то состояніе духа, которое раньше онъ хотѣлъ объяснить и оправдать. Это состояніе никакъ не могло быть согласовано съ его собственной психикой, и потому объясненія его или оправданія не могли быть проведены успѣшно. Судъ же, и жестокій судъ, былъ вполнѣ возможенъ.

Въ поэмѣ „Цыгане“ чувствуется прежде всего значительно созрѣвшій мастеръ. Удивительно ярко и образно передана бытовая сценировка и не менѣе замѣчательны и драматическое движеніе поэмы, и драматическая форма діалога—форма, которою въ первый разъ пользуется нашъ художникъ, современемъ достигшій въ ней высокаго совершенства.

Но кто же этотъ таинственный Алеко, промѣнявшій добровольно Петербургъ на южныя степи, какъ его долженъ былъ промѣнять противъ своей воли Пушкинъ?

Онъ—опять олицетвореніе нѣкоторыхъ романтическихъ порывовъ души, насколько они были понятны и доступны художнику.

Внѣшняя поза героя—намъ хорошо знакома: все то же грустное и угрюмое выраженіе лица, даже среди вольной и счастливой обстановки:

Уныло юноша глядѣлъ
На опустѣлую равнину
И грусти тайную причину
Истолковать себѣ не смѣлъ.

Съ нимъ черноокая Земфира,
Теперь онъ вольный житель міра,
И солнце весело надъ нимъ
Полуденной красою блещетъ;
Что-жъ сердце юноши трепещетъ?
Какой заботой онъ томимъ?

Онъ—человѣкъ безпечный, никогда не знавшій никакого дѣла и въ страстяхъ необузданный:

Подобно птичкѣ беззаботной
И онъ, изгнанникъ перелетный,
Гнѣзда надежнаго не зналъ
И ни къ чему не привыкалъ;
Ему вездѣ была дорога
Вездѣ была ночлега сѣнь;
Проснувшись поутру, свой день
Онъ отдавалъ на волю Бога,
И жизни не могла тревога
Смутить его сердечну лѣнь,
Его порой волшебной славы
Манила дальняя звѣзда,
Нежданно роскошь и забавы
Къ нему являлись иногда;
Надъ одинокой головою
И громъ нерѣдко грохоталъ;
Но онъ безпечно подъ грозою
И въ вёдро ясное дремалъ.
И жилъ, не признавая власти
Судьбы коварной и слѣпой;
Но, Боже, какъ играли страсти
Его послушною душой!
Съ какимъ волненіемъ кипѣли
Въ его измученной груди!

А чѣмъ была его грудь измучена? Неизвѣстно. Страсти, кажется, толкнули его на какое-то преступленіе, потому что „законъ его преслѣдовалъ“.

Онъ фанатичный поклонникъ своей личности. онъ жестокъ и не прощаетъ обидъ:

Нѣтъ, я, не споря,
Отъ правъ моихъ не откажусь;
Или хоть мщеньемъ наслажусь
О, нѣтъ! когда-бъ надъ бездной моря

Нашелъ я спящаго врага,
Клянусь, и тутъ моя нога
Не пощадила бы злодѣя:
Я въ волны моря, не блѣднѣя,
И беззащитнаго-бъ толкнулъ;
Внезапный ужасъ пробужденья
Свирѣпымъ смѣхомъ упрекнулъ
И долго мнѣ его паденья
Смѣшонъ и сладокъ былъ бы гулъ.

Онъ „любитъ горестно и трудно", потому что онъ эгоистъ чистой крови. Онъ ищетъ свободы, но тѣхъ нравственныхъ обязательствъ, которыя налагаетъ на человѣка свобода, онъ не признаетъ. Людямъ онъ предъявляетъ цѣлый обвинительный актъ:

О чемъ жалѣть? Когда-бъ ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душныхъ городовъ!
Тамъ люди въ кучахъ, за оградой
Не дышатъ утренней прохладой,
Ни вешнимъ запахомъ луговъ;
Любви стыдятся, мысли гонятъ,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ, да цѣпей.
Что̀ бросилъ я? Измѣнъ волненье
Предразсужденій приговоръ,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позоръ.

Но съ чѣмъ же онъ самъ пришелъ къ людямъ?

Единственный разъ, когда онъ предложилъ ближнимъ свою любовь и пошелъ имъ навстрѣчу, — онъ поставилъ имъ такія условія, на которыя они не могли согласиться. Онъ за ними сталъ отрицать право на свободное чувство— право, котораго, однако, требовалъ для себя. Въ подтвержденіе этого права онъ рѣшился, наконецъ, на убійство.

«Оставь насъ, гордый человѣкъ!
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
Мы не терзаемъ, не казнимъ,
Не нужно крови намъ и стоновъ;
Но жить съ убійцей не хотимъ.

Ты не рожденъ для дикой доли;
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасенъ намъ твой будетъ гласъ.
Мы робки и добры душою,
Ты золъ и смѣлъ—оставь же насъ;
Прости! да будетъ миръ съ тобою».

Такъ прощался Пушкинъ съ Алеко и слова эти относились не къ неудавшемуся цыгану, а къ тому демону, который смущалъ самого поэта въ эти годы.

Алеко, конечно, не можетъ быть понятъ какъ воплощеніе всѣхъ романтическихъ чувствъ и настроеній. Онъ—очень несовершенный и узкій романтикъ и притомъ экземпляръ съ большимъ изъяномъ. Вѣдь не всегда же романтическая буря души была такъ насыщена эгоизмомъ и не всегда для романтика вся суть жизни сводилась къ любви. Для насъ, впрочемъ, совсѣмъ не существененъ вопросъ, насколько полно Пушкинъ изобразилъ въ Алеко романтическую тревогу духа: важно то, что онъ осудилъ своего героя безъ попытки оправданія его, не давъ ему снисхожденія, какое нашлось въ его сердцѣ не такъ давно даже для настоящаго разбойника. Это показываетъ, что изъ сферы романтическихъ волненій художникъ уже вышелъ, что онъ призналъ себя способнымъ судить ихъ даже ускореннымъ, а потому не вполнѣ справедливымъ судомъ.

„Цыгане“ были послѣдней романтической поэмой Пушкина. Художникъ больше къ этому настроенію не возвращался. Онъ одержалъ побѣду надъ той тревогой ума и сердца, которую ему нужно было пережить какъ сыну своего вѣка, но на которой онъ не могъ долго остановиться въ силу несоотвѣтствія этой тревоги со всѣми основными чертами его собственнаго характера.

Часто возбуждался вопросъ, насколько Пушкинъ былъ самостоятеленъ въ своихъ раннихъ поэмахъ. Изъ біографіи поэта извѣстно, что въ бытность на югѣ онъ сталъ учиться

англійскому языку, читалъ Байрона и, какъ всѣ молодые люди его поколѣнія, былъ имъ растроганъ, увлеченъ и побѣжденъ. Еще современники замѣтили, что въ поэзіи Пушкина какъ будто стали слышны мотивы „англійскаго барда"; одни стали опасаться за независимость творчества любимаго поэта, другіе же были рады тому, что онъ вступаетъ въ состязаніе съ такимъ соперникомъ. Затѣмъ этотъ вопросъ о „байронизмѣ" Пушкина сталъ достояніемъ критики и исторіи литературы и безчисленное количество разъ обсуждался. До мельчайшихъ подробностей были исчислены всѣ заимствованія Пушкина или то, что̀ могло показаться заимствованіемъ. Признать, однако, Пушкина-романтика прямымъ ученикомъ Байрона не согласились, а сказать, что онъ ничѣмъ Байрону не былъ обязанъ,—тоже не рѣшились. Споръ принялъ поэтому крайне уклончивый характеръ. Не лучше обстояло дѣло, когда въ самое послѣднее время стали утверждать, что не только Байронъ, но и Шатобріанъ оказалъ на Пушкина, какъ на поэта, рѣшительное вліяніе.

Вопросъ о заимствованіяхъ имѣетъ, конечно, свое историко-литературное значеніе въ оцѣнкѣ творчества Пушкина, но, думается намъ, это значеніе не слѣдуетъ преувеличивать. Всякій писатель, даже очень крупный, въ началѣ своей дѣятельности всегда находится подъ вліяніемъ извѣстныхъ готовыхъ литературныхъ образцовъ и быстро отъ этого вліянія освобождается. Весь вопросъ въ томъ, обязанъ ли писатель какому-нибудь образцу чѣмъ-либо въ предѣльномъ развитіи своей художественной формы и въ окончательной выработкѣ своего поэтическаго міросозерцанія. Только при такой длительной зависимости отъ образца можетъ быть рѣчь о вліяніи. Ни художественная форма стихотвореній Пушкина, ни тѣмъ болѣе его поэтическое міросозерцаніе не имѣютъ ничего общаго съ поэзіей Байрона. Если въ юности Пушкину пришлось на короткій срокъ полюбить Байрона больше другихъ поэтовъ, то, какъ мы знаемъ, этому во многомъ помогли условія личной его жизни и общее настроеніе

его времени. Въ еще болѣе ранніе годы Пушкинъ увлекался, какъ извѣстно, стихами Парни, опять-таки потому, что они соотвѣтствовали его настроенію, и увлекался онъ этимъ французомъ не меньше, чѣмъ Байрономъ, а можетъ быть и больше. Однако, едва ли можно говорить о вліяніи Парни на поэзію Пушкина. Справедливо будетъ признать безспорное временное увлеченіе Пушкина Байрономъ или Шатобріаномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ надо отказаться отъ мысли опредѣлить точно степень ихъ *вліянія* на него. Тотъ фактъ, что нѣкоторыя драматическія положенія въ стихотвореніяхъ Пушкина, иногда цѣлыя фразы или отдѣльныя выраженія напоминаютъ аналогичныя положенія и обороты у иностранныхъ писателей—мало что доказываетъ: есть масса примѣровъ такихъ совпаденій у писателей, другъ отъ друга совсѣмъ независимыхъ: трудно предположить, чтобы какой-нибудь оригинальный и сильный поэтъ въ самый разгаръ творческой работы дѣлалъ сознательныя заимствованія.

Что поэзія Байрона и поэзія Шатобріана дали Пушкину, какъ художнику, почувствовать, какой богатѣйшій родникъ красоты заключенъ въ романтической тревогѣ души человѣческой—это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Примиреніе съ жизнью на почвѣ художественнаго созерцанія.

Когда сравниваешь условія жизни, при которыхъ Пушкину приходилось жить на югѣ, съ тѣми, въ какихъ онъ очутился въ родномъ своемъ гнѣздѣ—въ селѣ Михайловскомъ,—невольно думаешь о томъ, какъ должно было въ поэтѣ повыситься чувство протеста противъ власти, противъ ближнихъ, вообще противъ людей... Пушкинъ попадалъ теперь въ настоящую ссылку, въ глушь. Ему былъ запрещенъ выѣздъ изъ деревни даже въ сосѣдній губернскій городъ, за нимъ былъ установленъ настоящій полицейскій надзоръ, и участникомъ этого надзора согласился быть его родитель. Къ безправному положенію присоединялись, такимъ образомъ, еще семейныя крупныя непріятности; говорятъ, что онѣ доходили до бурныхъ сценъ. Отъѣздъ семьи изъ деревни какъ будто улучшилъ положеніе Пушкина, но на смѣну крикливымъ ссорамъ явилось теперь глухое одиночество. Правда, оно скрашивалось знакомствомъ съ сосѣдями—людьми очень культурными, и пріѣздомъ нѣкоторыхъ друзей изъ Петербурга.

Горечь вторичной обиды и несправедливаго наказанія, только-что пережитый кризисъ романтической тревоги позволяютъ предположить, что одиночество въ такую минуту могло только повысить раздраженіе и печаль поэта, а отнюдь не умиротворить ихъ.

Нужно припомнить также, что къ этому времени [1824] въ кругахъ литературной и военной молодежи политическое настроеніе быстро накипало и активное вмѣшательство въ политику дня было въ принципѣ рѣшеннымъ дѣломъ. Положимъ, ссылка держала Пушкина вдали отъ политическаго движенія, но вѣдь еще на югѣ онъ встрѣчался съ людьми, которые подготовляли это движеніе и въ немъ участвовали. Теперь, живя въ Псковской губерніи, онъ придвинулся къ центру агитаціи. Къ нему въ деревню пріѣзжалъ Пущинъ, одинъ изъ участниковъ заговора и близкій его пріятель, и кромѣ того поэтъ находился въ это время въ весьма оживленной перепискѣ съ А. Бестужевымъ и К. Рылѣевымъ—двумя наиболѣе рьяными агитаторами. О чемъ они переписывались,—неизвѣстно, такъ какъ Пушкинъ сжегъ свои бумаги, когда узналъ о возмущеніи 14 декабря. Хотя мы и не имѣемъ точныхъ данныхъ, но мы можемъ предположить, что надвигавшаяся политическая буря чуялась Пушкину и что, конечно, его друзья и корреспонденты не умалчивали въ разговорахъ съ нимъ о томъ, о чемъ они довольно громко говорили даже съ посторонними.

Но, странно, ни одинъ изъ друзей поэта не предложилъ ему вступить въ члены тайнаго общества. Много было въ литературѣ толковъ по поводу такого умышленнаго отстраненія Пушкина отъ общаго политическаго дѣла, задуманнаго людьми, которые хорошо его знали. Предполагали, что эти люди щадили въ Пушкинѣ великаго поэта и не желали подвергать его опасности. Но Пушкинъ въ тѣ годы „великимъ“ еще не былъ и, судя по количеству писателей, замѣшанныхъ въ декабрьскомъ дѣлѣ, литературный талантъ не вызывалъ къ себѣ такого ужъ бережнаго отношенія. Думали, что друзья потому не посвятили Пушкина въ тайну дѣла, что мало ему довѣряли, какъ довольно легкомысленному человѣку, который нечаянно можетъ проговориться. Но едва ли и это объясненіе можетъ быть принято, такъ какъ участники тайныхъ обществъ вели свои дѣла вообще

довольно открыто и были очень довѣрчивы въ подборѣ союзниковъ и товарищей. Остается предположить, что друзья не вовлекли Пушкина въ политическую агитацію потому, что считали это дѣло для него — какъ для даннаго лица, а не какъ для поэта—весьма опаснымъ. Человѣкъ дважды пострадалъ за пустяки, сравнительно съ тѣмъ, что̀ затѣвалось. Привлекать такого человѣка къ новому политическому дѣлу и притомъ несомнѣнно очень серьезному, значило погубить его немедленно и ровно ничего не выиграть для самого дѣла, такъ какъ было ясно, что Пушкину не позволили бы сдѣлать ни одного шага въ ожидаемомъ направленіи; арестъ же его былъ бы для дѣла несомнѣнно очень опасенъ. Вѣроятно это простое и ясное соображеніе и удержало всѣхъ друзей Пушкина отъ попытки записать его въ члены тайнаго общества; да и самъ поэтъ въ данномъ случаѣ, кажется, молчаливо соглашался съ друзьями, хотя и былъ, порой, оскорбленъ ихъ молчаніемъ и сердился на нихъ за излишнюю осторожность. Нельзя же предположить въ самомъ дѣлѣ, что Пушкинъ—если бы онъ захотѣлъ стать членомъ общества, о существованіи котораго онъ несомнѣнно зналъ—не заявилъ бы своего желанія открыто и не добился бы пріема: а о шагахъ Пушкина въ этомъ направленіи ничего неизвѣстно.

Впрочемъ, помимо страха за свою участь, Пушкина въ данномъ случаѣ могло остановить и то замиреніе духа, которое наступило въ немъ послѣ тревожныхъ лѣтъ, проведенныхъ на югѣ.

Усталость ли отъ впечатлѣній и волненій, только что пережитыхъ, надежда ли найти въ родномъ углу покой, миръ и тишину, необходимые для всякой передышки, — но поэтъ привѣтствовалъ свое Михайловское стихотвореніемъ необычайно спокойнымъ и полнымъ довѣріи къ будущему:

Зачѣмъ ты, грозный аквилонъ,
Тростникъ болотный долу клонишь?

Зачѣмъ на дальній небосклонъ
Ты облако столь гнѣвно гонишь?
Недавно черныхъ тучъ грядой
Сводъ неба глухо облекался;
Недавно дубъ надъ высотой
Въ красѣ надменной величался.
Но ты поднялся, ты взыгралъ,
Ты прошумѣлъ грозой и славой—
И бурны тучи разогналъ,
И дубъ низвергнулъ величавый.
Пускай же солнца ясный ликъ
Отнынѣ радостью блистаетъ,
И облакомъ зефиръ играетъ,
И тихо зыблется тростникъ. [1824].

Стихотвореніе это, конечно, не говоритъ о полномъ примиреніи съ условіями, въ которыхъ приходилось жить, такъ какъ въ „Посланіи къ Н. Языкову", которое Пушкинъ написалъ приблизительно въ это же время, онъ очень откровенно сѣтуетъ на свое подневольное положеніе, хотя не падаетъ духомъ и остается веселъ.

Поэтъ пишетъ своему другу:

...злобно мной играетъ счастье:
Давно безъ крова я ношусь,
Куда подуетъ самовластье.
Уснувъ, не знаю, гдѣ проснусь.
Всегда гонимъ, всегда въ изгнаньѣ.
Влачу закованные дни...
Услышь, поэтъ, мое призванье,
Моихъ надеждъ не обмани...
Я жду тебя, тебя со мною
Обниметъ въ сельскомъ шалашѣ
Мой братъ по крови, по душѣ,
Шалунъ, замѣченный тобою,
И музъ возвышенныхъ пророкъ,
Нашъ Дельвигъ все для насъ оставитъ,
И наша троица прославитъ
Изгнанья темный уголокъ.
Надзоръ обманемъ караульной,
Восхвалимъ вольности дары
И нашей юности разгульной
Пробудимъ шумные пиры,

Вниманье дружное преклонимъ
Ко звону рюмокъ и стиховъ
И скуку зимнихъ вечеровъ
Виномъ и пѣснями прогонимъ. [1824].

Въ стихахъ, написанныхъ Пушкинымъ въ Михайловскомъ, водворяется то удивительно гармоничное и величавое спокойствіе, которое остается въ душѣ поэта до самой его смерти. Положимъ, когда Пушкинъ берется за сатирическое посланіе или за столь любимую имъ эпиграмму, онъ и теперь бываетъ золъ и остеръ до безпощадности, но онъ всегда владѣетъ собой и своей страстью, и нѣтъ примѣра гдѣ бы чувство настолько его покорило, что затуманило бы и испортило художественное свое выраженіе.

За годы жизни въ деревнѣ Пушкинъ иногда позволялъ себѣ наскакивать въ стихахъ на враговъ, но это были теперь, главнымъ образомъ, враги литературные. Къ этому времени относится, напр., остроумное второе „Посланіе къ цензору".

Два года передъ этимъ, въ 1822 году, Пушкинъ уже обращался къ своему „гонителю" и наговорилъ ему тогда много непріятнаго. Онъ признавалъ, что неосторожной хулой не должно поносить цензуры, потому что то, что нужно Лондону, то для Москвы еще рано. Онъ жалѣлъ о цензорѣ, которому приходится читать столько литературнаго хлама, онъ отводилъ цензору высокое и почетное мѣсто въ государствѣ:

Цензоръ—гражданинъ и санъ его священный!
Онъ долженъ умъ имѣть прямой и просвѣщенный;
Онъ сердцемъ почитать привыкъ алтарь и тронъ;
Но мнѣнья не тѣснитъ и разумъ терпитъ онъ.
Блюститель тишины, приличія и нравовъ
Не преступаетъ самъ начертанныхъ уставовъ
Полезной истинѣ путей не заграждаетъ,
Живой поэзіи развиться не мѣшаетъ;
Онъ другъ писателю, предъ знатью не трусливъ,
Благоразуменъ, твердъ, свободенъ, справедливъ...

Наговоривъ такіе комплименты цензору in abstracto, Пушкинъ уже по прямому адресу начинаетъ говорить дерзости:

А ты, глупецъ и трусъ, что дѣлаешь ты съ нами
Гдѣ должно-бъ умствовать, ты хлопаешь глазами,
Не понимая насъ, мараешь и дерешь.
Ты чернымъ бѣлое по прихоти зовешь...
Скажи, не стыдно ли, что на святой Руси
Благодаря тебѣ, не видимъ книгъ доселѣ?..
О, варваръ! Кто изъ насъ, владѣлецъ русской лиры
Не проклиналъ твоей губительной сѣкиры?
Докучнымъ евнухомъ ты бродишь между музъ...
На все кидаешь ты косой, невѣрный взглядъ,
Подозрѣвая всѣхъ—во всемъ ты видишь ядъ.
Зачѣмъ себя и насъ терзаешь безъ причины?
Скажи, читалъ ли ты Наказъ Екатерины?
Прочти, пойми его, увидишь ясно въ немъ
Свой долгъ, свои права; пойдешь инымъ путемъ.
Передъ тобой зерцало —
Дней Александровыхъ прекрасное начало;
Провѣдай, что въ тѣ дни произвела печать!
На поприщѣ ума нельзя намъ отступать...
Старинной глупости мы праведно стыдимся,
Ужели къ тѣмъ годамъ мы снова обратимся,
Когда никто не смѣлъ отечества назвать,
И въ рабствѣ ползали и люди, и печать!..
Гдѣ славный Карамзинъ снискалъ себѣ вѣнецъ,
Тамъ цензоромъ уже не можетъ быть глупецъ...
Но дѣлать нечего! Такъ если невозможно
Домой тебѣ скорѣй убраться осторожно
И службою своей ты нуженъ для царя,
Хоть умнаго себѣ возьми секретаря.
[«Первое посланіе цензору» 1822].

Во второмъ посланіи къ цензору, написанномъ въ 1824 году, въ Михайловскомъ, тонъ мѣняется. Раздраженіе переходитъ въ спокойный разговоръ и Пушкинъ привѣтствуетъ назначеніе новаго министра, при которомъ всѣ прежнія цензурныя безобразія, произведенныя Фотіемъ, Магницкимъ и имъ подобными, становятся немыслимы. „Позволь обнять себя, мой прежній собесѣдникъ", обращается на этотъ разъ Пушкинъ къ цензору:

Недавно, тяжкою цензурой притѣсненъ,
Послѣднихъ, жалкихъ правъ безъ милости лишенъ,
Со всею братіей гонимый совокупно

Я, вспыхнувъ, говорилъ тебѣ немного крупно;
Потѣшилъ дерзости бранчивую свербежъ —
Но извини меня, мнѣ было невтерпежъ...
Теперь...
Обрадовался я... замѣтя вдругъ
Въ тебѣ и правила, и мыслей образъ новый!
Вѣдаю, кому
Сей важной новостью обязана Россія,
Обдумавъ наконецъ намѣренья благія,
Министра честнаго нашъ добрый царь избралъ;
Шишковъ наукъ уже правленье воспріялъ.
Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года;
Одинъ въ толпѣ вельможъ онъ русскихъ музъ любилъ:
Ихъ, незамѣченныхъ, созвалъ, соединилъ...
Мрачная година протекла,
И ярче ужъ горитъ свѣтильникъ просвѣщенья...
[«Второе посланіе къ цензору» 1824].

Надежды Пушкина были очень торопливы и преувеличены, но въ данномъ случаѣ для насъ имѣетъ значеніе само желаніе поэта ласкать себя такими надеждами.

Симпатія и преклоненіе передъ достойными представителями власти начинаютъ теперь смѣнять въ стихахъ Пушкина его недавніе нападки на тѣхъ, кто этой властью злоупотребляетъ. На ряду съ хвалебнымъ гимномъ министру народнаго просвѣщенія Шишкову, цѣлая ода посвящена прославленію гражданскихъ доблестей извѣстнаго адмирала Мордвинова. [„Н. С. Мордвинову“ 1825].

Такія слова, исполненныя довѣрія къ власти, соотвѣтствовали политической мысли поэта, которая теперь начинаетъ обнаруживать большую уравновѣшенность.

Для оцѣнки политическаго настроенія Пушкина за это время очень характерно извѣстное его стихотвореніе „Андрей Шенье“ [1825], надѣлавшее въ свое время много шуму. Оно причинило поэту немало непріятностей, такъ какъ было понято какъ привѣтствіе будто бы декабристамъ. Стихи сочинены были раньше декабрьскихъ событій и Пушкинъ очень возмущался тѣмъ, что въ нихъ могли заподозрить антипра-

вительственную тенденцію. Въ этомъ стихотвореніи, дѣйствительно, ничего противоправительственнаго не было, но политическая мысль въ немъ была, и притомъ мысль очень зрѣлая и спокойная.

Знаменитый французскій лирикъ, погибшій на эшафотѣ жертвой революціоннаго деспотизма, устами Пушкина такъ говорилъ о своемъ политическомъ идеалѣ:

„Свобода!“ восклицалъ онъ,—

«Привѣтствую тебя, мое свѣтило!
Я славилъ твой небесный ликъ,
Когда онъ искрою возникъ,
Когда ты въ бурѣ восходило;
Я славилъ твой священный громъ,
Когда онъ разметалъ позорную твердыню
И власти древнюю гордыню
Разсѣялъ пепломъ и стыдомъ;
Я зрѣлъ твоихъ сыновъ гражданскую отвагу,
Я слышалъ братскій ихъ обѣтъ,
Великодушную присягу
И самовластію безтрепетный отвѣтъ;
Я зрѣлъ, какъ ихъ могучи волны
Все ниспровергли, увлекли,
И пламенный трибунъ предрекъ, восторга полный,
Перерожденіе земли.
Уже сіялъ твой мудрый геній,
Уже въ безсмертный Пантеонъ
Святыхъ изгнанниковъ всходили славны тѣни;
Отъ пелены предубѣжденій
Разоблачался ветхій тронъ,
Оковы падали. Законъ,
На вольность опершись, провозгласилъ равенство,
И мы воскликнули: «Блаженство!»...
О, горе! о, безумный сонъ!
Гдѣ вольность и законъ? Надъ нами
Единый властвуетъ топоръ.
Мы свергнули царей? Убійцу съ палачами
Избрали мы въ цари! О, ужасъ, о, позоръ!
Но ты, священная свобода,
Богиня чистая! нѣтъ, не виновна ты:
Въ порывахъ буйной слѣпоты,
Въ презрѣнномъ бѣшенствѣ народа—

Сокрылась ты отъ насъ. Цѣлебный твой сосудъ
Завѣшенъ пеленой кровавой...
Но ты придешь опять со мщеніемъ и славой—
И вновь твои враги падутъ.
Народъ, вкусившій разъ твой нектаръ освященный,
Все ищетъ вновь упиться имъ;
Какъ будто Вакхомъ разъяренный,
Онъ бредитъ, жаждою томимъ...
Такъ! онъ найдетъ тебя. Подъ сѣнію равенства
Въ объятіяхъ твоихъ онъ сладко отдохнетъ,
И буря мрачная минетъ...

Какъ мало въ этихъ стихахъ задора и воинственнаго пыла! Слова полны сожалѣнія и жалости къ людямъ, осквернившимъ святыню. Призывъ къ борьбѣ за свободу, къ борьбѣ неотложной, замѣненъ въ нихъ пѣснью въ честь надежды на грядущее ея торжество. Поэту кажется даже, что онъ, вмѣшавшись въ политическій споръ, совершилъ надъ собой насиліе:

«Куда, куда завлекъ меня враждебный геній?
Рожденный для любви, для мирныхъ искушеній,
Зачѣмъ я покидалъ безвѣстной жизни сѣнь,
Свободу и друзей, и сладостную лѣнь?
Судьба лелѣяла мою златую младость,
Безпечною рукой меня вѣнчала радость,
И муза чистая дѣлила мой досугъ.
На шумныхъ вечерахъ друзей любимый другъ,
Я сладко оглашалъ и смѣхомъ, и стихами
Сѣнь, охраненную домашними богами.
Когда-жъ вакхической тревогой утомясь
И новымъ пламенемъ внезапно воспалясь,
Я утромъ, наконецъ, являлся къ милой дѣвѣ
И находилъ ее въ смятеніи и гнѣвѣ;
Когда съ угрозами, и слезы на глазахъ,
Мой проклиная вѣкъ, утраченный въ пирахъ,
Она меня гнала, бранила и прощала,
Какъ сладко жизнь моя лилась и утекала!
Зачѣмъ отъ жизни сей, лѣнивой и простой,
Я кинулся туда, гдѣ ужасъ роковой,
Гдѣ страсти дикія, гдѣ буйные невѣжды,
И злоба и корысть! Куда, мои надежды,
Вы завлекли меня! Что дѣлать было мнѣ,

Мнѣ, вѣрному любви, стихамъ и тишинѣ
На низкомъ поприщѣ съ презрѣнными бойцами?
Мнѣ-ль было управлять строптивыми конями
И круто направлять безсильныя бразды?
И что-жъ оставлю я? Забытые слѣды
Безумной ревности и дерзости ничтожной!
Погибни, голосъ мой, и ты, о, призракъ ложный,
Ты, слово, звукъ пустой...

Но, конечно, такое самообвиненіе — очень характерное въ устахъ Шенье-Пушкина—только минутный наплывъ сомнѣнья. Поэтъ понимаетъ, что, слагая пѣсни въ честь свободы, онъ не измѣнилъ своему назначенію, а искренно и честно высказалъ то, что̀ думалъ; онъ знаетъ, что никто не смѣетъ оспаривать права поэта быть судьей великихъ дѣлъ, совершающихся на его глазахъ:

О! нѣтъ!
Умолкни, ропотъ малодушный!
Гордись и радуйся, поэтъ:
Ты не поникъ главой послушной
Передъ позоромъ нашихъ лѣтъ,
Ты презрѣлъ мощнаго злодѣя;
Твой свѣточъ, грозно пламенѣя,
Жестокимъ блескомъ озарилъ
Совѣтъ правителей безславныхъ,
Твой бичъ настигнулъ ихъ, казнилъ
Сихъ палачей самодержавныхъ;
Твой стихъ свисталъ по ихъ главамъ;
Ты звалъ на нихъ, ты славилъ Немезиду;
Ты пѣлъ Маратовымъ жрецамъ
Кинжалъ и дѣву-эвмениду:
Когда святой старикъ отъ плахи отрывалъ
Вѣнчанную главу рукой оцѣпенѣлой,
Ты смѣло имъ обоимъ руку далъ,
И передъ вами трепеталъ
Ареопагъ остервенѣлый.
Гордись, гордись, пѣвецъ! а ты, свирѣпый звѣрь,
Моей главой играй теперь;
Она въ твоихъ когтяхъ. Но слушай, знай, безбожный:
Мой крикъ, мой ярый смѣхъ преслѣдуетъ тебя!
Пей нашу кровь, живи губя:
Ты все пигмей, пигмей ничтожный!

И часъ придетъ... и онъ ужъ недалекъ,
Падешь, тиранъ! Негодованье
Воспрянетъ наконецъ; отечества рыданье
Разбудитъ утомленный рокъ...
[«А. Шенье» 1825].

Многое въ этихъ словахъ напоминаетъ не такъ давно сказанное Пушкинымъ въ его юношескомъ „Кинжалѣ", но какъ отличны эти два стихотворенія по мысли и по тону. Въ томъ юношескомъ призывѣ все—буря страстей, необузданное волненіе; здѣсь—строгій и грустный итогъ политической мысли, много поработавшей и въ этой работѣ утратившей всѣ страсти, кромѣ убѣжденности въ своей правотѣ.

Стихотвореніе Пушкина „Андрей Шенье", помимо политической мысли, заключаетъ въ себѣ указаніе на развитіе и еще одной мысли, очень существенной въ творчествѣ поэта, а именно—мысли о призваніи художника, объ его отношеніи къ тревогѣ дня и къ толпѣ людской, производящей эту тревогу.

Смѣло подошелъ Пушкинъ къ этой темѣ въ извѣстномъ „Разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ" [1824].

На этомъ „Разговорѣ" остались слѣды недавней тревоги: поэтъ разочарованъ, угрюмъ, отъ людей держится въ сторонѣ и безъ увлеченія смотритъ на свое творчество. На вопросъ, въ чемъ кроется причина такого унылаго состоянія духа, художникъ—совсѣмъ какъ въ „Кавказскомъ плѣнникѣ" — отвѣчаетъ ссылкой на отвергнутую любовь женщины, какъ на главнѣйшій источникъ своего разочарованія. Но мы можемъ ему не повѣрить. Причина, конечно, лежитъ глубже. Она въ томъ, что онъ въ людяхъ не нашелъ того отклика, на который разсчитывалъ.

О чемъ вздохнули такъ глубоко,
Нельзя-ль узнать?

спрашиваетъ книгопродавецъ поэта, и поэтъ отвѣчаетъ:

Я былъ далеко:
Я время то воспоминалъ,
Когда, надеждами богатый,

Поэтъ безпечный, я писалъ
Изъ вдохновенья, не изъ платы...
Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтущій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ;
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ,
И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава;
Въ ней грезы чудныя рождались;
Въ размѣры стройные стекались
Мои послушныя слова
И звонкой риѳмой замыкались.
Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ иль вихорь буйный,
Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шопотъ рѣчки тихоструйной.
Тогда, въ безмолвіи трудовъ,
Дѣлиться не былъ я готовъ
Съ толпою пламеннымъ восторгомъ,
И музы сладостныхъ даровъ
Не унижалъ постыднымъ торгомъ;
Я былъ хранитель ихъ скупой:
Такъ точно, въ гордости нѣмой,
Отъ взоровъ черни лицемѣрной
Дары любовницы младой
Хранитъ любовникъ суевѣрный.
Блаженъ, кто про себя таилъ
Души высокія созданья
И отъ людей, какъ отъ могилъ,
Не ждалъ за чувство воздаянья!
Блаженъ, кто молча былъ поэтъ,
И терномъ славы не увитый,
Презрѣнный чернію забытый,
Безъ имени покинулъ свѣтъ!
Обманчивѣй и сновъ надежды,
Что̀ слава? Шопотъ ли чтеца?
Гоненье-ль низкаго невѣжды?
Иль восхищеніе глупца?

На вопросъ книгопродавца, что̀ же остается ему, утом-

ленному любовью, ему, которому наскучилъ лепетъ молвы, шумный свѣтъ, музы и вѣтреная мода?—поэтъ отвѣчаетъ однимъ словомъ: „Свобода“.

Поэтъ произнесъ то многозначительное слово, которое потомъ такъ часто повторялось при нескончаемыхъ спорахъ о „свободѣ“ искусства. Пушкинъ не пояснилъ, что̀ онъ въ данномъ случаѣ подъ „свободой“ разумѣетъ, но несомнѣнно, что обращенье къ ней не было пустой отговоркой.

Въ очень туманныхъ очертаніяхъ возникала передъ поэтомъ необычайно сложная проблема. Надлежало рѣшить вопросъ о томъ, насколько художникъ можетъ быть свободенъ въ своемъ творчествѣ, т.-е. насколько для него обязательны тѣ условія гражданской жизни, среди которой ему жить приходится. Имѣетъ ли онъ право остаться самимъ собой, не выходя изъ круга чувствъ и понятій, которыя ему, какъ художнику, милы, или, сознавая свою исключительную роль въ обществѣ, онъ долженъ худо ли, хорошо ли, но откликаться на явленія, которыя могутъ совсѣмъ не интересовать его, какъ художника? Вопросъ этотъ былъ долгое время больнымъ и обиднымъ вопросомъ для художника, который никакъ не могъ допустить надъ собой насилія, и также обиднымъ для читателя, который, любя поэта, не хотѣлъ согласиться съ тѣмъ, что онъ не имѣетъ права требовать отъ художника отвѣта на всѣ вопросы, которые его, читателя, волнуютъ. Время этотъ споръ рѣшило. Когда слишкомъ субъективное отношеніе художника къ жизни смѣнилось болѣе объективнымъ, когда чувство общественной солидарности возросло въ обществѣ, тогда и поэтъ, приблизившійся къ злобѣ дня, пересталъ смотрѣть на разговоръ объ этой злобѣ какъ на насиліе надъ своимъ талантомъ и начиналъ находить поэзію тамъ, гдѣ раньше предполагалъ одну лишь прозу. Въ эпоху, о которой говоримъ мы, въ эпоху еще только слагавшагося среди насъ эстетическаго взгляда на дѣйствительность, въ періодъ крайне субъективнаго отношенія художника ко всему, что̀ его окру-

жало — нельзя было требовать отъ поэта всесторонняго отклика. Многія стороны жизни онъ самовольно исключалъ изъ сферы своего интереса, какъ „недостойныя“ поэзіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ художникъ не могъ отдѣлаться отъ мысли, что онъ — всетаки учитель и насадитель добра. Эта мысль досталась ему по наслѣдству отъ XVIII вѣка и поддерживалась въ немъ его сентиментальнымъ міропониманіемъ. Какъ же помирить это наставничество съ пренебреженіемъ ко многимъ сторонамъ жизни, гдѣ такое наставничество могло быть болѣе чѣмъ у мѣста, какъ напр., въ области общественныхъ и политическихъ дѣлъ? Вопросъ былъ очень трудный, и Пушкинъ старался порѣже о немъ думать; онъ шелъ своей дорогой, не насилуя своего таланта, а въ полномъ смыслѣ слова „отдаваясь вдохновенію“. Вотъ почему во всѣхъ его стихотвореніяхъ, гдѣ онъ говоритъ объ отношеніи поэта къ толпѣ, къ ея нуждамъ, ко всей прозѣ жизни, въ томъ числѣ и къ политикѣ дня,—очень мало продуманной теоріи и очень много сознанія своей свободы, сознанія, которое при первомъ знакомствѣ съ поэзіей Пушкина можетъ показаться гордыней или равнодушіемъ. Въ ранней юности Пушкинъ былъ безпеченъ и веселъ и мало думалъ о какихъ-то обязанностяхъ поэта; затѣмъ онъ вмѣшался въ политику дня и одно время ему нравилась роль воинствующаго поборника либерализма — именно нравилась, а не то, чтобы онъ ставилъ ее себѣ въ обязанность,—и вотъ теперь, въ Михайловскомъ, онъ отъ этой политики отошелъ очень спокойно, и отошелъ въ то время, когда вокругъ него политическія страсти его друзей разгорались. Свободное творчество влекло его въ другомъ направленіи, все дальше и дальше отъ окружавшей его повседневной жизни, въ міръ видѣній или въ міръ прошлый, а всего чаще въ міръ личныхъ настроеній и чувствъ.

Удивительно художественно становится теперь выраженіе этихъ личныхъ ощущеній. Первое мѣсто въ нихъ попрежнему принадлежитъ любви, ясной, хоть и грустной мину-

тами. [„Прозерпина“ 1824. „Признаніе“ 1824. „Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снѣдаетъ“ 1824. „Буря“ 1825].

Поэтъ готовъ погнаться за славой, къ которой, по собственному признанію, сталъ такъ равнодушенъ — лишь бы отблескъ этой славы упалъ на ту, которую онъ любитъ:

Когда, любовію и нѣгой упоенный,
Безмолвно предъ тобой колѣнопреклоненный,
Я на тебя глядѣлъ и думалъ: ты моя,
Ты знаешь, милая, желалъ ли славы я;
Ты знаешь: удаленъ отъ вѣтренаго свѣта,
Скучая суетнымъ прозваніемъ поэта,
Уставъ отъ долгихъ бурь, я вовсе не внималъ
Жужжанью дальнему упрековъ и похвалъ.
Могли-ль меня молвы тревожить приговоры?
Когда, склонивъ ко мнѣ томительные взоры,
И руку на главу мнѣ тихо положивъ,
Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастливъ?
Другую, какъ меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой другъ, меня не позабудешь?
А я стѣсненное молчаніе хранилъ,
Я наслажденіемъ весь полонъ былъ, я мнилъ,
Что нѣтъ грядущаго, что грозный день разлуки
Не придетъ никогда.—И что же? Слезы, муки,
Измѣны, клевета, все на главу мою
Обрушилося вдругъ... что я? гдѣ я? Стою
Какъ путникъ, молніей постигнутый въ пустынѣ,
И все передо мной затмилося! И нынѣ
Я новымъ для меня желаніемъ томимъ:
Желаю славы я, чтобъ именемъ моимъ
Твой слухъ былъ пораженъ всечасно: чтобъ ты мною
Окружена была; чтобъ громкою молвою
Все, все вокругъ тебя звучало обо мнѣ;
Чтобъ, гласу вѣрному внимая въ тишинѣ,
Ты помнила мои послѣднія моленья
Въ саду, во тьмѣ ночной, въ минуту разлученья.
[«Желаніе славы». 1825].

Любовь есть воскресенье всего святого въ жизни:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

Въ томленьяхъ грусти безнадежной,
Въ тревогахъ шумной суеты,
Звучалъ мнѣ долго голосъ нѣжный
И снились милыя черты.
Шли годы. Бурь порывъ мятежный
Разсѣялъ прежнія мечты,
И я забылъ твой голосъ нѣжный,
Твои небесныя черты.
Въ глуши, во мракѣ заточенья,
Тянулись тихо дни мои
Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.
Душѣ настало пробужденье:
И вотъ опять явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.
И сердце бьется въ упоеньѣ,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

[«Къ А. П. Кернъ». 1825].

Большой душевной теплоты достигаетъ эта лирика въ тѣхъ стихахъ, въ которыхъ слышна грусть одиночества. Въ этомъ отношеніи „Зимній вечеръ“ верхъ совершенства художественной передачи въ ясныхъ образахъ едва уловимаго настроенія:

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То какъ звѣрь она завоетъ,
То заплачетъ какъ дитя,
То по кровлѣ обветшалой
Вдругъ соломой зашумитъ,
То, какъ путникъ запоздалый
Къ намъ въ окошко застучитъ.
Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна.
Что же ты, моя старушка,
Пріумолкла у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, утомлена,
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?

Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя: гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.
Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
Тихо за моремъ жила;
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой по утру шла.
Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То какъ звѣрь она завоетъ,
То заплачетъ какъ дитя.
Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя: гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.

[«Зимній вечеръ» 1825].

Это же настроеніе одиночества, полнаго надеждъ въ своей печали, передано и въ знаменитомъ стихотвореніи „19 октября 1825“.

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ;
Сребритъ морозъ увянувшее поле;
Проглянетъ день, какъ будто поневолѣ,
И скроется за край окружныхъ горъ.
Пылай, каминъ, въ моей пустынной кельѣ;
А ты, вино, осенней стужи другъ,
Пролей мнѣ въ грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горькихъ мукъ.
Печаленъ я: со мною друга нѣтъ,
Съ кѣмъ долгую запилъ бы я разлуку,
Кому бы могъ пожать отъ сердца руку
И пожелать веселыхъ много лѣтъ.
Я пью одинъ; вотще воображенье
Вокругъ меня товарищей зоветъ;
Знакомое не слышно приближенье
И милаго душа моя не ждетъ.

Но привѣтъ и благодарность свѣтлому прошлому!

Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
Онъ, какъ душа, нераздѣлимъ и вѣченъ—
Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ,
Сростался онъ подъ сѣнью дружныхъ музъ.

Куда бы насъ ни бросила судьбина,
И счастіе куда-бъ ни повело,
Всѣ тѣ же мы: намъ цѣлый міръ чужбина;
Отечество намъ Царское Село.

Привѣтъ въ особенности теперь, когда извѣданы тревоги и огорченія:

Изъ края въ край преслѣдуемъ грозой,
Запутанный въ сѣтяхъ судьбы суровой,
Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,
Уставъ, приникъ ласкающей главой...
Съ мольбой моей печальной и мятежной,
Съ довѣрчивой надеждой первыхъ лѣтъ,
Друзьямъ инымъ душой предался нѣжной;
Но горекъ былъ небратскій ихъ привѣтъ.

Будемъ, все же, вѣрны великому призванію, хотя бы въ прошломъ много силъ было растрачено даромъ:

Служенье музъ не терпитъ суеты:
Прекрасное должно быть величаво;
Но юность намъ совѣтуетъ лукаво,
И шумныя насъ радуютъ мечты...
Опомнимся—но поздно! и уныло
Глядимъ назадъ, слѣдовъ не видя тамъ.

Смиримся, не будемъ повторять старыхъ заблужденій, не будемъ тратить душевныхъ мукъ даромъ и сосредоточимся въ ожиданіи грядущаго:

Пора, пора! душевныхъ нашихъ мукъ
Не стоитъ міръ; оставимъ заблужденья,
Сокроемъ жизнь подъ сѣнь уединенья!

[19 октября 1825].

И жизнь поэта, дѣйствительно, какъ будто скрылась на время подъ сѣнь уединенія.

Не надо только думать, что это уединеніе будило въ художникѣ одни лишь грустныя чувства. Несмотря на далеко неблагопріятную для веселья обстановку, Пушкинъ и въ Михайловскомъ бывалъ иногда охваченъ очень жизнерадостнымъ настроеніемъ. Такому настроенію обязаны мы, напр., стихотвореніемъ:

Если жизнь тебя обманетъ,
Не печалься, не сердись!
Въ день унынія смирись:
День веселья, вѣрь, настанетъ.
Сердце въ будущемъ живетъ;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдетъ;
Что̀ пройдетъ, то будетъ мило; [1825].

и той „Вакхической пѣснью“, передъ которой блѣднѣютъ всѣ диѳирамбы веселью:

Что смолкнулъ веселія гласъ?
Раздайтесь, вакхальны припѣвы!
Да здравствуютъ нѣжныя дѣвы
И юныя жены, любившія насъ!
Полнѣе стаканъ наливайте!
На звонкое дно,
Въ густое вино
Завѣтныя кольца бросайте!
Поднимемъ стаканы, содвинемъ ихъ разомъ!
Да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ!
Ты, солнце святое, гори!
Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма! [1825].

Въ одну изъ спокойныхъ и торжественныхъ минутъ, прожитыхъ въ уединеніи, Пушкинъ рѣшился облечь въ стихотворную форму одно чувство, довольно сильное въ его душѣ, которому онъ, однако, въ своемъ творчествѣ удѣлилъ въ общемъ мало мѣста. Мы разумѣемъ чувство религіозное. Пушкинъ былъ въ глубинѣ души человѣкъ религіозный; и притомъ онъ былъ вѣрующій христіанинъ и православный: это подтверждаютъ многія его близко знавшія лица. Религіозность—черта, общая всему его поколѣнію. Въ молодости, подъ вліяніемъ французской литературы и изъ юношескаго задора, поэтъ позволялъ себѣ, правда, не мало богохульныхъ рѣчей и стиховъ, которые были не чѣмъ инымъ, какъ

игрой воображенія и острословіемъ, для его внутренняго религіознаго чувства совсѣмъ неопаснымъ. Самъ онъ раскаивался въ этихъ прегрѣшеніяхъ юности и отказывался признать своими нѣкоторые стихи, несомнѣнно ему принадлежащіе. Когда, живя на югѣ, Пушкинъ, по собственнымъ его словамъ, сталъ брать уроки настоящаго „аѳеизма", то и это вольнодумство не поколебало въ немъ вѣры. Въ своихъ стихахъ онъ, однако, избѣгалъ религіозныхъ темъ—потому ли, что онѣ были слишкомъ интимны или потому, что поэту не давалась художественная форма, достойная этихъ мотивовъ,—неизвѣстно.

Въ Михайловскомъ Пушкинъ разрѣшилъ себѣ коснуться этихъ темъ въ „Подражаніяхъ Корану" [1824]. Коранъ — книга религіозная и воинственная; но воинственнаго настроенія въ душѣ поэта теперь не было и онъ взялъ изъ книги только нѣсколько религіозныхъ мотивовъ. Если въ этихъ стихотвореніяхъ отбросить строфы, въ которыхъ поэтъ удержалъ мѣстный, восточный колоритъ, достаточно чувственный, то получится необычайно выдержанный гимнъ Богу, вознесенному надъ всѣми исповѣданіями.

„Подражанія" начинаются стихотвореніемъ, которое можетъ быть отнесено къ самому Пушкину:

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечомъ и правой битвой,
Клянуся утренней звѣздой,
Клянусь вечернею молитвой:
Нѣтъ, не покинулъ я тебя.
Кого же въ сѣнь успокоенья
Я ввелъ, главу его любя,
И скрылъ отъ зоркаго гоненья?
Не я-ль въ день жажды напоилъ
Тебя пустынными водами?
Не я-ль языкъ твой одарилъ
Могучей властью надъ умами?
Мужайся-жъ, презирай обманъ,
Стезею правды бодро слѣдуй,
Люби сиротъ, и мой коранъ
Дрожащей твари проповѣдуй!

и затѣмъ слѣдуютъ прославленіе Бога и молитвы:

Почто-жъ кичится человѣкъ?
За то-ль, что нагъ на свѣтъ явился,
Что дышитъ онъ недолгій вѣкъ,
Что слабъ умретъ, какъ слабъ родился?
За то-ль, что Богъ и умертвитъ,
И воскреситъ его по волѣ?
Что съ неба дни его хранитъ
И въ радостяхъ, и въ горькой долѣ?
За то-ль, что далъ ему плоды,
И хлѣбъ, и финикъ, и оливу,
Благословивъ его труды
И вертоградъ, и холмъ, и ниву?
Но дважды ангелъ вострубитъ;
На землю громъ небесный грянетъ:
И братъ отъ брата побѣжитъ,
И сынъ отъ матери отпрянетъ.
И всѣ предъ Бога притекутъ,
Обезображенные страхомъ:
И нечестивые падутъ,
Покрыты пламенемъ и прахомъ.

Земля недвижна; неба своды,
Творецъ, поддержаны тобой.
Да не падутъ на сушь и воды
И не подавятъ насъ собой.
Зажегъ ты солнце во вселенной,
Да свѣтитъ небу и землѣ,
Какъ ленъ, елеемъ напоенный,
Въ лампадномъ свѣтитъ хрусталѣ.
Творцу молитесь; онъ—могучій;
Онъ правитъ вѣтромъ въ знойный день,
На небо посылаетъ тучи;
Даетъ землѣ древесну сѣнь.
Онъ милосердъ: онъ Магомету
Открылъ сіяющій коранъ,
Да притечемъ и мы ко свѣту,
И да падетъ съ очей туманъ.

Возстань, боязливый:
Въ пещерѣ твоей
Святая лампада
До утра горитъ.

Сердечной молитвой,
Пророкъ, удали
Печальныя мысли
Лукавые сны!
До утра молитву
Смиренно твори;
Небесную книгу
До утра читай!

Есть и нравственныя сентенціи:

Торгуя совѣстью предъ блѣдной нищетою,
Не сыпь своихъ даровъ разсчетливой рукою;
Щедрота полная угодна небесамъ.
Въ день грознаго суда, подобно нивѣ тучной,
О, сѣятель благополучный,
Сторицею воздастъ она твоимъ трудамъ,
Но если, пожалѣвъ трудовъ земныхъ стяжанья,
Вручая нищему скупое подаянье,
Сжимаешь ты свою завистливую длань,
Знай: всѣ твои дары подобно горсти пыльной,
Что съ камня моетъ дождь обильный,
Исчезнутъ,—Господомъ отверженная дань.

И кончается этотъ сборникъ стиховъ великолѣпной картиной, полной религіознаго смысла и настроенія:

И путникъ усталый на Бога роптал.
Онъ жаждой томился и тѣни алкалъ,
Въ пустынѣ блуждая три дня и три ночи.
И зноемъ, и пылью тягчимыя очи
Съ тоской безнадежной водилъ онъ вокругъ...
И кладезь подъ пальмою видитъ онъ вдругъ.
И къ пальмѣ пустынной онъ бѣгъ устремилъ,
И жадно холодной струей освѣжилъ
Горѣвшіе тяжко языкъ и зѣницы,
И легъ, и заснулъ онъ близъ вѣрной ослицы;
И многіе годы надъ нимъ протекли,
По волѣ владыки небесъ и земли.
Насталъ пробужденья для путника часъ;
Встаетъ онъ и слышитъ невѣдомый гласъ:
«Давно ли въ пустынѣ заснулъ ты глубоко?»
И онъ отвѣчаетъ: — Ужъ солнце высоко
На утреннемъ небѣ сіяло вчера:
Съ утра я глубоко проспалъ до утра.—

Но голосъ: «О, путникъ, ты долѣе спалъ;
Взгляни: легъ ты молодъ, а старцемъ возсталъ;
Ужъ пальма истлѣла, а кладезь холодный
Изсякъ и засохнулъ въ пустынѣ безводной
Давно занесенный песками степей;
И кости бѣлѣютъ ослицы твоей».
И горемъ объятый, мгновенный старикъ,
Рыдая, дрожащей главою поникъ...
И чудо въ пустынѣ тогда совершилось;
Минувшее въ новой красѣ оживилось;
Вновь зыблется пальма тѣнистой главой;
Вновь кладезь наполненъ прохладой и мглой.
И ветхія кости ослицы встаютъ,
И тѣломъ одѣлись, и ревъ издаютъ;
И чувствуетъ путникъ и силу, и радость;
Въ крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь,
И съ Богомъ онъ далѣ пускается въ путь.

Въ селѣ Михайловскомъ былъ написанъ Пушкинымъ и „Борисъ Годуновъ". Задумана была и создалась эта драма быстро, и самъ авторъ остался вполнѣ доволенъ своимъ произведеніемъ. Онъ понималъ, что онъ создалъ нѣчто великое, самобытное и своеобразное.

У Пушкина былъ прирожденный вкусъ къ народной старинѣ; онъ не переставалъ ею заниматься всю жизнь, и она всегда поддавалась подъ его перомъ необычайно художественной обработкѣ. Въ Михайловскомъ поэтъ былъ занятъ собираніемъ народныхъ пѣсенъ, причемъ его очень интересовалъ циклъ легендъ о Стенькѣ Разинѣ, — что̀ вполнѣ понятно, если вспомнить, какъ недавно поэтъ пережилъ настроеніе, при которомъ ему такъ нравились разные разбойничьи типы. Работа надъ народнымъ творчествомъ прибавила много красокъ на палитру художника и помогла ему выковать особый языкъ — народный по оборотамъ и выраженіямъ, о̀бразный и мѣткій, которымъ одинъ только онъ изъ всѣхъ современниковъ умѣлъ владѣть вполнѣ непринужденно.

У насъ очень мало свѣдѣній о томъ, какъ двигалась работа Пушкина надъ „Борисомъ Годуновымъ". Извѣстно, что Пушкинъ читалъ усердно исторію Карамзина и что тотъ томъ, гдѣ Карамзинъ говоритъ о Борисѣ, произвелъ на поэта столь сильное впечатлѣніе, что онъ въ своей драмѣ повторилъ нѣкоторыя сентенціи исторіографа.

У Карамзина Пушкинъ заимствовалъ главное драматическое положеніе своей трагедіи, а именно — нравственную казнь преступника, который похитилъ престолъ и сталъ на стражѣ добра и справедливости. Душевная агонія грѣшника и настигнувшая его Немезида—вотъ центральная нравственная мысль этой драмы, мысль, которая заслонила собой весь политическій смыслъ исторической картины. Такое толкованіе характера Бориса и такое объясненіе разразившейся надъ нимъ катастрофы взято поэтомъ у историка. Но этимъ и исчерпывается зависимость Пушкина отъ Карамзина. Научныя изслѣдованія показали, что Пушкинъ самостоятельно продѣлалъ большую ученую работу и былъ хорошо знакомъ съ первоисточниками. Поэтъ могъ самъ произнести независимый приговоръ надъ лицомъ, судьба котораго его такъ взволновала. Страннымъ можетъ показаться, что въ этомъ приговорѣ художникъ исходилъ изъ мотивовъ чисто-нравственныхъ и почти совсѣмъ не коснулся мотивовъ политическихъ. А тема несомнѣнно на нихъ наводила.

Смутное время было въ нашемъ прошломъ эпохой наибольшаго политическаго и общественнаго броженія и, пожалуй, самымъ драматичнымъ моментомъ нашей старины. Трагедія самодержавнаго деспотизма въ лицѣ Іоанна, безвольнаго мягкосердечія и сентиментальнаго добродушія въ лицѣ Ѳеодора; трагедія Бориса, умнаго государственнаго дѣятеля, который опередилъ свой вѣкъ, но не съумѣлъ увлечь его за собою; сочетаніе понятія о власти добытой и завоеванной съ понятіемъ о власти наслѣдственной и дарованной отъ Бога; недовѣріе народа и ропотъ его на владыку, на царя-узурпатора; Немезида въ лицѣ какого-то самозванца и,

наконецъ, вдали соборъ народный, который избираетъ себѣ царя и съ Божьяго благословенья ставитъ его на царство,— всѣ эти мысли, образы, картины, мечты и факты не могли не тревожить воображенія и не будить творческой фантазіи истиннаго художника; и мы знаемъ, что почти всѣ наши драматурги, писавшіе историческія хроники, и до Пушкина, и послѣ Пушкина, всегда, успѣшно или неуспѣшно, черпали свой матерьялъ изъ эпизодовъ этой „смутной“ эпохи.

Но были еще и иныя причины, которыя картину этой эпохи дѣлали для Пушкина особенно интересной. Картина по своему смыслу была несомнѣнно политическая. Психологія царя-деспота, царя-просвѣтителя, царя-сентименталиста, психологія народа покорнаго, суевѣрнаго, затѣмъ мятежнаго, и, наконецъ, въ извѣстномъ смыслѣ законодательствующаго и выбирающаго себѣ правителя,—это были темы, о которыхъ въ тѣ годы много говорилось, такъ какъ онѣ были очередными темами Александровскаго царствованія. И Пушкинъ объ этихъ вопросахъ бесѣдовалъ много, и если вспомнить, что идею и даже планъ „Бориса Годунова“ поэтъ обдумывалъ еще на югѣ, въ годы романтической тревоги сердца, то можно предположить, что эта тема привлекла его не однимъ только своимъ драматизмомъ и тѣмъ нравственнымъ урокомъ, который изъ нея можно было вычитать по Карамзину.

Въ какую форму отлилась бы эта историческая хроника, если бы она была закончена въ годы, когда была задумана—гадать безполезно, но въ томъ видѣ, какъ она теперь передъ нами, она свидѣтельствуетъ о пониженіи боевого темперамента у писателя. Изъ трагедіи историко-политической она превратилась въ изложенный въ драматической формѣ разсказъ о преступленіи царя, мученіяхъ его совѣсти и его трагическомъ концѣ... Моральная сторона трагедіи подчеркнута съ рѣзкостью и ясностью, которая даже грѣшитъ противъ исторіи, такъ какъ степень участія Бориса въ убіеніи царевича Димитрія не можетъ быть опредѣлена съ точностью. Все, что способствуетъ выясненію

трагедіи кающейся и караемой души властителя, очерчено очень выпукло... Быть можетъ, въ интересахъ морали и посланникъ Немезиды, Самозванецъ—личность совсѣмъ темная—вырисованъ въ такихъ смѣлыхъ, привлекательныхъ, рыцарскихъ краскахъ.

Единственно, что̀ намекаетъ на глубокій политическій смыслъ развертывающейся исторической картины, это странная роль, какую поэтъ отвелъ въ трагедіи одному изъ главныхъ, хотя почти безмолвныхъ, дѣйствующихъ лицъ—народу... При оцѣнкѣ этой роли нельзя, однако, забывать о цензурныхъ условіяхъ, о которыхъ Пушкинъ долженъ былъ думать столько же, сколько о планѣ своей драмы, такъ какъ даже тѣ нѣсколько возгласовъ, которые въ драмѣ произноситъ своими устами народъ, причинили Пушкину не мало непріятностей.

Дѣйствительно, несмотря на свое молчаніе, народъ даетъ ясно чувствовать свое несогласіе съ тѣмъ, что̀ на его глазахъ творится. Онъ все время въ глухой, но въ явной оппозиціи съ царской властью. Пусть эта власть въ лицѣ Бориса [если предположить, что народъ убѣжденъ въ его преступности] иного отношенія и не заслуживала, но этотъ глухой народный голосъ, эта народная насмѣшка или прямой упрекъ [какъ напр. въ словахъ, которыя говоритъ Борису юродивый] показались неумѣстными. И Пушкинъ, вложивъ въ уста народа двѣ, три реплики и намекнувъ, такимъ образомъ, на его затаенную мысль, отодвинулъ это дѣйствующее лицо съ перваго плана на самый задній. Онъ даже отнялъ у народа послѣднюю реплику въ тотъ моментъ, когда народъ, конечно, не могъ молчать, а именно въ заключительной сценѣ при объявленіи о смерти Ѳедора Годунова и о восшествіи на престолъ лже-Димитрія. Молчаніе народа въ данной сценѣ было очень эффектно и благородно, но оно въ сущности ничего не выражало, ни осужденія совершившагося факта, ни привѣта ему. А поэту несомнѣнно представлялся въ этой сценѣ очень удобный случай дать

живую картину народной психики и яркій образчикъ народнаго образа мыслей.

За исключеніемъ тѣхъ сценъ, въ которыхъ появляется народъ—весь „государственный смыслъ драмы сведенъ къ личной трагедіи Бориса и къ разрозненнымъ историческимъ бытовымъ картинамъ. Знаменитое наставленіе царя Бориса сыну передъ кончиной—тоже скорѣе нравственная проповѣдь, чѣмъ политическое завѣщаніе.

Радость, которую Пушкинъ неоднократно выражалъ въ своихъ письмахъ по поводу „Бориса", его увлеченіе драмой показываютъ намъ, что художникъ былъ вполнѣ увѣренъ въ ея высокой литературной стоимости, и поэтъ былъ правъ.

„Борисъ Годуновъ" помимо значенія, какое за нимъ остается какъ за показателемъ извѣстнаго направленія мыслей поэта—имѣетъ огромную историко-литературную цѣнность. Это—наша первая художественная драма, и каковы бы ни были ея недостатки именно какъ драмы, она первая дала намъ право говорить о нашемъ національномъ историческомъ театрѣ.

До Пушкина мы не имѣли писателя драматурга, который, презрѣвъ всякія извнѣ навязанныя теоріи, владѣя художественнымъ языкомъ, вывелъ бы на сцену русскую жизнь, про которую мы могли бы сказать, что въ ней нѣтъ и слѣда поддѣлки подъ какую-нибудь иную жизнь, чуждую намъ или подъ какую-нибудь общую формулу жизни вообще. „Борисъ Годуновъ" самобытенъ въ полномъ смыслѣ этого слова, потому что въ немъ нѣтъ ни общихъ собирательныхъ типовъ, ни чуждыхъ намъ типовъ, одѣтыхъ въ русскіе костюмы. Пушкинъ могъ старину идеализировать и подкрасить, но она—русская, а не какая-нибудь иная. Онъ могъ у Шекспира учиться техникѣ построенія исторической хроники—какъ онъ въ этомъ открыто и признавался,—но въ драмѣ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда подражанія Шекспиру. Пушкинъ могъ читать наставленіе, проводить извѣстную нравственную идею, но нигдѣ у него эта идея не давила

не искажала формы, нигдѣ не нарушала правдоподобія въ ходѣ дѣйствія или въ разговорахъ.

Пушкинымъ была создана художественная драматическая хроника, и съ нея началась исторія нашего *художественнаго* театра. Что писатель на первыхъ порахъ предпочелъ старинную повѣсть современному сюжету—это было въ духѣ того времени, когда художникъ избѣгалъ современныхъ темъ и предпочиталъ говорить о себѣ больше, чѣмъ о томъ, что́ его окружало.

Обозрѣвая ростъ таланта Пушкина за тѣ восемь лѣтъ, которыя протекли со времени выхода его изъ лицея, нельзя не подивиться быстротѣ, съ какой въ немъ созрѣлъ истинный поэтъ. Въ селѣ Михайловскомъ дарованіе Пушкина достигло полнаго расцвѣта: правда, онъ успѣлъ написать еще сравнительно немного, но онъ былъ уже вполнѣ сложившійся художникъ.

Отличительной чертой этого художника была многогранность, если такъ можно выразиться, его вдохновенія. Онъ овладѣвалъ самыми разнообразными настроеніями и чувствами—переживая ихъ и потому такъ художественно ихъ воплощая. Онъ рано обнаружилъ способность чувствовать себя ловко и свободно въ разныхъ положеніяхъ, въ какихъ стоялъ человѣкъ иногда въ очень отдаленную отъ него эпоху, среди условій, совсѣмъ не походившихъ на тѣ, которыя его окружали. Эта способность придавала поэзіи Пушкина тотъ характеръ универсальности, которую иногда принимали за его полную будто бы „объективность“ какъ художника. Но объективенъ въ настоящемъ смыслѣ слова Пушкинъ не былъ: онъ въ минуту творчества себя не забывалъ; онъ иносказательно, но всегда говорилъ о себѣ, о своемъ внутреннемъ мірѣ, который былъ очень глубокъ и широкъ, но всетаки исключалъ цѣлый рядъ понятій и чувствъ, которыя поэтъ и не включалъ въ свою поэзію.

Мы знаемъ, какія это были понятія и чувства. Всѣ чувства, которыя вырастаютъ на почвѣ разлада съ жизнью, на почвѣ острой душевной тревоги, которыя принимаютъ форму рѣзкаго протеста противъ человѣка, общества или Бога, всѣ эти „романтическія“ чувства Пушкина, какъ художника, покорить не могли. Онъ заплатилъ имъ извѣстную дань въ годы своей молодости, попытался дать имъ художественную форму—что̀ даже при его громадномъ талантѣ удалось ему лишь наполовину,—и затѣмъ онъ навсегда отошелъ отъ нихъ. Въ его власти какъ художника осталась вся гармоничная сторона жизни—отъ трагической вплоть до веселой—и эту сторону жизни, которая такъ согласовалась съ его художественно-уравновѣшенной душой, онъ воспроизводилъ въ совершенствѣ.

Заканчивая обзоръ этого періода въ исторіи творчества художника, нельзя не остановиться на одной особенности его дарованія. Человѣкъ, одаренный такой чуткостью и впечатлительностью, такой живой человѣкъ съ несомнѣннымъ интересомъ къ общественной и политической сторонѣ жизни—совершенно обходитъ въ своемъ творчествѣ современную ему дѣйствительность. Всегда говоритъ онъ лишь о томъ, что̀ онъ чувствуетъ и думаетъ, всегда, и въ поэмахъ и даже въ драмѣ, первое лицо—онъ самъ, со своимъ міросозерцаніемъ и настроеніемъ. Картинъ окружающей его бытовой жизни онъ не даетъ ни одной, и міръ историческихъ образовъ, міръ видѣній, даже привидѣній ему дороже дѣйствительности. А между тѣмъ въ этой окружающей его жизни такъ много движенія, смысла, красоты, такъ много типовъ и драматическихъ и комическихъ положеній!

И Пушкинъ, какъ человѣкъ, вовсе не чуждался этой жизни и не пренебрегалъ ею. Онъ зналъ ее хорошо и принималъ всѣ ея интересы очень близко къ сердцу. Позднѣе, онъ какъ журналистъ, публицистъ и историкъ, даже какъ авторъ политическихъ записокъ вмѣшивался въ эту жизнь открыто и настойчиво, и сердился, когда ему препятство-

вали въ такомъ вмѣшательствѣ. Но какъ художникъ онъ не пускалъ ея въ святилище своей поэзіи, и если ему случалось браться за „современныя“ темы, онъ бросалъ начатое.

Такъ не окончилъ Пушкинъ многихъ начатыхъ повѣстей и романовъ, современныхъ по сюжету и реальныхъ по письму, такъ оборвалъ онъ „Евгенія Онѣгина“—единственную поэму, въ которой онъ какъ будто сталъ пѣвцомъ дѣйствительности, бытописателемъ текущаго момента.

Мы говоримъ — „какъ будто“, потому что на самомъ дѣлѣ и „Евгеній Онѣгинъ“ былъ скорѣе личной исповѣдью чѣмъ картиной русской жизни двадцатыхъ годовъ.

«Плеяда».

Обзоръ творчества Пушкина показалъ намъ какого художественнаго совершенства достигла его лирическая пѣсня. Если имѣть въ виду одну только художественность выполненія, то всѣ сверстники Пушкина, конечно, блѣднѣютъ передъ нимъ, и почти всѣ ихъ пѣсни находятъ себѣ въ его творчествѣ сходные мотивы, не только равные имъ по достоинству, но всего чаще и превосходящіе ихъ.

Но художественность въ стихахъ Пушкина, какую бы цѣну она ни имѣла, не лишаетъ пѣсенъ его современниковъ ихъ значенія историческаго и литературнаго, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ этихъ поэтовъ меньшей силы иногда глубже и длительнѣе, чѣмъ Пушкинъ, переживали тотъ или иной порядокъ чувствъ, то или иное настроеніе.

Характерно прежде всего массовое появленіе такихъ лириковъ.

Ихъ очень много, и всѣ они, безспорно, люди съ талантомъ; они гораздо болѣе талантливы, чѣмъ современные имъ прозаики, которые пробуютъ свои силы въ бытописаніи окружающей ихъ жизни. Въ то время какъ бытописатели-романисты и разсказчики либо повторяютъ старый литературный шаблонъ въ своихъ повѣстяхъ и романахъ, либо очень неумѣло, съ нескрываемой дидактической и моральной тенденціей пытаются создать нѣчто похожее на русскую жизнь—что̀ имъ совсѣмъ не удается—наши лирики, пѣвцы личныхъ чувствъ, всегда искренни, всегда владѣютъ собой и почти

всѣ достигаютъ въ художественной его обработкѣ довольно высокой степени оригинальности и совершенства. Этотъ фактъ лишній разъ доказываетъ намъ, насколько художникъ, субъективно относящійся къ жизни, былъ въ тѣ годы сильнѣе писателя, дѣлавшаго попытки скрыть свою личность за изображаемымъ предметомъ. Лирическое настроеніе — господствующее настроеніе той эпохи.

Среди лириковъ Александровской эпохи наиболѣе признанными были князь Вяземскій, Баратынскій, Языковъ, Козловъ, Туманскій, Рылѣевъ, Дельвигъ, Веневитиновъ и Кюхельбекеръ. Ихъ имена часто встрѣчались на страницахъ журналовъ и альманаховъ того времени и о нихъ часто говорила тогдашняя критика. Намъ нѣтъ нужды оцѣнивать литературныя заслуги каждаго изъ нихъ. Талантъ нѣкоторыхъ, какъ, напр., князя Вяземскаго и Туманскаго въ Александровскую эпоху, не далъ ничего значительнаго въ области художественной лирики, и какъ лирики эти два писателя принадлежатъ болѣе позднему времени; дарованіе иныхъ, какъ, напр., Дельвига и Кюхельбекера, таило въ себѣ нѣчто оригинальное, но эта оригинальность не развилась до настоящей силы. Что же касается Козлова, то его творчество представляетъ собою любопытное сочетаніе мотивовъ Жуковскаго съ мотивами Байрона и потому также самобытной цѣны не имѣетъ.

Такая цѣна остается лишь за стихотвореніями Баратынскаго, Языкова, Рылѣева и Веневитинова, хотя и изъ этихъ поэтовъ Баратынскій и Языковъ достигли полнаго цвѣтенія лишь въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ.

Пѣсня этихъ четырехъ поэтовъ не теряетъ своей прелести и силы въ сосѣдствѣ съ поэзіей Пушкина. Пусть Пушкинъ самый разносторонній и сильный изъ нихъ, но область лирическихъ чувствъ широка, и одно и то же чувство таитъ въ себѣ много разнообразныхъ оттѣнковъ; оно почти неисчерпаемо, и повтореній въ лирическихъ стихахъ не бываетъ.

При всей своей широтѣ лирика Пушкина обходила нѣкоторыя настроенія или неполно ихъ выражала. Мы уже знаемъ, что, напр., печальная сторона жизни въ лирикѣ Пушкина этихъ годовъ была выражена недостаточно полно, безъ той глубины, которая есть въ истинно скорбномъ взглядѣ на жизнь.

Чувство молодого веселья и ощущеніе жизнерадостности допускало также много варіацій; и веселая лирика Пушкина не всѣ ихъ исчерпала.

Мотивъ гражданскій и политическій, мы помнимъ, былъ также случайностью въ творчествѣ Пушкина и исчезъ очень быстро. А между тѣмъ область чисто гражданскихъ чувствъ могла стать богатымъ родникомъ для лирическаго настроенія и подъема.

Наконецъ, была и еще область лирическаго чувства, которая Пушкину была почти чужда. Это—то восторженное чувство, какое въ человѣкѣ будитъ отвлеченная мысль на извѣстной высотѣ. Философское созерцаніе жизни можетъ настроить душу поэта очень патетически, въ особенности когда въ сферу отвлеченныхъ мыслей входитъ раздумье художника надъ своимъ міровымъ призваніемъ. Пушкинъ не имѣлъ склонности къ отвлеченному мышленію, и слѣды такой мысли въ его стихахъ еле замѣтны.

Современные Пушкину лирики дополняли исповѣдь души своего вѣка всѣми этими мотивами, въ Пушкинской поэзіи неполно развитыми.

Слово „плеяда“ передаетъ очень вѣрно то отношеніе, въ какомъ лирики тѣхъ годовъ стоятъ къ Пушкину. Они, дѣйствительно, группируются вокругъ него, какъ звѣзды меньшей величины около большой звѣзды. Они горятъ своимъ свѣтомъ и прямыми учениками Пушкина названы быть не могутъ. Сами они, отдавая Пушкину должное, считали себя вполнѣ независимыми, да и Пушкинъ признавалъ ихъ самобытность, и про нѣкоторыхъ изъ нихъ говорилъ, и вполнѣ искренно, что они—настоящіе поэты. Дѣйствительно, вмѣстѣ

съ Пушкинымъ всѣ они сыны своей эпохи и на каждомъ изъ нихъ довольно своеобразно отразился вѣкъ со всѣми особенностями господствовавшихъ тогда разноцвѣтныхъ, веселыхъ или грустныхъ, но въ общемъ довольно спокойныхъ настроеній. Если ужъ говорить объ ихъ учителяхъ, то у Пушкина и у нихъ учителя окажутся общіе — и учителя жизни, и учителя литературныхъ формъ.

Евгеній Абрамовичъ Боратынскій.

Для Боратынскаго жизнь была предметомъ глубокаго скорбнаго раздумья. Никто изъ современныхъ ему лириковъ не умѣлъ такъ осмыслить своей печали и придать ей такую художественную форму, какъ онъ. Сама природа избрала его для прославленія скорби человѣческой, независимо отъ условій его жизни, которая протекла въ общемъ очень мирно и тихо, нелишенная, конечно, печалей, какъ всякая жизнь, но отнюдь не обильная ими.

Родился Боратынскій въ 1800 году. Ребенкомъ былъ онъ привезенъ въ Петербургъ, гдѣ поступилъ сначала въ нѣмецкій пансіонъ, а затѣмъ въ пажескій корпусъ. За безсознательно совершенный проступокъ онъ изъ корпуса былъ исключенъ [1815], безъ права опредѣленія на службу. Три года послѣ этой катастрофы поэтъ прожилъ въ Тамбовской, затѣмъ въ Смоленской губерніи. Въ 1818 году мы встрѣчаемъ его снова въ Петербургѣ рядовымъ егерскаго полка. Этотъ рядовой сводитъ знакомство съ Дельвигомъ, Плетневымъ, Жуковскимъ и Пушкинымъ, и въ ихъ кругу впервые начинаетъ лепетать его муза. Отъ лепета она очень быстро переходитъ къ сильной и красивой рѣчи.

Въ періодъ отъ 1820-го по 1824-й годъ Боратынскій — уже унтеръ-офицеръ нейшлотскаго полка, квартирующаго въ Финляндіи, — пишетъ цѣлый рядъ стихотвореній, которыя начинаютъ пользоваться успѣхомъ у его очень взыскательныхъ критиковъ и друзей. Въ чинѣ офицера онъ покидаетъ

свой полкъ, селится въ 1825 году въ Москвѣ, гдѣ женится и поступаетъ въ межевую канцелярію на службу. На службѣ онъ, конечно, остается недолго, выходитъ въ отставку, и этимъ его служебная карьера кончается. Въ Москвѣ, частнымъ человѣкомъ, живетъ онъ затѣмъ многіе годы въ кружкѣ литераторовъ преимущественно славянофильскаго лагеря. Литературная работа идетъ сначала очень успѣшно до 1831 года, затѣмъ слегка ослабѣваетъ. Въ 1839 году Боратынскій покидаетъ Москву и цѣлыхъ четыре года проводитъ въ деревнѣ. Здѣсь, въ тиши, пишетъ онъ свои знаменитыя „Сумерки", этотъ плачъ надъ могилой цѣлаго литературнаго поколѣнія и осенью 1843 года ѣдетъ за границу, чтобы черезъ годъ скоропостижно умереть въ Неаполѣ.

Вся внѣшняя, тлѣнная оболочка жизни Боратынскаго укладывается въ эти узкія рамки.

Съ самыхъ раннихъ лѣтъ поэтъ сталъ ощущать приступы грусти и глубокой меланхоліи и уже въ его дѣтскихъ письмахъ выражается этотъ совсѣмъ ребенку не свойственный, скорбный взглядъ на жизнь. Послѣ пережитаго въ ранней юности несчастія, выбитый совсѣмъ изъ колеи, онъ еще искреннѣе отдался этимъ скорбнымъ настроеніямъ и только въ Петербургѣ, попавъ въ кружокъ молодыхъ поэтовъ, взглянулъ на жизнь болѣе радостно. Къ этому времени относятся всѣ его „веселыя пѣсни", которыхъ у него впрочемъ очень мало.

Настроеніе, имъ тогда пережитое, правда, подъ легкой дымкой грусти, сохранено въ поэмѣ „Пиры" [1820]—первомъ его крупномъ созданіи.

По содержанію своему эта поэма весьма не сложная—рядъ воспоминаній о веселыхъ прожитыхъ дняхъ; но помимо красоты внѣшней отдѣлки, гармоніи и легкости стиха, она цѣнна, какъ бытовая картинка жизни молодыхъ литераторовъ того времени:

Въ углу безвѣстномъ Петрограда,
Въ тѣни древесъ, во мракѣ сада,

Тотъ домикъ помнитель-ль, друзья,
Гдѣ наша вѣрная семья,
Оставя скуку за порогомъ,
Соединялась въ шумный кругъ
И безъ чиновъ съ румянымъ богомъ
Дѣлила радостный досугъ?
Вино лилось, вино сверкало;
Сверкали блестки острыхъ словъ,
И вѣки сердце проживало
Въ немного пламенныхъ часовъ.
Столъ покрывала ткань простая:
Не восхищалися на немъ
Мы ни фарфорами Китая,
Ни драгоцѣннымъ хрусталемъ:
И между тѣмъ сынамъ веселья
Въ стекло простое богъ похмелья
Лилъ черезъ край, друзья мои,
Свое любимое Аи.
Его звѣздящаяся влага
Не даромъ взоры веселитъ:
Въ ней укрывается отвага,
Какъ страсть, какъ мысль она кипитъ;
Въ игрѣ своей не терпитъ плѣна
Рветъ пробку рѣзвою волной,
И брызжетъ радостная пѣна,
Подобье жизни молодой.
Мы въ ней заботы потопляли
И средь восторженныхъ затѣй
Пѣвцы, пируя, восклицали:
Слѣпая чернь, благоговѣй!

. . . . . .

Мы, тѣ же сердцемъ въ вѣкъ иной,
Сберемтесь дружеской толпой
Подъ мирный кровъ домашней сѣни:
Ты, вѣрный мнѣ, ты, Дельвигъ мой,
Мой братъ по Музамъ и по лѣни,
Ты, Пушкинъ нашъ, кому дано
Пѣть и героевъ и вино
И страсти молодости пылкой,
Дано съ проказливымъ умомъ
Быть сердца вѣрнымъ знатокомъ
И лучшимъ гостемъ за бутылкой.
Вы всѣ, дѣлившіе со мной
И наслажденья и мечтанья,
О, поспѣшите въ домикъ мой
На сладкій пиръ, на пиръ свиданья...

Эти стихи говорятъ о той беззаботной жизни, которая промелькнула какъ сонъ на зарѣ молодости поэта. Воспоминанія объ этихъ веселыхъ дняхъ, проведенныхъ въ кругу сверстниковъ, товарищей по служенію музамъ, Боратынскій унесъ съ собой въ Финляндію, гдѣ квартировалъ тотъ полкъ, въ которомъ онъ служилъ простымъ солдатомъ. Его ожидали печальные дни одиночества. И въ утѣшеніе ему осталась одна лишь поэтическая греза, къ которой мало-помалу и свелась вся его духовная жизнь. Поэтъ зрѣлъ въ немъ очень быстро

Съ дѣтскихъ лѣтъ Боратынскій любилъ природу:

Когда, едва вздохнувъ для жизни неизвѣстной,
Я съ тихой радостью взглянулъ на міръ прелестный,—
Съ какимъ восторгомъ я природу обнималъ!
Какъ свѣтъ прекрасенъ былъ!—Увы! тогда не зналъ
Я буйственныхъ страстей въ безпечности невинной;
Дитя, взлелѣянный природою пустынной,
Ее одну лишь зрѣлъ, внималъ одной лишь ей.
Сіянье солнечныхъ торжественныхъ лучей
Веселье тихое мнѣ въ сердце проливало;
Оно съ природою въ ненастье унывало;
Не зналъ я радостей, не зналъ я мукъ другихъ,
За мигомъ не умѣлъ другой предвидѣть мигъ:
Я слишкомъ счастливъ былъ спокойствіемъ незнанья,
Блаженства чуждые и чуждые страданья
Часы невидимо мелькали надо мной...

[Изъ поэмы «Воспоминанія» 1819].

Такъ тѣсно сплелись въ его душѣ воспоминанія о счастливой порѣ дѣтскаго „незнанія“ съ первыми поэтическими ощущеніями красоты природы. Да, было счастливое время, когда этотъ великій скорбникъ могъ сказать:

Толпа безумная! напрасно ропщешь ты!
Блаженъ, кто легкою рукою
Весной умѣлъ срывать весенніе цвѣты
И въ мирѣ жилъ съ самимъ собою;
Кто безъ унынія глубоко жизнь постигъ
И, равнодушіемъ богатый,
За царство не отдастъ покоя сладкій мигъ
И наслажденья мигъ крылатый!

[«Дельвигу» 1820].

Эти дни теперь прошли; передъ глазами поэта раскинулась иная природа, суровая и холодная, и веселыя мысли смѣнились печальнымъ раздумьемъ:

Въ свои разсѣлины вы приняли пѣвца,
Граниты финскіе, граниты вѣковые
Земли ледянаго пѣвца
Богатыри сторожевые.
Онъ съ лирой между васъ. Поклонъ его, поклонъ
Громадамъ, міру современнымъ:
Подобно имъ да будетъ онъ
Во всѣ годины неизмѣннымъ!
[«Финляндія» 1820].

Все вокругъ поэта въ глубокой тишинѣ; неслышно пѣнія скальда; низверженные лики старыхъ боговъ лежатъ во прахѣ и сыновья забыли о подвигахъ предковъ. Куда скрылись всѣ герои, и что слава нашихъ дней и наше вѣтренное племя?

О, все своей чредой исчезнетъ въ безднѣ лѣтъ!
Для всѣхъ одинъ законъ, законъ уничтоженья,
Во всемъ мнѣ слышится таинственный привѣтъ
Обѣтованнаго забвенья!

Но скорбная мысль пока еще не такъ сильна, чтобы покорить поэта. Ему кажется, что онъ можетъ пройти спокойно мимо печальной тайны закона всеобщаго уничтоженія:

Но я, въ безвѣстности, для жизни жизнь любя,
Я беззаботливый душою
Вострепещу-ль передъ судьбою?
Не вѣчный для временъ, я вѣченъ для себя!
Не одному-ль воображенію
Гроза ихъ что-то говоритъ?
Мгновенье мнѣ принадлежитъ,
Какъ я принадлежу мгновенью!
Что нужды до былыхъ иль будущихъ племенъ?
Я не для нихъ бренчу незвонкими струнами;
Я, невнимаемый, довольно награжденъ
За звуки звуками, а за мечты мечтами.
[«Финляндія» 1820].

Но удержаться на такой высотѣ самодовольнаго отчужденія отъ общаго мірового страданія было невозможно этой пылкой, впечатлительной и нѣжной душѣ. Она должна была все глубже и глубже чувствовать міровую печаль, и красота звуковъ скоро оказалась безсильна въ борьбѣ со скорбной мыслью.

Въ Финляндіи Боратынскій пожелалъ еще разъ попробовать свои силы въ созданіи поэтическаго произведенія болѣе или менѣе широкаго по объему. Онъ написалъ поэму „Эда". Поэтъ разсказалъ исторію несчастной любви одной финляндской дѣвы, которая пострадала отъ излишней довѣрчивости къ русскому гусару. Сюжетъ былъ очень несложный, очень ординарный; драматическія положенія были далеко не новы даже въ то время, и если Боратынскій на такой темѣ остановился, то вѣроятно потому, что она была варіаціей на одинъ скорбный мотивъ, который тогда могъ быть близокъ его сердцу. Гусаръ олицетворялъ собою „грѣхи цивилизаціи", а Эда была символомъ чистоты и непорочности „дѣтей природы". Поэма имѣла большой успѣхъ, и имъ она была обязана не только популярной темѣ, но главнымъ образомъ ея выполненію. Стихи были музыкальны и образны, и въ особенности красочны были описанія финляндской природы *).

„Не призракъ счастія, но счастье нужно мнѣ"—говорилъ поэтъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, написанныхъ въ Финляндіи, и высказывалъ увѣренность, что онъ воз-

---

*) Суровый край; его красамъ
Пугаяся дивятся взоры;
На горы каменныя тамъ
Поверглись каменныя горы;
Синѣя всходятъ до небесъ
Ихъ своенравныя громады,
На нихъ шумитъ сосновый лѣсъ,
Съ нихъ бурно льются водопады.

вратится къ мирному отеческому очагу свободнымъ отъ суетныхъ надеждъ, отъ безпокойныхъ сновъ и вѣтреныхъ желаній—возвратится, „испивъ безвременно всю чашу испытаній“.

Особенно горькую чашу испытаній ему пить не пришлось и онъ вернулся на родину, конечно, не свободнымъ отъ надеждъ и отъ безпокойныхъ сновъ. И счастія онъ также не обрѣлъ, хотя его личная жизнь и сложилась счастливо. Но если въ философскомъ размышленіи надъ страданіемъ человѣка и въ философскомъ покоѣ примиренія съ этимъ страданіемъ заключено счастіе, то таковое Боратынскимъ было извѣдано въ полной мѣрѣ.

Очень спокойная и мирная жизнь началась для поэта съ его возвращеніемъ на родину, и въ этой тихой обстановкѣ стало созрѣвать его скорбное міросозерцаніе.

Оно сохранено въ его лирическихъ стихотвореніяхъ, въ тѣхъ немногихъ пѣсняхъ, которыя такъ цѣнились современниками и еще болѣе цѣнятся въ наше время. Если расположить эти стихотворенія въ извѣстномъ порядкѣ, то получится довольно связное размышленіе о печаляхъ бытія.

Поэтъ понимаетъ, что для радостныхъ чувствъ его душа закрыта, что по природѣ своей онъ можетъ откликаться лишь на печаль, разлитую въ мірѣ.

Ему вдругъ стало ясно, что недавнее веселье его души—призракъ и неискренность:

Внѣ себя я тщетно жить хотѣлъ,
Вино и Вакха мы хвалили;

Тамъ долъ очей не веселитъ,
Гранитной лавой онъ облитъ.
Главу одѣвши въ мохъ печальный
Огромнымъ сторожемъ стоитъ
На немъ гранитъ пирамидальный;
По дряхлымъ скаламъ бродитъ взглядъ,
Пришлецъ исполненъ смутной думы:
Не міра-ль давняго лежатъ
Предъ нимъ развалины угрюмы?

Но я безрадостно съ друзьями радость пѣлъ,
Восторги ихъ мнѣ чужды были.
Того не пріобрѣсть, что сердцемъ не дано.
Не вспыхнетъ жизнь въ крови остылой:
Одну печаль свою, уныніе одно
Способенъ чувствовать унылый.

[«Лагерь» 1821].

Немирнаго душой, на мирномъ ложѣ сна,
...убѣгаетъ усыпленіе
И гдѣ для каждаго доступна тишина,
Страдальца ждетъ одно волненіе.

[«Къ Деліи» 1822].

Поэтъ неустанно думалъ о томъ, въ чемъ же собственно заключено то „счастіе", котораго люди такъ болѣзненно желаютъ и ищутъ, и утрату котораго такъ оплакиваютъ. Въ итогѣ раздумья получился печальный выводъ. Счастія на землѣ нѣтъ... есть нѣсколько мгновеній, когда человѣку кажется, что онъ счастливъ... есть нѣкоторыя приманки жизни, которыя даютъ такую иллюзію счастія... человѣкъ дорожитъ этими приманками, но скоро убѣждается, что онѣ-то главный родникъ печалей и несчастія, такъ какъ именно ихъ кратковременность или ихъ отсутствіе заставляетъ человѣка страдать всего болѣе... Большое облегченіе, если человѣкъ отъ любви къ этимъ приманкамъ избавится и обратитъ жизнь въ шутку...

Люди жаждутъ славы, зачѣмъ она имъ?

О, какъ безумна жажда славы!
Равно исчезнутъ въ безднѣ лѣтъ
И годы шумные побѣдъ,
И мигъ незнаемой забавы!...
Познай же цѣну срочныхъ дней,
Лови пролетное мгновенье!
Исчезнетъ жизни сновидѣнье.
Кто былъ счастливѣй, былъ умнѣй.
Будь друженъ съ музою моею,
Оставимъ мудрость мудрецамъ;
На что чиниться съ жизнью намъ,
Когда шутить мы можемъ съ нею?

[«Коншину» 1821].

Но такая мысль о возможности „шутить“ съ жизнью могла мелькнуть поэту лишь на мгновеніе; она противорѣчила всей его психикѣ, основному дару его духа—видѣть въ жизни великую скорбную тайну.

Зачѣмъ же ниспослано людямъ страданье? Быть можетъ для того, чтобы счастіе ощущалось полнѣе?

Повѣрь... страданье нужно намъ.
Не испытавъ его, нельзя понять и счастья:
Живой источникъ сладострастья
Дарованъ въ немъ его сынамъ.
Однѣ ли радости отрадны и прелестны?
Одно-ль веселье веселитъ?
Бездѣйственность души счастливцевъ тяготитъ;
Имъ силы жизни неизвѣстны...
Пусть мнимымъ счастіемъ для свѣта мы убоги,
Счастливцы насъ бѣднѣй, и праведные боги
Имъ дали чувственность, а чувство дали намъ.
[«Коншину» 1820].

Попытка найти въ страданіи „живой источникъ сладострастья“ была отчаянной попыткой и никакого утѣшенія она дать не могла. То „чувство“, въ которомъ поэтъ хотѣлъ видѣть особое преимущество людей страдавшихъ, только увеличивало жажду счастія и соединенное съ ней ощущеніе недостатка въ немъ.

Взять хотя бы чувство любви, которое въ своемъ страданіи какъ будто таитъ наслажденіе и радость.

Въ юношескихъ стихотвореніяхъ Боратынскаго не мало любовныхъ мотивовъ. Стихотворенія граціозны, красивы, остроумны, но въ нихъ нѣтъ того упоенія, того огня, который говорилъ бы о настоящемъ счастіи. Поэтъ даже не вѣритъ, что ему вообще можетъ улыбнуться любовь и онъ заранѣе „съ тоской глядитъ на радость“:

Онъ близокъ, близокъ, день свиданья,
Тебя, мой другъ, увижу я!
Скажи, восторгомъ ожиданья
Что-жъ не трепещетъ грудь моя?
Не мнѣ роптать; но дни печали,
Быть можетъ, поздно миновали:

Съ тоской на радость я гляжу,
Не для меня ея сіянье,
И я напрасно упованье
Въ больной душѣ моей бужу.
Судьбы ласкающей улыбкой
Я наслаждаюсь не вполнѣ:
Все мнится, счастливъ я ошибкой,
И не къ лицу веселье мнѣ.
[1820].

Поэтъ отрекается отъ вѣры въ любовь и считаетъ ее „измѣнившимъ ему сновидѣніемъ". Когда она успѣла ему измѣнить? Вѣроятно она и не измѣняла ему, но общій меланхолическій складъ его души и его скорбный образъ мыслей заставили его заранѣе отрицать въ этомъ чувствѣ полноту счастія. Въ одномъ изъ стихотвореній, самыхъ совершенныхъ по мысли и по формѣ, онъ писалъ:

Не искушай меня безъ нужды
Возвратомъ нѣжности твоей!
Разочарованному чужды
Всѣ обольщенья прежнихъ дней.
Ужъ я не вѣрю увѣреньямъ,
Ужъ я не вѣрую въ любовь,
И не могу предаться вновь
Разъ измѣнившимъ сновидѣньямъ.
Слѣпой тоски моей не множь,
Прелестнымъ призракомъ былого
Воображенія больного
Въ его дремотѣ не тревожь!
Я сплю, мнѣ сладко усыпленье.
Забудь бывалыя мечты,
Въ душѣ моей одно волненье,
А не любовь пробудишь ты.
[«Разувѣреніе» 1821].

Мы пьемъ въ любви отраву сладкую;
Но все отраву пьемъ мы въ ней,
И платимъ мы за радость краткую
Ей безвесельемъ долгихъ дней—
[1825].

писалъ Боратынскій въ другомъ стихотвореніи...

Если и жажда славы и любовь—въ молодости самыя яркія приманки жизни—были въ глазахъ поэта такъ обезцѣнены, то въ чемъ же можно было искать желаннаго, но неуловимаго счастья? Впрочемъ, стоитъ ли его искать, если наша жизнь такъ коротка, такъ мимолетна, что въ конечномъ своемъ разрѣшеніи сливаетъ въ одно неразгаданное и веселье, и горе?

Рука съ рукой Веселье, Горе
Пошли дорогой бытія;
Но что? поссорилися вскорѣ
Во всемъ несходные друзья:
Лишь перекрестокъ улучили,
Другъ другу молвили: прости!
Недолго розно побродили,
Чрезъ день сошлись въ концѣ пути!
[«Веселье и горе» 1825].

Быть можетъ, однако, мы на ложномъ пути, когда ищемъ счастія здѣсь, на землѣ? Вѣдь бытіе не ограничено одной землей; оно своими вѣтвями восходитъ къ небу. Къ небу стремимся и мы въ нашихъ неясныхъ желаніяхъ. Но развѣ эти желанія даютъ намъ ощущеніе счастія? Они скорѣе множатъ нашу тоску и неутолимую жажду:

Напрасно мы, Дельвигъ, мечтаемъ найти
Въ сей жизни блаженство прямое:
Небесные боги не дѣлятся имъ
Съ земными дѣтьми Прометея.
Похищенной искрой созданье свое
Дерзнулъ оживить безразсудный;
Безсмертныхъ онъ презрѣлъ, и страшная казнь
Постигнула чадъ святотатства.
Нашъ тягостный жребій: положенный срокъ
Питаться болѣзненной жизнью,
Любить и лелѣять недугъ бытія,
И смерти отрадной страшиться.
Нужды непреклонной слѣпые рабы,
Рабы самовластнаго рока!
Земнымъ ощущеньямъ насильственно насъ
Случайная жизнь покоряетъ.
Но въ искрѣ небесной пріяли мы жизнь,
Намъ памятно небо родное,

Въ желаніи счастья мы вѣчно къ нему
Стремимся неяснымъ желаньемъ!..
Вотще! Мы надолго отвержены имъ!
Сіяя красою надъ нами,
На бренную землю безпечно оно
Торжественный сводъ опираетъ...,
Но намъ недоступно! Какъ алчный Танталъ
Сгораетъ средь влаги прохладной,
Такъ сердцемъ постигнувъ блаженнѣйшій міръ
Томимся мы жаждою счастья.
[«Дельвигу», 1820].

Хотя Боратынскій и называлъ смерть—„отрадной", но, кто знаетъ, что̀ она намъ готовитъ? Однажды, глядя на черепъ безвѣстнаго покойника, поэтъ задумался надъ вопросомъ—что̀ могъ бы этотъ черепъ сказать „толпѣ молодыхъ безумцевъ, ребячески хохотавшихъ вкругъ ямы?" Что если бы эта мертвая голова—

Цвѣтущимъ, пылкимъ намъ
И каждый часъ грозимымъ смертнымъ часомъ,
Всѣ истины извѣстныя гробамъ
Произнесла своимъ безстрастнымъ гласомъ!
Стократно благъ законъ
Молчаньемъ ей уста запечатлѣвшій;
Обычай правъ, усопшихъ важный сонъ
Намъ почитать издавна повелѣвшій.
Гробъ вопрошать дерзаетъ человѣкъ;
«О, суетный, безумный изыскатель!
«Живи живой! Тлѣй мертвой» вотъ что рекъ
Всего яснѣй таинственный Создатель.
Живи живой, тлѣй мертвой! воскорбитъ,
Кто до поры открытый взоръ получитъ.
Пусть радости живущимъ жизнь даритъ
А смерть сама ихъ умереть научитъ.
[«Могила», 1825].

Не совладать намъ ни съ тайною жизни, ни съ тайною смерти:

О, человѣкъ! увѣрься наконецъ:
Не для тебя ни мудрость, ни всезнанье!
Намъ надобны и страсти и мечты,
Въ нихъ бытія условіе и пища...

Мечты и страсти—но вѣдь въ нихъ и заключенъ родникъ всѣхъ страданій. Когда суровая истина снимаетъ съ этихъ приманокъ ихъ поэтическій покровъ, когда она являетъ намъ бытіе въ его холодной наготѣ—и тѣмъ спасаетъ насъ отъ заблужденія и призраковъ,—можетъ ли такая истина дать намъ успокоеніе или хоть тѣнь желаемаго блаженства? Человѣкъ никогда не помирится съ такой истиной и будетъ стремиться отложить бесѣду съ ней до послѣдней, крайней минуты. Съ земной жизнью истину помирить невозможно:

О счастіи съ младенчества тоскуя,
Все счастьемъ бѣденъ я;
Или во вѣкъ его не обрѣту я
Въ пустынѣ бытія?
Младые сны отъ сердца отлетѣли,
Не узнаю я свѣтъ;
Надеждъ своихъ лишенъ я прежней цѣли,
А новой цѣли нѣтъ.
«Безуменъ ты и всѣ твои желанья»—
Мнѣ первый опытъ рекъ;
И лучшія мечты моей созданья
Отвергнулъ я навѣкъ
Но для чего души разувѣренье
Свершилось не вполнѣ?
О юныхъ снахъ слѣпое сожалѣнье
Зачѣмъ живетъ во мнѣ?»
Такъ нѣкогда обдумывалъ съ роптаньемъ
Я жребій тяжкій свой.
Вдругъ Истину [то не было мечтаньемъ]
Узрѣлъ передъ собой.
«Свѣтильникъ мой укажетъ путь ко счастью!»
[Вѣщала] «захочу—
И страстнаго отрадному безстрастью
Тебя я научу.
Пускай со мной ты сердца жаръ погубишь;
Пускай, узнавъ людей,
Ты, можетъ быть, испуганный разлюбишь
И ближнихъ, и друзей.
Я бытія всѣ прелести разрушу,
Но умъ наставлю твой;
Я оболью суровымъ хладомъ душу,
Но дамъ душѣ покой».

Я трепеталъ, словамъ ея внимая,
И горестно въ отвѣтъ
Промолвилъ ей: «О, гостья роковая!
Печаленъ твой привѣтъ!
Свѣтильникъ твой—свѣтильникъ погребальный
Всѣхъ радостей земныхъ!
Твой миръ, увы! могилы миръ печальный,
И страшенъ для живыхъ.
Нѣтъ, я не твой! въ твоей наукѣ строгой
Я счастья не найду,
Покинь меня: кой-какъ моей дорогой
Одинъ я побреду.
Прости! иль нѣтъ: когда мое свѣтило
Во звѣздной вышинѣ
Начнетъ блѣднѣть, и все, что сердцу мило,
Забыть придется мнѣ,
Явись тогда! раскрой тогда мнѣ очи,
Мой разумъ просвѣти:
Чтобъ, жизнь презрѣвъ, я могъ въ обитель ночи
Безропотно сойти!

[«Истина», 1824].

Итакъ, смиренье передъ великими тайнами! Ни чувство не даетъ намъ счастія, ни глубокая, въ нѣдра тайны стремящаяся проникнуть мысль. Сохранимъ спасительный холодъ бездѣйственной души и попытаемся быть блаженными своимъ безчувствіемъ:

Дало двѣ доли Провидѣнье
На выборъ мудрости людской.
Или надежду и волненье,
Иль безнадежность и покой.
Вѣрь тотъ надеждѣ обольщающей,
Кто бодръ, неопытнымъ умомъ,
Лишь по молвѣ разновѣщающей
Съ судьбой насмѣшливой знакомъ.
Надѣйтесь, юноши кипящіе,
Летите: крылья вамъ даны;
Для васъ и замыслы блестящіе
И сердца пламенные сны.
Но вы, судьбину испытавшіе,
Тщету утѣхъ, печали власть,
Вы знанье бытія пріявшіе
Себѣ на тягостную часть,

Гоните прочь ихъ рой прельстительный.
Такъ доживайте жизнь въ тиши
И берегите хладъ спасительный
Своей бездѣйственной души,
Своимъ безчувствіемъ блаженные,
Какъ трупы мертвыхъ изъ гробовъ,
Волхва словами пробужденные,
Встаютъ со скрежетомъ зубовъ:
Такъ вы, согрѣвъ въ душѣ желанія,
Безумно вдавшись въ ихъ обманъ,
Проснетесь только для страданія,
Для боли новой прежнихъ ранъ.
[«Двѣ доли», 1823].

Эту отчаянную мысль—привести къ молчанію и разумъ, и чувства, и найти счастіе въ покоѣ „бездѣйственномъ и безчувственномъ"—поэтъ готовъ былъ повторить и въ слегка иронической формѣ, когда писалъ:

Въ глуши лѣсовъ счастливъ одинъ,
Другой страдаетъ на престолѣ;
На высотѣ земныхъ судьбинъ,
И въ незамѣтной низкой долѣ,
Всѣхъ благъ возможныхъ тѣхъ достигъ,
Кто духъ судьбы своей постигъ.
Мы всѣ блаженствуемъ равно,
Но всѣ блаженствуемъ различно;
Удѣломъ нашимъ рѣшено
Какъ наслаждаться намъ прилично...
Хвала вамъ, боги! Предо мной
Вы оправдалися отнынѣ,
Готовъ я съ доброю душой
На все угодное судьбинѣ,
И никогда сей лиры гласъ
Не оскорбитъ роптаньемъ васъ.
[1825].

Всѣ усилія разрѣшить великую тайну свелись, такимъ образомъ, къ фатализму. Постигнуть духъ своей судьбы значило не болѣе не менѣе какъ примириться съ тѣмъ, что̀ есть. Судьба, „удѣлъ" рѣшаетъ за насъ, какъ намъ суждено наслаждаться; намъ надлежитъ молчать и не роптать, и съ доброю (?) душой идти впередъ на встрѣчу все той же ли-

шенной покоя и счастія жизни. Добрая душа осуждена на повтореніе всего пройденнаго пути сомнѣній, разочарованій и печалей, чтобы вновь прійти къ фатализму. Такъ она должна жить въ волнообразномъ чередованіи порывовъ страсти и покоя смиренія до кончины, неизвѣстно чѣмъ кончающейся.

Боратынскій былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ и естественно, что такая философія отказа, смиренія, фаталистическаго примиренія съ жизнью не всегда могла удовлетворить его. Рано было подводить конечный итогъ всему извѣданному и передуманному; жизнь манила и соблазняла, и хотѣлось порой волненія и бури.

Рисуя въ мечтахъ бурю на океанѣ, поэтъ говорилъ:

Когда придетъ желанное мгновенье,
Когда волнамъ твоимъ я ввѣрюсь, океанъ?
Но знай: красой далекихъ странъ
Не очаровано мое воображенье.
Подъ небомъ лучшимъ обрѣсти
Я лучшей доли не съумѣю:
Вновь не смогу душой моею
Въ краю цвѣтущемъ расцвѣсти.
Межъ тѣмъ отъ прихоти судьбины,
Межъ тѣмъ отъ медленной отравы бытія,
Въ покоѣ раболѣпномъ я
Ждать не хочу моей кончины.
На яростныхъ волнахъ, въ борьбѣ со гнѣвомъ ихъ
Она отраднѣе гордынѣ человѣка!
Какъ жаждалъ радостей младыхъ
Я на зарѣ младого вѣка,
Такъ нынѣ, океанъ, я жажду бурь твоихъ.
Волнуйся, опѣняй утесистыя грани;
Онъ веселитъ меня, твой грозный, дикій ревъ,
Какъ зовъ къ давно-желанной брани,
Какъ мощнаго врага мнѣ чѣмъ-то лестный гнѣвъ.
[«Буря», 1825].

Пожеланіе Боратынскаго не сбылось; ни съ какимъ океаномъ страстей ему въ жизни не пришлось столкнуться; никакія яростныя волны его никуда не увлекали; его ожи-

дала жизнь мирная и тихая, жизнь мыслителя и поэта. Можно было надѣяться, что волненіе его скорбныхъ мыслей уляжется и что онъ въ поискахъ земного счастія не будетъ, какъ теоретикъ, столь требовательнымъ. На практикѣ онъ дѣйствительно пересталъ быть требовательнымъ и нашелъ земное счастіе въ кругу семьи и среди друзей, но какъ мыслитель онъ продолжалъ неустанно думать надъ трагической загадкой жизни, и эти думы становились все глубже и все печальнѣе; и все красивѣе и художественнѣе становилась та поэтическая форма, въ которую онъ облекалъ ихъ. Въ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ талантъ Боратынскаго достигъ полнаго расцвѣта, и въ ту минуту, когда жизнь въ его глазахъ была болѣе всего обезцѣнена въ теоріи, а на самомъ дѣлѣ ему улыбалась, его настигла неожиданная смерть [1844].

Съ Александровскимъ временемъ поэзія Боратынскаго почти никакой связи не имѣетъ. Если отбросить нѣкоторые сентиментальные мотивы, попадающіеся въ его самыхъ раннихъ стихотвореніяхъ, если не считаться съ нѣкоторыми условными образами и оборотами рѣчи, въ которыхъ сохранились отголоски античной поэзіи и французской классической, то міросозерцаніе поэта и форма, въ какую оно вылилось, не могутъ быть пріурочены ни къ какой опредѣленной исторической эпохѣ. Въ стихахъ Боратынскаго нѣтъ отзвука на событія того времени, когда они родились. Ни религіозныхъ, ни общественныхъ, ни патріотическихъ мотивовъ, связанныхъ съ Александровской эпохой, мы въ его поэзіи не встрѣтимъ. Она — его личная исповѣдь, и все въ ней рѣзко индивидуально. Даже байроническое настроеніе и романтическая тревога души—психическія состоянія, которыя были сродни скорбному раздумью Боратынскаго—почти совсѣмъ отсутствуютъ въ его стихахъ, писанныхъ въ Александровское время. Эти мотивы появились въ поэзіи Боратынскаго позднѣе, въ тридцатыхъ годахъ, и продержались очень недолго. У своего времени поэтъ учился лишь

внѣшнимъ пріемамъ мастерства; содержаніе же онъ извлекъ исключительно изъ нѣдръ собственнаго духа.

Его поэзія—искренняя исповѣдь вполнѣ самобытнаго художника мыслителя, который смотрѣлъ на жизнь и человѣка взглядомъ необычайно субъективнымъ, и въ вѣкъ отнюдь не пессимистическаго настроенія поднялся на большую высоту скорбнаго созерцанія *).

Николай Михайловичъ Языковъ.

„Изъ поэтовъ времени Пушкина, писалъ Гоголь, болѣе всѣхъ отдѣлился Языковъ. Съ появленіемъ первыхъ стиховъ его всѣмъ послышалась новая лира, разгулъ и буйство силъ, удаль всякаго выраженія, свѣтъ молодого восторга и языкъ, который въ такой силѣ, совершенствѣ и строгой подчиненности господину еще не являлся дотолѣ ни въ комъ. Имя *Языковъ* пришлось ему не даромъ. Владѣетъ онъ языкомъ какъ арабъ дикимъ конемъ своимъ, и еще какъ бы хвастается своею властью. Все, что̀ выражаетъ силу молодости, не разслабленной, но могучей, полной будущаго, стало вдругъ предметомъ стиховъ его. Такъ и брызжетъ юношеская свѣжесть отъ всего, къ чему онъ ни прикоснется. Все, что̀ вызываетъ въ юношѣ отвагу—море, волны, буря, пиры и сдвинутыя чаши, братскій союзъ на дѣла, твердая какъ кремень вѣра въ будущее, готовность ратовать за отчизну—выражается у него съ силою неестественною. Когда появи-

*) Такъ какъ міросозерцаніе Боратынскаго въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи не испытало перемѣнъ, то въ дополненіе къ упомянутымъ стихамъ желательно ознакомленіе со слѣдующими, написанными въ болѣе позднее время: «Прогоны жизни» 1826. «Когда взойдетъ денница золотая» 1827. «Послѣдняя смерть» 1828. «Родина» 1828. «Смерть» 1829. «Отрывокъ» 1830. «Въ дни безграничныхъ увлеченій» 1832. «На смерть Гете» 1833. «Наслаждайтесь, все проходитъ» 1835. «Къ чему невольнику мечтанія свободы» 1835. «Когда исчезнетъ омраченье» 1835. «Болящій духъ врачуетъ пѣснопѣнье» 1835. Сборникъ лирическихъ стихотвореній подъ заглавіемъ «Сумерки» 1835—1842. «На посѣвъ лѣса» 1843.

лись его стихи отдѣльною книгой, Пушкинъ сказалъ съ досадой: зачѣмъ онъ назвалъ ихъ „Стихотворенія Языкова“, ихъ слѣдовало бы назвать просто „хмель“. „Бѣда только, замѣчаетъ отъ себя Гоголь, что успѣхъ перешелъ мѣру, и что самъ поэтъ загулялся черезчуръ на радости отъ своего будущаго, какъ и многіе изъ насъ на Руси, и осталось дѣло только въ одномъ могучемъ порывѣ“.

Въ двадцатыхъ годахъ, въ дни юности Языкова, его поэзія блистала всѣми красками безоблачнаго утра, и дѣйствительно, никто не могъ предположить, что такой избытокъ свѣжаго и бурнаго чувства ограничится однимъ порывомъ. Внѣшній блескъ и движеніе стиха, богатство риѳмъ, очень тщательная отдѣлка и музыкальность, смѣлость выраженій и метафоръ и красивая артистическая небрежность въ компановкѣ—всѣ эти украшенія и вся эта роскошь поэтической одежды заставляла предполагать такое же богатство внутренняго содержанія. Молодого поэта, съ первыхъ его словъ, причислили сразу къ сонму служителей самой могущественной „богини“, про которую онъ самъ говорилъ такъ краснорѣчиво:

Богиня струнъ пережила
Боговъ и грома и булата;
Она прекрасныхъ рукъ въ оковы не дала
Вѣкамъ тиранства и разврата.
Они пришли; повсюду смерть и брань,
Въ вѣнцѣ раскованная сила,
Ея безсовѣстная длань
Алтарь изящнаго разбила.
Но съ праха рушенныхъ громадъ,
Изъ тишины опустошенья,
Возсталъ, величественъ и младъ,
Безсмертный Ангелъ вдохновенья.
[«Муза», 1823].

Поэту повѣрили, что онъ въ дружбѣ съ этимъ ангеломъ вдохновенія, надъ которымъ развратъ и насиліе не властны. Да и онъ самъ этому вѣрилъ. Когда случай свелъ его съ Пушкинымъ, онъ въ немъ призналъ родного брата и отда-

вая должное его „генію“, оставилъ и за собой право на этотъ титулъ:

Когда гремя и пламенѣя
Пророкъ на небо улеталъ —
Огонь могучій проникалъ
Живую душу Елисѣя:
Святыми чувствами полна,
Мужала, крѣпла, возвышалась,
И вдохновеньемъ озарялась,
И Бога слышала она! —
Такъ геній радостно трепещетъ,
Свое величье познаетъ,
Когда предъ нимъ гремитъ и блещетъ
Иного генія полетъ;
Его воскреснувшая сила
Мгновенно зрѣетъ для чудесъ...
И міру новыя свѣтила —
Дѣла избранника небесъ!

[«Геній», 1825].

Но мысль о томъ, что и геній нуждается въ воспитаніи и въ образованіи, была далека отъ Языкова; ему казалось, что „безпечный“ геній можетъ какъ-то вдругъ расширить свои крылья и на подобіе великаго орла вознестись къ свѣтиламъ:

«Искать ли славнаго вѣнца
На полѣ рабскихъ состязаній,
Тревожа слабыя сердца,
Сбирая нищенскія дани?
Сія народная хвала,
Сей говоръ близкаго забвенья,
Вознаградитъ ли музѣ пѣнья
Ея священныя дѣла?
Кто ихъ постигнетъ? Геній вспыхнетъ —
Толпа любуется на свѣтъ,
Шумитъ, шумитъ, шумитъ — затихнетъ:
И это слава нашихъ лѣтъ» —
Такъ мыслитъ юноша-поэтъ,
Пока въ душѣ его желанья
Мелькаютъ, темныя, какъ сонъ,
И твердый гласъ самосознанья
Не возвѣстилъ ему, кто онъ.

И вдругъ, надеждой величавой
Свои предвидя торжества,
Безпечный—право иль не право
Его привѣтствуетъ молва —
За независимою славой
Пойдетъ любимецъ божества;
Въ немъ гордость смѣлая проснется,
Свободенъ, веселъ, полонъ силъ,
Орелъ великій встрепенется,
Расширитъ крылья и взовьется
Къ безсмертной области свѣтилъ!
[«Поэтъ», 1824].

Надежды поэта на смѣлый полетъ его орла не оправдались. Языковъ сталъ чувствовать, что полнота его силъ не покрываетъ его желаній и готовъ былъ отказаться отъ гордыхъ помысловъ удивить міръ своимъ вдохновеніемъ. Онъ сталъ болѣе скроменъ и признался, что всѣ его „мужественныя думы“ въ концѣ концовъ сводятся къ мирному мечтанію и къ восторженному созерцанію красоты земной, а не небесной:

Мой ангелъ милый и прекрасный,
Богиня мужественныхъ думъ,

утѣшалъ онъ свою музу—

Ты занимала сладострастно,
Ты нѣжила мой юный умъ.
Служа тебѣ, тобою полный,
Не видѣлъ я, не слышалъ я,
Какъ на пучинѣ бытія
Росли, текли, шумѣли волны.
Ты мнѣ открыла въ тишинѣ
Великій міръ уединенья;
Благообразныя ко мнѣ
Твои слетали вдохновенья;
Твоей прекрасной красотой,
Твоимъ величьемъ величава,
Сама любовь передо мной
Явилась пышная, какъ слава...
И весело мои мечты,
Тобой водимыя, играли;

Тебѣ стихи мои звучали
Живые, свѣтлые, какъ ты;
Такъ разноцвѣтными огнями
Блеститъ рѣчная глубина,
Когда торжественно мирна,
Въ одеждѣ убранной звѣздами
По поднебесью ночь идетъ
И смотрится въ лазури водъ.

[«Къ Музѣ» 1826].

Признаніе — „*не видѣлъ я, не слышалъ я, какъ на пучинѣ бытія росли, текли, шумѣли волны*—очень знаменательно въ устахъ поэта. Онъ, дѣйствительно, не слышалъ и не видѣлъ того, что̀ вокругъ него творилось. Весь паѳосъ исторической минуты, свидѣтелемъ которой онъ былъ—его не трогалъ; и всякій разъ, когда онъ брался за какую-нибудь серьезную тему, будь то историческое преданіе родной старины или старины иноземной [а Языковъ въ раннюю пору своей жизни пробовалъ нерѣдко свои силы въ эпической пѣснѣ], будь то даже лирическая пѣснь болѣе или менѣе мотивированной печали — онъ не шелъ дальше повторенія ходкаго тогда литературнаго образца. И скоро поэту нечего было сказать—за исключеніемъ лишь одного признанія, что онъ молодъ, здоровъ, полонъ силъ, кипѣнія молодыхъ чувствъ и страстей, и полонъ надежды на будущее, которое должно же оправдать эти силы и потому разрѣшаетъ человѣку упиваться беззаботно настоящимъ въ ожиданіи обезпеченной впереди побѣды.

И Языковъ пріучилъ себя упиваться текущей минутой, сначала въ надеждѣ на будущее, а затѣмъ и безъ всякой мысли о немъ. Хотя бы приблизительно удержаться на уровнѣ своего вѣка въ его духовныхъ стремленіяхъ — объ этомъ онъ не думалъ. Онъ въ юности велъ жизнь самую безъидейную и прямо-таки разгульную.

Родился Языковъ въ Симбирскѣ въ 1803 году и первое образованіе получилъ въ петербургскомъ институтѣ горныхъ инженеровъ. Вопреки всѣмъ своимъ духовнымъ склон-

ностямъ, поэтъ кое-какъ это заведеніе окончилъ въ 1820 году, занимаясь преимущественно стихотворствомъ и русской словесностью. Пожелалъ онъ зачѣмъ-то продолжать свою ученую карьеру и поступилъ въ инженерный корпусъ, но на этотъ разъ не выдержалъ, и черезъ годъ [1821] вышелъ на свободу. „Свободнымъ“ вполнѣ оставался онъ и въ Дерптскомъ университетѣ, гдѣ учился въ продолженіе шести лѣтъ, чтобы въ 1829 году покинуть сей очагъ науки послѣ безплодныхъ попытокъ выдержать экзаменъ.

И вотъ здѣсь, въ Дерптѣ, заговорила впервые муза Языкова при звонѣ бокаловъ, въ обществѣ веселыхъ студентовъ, ихъ подругъ, друзей и знакомыхъ:

Я не забуду никогда
Мои студенческіе годы,
Раздолье Вакха и свободы
И благодатнаго труда!
Въ странѣ, умѣреннымъ блаженной,
Вдали блистательныхъ невѣждъ,
Они питали жаръ священный
Моихъ желаній и надеждъ.
Здѣсь Муза пѣсенъ полюбила
Мои словесныя дѣла;
Здѣсь духа творческая сила
Во мнѣ мужала и росла...
И слава ей! Не ласки свѣта,
Не взоръ любви, не блескъ наградъ,
Какими свѣтскаго поэта
Вельможи гордые дарятъ,—
Мечты могучія живили
Пѣвца чувствительную грудь
И мнѣ яснѣлъ высокій путь
Для поэтическихъ усилій.
[«Воспоминаніе» 1824].

Но мы уже знаемъ, что эти „поэтическія усилія“ не приводили ни къ чему серьезному. И поэтъ былъ ближе къ истинѣ, когда писалъ одному изъ своихъ друзей:

Я знаю, другъ, и въ шумѣ свѣта
Ты помнишь первыя дѣла
И пѣсни русскаго поэта

При звонѣ дерптскаго стекла.
Пора безцѣнная, святая!
Тогда свобода удалая,
Восторги Музы и вина
Меня живили, услаждали;
Дни безмятежные мелькали;
Душа не слушалась печали
И не бывала холодна!
Пускай извѣстности прекрасной
И думъ высокихъ я не зналъ;
Зато учился безопасно,
Зато себя не забывалъ.
[«Къ Н. Д. Киселеву» 1825].

По мѣрѣ того, какъ раздавалась вакхическая, застольная пѣсня Языкова и вмѣстѣ съ ней его любовная элегія; по мѣрѣ того, какъ онъ отдавался „радостной буйности" и, по выраженію Пушкина, „поилъ свою Камену разымчивымъ, пьянымъ, пѣнящимся хмельною брагою напиткомъ", онъ пріобрѣталъ все большее число не друзей только—что̀ было бы вполнѣ понятно — но истинныхъ поклонниковъ, и среди нихъ всѣхъ молодыхъ поэтовъ своего времени. Ему стали говорить большія похвалы и отъ нихъ голова его кружилась.

Тѣ, кто въ немъ привѣтствовалъ истиннаго поэта, были правы, такъ какъ въ нѣкоторыхъ стихахъ—въ особенности въ воспоминаніяхъ поэта о своемъ дѣтствѣ, своей родинѣ и въ волжскихъ пейзажахъ — было много и настроенія, и колорита, какъ было много поэтической грусти и въ многочисленныхъ его любовныхъ воздыханіяхъ. Но успѣхъ Языкова создали не эти пѣсни, въ которыхъ онъ имѣлъ многихъ и болѣе сильныхъ соперниковъ, а именно пѣсни разгульныя и веселыя, въ которыхъ „златокованный" стихъ его сталъ обнаруживать свою мастерскую чеканку.

И покатилась по Россіи застольная пѣсня Языкова, и достаточно было въ любомъ молодомъ кружкѣ продекламировать первую строфу, чтобы услышать въ отвѣтъ цѣлое стихотвореніе, хотя бы, напримѣръ, такое:

Кто за бокаломъ не поетъ,
Тому не полная отрада:
Богъ пѣсенъ богу винограда
Восторги новые даетъ.
Слова святыя: пей и пой!
Необходимы для пирушки,
Друзья! гдѣ арфа подлѣ кружки
Тамъ бога два—и пиръ двойной!
Такъ ночью краше небеса
При яркомъ мѣсяца сіяньи;
Такъ въ миловидномъ одѣяньи
Очаровательнѣй краса.
[1824].

Или такое:

Полнѣй стаканы, пейте въ ладъ!
Передъ виномъ благоговѣнье:
Ему торжественный виватъ,
Ему—колѣнопреклоненье!
Герой, виномъ разгоряченъ,
На смерть отважнѣе стремится;
Пѣвецъ поетъ, какъ Аполлонъ,
Умѣя Бахусу молиться.
Любовникъ глядя на стаканъ,
Измѣну милой забываетъ,
И счастливъ онъ, покуда пьянъ
Затѣмъ, что трезвый онъ страдаетъ.
Скажу короче: въ жизни сей
Безъ капли людямъ все досада:
Анакреонъ твердилъ намъ: пей,
А мы прибавимъ—до упада!
[1824].

Но больше всѣхъ посчастливилось пѣснѣ въ честь неизвѣстной очаровательной Маріи Петровны, которая стала благодаря этому гимну почетной предсѣдательницей на всѣхъ студенческихъ пирушкахъ:

Разгульна, свѣтла и любовна
Душа веселится моя;
Да здравствуетъ Марья Петровна,
И ножка и ручка ея!
Какъ розы денницы живыя,
Какъ ранніе снѣги полей—

Ланиты ея молодыя
И дѣвственный бархатъ грудей.
Какъ звѣзды задумчивой ночи,
Какъ вешняя пѣснь соловья—
Ея восхитительны очи
И сладостенъ голосъ ея.
Блаженъ, кто, роскошно мечтая,
Зоветъ ее дѣвой своей;
Блаженнѣй избранниковъ рая
Студентъ полюбившійся ей.

[1829].

И не въ однѣхъ только пѣсняхъ, подобныхъ этимъ, бурлила и пѣнилась молодая душа Языкова. Веселость, влюбленная въ жизнь, любованье своей удалью и бравурствомъ на пиру юности, безпечность, оправдываемая сознаніемъ своей одаренности, встрѣчались и въ иныхъ раннихъ стихотвореніяхъ поэта, въ его любовныхъ пѣсняхъ и въ особенности въ посланіяхъ къ разнымъ друзьямъ, которыхъ у него было много.

Поэтъ чувствовалъ себя свободно, легко и разгульно, пока былъ молодъ, но мысль о грядущемъ всетаки и въ эти веселые годы подкрадывалась къ нему и „таинственное новое“ въ жизни начинало его тревожить. Слѣды этой тревоги остались на одномъ красивомъ стихотвореніи, которое онъ озаглавилъ „Молитва“:

Молю святое Провидѣнье
Оставь мнѣ тягостные дни,
Но дай желѣзное терпѣнье,
Но сердце мнѣ окамени:
Пусть, неизмѣненъ жизни новой
Приду къ таинственнымъ вратамъ,
Какъ Волги валъ бѣлоголовый
Доходитъ цѣлый къ берегамъ.

[1824].

Какіе „тягостные“ дни вѣдалъ поэтъ и для чего онъ просилъ у Бога „желѣзнаго терпѣнія“—неизвѣстно, но желаніе „неизмѣннымъ“ подойти къ вратамъ новой жизни было не исполнимо.

Не имѣя никакихъ идейныхъ связей съ окружавшей жизнью, кромѣ ощущенія своей молодости и сознанія своей талантливости, трудно было надѣяться на то, что не доживешь до истинно тягостныхъ дней. И Языковъ до нихъ дожилъ, когда молодость отлетѣла. Въ 1829 году, въ годъ, когда онъ разстался съ дерптскимъ бездѣльемъ и наконецъ пустился на поиски „дѣла", онъ написалъ свое знаменитое стихотвореніе „Пловецъ":

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумитъ оно;
Въ роковомъ его просторѣ
Много бѣдъ погребено.
Смѣло, братья! Вѣтромъ полный
Парусъ мой направилъ я:
Полетитъ на скользки волны
Быстрокрылая ладья!
Облака бѣгутъ надъ моремъ,
Крѣпнетъ вѣтеръ, зыбь чернѣй,
Будетъ буря: мы поспоримъ
И помужествуемъ съ ней.
Смѣло, братья! Туча грянетъ,
Закипитъ громада водъ,
Выше валъ сердитый грянетъ,
Глубже бездна упадетъ!
Тамъ, за далью непогоды,
Есть блаженная страна;
Не темнѣютъ неба своды,
Не проходитъ тишина.
Но туда выносятъ волны
Только сильнаго душой!..
Смѣло, братья, бурей полный
Прямъ и крѣпокъ парусъ мой.

[1829].

Это стихотвореніе, въ которомъ, при извѣстномъ желаніи, можно вычитать даже общественную тенденцію [хотя врядъ ли поэтъ имѣлъ ее въ виду], стоитъ на рубежѣ двухъ эпохъ въ жизни Языкова. Оно повидимому отражаетъ рѣшимость пѣвца пуститься на розыски обѣтованной страны, покончить съ искушеніями и опасностями безпечной жизни.

Но была ли настолько сильна его душа, чтобы „помужествовать“ съ бурей?

Языковъ все чаще и чаще сталъ говорить о томъ, что пора наконецъ вплотную приняться за дѣло. Онъ ждалъ когда новый путь ляжетъ передъ нимъ и когда разсѣется туманъ, застилавшій его душу. Какъ всякій истинный поэтъ, онъ чувствовалъ всю таинственную привлекательность идеала, онъ зналъ, что идеалъ недостижимъ, и понималъ, что тотъ, кто отмѣченъ, какъ поэтъ, перстомъ Божіемъ долженъ пуститься на его розыски. Сознаніе силы для поисковъ идеала въ Языковѣ было; желаніе дать этимъ силамъ полный ходъ— также, но куда направить эти силы онъ не зналъ, и его поэзія въ ея цѣломъ дала намъ характернѣйшій образецъ кипѣнія чувствъ, безъ какой-либо идейности или вѣры во что бы то ни было.

Самый „буйный“ и „удалой“ поэтъ, какъ его называли современники, сталъ хандрить и тосковать не менѣе любого сентиментальнаго и чувствительнаго человѣка, и причиной тому было сознаніе вѣчнаго плѣна вдохновенія, которое никакъ не могло выдти за тѣсные предѣлы простого самоощущенія безъ всякой попытки дѣйствовать въ какомъ-нибудь опредѣленномъ направленіи, подъ руководствомъ опредѣленной мысли или убѣжденія.

Въ сороковыхъ годахъ Языковъ нашелъ наконецъ то „дѣло“, которое искалъ или, вѣрнѣе, ему показалось, что онъ нашелъ его. Онъ вошелъ убѣжденнымъ и ревностнымъ членомъ въ славянофильское братство и отдалъ свое вдохновеніе въ услуженіе религіозно-патріотическому настроенію, столь сильному у этихъ поборниковъ національной русской идеи. Славянофилы были очень обрадованы появленію въ ихъ средѣ истиннаго поэта, окружили его и любовью, и почетомъ и возлагали большія надежды на его вдохновенное слово. Но Языковъ оправдалъ эти надежды не въ полной мѣрѣ. Въ сороковыхъ годахъ онъ былъ уже не молодъ, былъ неизлечимо боленъ, а, главное, среди этихъ культур-

нѣйшихъ людей, людей большого ума и широкаго образованія онъ оставался наивнымъ ребенкомъ, ученикомъ, который никогда не могъ справиться съ добровольно возложенной на себя тяжелой миссіей обороны и разъясненія цѣлой богословско-историко-философской доктрины. Языковъ писалъ псалмы, гимны, лирическія пьесы интимнаго содержанія, перелагалъ въ стихи библейскіе сюжеты и народныя преданія, но во всемъ чувствовался поэтъ прошлаго, а не будущаго; и его пѣсня, которая должна была служить „грядущему" дѣлу, была окрашена въ тѣ печальные, угрюмо-нѣжные цвѣта, которые часто придаютъ закату такую меланхолическую прелесть.

Этой меланхоліи, этого ощущенія недовольства собой, этой напускной, иногда вымученной серьезности, конечно, не было въ юношескихъ стихотвореніяхъ Языкова, когда онъ лишь мечталъ о томъ, какъ онъ направитъ свой прямой и крѣпкій парусъ къ желанной цѣли.

Не надо быть строгимъ въ оцѣнкѣ юношеской разгульной лирики Языкова. Она въ Александровскую эпоху была художественнымъ выраженіемъ довольно широко распространеннаго настроенія, имѣвшаго свое законное право на существованіе. Это настроеніе не имѣло за собой никакого идейнаго содержанія; оно не выросло на почвѣ какой-нибудь серьезной, хотя бы и мало провѣренной, оцѣнки жизни; чуждое всякому міросозерцанію, оно отражало лишь одно несложное, но тѣмъ не менѣе сильное ощущеніе свободной удали, веселья и жизнерадостности. Въ какую сторону эти душевныя качества будутъ направлены—объ этомъ ихъ носители думали мало, и на первыхъ порахъ довольствовались сознаніемъ, что они молоды, здоровы, способны восторгаться и воодушевляться... Сама жизнь сумѣетъ эти дары использовать...

Извѣстной порѣ молодости такое настроеніе свойственно, и въ Александровскую эпоху молодежь имѣла на него болѣе права, чѣмъ въ послѣдующіе годы нашей общественной

жизни, когда къ юному веселью стали чуть ли не на школьной скамьѣ примѣшиваться иныя ощущенія и настроенія, говорящія о черезчуръ ранней зрѣлости ума или о недовольствѣ, озлобленіи и иронической горечи въ молодомъ сердцѣ.

Среди поэтическихъ мотивовъ Александровской эпохи пѣснь Языкова походила на бравурный маршъ, съигранный въ увеселеніе всѣхъ, у кого надеждъ было много, а непріятныхъ воспоминаній никакихъ *).

Дмитрій Владиміровичъ Веневитиновъ.

Большой потерей для литературы была ранняя смерть Веневитинова, нашего единственнаго лирика-философа тѣхъ годовъ. Онъ обѣщалъ открыть лирической пѣснѣ совсѣмъ новую для нея область.

Потомокъ стариннаго дворянскаго рода, Веневитиновъ росъ, окруженный всѣми благами обезпеченнаго существованія, привыкая любить жизнь и цѣнить въ ней ея красоту и изящество. Съ дѣтства мальчикъ былъ окруженъ избраннымъ и образованнымъ обществомъ; съ большой зоркостью и осторожностью были выбраны для него первые наставники, которые не въ примѣръ многимъ гувернерамъ

*) Чтобы не оставлять читателя подъ впечатлѣніемъ лишь удалыхъ юношескихъ стихотвореній Языкова и дать ему почувствовать Языкова мечтающаго, грустно настроеннаго, «ищущаго» и наконецъ нашедшаго «дѣло»—можно указать на слѣдующія его позднѣйшія стихотворенія: «Тригорское» 1826. «Вечеръ» 1826. «Къ нянѣ А. С. Пушкина» 1826. «Сомнѣніе» 1826. «Прощальная пѣсня» 1829. «На смерть няни А. С. Пушкина» 1830. «Подражаніе псалму XIV» 1831. «Пловецъ» 1831. «Подражаніе псалму CXXXVI» 1831. «Конь» 1831. «Онъ былъ поэтъ» 1831. «Молитва» 1835. «Жаръ птица» 1836. «Малага» 1839. «Пловецъ» 1839. «Маякъ» 1839. «Толпа ли дѣвочекъ крикливая, живая» 1839. «Богъ вѣсть не втунѣ ли скитался» 1841. «Гора» 1842. «Море» 1842. «И тѣсно и душно мнѣ въ области горъ» 1843. «Землетрясеніе» 1844. «Отрокъ Вячко» 1844. «Подражаніе псалму» 1845. «Сампсонъ» 1846.

того времени сумѣли сочетать знаніе иностранныхъ языковъ съ широкимъ литературнымъ образованіемъ.

Они ввели своего ученика въ кругъ разнообразныхъ художественныхъ и умственныхъ интересовъ. Еще совсѣмъ ребенкомъ, Веневитиновъ чувствовалъ себя своимъ въ мірѣ сложныхъ и глубокихъ психическихъ движеній. Мальчикъ былъ хорошо знакомъ съ античной поэзіей. Въ ранніе же годы былъ въ немъ пробужденъ интересъ и къ нѣмецкой словесности, которая современемъ стала предметомъ его излюбленныхъ занятій. Къ французской литературѣ онъ не питалъ особаго пристрастія.

Литературное образованіе было дополнено занятіями музыкой и живописью. Какъ артистическая натура Веневитиновъ усвоилъ эти искусства очень быстро и легко: его друзья признавали за нимъ большой музыкальный талантъ, зная съ какою легкостью онъ читалъ сочиненія по теоріи музыки и какія самъ писалъ трудныя композиціи.

Семнадцати лѣтъ отъ роду Веневитиновъ поступилъ въ московскій университетъ, гдѣ былъ усерднымъ слушателемъ Давыдова и Павлова—первыхъ насадителей шеллингіанскаго ученія на нашей университетской каѳедрѣ. Въ университетѣ оставался онъ недолго: всего два года и, быстро и легко сдавъ экзаменъ, поступилъ на службу въ архивъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Здѣсь встрѣтился онъ съ цѣлымъ кругомъ талантливыхъ товарищей, и въ ихъ средѣ въ немъ сталъ вырабатываться поэтъ и мыслитель. Кружокъ этихъ молодыхъ чиновниковъ былъ очень увлеченъ тогда философіей Шеллинга, — этимъ красивѣйшимъ и глубокомысленнымъ истолкованіемъ того значенія, какое красота и искусство имѣютъ въ жизни.

Веневитиновъ и его друзья,—въ числѣ которыхъ были знаменитые впослѣдствіи братья Кирѣевскіе и кн. В. Ѳ. Одоевскій—самой природой были надѣлены и философскимъ умомъ, и большой чуткостью къ красотѣ—и потому, не убоясь трудностей, какія представляло изученіе системы

Шеллинга, они ревностно въ нее погрузились. Еще на университетской скамьѣ привыкшіе къ отвлеченной мысли, они теперь всецѣло отдались служенію „мудрости и музамъ“.

На двадцать второмъ году Веневитиновъ покинулъ Москву для службы въ Петербургѣ, гдѣ, пользуясь своими связями, онъ могъ быстро сдѣлать карьеру. Но не о ней онъ думалъ: онъ былъ полонъ поэтическихъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ дружескаго круга, полонъ воспоминаній о нѣжной страсти, которая въ Москвѣ, кажется, скрасила его прощальные дни. Разставаясь съ товарищами, онъ рѣшилъ усердно работать въ любимой области „философическаго“ умозрѣнія, чтобы поддержать хоть издалека своихъ друзей, которые тогда приступали къ изданію философскаго журнала.

Въ Петербургъ Веневитиновъ пріѣхалъ въ тревожные дни, слѣдовавшіе за декабрьскими событіями. Житейскій опытъ поэта обогатился сразу новыми впечатлѣніями: его по ошибкѣ арестовали, подозрѣвая въ сношеніяхъ съ декабристами. Никакихъ послѣдствій это дѣло для него, впрочемъ, не имѣло, и петербургская свѣтская жизнь съ избыткомъ стала вознаграждать его за скучные часы ареста. Онъ увлекся ею, и зиму 1826—27 года прожилъ очень весело, но успѣлъ въ промежуткѣ между веселыми бесѣдами и танцами написать нѣсколько истинно-художественныхъ стихотвореній и двѣ-три умныхъ статьи. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1827 года, на одномъ балу, онъ случайно простудился: здоровья былъ онъ слабаго и простуды, осложнившейся воспаленіемъ легкихъ, онъ не перенесъ.

Въ такой краткій промежутокъ времени, отдѣляющій дѣтство отъ смерти, что̀ могъ создать поэтъ? Отъ Веневитинова остался небольшой сборникъ стиховъ, но въ этомъ сборникѣ есть нѣсколько очень цѣнныхъ страницъ и всѣ онѣ посвящены искусству, красотѣ и поэту. Только въ этихъ стихотвореніяхъ Веневитиновъ и былъ оригиналенъ, замыкая философскую мысль въ стихотворныя рамки,—на что̀ до него никто изъ нашихъ лириковъ не рѣшался.

Лирическое стихотвореніе, проникнутое чувствомъ преклоненія передъ великой тайной искусства и таинственной миссіей поэта, было излюбленной формой творчества Веневитинова *). Для себя онъ не желалъ лучшей участи, какъ быть служителемъ святой поэзіи и хранителемъ огня возвышенныхъ страстей. Обращаясь къ своему генію, онъ говорилъ:

Души невидимый хранитель!
Услышь моленіе мое:
Благослови мою обитель
И стражемъ стань у вратъ ея,
Да черезъ мой порогъ смиренный
Не прешагнетъ, какъ тать ночной,

---

*) Поэтъ слагалъ иногда стихи въ ходячемъ сентиментальномъ стилѣ, работалъ надъ историческими поэмами на вольнолюбивыя темы, иногда поддѣлывался подъ тонъ «беззаботныхъ» пѣвцовъ и увѣрялъ, что самый счастливый человѣкъ на свѣтѣ—питомецъ забавы и лѣни, но во всѣхъ этихъ навѣянныхъ стихахъ онъ былъ неоригиналенъ и особой красотой такіе стихи не блистали. Веневитиновъ одно время былъ также очень увлеченъ Байрономъ, задумалъ написать поэму изъ его жизни, сочинялъ элегіи на мотивы разочарованія и одиночества,—но и въ этихъ стихахъ онъ не поднялся выше общелитературнаго ординара. Исключеніе составляетъ лишь стихотвореніе «Жизнь», одно изъ самыхъ граціозныхъ русскихъ стихотвореній байроническаго типа, стихотвореніе какъ бы предвѣщающее лермонтовскіе мотивы:

Сначала жизнь плѣняетъ насъ:
Въ ней все тепло, все сердце грѣетъ,
И, какъ заманчивый разсказъ,
Нашъ умъ причудливый лелѣетъ,
Кой-что страшитъ издалека—
Но въ этомъ страхѣ наслажденье:
Онъ веселитъ воображенье
Какъ о волшебномъ приключеньѣ
Ночная повѣсть старика.
Но кончится обманъ игривый!
Мы привыкаемъ къ чудесамъ:
Потомъ—на все глядимъ лѣниво,
Потомъ—и жизнь постыла намъ.
Ея загадки и завязка
Уже длинна, стара, скучна,
Какъ пересказанная сказка
Усталому предъ часомъ сна.

Ни обольститель ухищренный,
Ни лѣнь съ убитою душой,
Ни зависть съ глазомъ ядовитымъ,
Ни ложный другъ съ коварствомъ скрытымъ.
Всегда надежною броней
Пусть будетъ грудь моя одѣта,
Да не сразитъ меня стрѣлой
Измѣна мстительнаго свѣта.
Не отдавай души моей
На жертву суетнымъ желаньямъ,
Но воспитай спокойной въ ней
Огонь возвышенныхъ страстей.
Уста мои сомкни молчаньемъ,
Всѣ чувства тайной осѣни;
Да взоръ холодный ихъ не встрѣтитъ
И лучъ тщеславья не просвѣтитъ
На незамѣченные дни.
Но въ душу влей покоя сладость,
Посѣй надежды сѣмена,
И отжени отъ сердца радость:
Она—невѣрная жена.

[«Моя молитва» 1826].

Поэтъ готовъ молчать, затаить всѣ чувства, отказаться отъ радостей, онъ готовъ на всѣ жертвоприношенія—разъ онъ созналъ себя служителемъ святой поэзіи:

О, жизнь, коварная Сирена,
Какъ сильно ты къ себѣ влечешь!
Ты изъ цвѣтовъ блестящихъ вьешь
Оковы гибельнаго плѣна.
Ты кубокъ счастья подаешь,
Ты пѣсни радости поешь;
Да въ кубкѣ счастья—лишь измѣна,
И въ пѣсняхъ радости—все ложь;
Не мучь напраснымъ искушеньемъ
Груди истерзанной моей
И не лови моихъ очей
Какимъ-то свѣтлымъ привидѣньемъ;
Тебѣ мои скупыя длани
Не принесутъ покорной дани,
И не тебѣ я обреченъ.
Твоей плѣнительной измѣной
Ты можешь въ сердцѣ поселить

Минутный огнь, раздоръ мгновенный,
Ланиты блѣдностью покрыть,
Отнять покой, безпечность, радость
И осѣнить печалью младость;
Но не отымешь ты, повѣрь,
Любви, надежды, вдохновеній!
Нѣтъ! ихъ спасетъ мой добрый геній
И не мои они теперь.
Я посвящаю ихъ отнынѣ
На вѣкъ поэзіи святой
И съ страшной клятвой и мольбой
Кладу на жертвенникъ богини.

[«Жертвоприношеніе»].

И пусть всѣ принесенныя жертвы будутъ велики, онѣ будутъ искуплены той высшей радостью, тѣмъ высшимъ блаженствомъ, какое дано человѣку въ сознаніи, что онъ поэтъ:

Спокойно дни мои цвѣли въ долинѣ жизни;
Меня лелѣяли веселіе съ мечтой;
Мнѣ міръ фантазіи былъ ясный край отчизны,
Онъ привлекалъ меня знакомой красотой,
Но рано пламень чувствъ, душевные порывы
Волшебной силою разрушили меня:
Я жизни сладостной теряю лучъ счастливый,
Лишь вспоминаніе отъ прежняго храня.
О, муза! Я позналъ твое очарованье!
Я видѣлъ полный блескъ, свирѣпость ярыхъ волнъ;
Я слышалъ трескъ громовъ и бурей завыванье:
Но что сравнить съ пѣвцомъ, когда онъ страсти полнъ?
Прости! питомецъ твой тобою погибаетъ
И, погибающій, тебя благословляетъ.

[«Сонетъ» 1825].

Вся поэзія Веневитинова есть такое благословеніе пѣвцу, гимнъ вдохновенію.

Въ преддверіи вѣчности поетъ пѣвецъ свою пѣсню любви и вѣры. Великій, чистый духъ благословилъ его этимъ даромъ пѣснопѣнія не только для міра юдоли, но для выполненія иной, болѣе великой задачи.

Поэтъ переживетъ міръ. Среди развалинъ міра его пѣсня можетъ гремѣть свободно во славу таинственнаго начала всей міровой жизни.

Къ тебѣ, о, чистый Духъ, источникъ вдохновенья,
На крыліяхъ любви несется мысль моя:
Она затеряна въ юдоли заточенья,
И все зоветъ ее въ небесные края.
Но ты облекъ себя въ завѣсу тайны вѣчной:
Напрасно силится мой духъ къ тебѣ парить.
Тебя читаю я во глубинѣ сердечной,
И мнѣ осталося надѣяться, любить.
Греми надеждою, греми любовью, лира!
Въ преддверьи вѣчности греми его хвалой.
И если-бъ рухнулъ міръ, затмился свѣтъ эѳира
И хаосъ задавилъ природу пустотой,—
Греми! Пусть сѣтуютъ среди развалинъ міра
Любовь съ надеждою и вѣрою святой!

[«Сонетъ»].

Пѣснь пѣвца беретъ свое начало въ глубинахъ чистаго предвѣчнаго Духа, и обладаніе божественнымъ даромъ— удѣлъ немногихъ:

Люби питомца вдохновенья
И гордый умъ предъ нимъ склоняй;
Но въ чистой жаждѣ наслажденья
Не каждой арфѣ слухъ ввѣряй.
Немного истинныхъ пророковъ
Съ печатью тайны на челѣ;
Съ дарами выспренныхъ уроковъ
Съ глаголомъ неба на землѣ.

[Предсмертное стихотвореніе Веневитинова].

Себя самого Веневитиновъ причислялъ къ этимъ немногимъ избраннымъ счастливцамъ и говорилъ себѣ въ утѣшеніе.

Блаженъ, кому судьба вложила
Въ уста высокій даръ рѣчей,
Кому она сердца людей
Волшебной силой покорила.
Какъ Прометей похитилъ онъ
Творящій лучъ, небесный пламень

И вкругъ себя, какъ Пигмальонъ,
Одушевляетъ хладный камень.
Немногіе сей дивный даръ
Въ удѣлъ счастливый получаютъ,
И рѣдко-рѣдко сердца жаръ
Уста послушно выражаютъ.
Но если въ душу вложена
Хоть искра страсти благородной —
Повѣрь, не даромъ въ ней она;
Не теплится она безплодно;
Не съ тѣмъ судьба ее зажгла,
Чтобъ смерти хладная зола
Ее навѣки потушила;
Нѣтъ!—что въ душевной глубинѣ,
Того не унесетъ могила;
Оно останется по мнѣ.
Души пророчества правдивы.
Я зналъ сердечные порывы,
Я былъ ихъ жертвой, я страдалъ
И на страданья не ропталъ;
Мнѣ было въ жизни утѣшенье,
Мнѣ тайный голосъ обѣщалъ,
Что не напрасное мученье
До срока растерзало грудь.
Онъ говорилъ: «Когда-нибудь
Созрѣетъ плодъ сей муки тайной,
И слово сильное случайно
Изъ груди вырвется твоей,
Уронишь ты его недаромъ;
Оно чужую грудь зажжетъ,
Въ нее какъ искра упадетъ,
А въ ней пробудится пожаромъ».
[«Утѣшеніе»].

Но всякое, тѣмъ болѣе высокое, избраніе обязываетъ. Нельзя сочетать блага земной жизни съ небесной миссіей. Самое цѣнное земное благо—сама жизнь—должна быть иногда принесена въ жертву тайнѣ общенія съ божествомъ. Но для художника смерть есть лишь возрожденіе, и не возрожденіе за гробомъ, а вторая жизнь, здѣсь, на землѣ. Надъ истинно художественной пѣснью время не властно:

Природа не для всѣхъ очей
Покровъ свой тайный подымаетъ;

Мы всѣ равно читаемъ въ ней,
А кто, читая, понимаетъ?
Лишь тотъ, кто съ юношескихъ дней
Былъ пламеннымъ жрецомъ искусства,
Кто жизни не щадилъ для чувства,
Вѣнецъ мученьями купилъ,
Надъ суетой вознесся духомъ
И сердца трепетъ жаднымъ слухомъ
Какъ вѣщій голосъ изловилъ!—
Тому, кто жребій довершилъ,
Потеря жизни не утрата—
Безъ страха міръ покинетъ онъ.
Судьба въ дарахъ своихъ богата,
И не одинъ у ней законъ;
Тому—процвѣсть съ развитой силой
И смертью жизни слѣдъ стереть,
Другому—рано умереть,
Но жить за сумрачной могилой.

[«Поэтъ и другъ»].

Но что же имѣетъ поэтъ сказать міру? Пусть онъ прислушается къ своему сердцу и тайный голосъ ему отвѣтитъ:

Я чувствую, во мнѣ горитъ
Святое пламя вдохновенья,
Но къ темной цѣли духъ паритъ...
Кто мнѣ укажетъ путь спасенья?
Я вижу, жизнь передо мной
Кипитъ какъ океанъ безбрежный,
Найду ли я утесъ надежный,
Гдѣ твердой обопрусь ногой?
Иль вѣчнаго сомнѣнья полный,
Онъ будетъ горестно глядѣть
На перемѣнчивыя волны,
Не зная, что любить, что пѣть?
«Открой глаза на всю природу,
Но дай имъ выборъ и свободу,
Твой часъ еще не наступалъ;
Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый мигъ въ ней воскрешай,
На каждый звукъ ея призывной
Отзывной пѣснью отвѣчай!
Когда-жъ минуты удивленья
Какъ сонъ туманный пролетятъ
И тайны вѣчнаго творенья
Яснѣй прочтетъ спокойный взглядъ:

Смирится гордое желанье
Обнять весь міръ въ единый мигъ,
И звуки тихихъ струнъ твоихъ
Сольются въ стройныя созданья».
Не лживъ сей голосъ прорицанья,
И струны вѣрныя мои
Съ тѣхъ поръ душѣ не измѣняли.
Пою то радость, то печали,
То пылъ страстей, то жаръ любви,
И бѣднымъ мыслямъ простодушно
Ввѣряюсь въ пламени стиховъ.
Такъ соловей въ тѣни дубровъ,
Восторгу краткому послушный,
Когда на долы ляжетъ тѣнь,
Уныло вечеръ воспѣваетъ,
А утромъ весело встрѣчаетъ
Въ румяномъ небѣ ясный день.
[«Я чувствую во мнѣ горитъ»].

Тихія струны, стройныя созданья, смиреніе гордыхъ желаній, простодушіе — все говоритъ о томъ, что истинный поэтъ не только разгадчикъ великихъ тайнъ, но и царь надъ страстями. Внѣшній міръ для него предметъ созерцанія, а не волненія; онъ не рабъ минуты, онъ принадлежитъ самому себѣ и безраздѣльно:

Смири преступныя волненья;
Не ищетъ вчужѣ утѣшенья
Душа, богатая собой.
[«Посланіе къ Рожалину» 1826].

Для людей живетъ эта богатая душа, но какъ будто бы не среди нихъ: она очень аристократична; она сторонится ото всѣхъ; всякое прикосновеніе толпы для нея почти что обида. Согрѣтая возвышенными страстями, она хочетъ казаться холодной и нѣмой.

Да и что̀ можетъ дать поэту толпа, кромѣ равнодушнаго безстрастія и оскорбленій, хотя бы и невольныхъ?

Не вѣрь, чтобъ люди разгоняли
Сердецъ возвышенныхъ печали.
Скупая дружба ихъ даритъ
Пустыя ласки, а не счастье;

Гордись, что ими ты забытъ, —
Ихъ равнодушное бсзстрастье
Тебѣ да будетъ похвалой!
Зарѣ не улыбался камень;
Такъ и сердецъ небесный пламень
Толпѣ бездушной и пустой
Всегда былъ тайной непонятной.
Встрѣчай ее съ душой булатной
И не страшись отъ слабыхъ рукъ,
Ни сильныхъ ранъ, ни тяжкихъ мукъ.
[«Посланіе къ Рожалину» 1826].

Всѣ эти мысли, въ которыхъ такъ поэтично оттѣнено одинокое положеніе поэта среди толпы, Веневитиновъ слилъ въ одномъ образѣ, удивительно красивомъ и глубокомысленномъ:

Тебѣ знакомъ ли сынъ боговъ,
Питомецъ музъ и вдохновенья?
Узналъ ли-бъ межъ земныхъ сыновъ
Ты рѣчь его, его движенья?—
Не вспыльчивъ онъ, и строгій умъ
Не блещетъ въ шумномъ разговорѣ,
Но ясный лучъ высокихъ думъ
Невольно свѣтитъ въ ясномъ взорѣ.
Пусть вкругъ него, въ чаду утѣхъ,
Бунтуетъ вѣтреная младость,—
Безумный крикъ, нескромный смѣхъ
И необузданная радость;
Все чуждо, дико для него,
На все безмолвно онъ взираетъ;
Лишь что-то рѣдко съ устъ его
Улыбку бѣглую срываетъ.
Его богиня—простота,
И тихій геній размышленья
Ему поставилъ отъ рожденья
Печать молчанья на уста;
Его мечты, его желанья,
Его боязни, ожиданья,
Все тайна въ немъ, все въ немъ молчитъ;
Въ душѣ заботливо хранитъ
Онъ неразгаданныя чувства;
Когда-жъ внезапно что-нибудь
Взволнуетъ огненную грудь,—
Душа безъ страха, безъ искусства,

Готова вылиться въ рѣчахъ
И блещетъ въ пламенныхъ очахъ.
И снова тихъ онъ, и стыдливый
Къ землѣ онъ опускаетъ взоръ,
Какъ будто-бъ слышалъ онъ укоръ
За невозвратные порывы.
О, если встрѣтишь ты его
Съ раздумьемъ на челѣ суровомъ,
Пройди безъ шума близъ него,
Не нарушай холоднымъ словомъ
Его священныхъ, тихихъ сновъ.
Взгляни съ слезой благоговѣнья,
И молви: это сынъ боговъ,
Питомецъ музъ и вдохновенья!

[«Поэтъ» 1826].

Веневитиновъ предчувствовалъ раннюю кончину и самъ сочинилъ себѣ надгробную надпись:

Мнѣ сладко вѣрить, что со мною
Не все, не все погибнетъ вдругъ,
И что̀ уста мои вѣщали—
Веселья мимолетный звукъ,
Напѣвъ задумчивой печали—
Еще напомнитъ обо мнѣ,
И сильный стихъ не разъ встревожитъ
Умъ пылкій юноши во снѣ,
И старецъ со слезой, быть можетъ,
Труды нелживые прочтетъ;—
Онъ въ нихъ души печать найдетъ
И молвитъ слово состраданья:
«Какъ я люблю его созданья!
Онъ дышетъ жаромъ красоты,
Въ немъ умъ и сердце согласились,
И мысли полныя носились
На легкихъ крыліяхъ мечты.
Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ!»

[«Поэтъ и другъ» 1826].

Если подъ словомъ „жизнь“ понимать обиліе впечатлѣній, чувствъ и мыслей, которыя человѣкъ выноситъ изъ встрѣчи съ людьми и событіями, то Веневитиновъ, конечно, жизни узнать не успѣлъ. Но если подъ знаніемъ жизни разумѣть ощущеніе ея тайны, догадку объ ея глубокомъ смыслѣ, вос-

хищеніе передъ той красотой, какая заключена въ общемъ ея обликѣ, и наконецъ сознаніе величія миссіи тѣхъ людей, которымъ дано подняться на большую высоту созерцанія ея и любованья ею, то изъ всѣхъ поэтовъ Александровской эпохи Веневитиновъ обладалъ наиболѣе глубокимъ „знаніемъ“ жизни, хотя и умеръ въ ея преддверіи. Это знаніе онъ хотѣлъ облечь въ поэтическіе образы и замкнуть въ риѳмованныя строки, и, несмотря на нѣкоторую туманность въ мысляхъ и иногда слишкомъ общій характеръ образовъ— поэтъ эту трудную задачу осилилъ.

Завоевать для лирики область тонкой философской и эстетической мысли значило открыть для изящной словесности совсѣмъ новый родникъ вдохновенія, и эта побѣда является тѣмъ болѣе знаменательной, что она была одержана въ столь ранніе годы развитія нашей литературы *).

Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ.

Совсѣмъ особое мѣсто среди поэтовъ плеяды занимаетъ Рылѣевъ. Поэтическій его даръ былъ довольно скромный, но имя его должно быть сохранено въ исторіи развитія нашей изящной словесности, такъ какъ онъ нашъ первый лирикъ, который предметомъ своей пѣсни избралъ гражданское чувство и политическую мысль. Мы встрѣчались съ попытками такой воинствующей поэзіи у Пушкина, но для него гражданскіе и политическіе мотивы были временнымъ и краткимъ увлеченіемъ, тогда какъ Рылѣевъ понималъ свое призваніе поэта именно какъ выполненіе долга гражданскаго. Онъ поэзію подчинялъ общественной мысли и желалъ будить эту мысль въ читателѣ, пользуясь поэтической формой для ея пропаганды. Такое пониманіе роли поэта въ жизни

*) Число приведенныхъ стихотвореній Веневитинова слѣдуетъ дополнить слѣдующими: «К. И. Герке», «Посланіе къ Рожалину», Элегія: «Волшебница! Какъ сладко пѣла ты», «Три розы», «Къ Пушкину», «Крылья жизни», «Къ моему перстню», «Завѣщаніе», «Поэтъ и другъ».

было тогда большой рѣдкостью и свидѣтельствовало объ исключительномъ темпераментѣ. Нужно замѣтить, однако, что политическая тенденція проведена была Рылѣевымъ въ его стихахъ безъ ущерба для относительной красоты рѣчи и образовъ. Онъ былъ всетаки поэтъ, а не публицистъ, умѣющій нанизывать риѳмы, и современники цѣнили въ немъ и гражданина, и поэта; онъ кромѣ того былъ записной литераторъ, страстный любитель писательскаго дѣла и пробовалъ свои силы въ разныхъ его областяхъ, какъ поэтъ, критикъ, публицистъ и издатель.

Родился Рылѣевъ въ 1797 году и воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ въ Петербургѣ. Какъ офицеръ онъ принималъ участіе въ войнѣ съ Наполеономъ [послѣ 1812 года] и успѣлъ дважды побывать за границей. Заграничная жизнь и довольно усидчивое чтеніе французскихъ книгъ той эпохи повліяли на образъ его мыслей и на его сентиментальную душу.

Возвратясь послѣ войны въ Россію, Рылѣевъ женился, вышелъ въ отставку и изъ провинціи перебрался въ столицу, гдѣ поступилъ на частную службу. Въ Петербургѣ у него завязались обширныя связи со всѣми выдающимися литераторами, и онъ всецѣло отдался писательской дѣятельности. Здѣсь же постепенно сталъ онъ входить и въ кругъ тѣхъ идей, которыя привели къ образованію тайнаго политическаго общества, поставившаго себѣ цѣлью измѣненіе государственнаго порядка въ Россіи. Общество это пріобрѣло въ Рылѣевѣ ревностнѣйшаго сторонника и усерднаго работника. Онъ участвовалъ въ выработкѣ проектовъ новой организаціи государственнаго строя, занимался пропагандой среди солдатъ, былъ самымъ краснорѣчивымъ и восторженнымъ ораторомъ на собраніяхъ и въ день возстанія 14-го декабря стоялъ на площади въ первыхъ рядахъ возставшихъ. Судъ призналъ въ немъ одного изъ самыхъ опасныхъ агитаторовъ и приговорилъ его къ смертной казни. Приговоръ былъ исполненъ.

Въ подготовкѣ заговора и въ его выполненіи Рылѣевъ обнаружилъ большой пылъ душевный и горячую мечту, но слабое знаніе историческихъ условій нашей жизни. Онъ смотрѣлъ на суровую дѣйствительность какъ восторженный лирикъ и въ вопросахъ политическихъ былъ больше поэтъ, чѣмъ мыслитель и разсчетливый дѣятель. И эту черту ума и характера раздѣляли съ нимъ почти всѣ его единомышленники по тайному обществу.

Какъ поэтъ онъ составилъ себѣ извѣстность, главнымъ образомъ, своими историческими „Думами" [1824]. Это былъ стихотворный сборникъ историческихъ картинъ, взятыхъ изъ русской старины. Картины были подобраны съ опредѣленной тенденціей. Автору хотѣлось преподать хорошій урокъ гражданской нравственности. Для этого онъ выбралъ нѣсколько драматическихъ эпизодовъ, говорящихъ о мудрости, милосердіи и справедливости правителей, а также объ ихъ порокахъ и уклоненіяхъ отъ долга нравственнаго; рядомъ съ правителями поставилъ онъ и ихъ подданныхъ, и на разныхъ примѣрахъ показывалъ, какъ подданные должны понимать свой долгъ передъ правителемъ и народомъ. Въ политическомъ смыслѣ „Думы" Рылѣева были очень сдержаны и очень патріотичны. Любовь къ Россіи, ея военной славѣ, ея прошлому, вѣра въ ея великое будущее, восторгъ передъ образцами чести, ума и храбрости, которое обнаруживали ея истинные сыны—вотъ что возбуждало въ поэтѣ наибольшій подъемъ чувства и выражалось иногда въ красивыхъ формахъ. Любовь къ родинѣ была, конечно, тѣсно связана съ прославленіемъ ея свободы.

Художественное выполненіе „Думъ" было въ общемъ слабо; стихи были растянуты, и у Рылѣева часто не хватало силы фантазіи и силы рѣчи для художественной передачи тѣхъ драматическихъ моментовъ, о которыхъ онъ говорилъ.

Но эти недостатки искупались тѣмъ, что искренность гражданскихъ чувствъ поэта передавалась читателю.

На ряду съ „Думами“ большимъ успѣхомъ пользовалась и поэма „Войнаровскій“. Любовь Рылѣева къ свободѣ рано направила его вниманіе на малорусскую старину, и страницы старой казацкой вольницы были дороги его сердцу.

Героемъ своей поэмы Рылѣевъ избралъ Андрея Войнаровскаго, родного племянника Мазепы и участника тайныхъ замысловъ знаменитаго гетмана. Этотъ Войнаровскій самъ добровольно отдался въ руки Петра; заступничество императрицы спасло его отъ казни и онъ былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ и умеръ. Исторію послѣднихъ дней его жизни пожелалъ разсказать Рылѣевъ въ своей поэмѣ. Это была печальная исторія политическаго ссыльнаго, влачащаго одиноко свои безцвѣтные дни среди угрюмой сибирской природы, исторія медленнаго увяданія нѣкогда кипучаго сердца и вмѣстѣ съ тѣмъ повѣсть о быломъ, о годахъ счастливой и славной жизни на вольной Украинѣ.

Въ „Войнаровскомъ“ политическая нота звучитъ яснѣе, чѣмъ въ „Думахъ“, хотя наибольшую художественную цѣнность имѣетъ всетаки описательная часть поэмы, — цѣлый рядъ очень красочныхъ сибирскихъ пейзажей.

Въ обрисовкѣ личности самого Войнаровскаго ясно проступаютъ излюбленныя „романтическія“ черты героя того времени. Характерное и новое въ этомъ типѣ, это — сочетаніе романтической тревоги не съ обычными любовными мотивами и малопонятнымъ разочарованіемъ, а съ чувствомъ патріотическимъ и гражданскимъ.

Ты видишь—дикъ я и угрюмъ

говоритъ Войнаровскій:

Брожу какъ остовъ—очи впали,
И на челѣ бразды печали,
Какъ отпечатокъ тяжкихъ думъ,
Страдальцу видъ суровый дали.
Между лѣсовъ и грозныхъ скалъ,
Какъ вѣчный узникъ, безотраденъ
Я одряхлѣлъ, я одичалъ,

И, какъ климатъ Сибирскій, сталъ
Въ своей душѣ жестокъ и хладенъ.
Ничто меня не веселитъ,
Любовь и дружество мнѣ чужды,
Печаль свинцомъ въ душѣ лежитъ,
Ни до чего нѣтъ сердцу нужды.
Бѣгу, какъ недругъ, отъ людей;
Я не могу снести ихъ вида:
Ихъ жалость о судьбѣ моей —
Мнѣ нестерпимая обида.
Кто брошенъ въ дальные снѣга
За дѣло чести и отчизны,
Тому сноснѣе укоризны,
Чѣмъ сожалѣніе врага...
Но зналъ и я когда-то радость
И отъ души людей любилъ,
И полной чашею испилъ
Любви и тихой дружбы сладость.
Среди родной моей земли
На лонѣ счастья и свободы
Мои младенческіе годы
Ручьемъ игривымъ протекли;
Какъ легкій сонъ, какъ привидѣнье,
За ними радость на мгновенье,
А вмѣстѣ съ нею суеты,
Война, любовь, печаль, волненье
И пылкой юности мечты...

Историческія темы давали, однако, мало простора для гражданскаго чувства. Лирическая пѣсня была болѣе удобна для выраженія того боевого настроенія, которое съ каждымъ годомъ повышалось въ сердцѣ Рылѣева. Еще въ 1820 году онъ въ первый разъ — и довольно удачно — выступилъ въ роли политическаго памфлетиста. Онъ написалъ тогда оду „Къ временщику" [Поэтъ мѣтилъ въ Аракчеева].

Припомнимъ нѣсколько строфъ изъ этой знаменитой оды, чтобы имѣть представленіе о рѣзкости, до какой могла при случаѣ подняться сатирическая рѣчь тѣхъ годовъ:

Надменный временщикъ, и подлый и коварный
Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,
Неистовый тиранъ родной страны своей,
Взнесенный въ важный санъ пронырствами злодѣй!

Ты на меня взирать съ презрѣніемъ дерзаешь
И въ грозномъ взорѣ мнѣ свой ярый гнѣвъ являешь.
Твоимъ вниманіемъ не дорожу, подлецъ!
Изъ устъ твоихъ хула—достойныхъ хвалъ вѣнецъ!
Тиранъ, вострепещи! Родиться можетъ онъ —
Иль Кассій, или Брутъ, иль врагъ царей Катонъ!
О, какъ на лирѣ я потщусь того прославить,
Отечество мое кто отъ тебя избавитъ...
Твои дѣла тебя изобличатъ народу;
Познаетъ онъ, что ты стѣснилъ его свободу,
Налогомъ тягостнымъ довелъ до нищеты,
Селенія лишилъ ихъ прежней красоты...
Тогда вострепещи, о, временщикъ надменный!
Народъ тиранствами ужасенъ разъяренный.
Но если злобный рокъ, злодѣя полюбя,
Отъ справедливой мзды и сохранитъ тебя,
Все трепещи, тиранъ! За зло и вѣроломство
Тебѣ свой приговоръ произнесетъ потомство!

Съ литературной стороны сатиру нельзя признать удачной: прозаическіе архаизмы, условныя метафоры, деревянный стихъ относятъ ее изъ XIX вѣка въ вѣкъ XVIII-ый. Но она очень зла и въ ней замѣтенъ несомнѣнно сильный порывъ лирическаго чувства.

Оставляя въ покоѣ опредѣленныхъ лицъ, поэтъ сталъ выступать съ политическими и гражданскими пѣснями отъ своего лица, отражая въ нихъ все повышавшееся въ его душѣ боевое настроеніе. Эти пѣсни, изъ которыхъ немногія были тогда напечатаны,—лучшее, что́ написано Рылѣевымъ, и необходимое добавленіе ко всѣмъ лирическимъ пѣснямъ его времени.

Поэтъ началъ сосредоточиваться на одной опредѣленной темѣ, на мысли о гражданскомъ служеніи поэта и поэзіи вообще.

Такая основная тенденція требовала смѣлаго и ободряющаго тона. Случалось, что въ подражаніе Байрону поэтъ писалъ:

Не сбылись, мой другъ, пророчества
Пылкой юности моей:
Горькій жребій одиночества
Мнѣ сужденъ въ кругу людей!

Слишкомъ рано мракъ таинственный
Опытъ грозный разогналъ,
Слишкомъ рано, другъ единственный,
Я сердца людей узналъ.
Страшно дней не вѣдать радостныхъ,
Быть чужимъ среди своихъ;
Но ужаснѣй—истинъ тягостныхъ
Быть сосудомъ съ дней младыхъ.
Съ тяжкой грустью, съ черной думою
Я съ тѣхъ поръ одинъ брожу
И могилою угрюмою
Міръ печальный нахожу.
Всюду встрѣчи безотрадныя!
Ищешь, суетный, людей;
А встрѣчаешь трупы хладные
Иль безсмысленныхъ дѣтей...
[«Стансы», 1825].

Но это лишь минутное колебаніе. Въ общемъ Рылѣевъ врагъ минорнаго, ноющаго мотива. Бодрое негодованіе—вотъ основное настроеніе всей его лирики. Сначала въ его пѣсняхъ замѣтна лишь общая морально-общественная тенденція; но скоро въ поэтѣ созрѣваетъ твердое убѣжденіе, что его муза не должна служить ничему иному, какъ только общественному благу:

Моя душа до гроба сохранитъ
Высокихъ думъ кипящую отвагу;
Мой другъ! не даромъ въ юношѣ горитъ
Любовь къ общественному благу!
Въ чью грудь порой тѣснится цѣлый свѣтъ,
Кого съ земли восторгъ души уноситъ,
На зло врагамъ,—тотъ завсегда поэтъ,
Тотъ славы требуетъ, не проситъ.
[«А. А. Бестужеву» 1821].

Гражданское чувство становится все ревнивѣе: оно не терпитъ въ своемъ сосѣдствѣ другихъ чувствъ, иногда самыхъ законныхъ. Любовь къ женѣ—и та должна быть подавлена:

Я не хочу любви твоей,
Я не могу ее присвоить,
Я отвѣчать не въ силахъ ей,
Моя душа твоей не стоитъ

Полна душа твоя всегда
Однихъ прекрасныхъ ощущеній;
Ты бурныхъ чувствъ моихъ чужда,
Чужда моихъ суровыхъ мнѣній.
Прощаешь ты врагамъ своимъ,
Я незнакомъ съ симъ чувствомъ нѣжнымъ
И оскорбителямъ моимъ
Плачу отмщеньемъ неизбѣжнымъ.
Лишь временно кажусь я слабъ;
Движеніемъ души владѣю,
Не христіанинъ и не рабъ,
Прощать обидъ я не умѣю.
Мнѣ не любовь теперь нужна:
Занятья нужны мнѣ иныя —
Отрадна мнѣ одна война,
Однѣ тревоги боевыя.
Любовь никакъ нейдетъ на умъ.
Увы! моя отчизна страждетъ:
Душа въ волненьи тяжкихъ думъ
Теперь одной свободы жаждетъ.

Большой красоты выраженія достигаетъ это чувство гражданина въ стихотвореніи „Видѣнье“, которое было написано Рылѣевымъ какъ поздравленіе великому князю Александру Николаевичу со днемъ его ангела. Стихотвореніе оказалось пророческимъ.

Устами Екатерины II поэтъ говорилъ Великому Князю:

Я зрю, твой духъ пылаетъ бранью,
Ты любишь громкія дѣла.
Но для полуночной державы
Довольно лавровъ и побѣдъ;
Довольно громозвучной славы
Протекшихъ, незабвенныхъ лѣтъ.
Военныхъ подвиговъ година
Грозою шумной протекла;
Твой вѣкъ иная ждетъ судьбина,
Иныя ждутъ тебя дѣла.
Затмится сводъ небесъ лазурныхъ
Непроницаемою мглой;
Настанетъ вѣкъ бореній бурныхъ
Неправды съ правдою святой.
Духъ необузданной свободы
Уже возсталъ противъ властей:

Смотри—въ волненіи народы;
Смотри—въ движеньи сонмъ царей
Быть можетъ, отрокъ мой, корона
Тебѣ назначена Творцомъ:
Люби народъ, чти власть закона,
Учись заранѣ быть царемъ,
Твой долгъ благотворить народу,
Его любви въ дѣлахъ искать,
Не блескъ пустой и не породу,
А дарованья возвышать.
Дай просвѣщенные уставы
Въ обширныхъ сѣверныхъ странахъ.
Науками очисти нравы
И вѣру укрѣпи въ сердцахъ.
Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства духъ неблагородный —
Неправосудье истреби.
Будь блага подданныхъ ревнитель:
Оно есть первый долгъ царей;
Будь просвѣщенья покровитель:
Оно надежный другъ властей,
Старайся духъ постигнуть вѣка
Узнать потребность русскихъ странъ;
Будь человѣкъ для человѣка,
Будь гражданинъ для согражданъ.
Будь Антониномъ на престолѣ,
Въ чертогахъ мудрость водвори —
И ты себя прославишь болѣ,
Чѣмъ всѣ герои и цари.

[«Видѣніе» 1823].

Мирный, хоть и свободолюбивый, тонъ стихотвореній Рылѣева продержался вплоть до 1825 года, когда, вмѣстѣ съ общимъ повышеніемъ политическихъ страстей среди близкихъ ему лицъ, и въ немъ повысились страсти. Какъ на образецъ гражданской пѣсни, переходящей уже въ открытое политическое воззваніе, можно указать на стихотвореніе „Гражданинъ“:

Я-ль буду въ роковое время
Позорить гражданина санъ,
И подражать тебѣ, изнѣженное племя
Переродившихся славянъ?

Нѣтъ, неспособенъ я въ объятьяхъ сладострастья
Въ постыдной праздности влачить свой вѣкъ младой
И изнывать кипящею душой
Подъ тяжкимъ игомъ самовластья.
Пусть юноши, не разгадавъ судьбы,
Постигнуть не хотятъ предназначенья вѣка
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человѣка.
Пусть съ хладнокровіемъ бросаютъ хладный взоръ
На бѣдствія страдающей отчизны
И не читаютъ въ нихъ грядущій свой позоръ
И справедливыя потомковъ укоризны.
Они раскаются, когда народъ, возставъ,
Застанетъ ихъ въ объятьяхъ праздной нѣги,
И въ бурномъ мятежѣ ища свободныхъ правъ,
Въ нихъ не найдетъ ни Брута, ни Ріэги.
[«Гражданинъ» 1825].

Такова была наша первая политическая пѣсня, которая помимо достоинствъ общественныхъ, несомнѣнно, имѣла свои заслуги передъ изящной словесностью какъ первый образецъ художественнаго выраженія еще совсѣмъ новаго, только-что народившагося чувства *).

Лирическая пѣсня Александровскаго царствованія, какъ мы видѣли, была представлена въ очень цѣнныхъ образцахъ. Художникъ любилъ лирическую форму творчества и, скажемъ больше, онъ любилъ почти исключительно ее одну; даже тогда, когда онъ задавался цѣлью написать поэму

*) Кромѣ перечисленныхъ, изъ стихотвореній Рылѣева, какъ наиболѣе удачныя по формѣ, нужно отмѣтить:—«Думы», «Дмитрій Донской», «Курбскій», «Борисъ Годуновъ», «Артемонъ Матвѣевъ», «Сусанинъ», «Яковъ Долгорукій», «Волынскій» и «Державинъ»; Лирическія стихотворенія — «Какъ счастливъ я, когда ты понимаешь», «Къ К...» 1820, «Къ Ѳ. Н. Глинкѣ» 1822, «Гражданское мужество» 1823, «Мнѣ тошно здѣсь какъ на чужбинѣ» 1826, «О, милый другъ, какъ внятенъ голосъ твой» 1826.

Наибольшую художественную стоимость имѣетъ поэма «Войнаровскій» и нѣкоторые отрывки изъ неоконченныхъ поэмъ, какъ напр. партизанская пѣсня изъ «Партизанъ», пѣсня сторонниковъ Мазепы изъ «Мазепы» и въ особенности исповѣдь Наливайки изъ поэмы «Наливайко».

или драму, онъ волей-неволей придавалъ своему созданію очень субъективный лирическій характеръ. Такое обиліе лирическаго настроенія въ литературѣ, конечно, не случайность. Слишкомъ еще было юно искусство, и художникъ имѣлъ въ прошломъ слишкомъ еще мало опыта, чтобы, какъ поэтъ, быть хозяиномъ окружавшей его дѣйствительности. Многое въ этой дѣйствительности онъ не признавалъ годнымъ для художественной обработки; на многое просто не обращалъ вниманія. Его интересъ былъ направленъ преимущественно на самого себя; среди всѣхъ голосовъ жизни, которые вокругъ него раздавались, его собственный былъ ему всего слышнѣе, и обо всѣхъ „впечатлѣніяхъ бытія", которыя, дѣйствительно, ему тогда были новы, онъ спѣшилъ высказать свое личное мнѣніе. Это мнѣніе повиновалось очень часто минутѣ и было не столько мнѣніемъ и сужденіемъ, основаннымъ на достаточномъ знакомствѣ съ фактами, сколько настроеніемъ. Запасъ наблюденій былъ еще очень малъ, художникъ очень юнъ душой, и эта юность, конечно, находила себѣ удовлетвореніе прежде всего въ рѣзкомъ подчеркиваніи своего „я".

Сатира.

Какъ на одну изъ отличительныхъ чертъ нашей изящной словесности часто указываютъ на ея неизмѣнное стремленіе—судить, бичевать и обличать. Въ этомъ иногда видятъ особую нашу чуткость къ нравственнымъ и общественнымъ вопросамъ. Составляетъ ли сатира отличительную черту именно русской литературы — объ этомъ можно спорить, такъ какъ сатира блистательно представлена во всѣхъ литературахъ міра, но что въ нашей словесности такое отрицательное и обличительное отношеніе къ жизни стало сказываться очень рано и во всѣ періоды развитія нашего художественнаго слова не прерывалось, это — вѣрно. Начиная съ эпохи Петра Великаго [конечно, и раньше] нашъ писатель все обличалъ и негодовалъ на людскіе пороки и на всевозможные изъяны общественной жизни. Много ли отъ этого выигрывала сама жизнь—это иной вопросъ, но писатель, безспорно, имѣлъ большую склонность къ выговорамъ и проповѣдямъ.

Въ XVIII вѣкѣ въ рядахъ нашей литературы стояло много сатириковъ, которые неукоснительно обличали, пользуясь для своихъ проповѣдей самыми разнообразными литературными формами посланія, эпиграммы, басни, комическаго эпоса, комедіи и бытовыхъ сценокъ въ стихахъ и прозѣ. Безспорно, что въ нѣкоторыхъ изъ сатириковъ того времени нравственное и общественное чувство было очень

сильно, какъ напр., въ фонъ-Визинѣ, въ Новиковѣ и Радищевѣ. Но неужели всѣхъ писавшихъ сатиры надо зачислить въ разрядъ истинныхъ Катоновъ, съ широко развитымъ чувствомъ общественности?

Сатира въ одно и то же время весьма легкій и весьма трудный родъ творчества. Отрицательные типы создавать легче, чѣмъ положительные или чѣмъ такіе, въ которыхъ—какъ это всегда въ жизни бываетъ—темныя краски смѣшаны со свѣтлыми. Для начинающаго, неопытнаго художника всякое преувеличеніе въ ту или другую сторону представляетъ много удобствъ, и въ особенности заманчиво преувеличеніе въ дурную сторону, такъ какъ эта сторона отъ положительной стороны въ человѣкѣ отличается бо̀льшимъ колоритомъ, бо̀льшимъ драматическимъ движеніемъ, несравненно бо̀льшей дозой страсти, и къ тому же подмѣчается въ людяхъ легче, чѣмъ ихъ достоинства или простая ординарность.

Обличеніе и сатира даютъ писателю, кромѣ того, извѣстное нравственное самоудовлетвореніе. Всетаки онъ является своего рода насадителемъ добра и морали, а къ такой похвалѣ весьма многіе писатели бываютъ неравнодушны, въ особенности тѣ, въ которыхъ съ недостаточной силой развито эстетическое чувство.

Когда съ этой точки зрѣнія оцѣниваешь развитіе нашей сатирической литературы въ XVIII вѣкѣ, когда считаешься съ малымъ опытомъ писателя, съ его убѣжденіемъ въ томъ, что искусство призвано служить добру и насажденію добрыхъ нравовъ; когда, наконецъ, вспомнишь, что въ XVIII вѣкѣ у насъ не было ни одного настоящаго сильнаго художника слова, — тогда становится понятнымъ чрезвычайно быстрое размноженіе сатиры во всѣхъ ея видахъ именно въ тѣ годы. Но подходитъ ли эта сатира XVIII вѣка подъ понятіе художественнаго произведенія?

Дать живое сатирическое изображеніе человѣка или быта — съ соблюденіемъ художественной правды, — задача очень трудная, которая по плечу только истинному худож-

нику. Нужно, чтобы передъ нами были не пороки и слабости человѣческіе, а сами люди съ пороками и слабостями, но не профильтрованными, а естественными, которые всегда смѣшаны въ жизни съ дозою иныхъ качествъ. Нужно, чтобы люди дѣйствовали передъ нами не преднамѣренно, не съ цѣлью показать себя съ той или другой стороны, а дѣйствовали естественно, какъ въ самой жизни, и при этомъ все-таки необходимо, чтобы смѣшныя и порочныя стороны ихъ характера, ума, настроенія проступали со всею яркостью наружу. Не нужно никакого излишества сатирическаго ни въ рѣчахъ, ни въ положеніяхъ дѣйствующихъ лицъ и, конечно, самое главное, — художникъ долженъ затеряться въ толпѣ своихъ героевъ, чтобы читатель никогда не видѣлъ и не чувствовалъ посредника между собой и лицами, которыя передъ нимъ выступаютъ. Наша сатира XVIII вѣка этимъ требованіямъ не удовлетворяла, даже въ лицѣ самыхъ сильныхъ своихъ представителей.

Писались все больше сатиры общаго характера, т.-е. извѣстныя дурныя стороны человѣка облекались въ условные типы и предавались осмѣянію. Такой типъ могъ быть очерченъ иногда очень рѣзко, рѣчь сатиры могла быть очень остра, но это было опять-таки лирическое изліяніе автора, но не картинка жизни. Въ XVIII вѣкѣ было нѣсколько писателей, которые пытались подняться надъ такой формой сатиры общаго типа. Это были очень талантливые люди, съ зоркимъ глазомъ и острой рѣчью, но и они не были настоящими художниками. Такъ фонъ-Визинъ въ свои дидактическія комедіи вставилъ нѣсколько очень живыхъ сценъ и вывелъ въ нихъ типичныхъ представителей всевозможныхъ уродствъ человѣческаго ума и характера, назвавъ ихъ именами, которыя сразу указывали въ какой порокъ писатель мѣтилъ. Фонъ-Визинъ, конечно, изобразилъ правдиво эти пороки, но онъ ихъ слишкомъ обобщилъ, и за отдѣльными качествами души и ума его героевъ исчезали сами люди. Наконецъ, и собраніе въ одной комнатѣ всѣхъ

этихъ оригиналовъ грѣшило противъ житейской правды. Такъ же, какъ фонъ-Визинъ, поступилъ и Капнистъ въ своей извѣстной комедіи „Ябеда“. И здѣсь вся сцена была занята пороками и на авансценѣ находился самъ авторъ со своей указкой.

Много довольно яркихъ бытовыхъ сценъ найдемъ мы въ журнальныхъ статьяхъ Новикова; эти статьи имѣютъ большое значеніе въ исторіи развитія нашей общественной мысли, но какъ художественная сатира, онѣ — слабы, да и самъ авторъ, прирожденный публицистъ, не особенно гнался за художественностью, а былъ занятъ почти исключительно выясненіемъ общественной стороны того вопроса, котораго онъ касался. Для него общественная мораль, вытекавшая изъ его писаній, стояла на первомъ планѣ, а декораціей служили люди, ихъ характеры, рѣчи и жизнь. По этой же дорогѣ шелъ и самый крупный изъ нашихъ публицистовъ XVIII вѣка Радищевъ. Онъ былъ настоящій политическій мыслитель, великій гуманистъ, страшно смѣлый и прямолинейно честный, но эстетическая сторона его обличенія мало его заботила. Онъ писалъ языкомъ очень тяжелымъ и некрасивымъ тогда, когда этотъ языкъ началъ пріобрѣтать уже довольно изящную форму. Онъ бросалъ на страницы своей записной книги штрихи, эскизы, очерки, силуэты, нисколько не заботясь объ ихъ группировкѣ и отдѣлкѣ. Ему это, впрочемъ, и не было нужно. Совсѣмъ иную цѣль онъ преслѣдовалъ,—и его „Путешествіе“ осталось однимъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ и сильныхъ по своему вліянію памятниковъ нашей гражданской и политической мысли. Какъ памятникъ литературный, оно цѣнно лишь нѣсколькими страницами, на которыхъ даны ультрареальныя картинки изъ народнаго быта.

Съ наступленіемъ царствованія императора Александра Павловича можно было надѣяться, что сатирическое направленіе въ литературѣ начнетъ крѣпнуть. Реформы, съ которыхъ царь началъ свою дѣятельность, либеральный образъ

мыслей, вошедшій тогда въ моду у начальства, дѣйствительно искренняя жажда добра и совершенствованія, охватившая многіе слои нашего интеллигентнаго общества,—все какъ будто указывало на то, что отрицательное, обличительное направленіе въ литературѣ разовьется и что художникъ съ бо̀льшей смѣлостью и свободой начнетъ выполнять благодарную роль сатирика.

Нельзя сказать, чтобы сатира ослабѣла въ это царствованіе сравнительно съ сатирой Екатерининскаго времени. Сатиръ, комедій, посланій, эпиграммъ, басенъ писалось не меньше, если не больше. Въ одной области, въ области политической мысли и въ сферѣ боевого политическаго настроенія замѣчался даже рѣшительный приростъ темперамента и яркой смѣлой рѣчи. Но надежды на расцвѣтъ художественной сатиры, вполнѣ законныя при томъ направленіи, какое принимала жизнь, не оправдались въ той мѣрѣ, какъ на это можно было расчитывать.

Быть можетъ, сентиментальное настроеніе съ его оптимизмомъ и добродушіемъ, съ его вѣрой въ царя небеснаго и земного, съ его довѣріемъ къ человѣку вообще мало способствовало сатирическому и саркастическому отношенію къ жизни. По крайней мѣрѣ всѣ истинные, наиболѣе убѣжденные проводники этого направленія были весьма снисходительными и ласковыми сатириками... Тѣ же изъ нашихъ тогдашнихъ писателей, которые умѣли сердиться и обличать, крайне рѣдко позволяли себѣ проявлять этотъ сатирическій гнѣвъ въ литературѣ.

Пушкина сатира соблазняла, но на весьма короткій срокъ. Рылѣевъ могъ стать хорошимъ сатирикомъ, но онъ предпочиталъ лирическую пѣсню на гражданскій и политическій мотивъ. Князь Вяземскій—человѣкъ съ несомнѣннымъ сатирическимъ темпераментомъ и талантомъ—не шелъ въ своихъ стихахъ дальше граціозной шутки. Одинъ только Грибоѣдовъ продолжалъ упорно работать надъ своей комедіей, да Крыловъ, полководецъ цѣлой арміи баснописцевъ,

тихо и лѣниво писалъ свои басни. Дѣятельность остальныхъ сатириковъ укладывается въ очень скромныя рамки. Нападали они все больше на самые ординарные недостатки человѣка, и притомъ недостатки самаго общаго типа, общіе всѣмъ людямъ. Много они тратили времени на обличеніе бездарныхъ писакъ, показныхъ сторонъ свѣтской жизни, грубостей жизни не свѣтской, но всѣ эти обличенія писались въ большинствѣ случаевъ по античнымъ и французскимъ образцамъ и не давали ничего самобытнаго въ своей формѣ. Если же форма была самобытна, то она была очень не совершенна и литературно необтесана. Народнаго и бытового въ этой сатирѣ было мало.

Къ числу такихъ сатириковъ надо отнести И. Дмитріева и Марина,—въ тѣ годы достаточно прославляемыхъ.

Самой распространенной формой сатиры была тогда басня. Ею издавна пользовались, и безымянный народъ, и писатели для моральнаго наставленія, и она, дѣйствительно, представляла много удобствъ. Литературная форма ея была давнымъ давно отлита и въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ переходила по наслѣдству отъ одного народа къ другому; она не требовала детальнаго или новаго развитія характеровъ, такъ какъ всѣ звѣриные типы, подогнанные подъ человѣческіе, были также заранѣе готовы, и за ними издавна признанъ опредѣленный смыслъ. Наконецъ, басня представляла писателю много свободы въ обращеніи съ лицомъ или явленіемъ, въ которое онъ мѣтилъ; онъ могъ рисовать портреты, не подставляя себя подъ обвиненіе въ прямомъ намекѣ. Но съ другой стороны, конечно, басня, какъ литературная форма, была очень однообразна. Нужно было обладать большимъ талантомъ, чтобы втѣснить въ эту традиціонную форму широкое содержаніе, и, главнымъ образомъ, бытовое содержаніе, т.-е. такое, которое передавало бы не только общія сентенціи, но сохраняло бы черты быта того народа, къ которому эта сентенція прилагалась.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ эту трудную задачу выполнилъ. Онъ былъ уже немолодымъ человѣкомъ, когда, наконецъ, всю силу своего дарованія сосредоточилъ на баснѣ, къ которой раньше прибѣгалъ только изрѣдка.

Крыловъ принадлежитъ собственно къ числу литераторовъ Екатерининскаго времени, когда онъ выступалъ какъ журналистъ, какъ авторъ бытовыхъ сатирическихъ сценокъ, комедій и какъ сочинитель не малаго числа стихотвореній. Художникомъ онъ явился, однако, лишь какъ баснописецъ.

Родился Крыловъ въ 1768 году. Дѣтство его протекло при самыхъ бурныхъ и тяжелыхъ условіяхъ Пугачевскаго бунта, въ усмиреніи котораго его отецъ принималъ участіе. Юношей поступилъ онъ въ Твери на службу и, кажется, очень бѣдствовалъ. Здѣсь, по свидѣтельству одного лично его знавшаго человѣка, „онъ съ особеннымъ удовольствіемъ посѣщалъ народныя сборища, торговыя площади, качели и кулачные бои, гдѣ толкался между пестрою толпою. Нерѣдко сиживалъ онъ по цѣлымъ часамъ на берегу Волги, противъ плотомоекъ и затѣмъ разсказывалъ товарищамъ забавные анекдоты и поговорки, которые уловилъ изъ устъ словоохотливыхъ прачекъ, сходившихся на рѣку съ разныхъ концовъ города, изъ дома богатаго и бѣднаго“. Въ 1782 году мы встрѣчаемъ Крылова въ Петербургѣ, гдѣ онъ опять на службѣ, но, кажется, всего чаще въ театрѣ. Большой театралъ, онъ самъ начинаетъ писать трагедіи и комедіи, но славы онѣ ему не приносятъ. Службу онъ скоро бросаетъ и становится вольнымъ литераторомъ. Онъ принимаетъ участіе во многихъ сатирическихъ журналахъ и наконецъ самъ становится издателемъ и редакторомъ журнала „Почта Духовъ“. Успѣха этотъ журналъ не имѣлъ, какъ и слѣдующій „Зритель“, который издавалъ Крыловъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ видныхъ артистовъ нашей сцены. Крыловъ не унывалъ и еще разъ попыталъ счастье на журнальномъ полѣ; но, наконецъ, пришлось отказаться отъ всякихъ литературныхъ предпріятій, и для Крылова наступили очень

темные дни, о которыхъ мы имѣемъ мало свѣдѣній. Онъ, кажется, странствовалъ по разнымъ городамъ и добывалъ себѣ средства къ жизни путями очень рискованными—вплоть до азартной карточной игры. Съ 1801 года онъ служилъ при военномъ губернаторѣ Прибалтійскаго края въ Ригѣ, но съ 1803 года опять начались для него годы скитанія. Они длились до 1806 г., когда мы его снова застаемъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ вращается въ литературныхъ кругахъ, ставитъ на сценѣ свои пьесы и продолжаетъ пописывать басни, которыя всѣмъ очень нравятся и постепенно создаютъ ему настоящую литературную славу. Въ 1812 году Крыловъ поступилъ на службу въ Императорскую публичную библіотеку, гдѣ и оставался почти до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1844 году.

Крыловъ былъ окруженъ большимъ почетомъ какъ литераторъ и обязанъ былъ всей своей славой исключительно своимъ баснямъ. Писалъ онъ ихъ тихо, съ большими промежутками и тщательно ихъ отдѣлывалъ. Современникамъ онъ казался великимъ сатирикомъ и моралистомъ, и такъ какъ въ басняхъ своихъ онъ иногда затрагивалъ темы достаточно смѣлыя и попадалъ въ цѣль съ большой мѣткостью, то такое высокое мнѣніе современниковъ было какъ будто бы основательно.

Но зоркій глазъ сатирика и необычайная мѣткость рѣчи совсѣмъ не соотвѣтствовали самому темпераменту и образу мыслей художника. Для роли обличителя, убѣжденнаго и граждански воспитаннаго, Крыловъ былъ совершенно не годенъ. У него не только не было никакихъ установившихся принциповъ гражданской морали, но даже принципы его личной морали были довольно шатки. По натурѣ своей онъ былъ эгоистъ, очень спокойный и лѣнивый, и надъ трудными вопросами головы никогда не ломалъ. Онъ былъ вполнѣ доволенъ собой, когда ему удавалось подмѣтить и схватить юмористическую сторону жизни. Но на этомъ въ сущности и кончалось его отношеніе къ людямъ. Участія

ни въ людяхъ, ни въ событіяхъ онъ не принималъ никакого; онъ даже не изучалъ окружающей его жизни, не давалъ себѣ труда пристально къ ней присматриваться, а сидѣлъ и ждалъ случая, когда какой-нибудь человѣкъ или житейское явленіе разбередятъ его любопытство. Тогда онъ откликался. Такъ выработалъ онъ себѣ своеобразную эгоистическую философію жизни, которая непріятно поражала лицъ, близко его знавшихъ. Остроумный сатирикъ и памфлетистъ, онъ какъ будто всѣми и всѣмъ всегда оставался доволенъ.

А сила и остроуміе басенъ Крылова бросались въ глаза каждому. Въ этихъ басняхъ сохраненъ, прежде всего, очень драгоцѣнный матерьялъ для изученія души человѣческой вообще. Нѣкоторыя обыденныя психическія движенія закрѣплены въ безсмертныхъ образахъ. Нужно замѣтить, правда, что многія изъ лучшихъ басенъ Крылова—переводы съ французскаго, изъ Лафонтена. Но и Лафонтенъ въ своихъ басняхъ былъ не оригиналенъ и бралъ изъ общемірового запаса; а Крыловъ, заимствуя сюжетъ, придавалъ ему въ свою очередь національно-русскую окраску; и читатель русскій могъ и не замѣтить и, дѣйствительно, не замѣчалъ, что звѣри, съ которыми онъ вступалъ въ разговоръ, родились не въ Россіи.

Пересказывать содержаніе басенъ Крылова съ общечеловѣческимъ содержаніемъ нѣтъ, конечно, никакой нужды,—басни такъ рельефно написаны, что стòитъ только назвать ихъ заглавія или произнести ихъ конечный стихъ, и въ памяти нашей возникаютъ цѣлыя картины *), образы и при-

*) «Ворона и Лисица». «По мнѣ ужъ лучше пей, да дѣло разумѣй», «Ларчикъ просто открывался», «Какъ дереву съ огнемъ дружиться?», «Надѣлала синица славы, а моря не зажгла», «Собачья дружба», «Какъ много ручейковъ текутъ такъ смирно, гладко, лишь только оттого, что мало въ нихъ воды», «Прохожіе и собаки», «Чѣмъ на мостъ намъ идти, попцемъ лучше броду», «Все кажется въ другомъ ошибкой намъ», «Пѣтухъ и жемчужное зерно», «Велико дѣло—милліонъ», «Тришкинъ кафтанъ», «Услужливый дуракъ опаснѣе врага», «Слона-то я и не примѣтилъ», «Впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся, голубокъ», «Про взятки Климычу читаютъ, а онъ

говоры. Эти басни общаго типа—самая безобидная сатира. Русской жизни Крыловъ коснулся въ нихъ постольку, поскольку мы вообще люди.

Въ другихъ басняхъ онъ сталъ подходить къ нашей жизни ближе.

Онъ очень любилъ высмѣивать нравы литературной братіи. Разсказалъ какъ ослы завладѣли Парнассомъ, гдѣ прежде живали музы и какъ эти ослы составили свой хоръ и занесли такую дичь, словно тронулся обозъ съ тысяча немазанными колесами [„Парнассъ“]; давалъ критикамъ совѣтъ помнить, что иногда орлы могутъ спускаться ниже куръ, но что курамъ никогда не подняться до облаковъ [„Орелъ и Куры“]; говорилъ, что истиннымъ талантамъ не приходится злиться на критику, такъ какъ она неопасна красотѣ ихъ созданій и что только одни поддѣльные цвѣты боятся дождя [„Цвѣты“]; уговаривалъ писателей щадить уши ближняго, чтобы ихъ стихи и проза не стали слушателямъ тошнѣе Демьяновой ухи [„Демьянова уха“]; при случаѣ замѣтилъ, что въ когтяхъ у кошки [подъ которой онъ подразумѣвалъ цензуру] соловьямъ поется плохо [Кошка и Соловей“]; напомнилъ намъ о кумовствѣ въ литературѣ и о томъ, какое значеніе имѣетъ литературный приходъ въ оцѣнкѣ талантовъ [„Прихожанинъ“]; заставилъ осла выступить въ качествѣ судьи соловьинаго пѣнія [„Оселъ и Соловей“]. Во всѣхъ этихъ басняхъ было много соли и зоркой наблюдательности, но тонъ ихъ былъ очень миролюбивый и спокойный, и намеки были все такіе общіе, что врядъ ли они могли задѣть кого-нибудь за живое.

украдкою киваетъ на Петра», «Она еще глупа, а ты ужъ не щенокъ», «Лишь мнѣ бы ладно было, а тамъ весь свѣтъ гори огнемъ», «Знай съ кѣмъ шутишь», «Лиса и виноградъ», «Молчи, все знаю я сама, да эта крыса мнѣ кума», «Пускай ослиныя копыта знаетъ», «Здорово, кумъ Ѳаддей», «Какъ счастье многіе находятъ лишь тѣмъ, что хорошо на заднихъ лапкахъ ходятъ», «Давно зубовъ у бѣлки нѣтъ», «Что ты посѣялъ, то и жни», «Не плюй въ колодецъ—пригодится воды напиться», «За что же, не боясь грѣха, кукушка хвалитъ пѣтуха?»

Касался въ своихъ басняхъ Крыловъ и темъ патріотическихъ, хотя рѣдко. Басни съ такимъ содержаніемъ [какъ, напр., „Ворона и Курица“, „Волкъ на псарнѣ“, „Щука и Котъ“] относятся всѣ къ разнымъ событіямъ отечественной войны.

Въ тѣ годы, да и раньше, какъ и позже, была большая мода на обличеніе чиновниковъ и начальства не особенно высокопоставленнаго. Пользы отъ такихъ обличеній не получалось, но эти нападки бывали всетаки иногда достаточно смѣлы и откровенны. До Гоголя никто изъ нашихъ обличителей не говорилъ въ столь язвительномъ тонѣ, какъ Крыловъ.

Нѣкоторыя изъ такихъ обличительныхъ басенъ—общаго характера и ихъ нельзя пріурочить къ какимъ-нибудь даннымъ явленіямъ русской жизни *).

---

*) Припомнимъ опять нѣсколько выраженій и заглавій: «Оракулъ», «Если голова пуста, то головѣ ума не придадутъ мѣста», «И сталъ оселъ скотиной превеликой», «Что сходитъ съ рукъ ворамъ, за то воришекъ бьютъ», «Кто знатенъ и силенъ, да не уменъ, такъ худо, ежели и съ добрымъ сердцемъ онъ», «А гдѣ пастухъ дуракъ, тамъ и собаки дуры», «Квартетъ», «На младшихъ не найдешь себѣ управы тамъ, гдѣ дѣлятся они со старшимъ пополамъ», «Отставку Мишкѣ дали, и приказали, чтобъ зиму пролежалъ въ берлогѣ старый плутъ», «И вслѣдствіе того казнить овцу и мясо въ судъ отдать, а шкуру взять истцу», «Важный чинъ на плутѣ какъ звонокъ», «Олени, серны, козы, лани, они почти не платятъ дани»; «набрать съ нихъ шерсти поскорѣй, отъ этого ихъ не убудетъ», «Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ кушать», «Какъ это, что мы ни начнемъ, суды ли, общества-ль учены —едва успѣемъ оглянуться, какъ первые невѣжи тутъ вотрутся», «Кто посмирнѣй, такъ тотъ и виноватъ», «Я видывалъ частенько, что рыльце у тебя въ пуху», «И тотъ почтенъ, кто въ низости сокрытый мыслью оживленъ одной, что къ пользѣ общей онъ трудится», «А мыши лишь того и ждали; лишь кошки вонъ, онѣ—въ амбаръ и въ двѣ иль три недѣли поѣли весь товаръ», «Пока онъ пѣлъ, котъ-Васька все жаркое съѣлъ», «На томъ рѣшили всѣ согласно и щуку бросили—въ рѣку» [1830], «Кукушку соловьемъ честить я могъ заставить, но сдѣлать соловьемъ кукушку я не могъ» [1830], «Съ умомъ людей боятся и терпятъ при себѣ охотнѣй дураковъ» [1828], «Да только все собаки виноваты—Мироны-жъ сами въ сторонѣ [1829], «Такъ хвалится иной, что служитъ сорокъ лѣтъ, а проку въ немъ, какъ въ этомъ камнѣ, нѣтъ», «Мой Мишка потаскалъ весь медъ въ свою берлогу», «Не правъ и тотъ, кто поручилъ ослу стеречь свой огородъ», «А тамъ по жеребьи, съ нихъ шкурки полетѣли, а тамъ осталося всего овецъ пять-шесть, и тѣхъ собаки съѣли».

Другія басни съ болѣе опредѣленнымъ содержаніемъ, и въ нихъ можно предположить кое-какіе намеки на лица и событія. Вѣроятно эти-то намеки и имѣли нѣкоторые люди въ виду, когда они просили начальство изъять добрую половину басенъ Крылова изъ обращенія. Напр., басня „Воспитаніе льва“, въ которой разсказывается, какъ наслѣдника львинаго царства обучили вить гнѣзда—ее, говорятъ, поняли какъ прямой намекъ на воспитаніе Императора Александра I. Въ баснѣ „Мартышка и очки“ говорилось о томъ, какъ мы еще мало знаемъ цѣну полезнымъ вещамъ и какъ—стóитъ намъ только власть получить въ руки — мы на все полезное подымаемъ гоненіе. Басня о „Морѣ звѣрей“, въ которой разсказывается какъ медвѣди, тигры и волки приговорили къ смерти вола, который съѣлъ чужое сѣно,—къ нашимъ внутреннимъ распорядкамъ вполнѣ подходила. А сколькимъ изъ нашихъ управителей можно было напомнить о тѣхъ „Гусяхъ“, у которыхъ было только одно достоинство,—что ихъ предки когда-то Римъ спасли своимъ крикомъ? Можно было задуматься и надъ басней „Орелъ и Кротъ“, въ которой говорилось, какъ кротъ, обслѣдовавъ корни того дерева, на которомъ орелъ свилъ свое гнѣздо, предсказалъ ему, что гнѣздо вмѣстѣ съ деревомъ рухнетъ. Та же мысль о здоровыхъ „корняхъ“ [т.-е. о крестьянахъ], которые питаютъ все дерево, подчеркнута и въ баснѣ „Листы и Корни“. Полна общественнаго смысла басня „Мірская сходка“, повѣствующая о томъ, какъ волкъ попалъ въ овечьи старосты и какъ о немъ „словцо было замолвлено у львицы“. О судейскихъ порядкахъ откровенно говорила басня „Щука“, называя по имени гг. судей: „два осла, двѣ клячи старыя, да два иль три козла“. Басня „Пушки и Паруса“ намекала на излишнее увлеченіе военщиной въ ущербъ заботамъ о гражданскомъ благосостояніи. Въ баснѣ „Левъ и Комаръ“ былъ прочитанъ жестокій урокъ сильнымъ сего міра, которые не догадываются о страшной силѣ слабаго.

Развѣ мало было у насъ законовъ, похожихъ на законъ, изданный правительствомъ звѣрей въ защиту овецъ: „какъ скоро Волкъ у стада забуянитъ и обижать Овцу онъ станетъ, то Волка тутъ властна Овца, не разбираючи лица, схватить за шиворотъ и въ судъ тотчасъ представить?“ [„Волки и Овцы“]. Басню „Квартетъ“ можно было вполнѣ примѣнить къ перетасовкѣ разныхъ должностныхъ лицъ на служебныхъ мѣстахъ, такъ же какъ и басню „Лебедь, Щука и Ракъ“. Въ баснѣ „Булатъ“ баснописецъ стыдилъ тѣхъ людей, которые не умѣютъ распознавать въ людяхъ ихъ таланты и заставляютъ булатъ щепать лучину [1830]. На очень серьезныя мысли могла навести басня „Левъ“, въ которой разсказывалось, какъ для больного льва лѣсные вельможи собрали шерсть съ оленей, сернъ, козъ и ланей [„почти не платившихъ дани“], какъ они ихъ всѣхъ обрили до чиста и сами запаслись для себя тюфякомъ изъ той же шерсти. Не всегда, впрочемъ, баснописецъ кончалъ свои басни такъ иронически спокойно. Въ одной (!) баснѣ онъ наконецъ разсердился и заставилъ льва сжать въ своихъ когтяхъ в секретаря, и воеводу, желавшихъ убѣдить государя въ томъ, что житье въ его краю всѣмъ на сковородѣ поджариваемымъ рыбамъ—истинный рай.

Въ послѣдней написанной имъ баснѣ [1835] Крыловъ помѣстилъ въ рай одного сановнаго вельможу за то, что онъ „пилъ, ѣлъ и спалъ“: „Покойникъ былъ дуракъ. Что̀ если бы съ такою властью, взялся онъ за дѣла, къ несчастью! Вѣдь погубилъ бы цѣлый край!“

Всѣ такія басни могли бы намъ дать право зачислить Крылова въ разрядъ, какъ тогда говорилось, „либералистовъ“—но это было бы ошибкой. Сатирой Крылова могъ, правда, воспользоваться любой либералъ какъ подходящимъ оружіемъ, — но самъ баснописецъ ни о какомъ общественномъ подвигѣ не думалъ, а какъ художникъ ловилъ только смѣшную сторону явленій и... смѣялся.

Когда же онъ начиналъ разсуждать или хотѣлъ что-ни-

будь доказать, то взгляды его были либо очень неопредѣленны, либо консервативно скромны.

Онъ, напр., очень часто возвращался въ своихъ басняхъ къ вопросу о просвѣщеніи, его значеніи въ жизни и о границахъ, въ которыхъ оно должно держаться.

Польза наукъ и ученья была для Крылова очевидна; не даромъ басню „Свинья подъ Дубомъ“ онъ кончилъ словами:

Невѣжда такъ же въ ослѣпленьѣ
Бранитъ науки и ученье,
И всѣ ученые труды,
Не чувствуя, что онъ вкушаетъ ихъ плоды.

Но когда вопросъ заходилъ о свободѣ, какой должна пользоваться наука и вообще просвѣщеніе для того, чтобы человѣкъ могъ вкусить отъ ихъ благотворныхъ плодовъ, то сатирикъ начиналъ смотрѣть на эту свободу косо, ставилъ просвѣщенію очень тѣсныя рамки и все предостерегалъ отъ пагубныхъ послѣдствій излишней мудрости, словно въ мудрости можетъ быть излишекъ.

Онъ совѣтуетъ очень осторожно сдирать съ людей кору грубости. чтобы съ ней не растерять и добрыхъ свойствъ, не ослабить духъ людей, не испортить ихъ нравы и не разлучить ихъ съ простотой [„Червонецъ“]; онъ грозитъ народамъ, которые повѣрятъ мнимымъ мудрецамъ и впадутъ въ невѣріе, грозитъ имъ всѣми громами небесъ [„Безбожники“]; онъ убѣжденъ, что стоитъ лишь съ юныхъ дней напитаться вреднымъ ученіемъ и потомъ на всѣхъ дѣлахъ и поступкахъ оно будетъ отзываться [„Бочка“].

Басню „Филинъ и Оселъ“ [1830] Крыловъ заканчиваетъ такимъ нравоученіемъ:

Иному также и ученье
Не пользу, но одно наводитъ ослѣпленье,
До книгъ онъ все еще бредетъ прямымъ путемъ,
А съ книгами чѣмъ болѣе знакомъ,
Тѣмъ болѣ голова его идетъ кругомъ.

Въ баснѣ „Огородникъ и Философъ“ сатирикъ поднимаетъ науку на смѣхъ, оговоривъ, правда, что рѣчь идетъ о философѣ недоученномъ и о великомъ краснобаѣ. Со смысломъ этой басни можно было бы еще помириться, если бы у насъ въ Россіи въ тѣ годы умѣстно было говорить объ излишествѣ мудрствованія при полномъ нищенствѣ во всѣхъ областяхъ знанія. Въ баснѣ „Сочинитель и Разбойникъ“ Крыловъ уже прямо отдаетъ предпочтеніе разбойнику, — который вреденъ, пока онъ живетъ, но заслуживаетъ бо́льшаго снисхожденія, чѣмъ писатель, который и послѣ смерти своей можетъ быть вреденъ настолько, что способенъ цѣлую страну наполнить убійствами и грабежами. Басней этой Крыловъ, несомнѣнно, мѣтилъ во французскую литературу XVIII вѣка и главнымъ образомъ въ Вольтера.

Въ баснѣ „Водолазы“ Крыловъ, наконецъ, подвелъ итогъ всѣмъ своимъ размышленіямъ объ этомъ вопросѣ.

Какой-то древній царь впалъ въ страшное сомнѣнье:
Не болѣе-ль вреда, чѣмъ пользы отъ наукъ?
Не разслабляетъ ли сердецъ и рукъ
Ученье?
И не разумнѣе-ль поступитъ онъ,
Когда ученыхъ всѣхъ изъ царства вышлетъ вонъ?
Но такъ какъ этотъ царь, свой украшая тронъ,
Душою всей радѣлъ своихъ народовъ счастью,
И для того
Не дѣлалъ ничего
По прихоти иль по пристрастью,
То приказалъ собрать совѣтъ,
Въ которомъ всякій бы, хоть слогомъ некудрявымъ
Но съ толкомъ лишь согласно здравымъ
Свое представилъ: да иль нѣтъ;
То есть: ученымъ вонъ изъ царства убираться
Или попрежнему въ томъ царствѣ оставаться?
Однакожъ, какъ совѣтъ ни толковалъ:
Кто самъ свой голосъ подавалъ,
Кто голосъ подавалъ работы секретарской, —
Всякъ только дѣло затемнялъ
И въ нерѣшимости запутывалъ умъ царскій.
Кто говорилъ, что неученье тьма;
Что не далъ бы намъ Богъ ума,

Ни дара постигать вещей небесныхъ,
Когда бы Онъ хотѣлъ,
Чтобъ человѣкъ не болѣ разумѣлъ
Животныхъ безсловесныхъ,
И что, согласно съ цѣлью сей,
Ученье къ счастію ведетъ людей.
Другіе утверждали,
Что люди отъ наукъ лишь только хуже стали;
Что все ученье бредъ,
Что отъ него лишь нравамъ вредъ
И что за просвѣщеньемъ вслѣдъ
Сильнѣйшія на свѣтѣ царства пали.
Короче: съ обѣихъ сторонъ,
И дѣло выводя, и вздоры,
Бумаги исписали горы,
А о наукахъ споръ остался нерѣшенъ.
Царь сдѣлалъ болѣе: созвалъ отвсюду онъ
Разумниковъ, изъ нихъ установилъ собранье,
И о наукахъ споръ имъ предложилъ на судъ,
Но способъ былъ и этотъ худъ,
Затѣмъ, что царь имъ далъ большое содержанье
Такъ въ голосахъ между собой разладъ
Для нихъ былъ настоящій кладъ;
И если бы имъ волю дали,
Они-бъ донынѣ толковали,
Да жалованье брали.
Но такъ какъ царь казною не шутилъ,
То онъ, примѣтя то, ихъ скоро распустилъ.
Межъ тѣмъ часъ отъ часу впадалъ въ сомнѣнье болѣ.
Вотъ какъ-то вышелъ онъ, сей мыслью занятъ, въ поле.
И видитъ предъ собой
Пустынника, съ сѣдою бородой
И съ книгою въ рукахъ большой.
Пустынникъ важный взоръ имѣлъ, но не угрюмый:
Привѣтливость и доброта
Улыбкою его украсили уста,
А на челѣ слѣды глубокой видны думы.
Монархъ съ пустынникомъ вступаетъ въ разговоръ,
И, видя въ немъ познанія несчетны,
Онъ проситъ мудреца рѣшить тотъ важный споръ:
Науки болѣе-ль полезны или вредны?
«Царь»—старецъ отвѣчалъ—«позволь, чтобъ предъ тобой
Открылъ я притчею простой,
Что̀ размышленья мнѣ внушили многолѣтны».
И, съ мыслями собравшись, началъ такъ:

«На берегу, близъ моря,
Жилъ въ Индіи рыбакъ;
Проведши долгій вѣкъ и бѣдности, и горя,
Онъ умеръ, и троихъ оставилъ сыновей;
Но дѣти, видя,
Что съ нуждою они кормились отъ сѣтей,
И ремесло отцовско ненавидя,
Брать дань богатѣе задумали съ морей
Не рыбой---жемчугами;
И, зная плавать и нырять,
Ту подать доправлять
Пустились сами.
Однакожъ былъ успѣхъ различенъ всѣхъ троихъ:
Одинъ лѣнивѣе другихъ,
Всегда по берегу скитался:
Онъ, даже, не хотѣлъ ни ногъ мочить своихъ,
И жемчугу того лишь дожидался,
Что выброситъ къ нему волной,
А съ лѣностью такой
Едва-едва питался.
Другой,
Трудовъ нимало не жалѣя
И выбирать умѣя
Себѣ по силѣ глубину,
Богатыхъ жемчуговъ нырялъ искать по дну
И жилъ, всечасно богатѣя.
Но третій, алчностью къ сокровищамъ томимъ,
Такъ разсуждалъ съ собой самимъ:
«Хоть жемчугъ находить близъ берега и можно,
Но, кажется, какихъ сокровищъ ждать не должно,
Когда бы удалося мнѣ
Достать морское дно на самой глубинѣ?
Тамъ горы, можетъ быть, богатствъ несчетныхъ:
Коралловъ, жемчугу и камней самоцвѣтныхъ,
Которы стоитъ лишь достать
И взять».
Сей мыслію плѣнясь, безумецъ вскорѣ
Въ открытое пустился море
И, выбравъ, гдѣ была чернѣе глубина,
Въ пучину кинулся; но, поглощенный ею,
За дерзость, не доставши дна,
Онъ жизнью заплатилъ своею.
«О, царь!» промолвилъ тутъ мудрецъ:
Хотя въ ученьи зримъ мы многихъ благъ причину,
Но дерзкій умъ находитъ въ немъ пучину

И свой погибельный конецъ;
Лишь съ разницею тою,
Что часто въ гибель онъ другихъ влечетъ съ собою.

О смыслѣ этой басни велись въ критикѣ долгіе споры; большинство судей признало ее по тенденціи ретроградной; но были сдѣланы также попытки спасти ее отъ обвиненія въ отрицательномъ отношеніи къ наукѣ и мысли вообще. Басня не ретроградна, какъ и всѣ предшествовавшія; но она ничего не говоритъ, такъ какъ признаетъ необходимость ученія и знанія, но обставляетъ такое признаніе одной оговоркой, которая его сводитъ къ нулю. Осторожная оговорка гласитъ, что только то знаніе допустимо и желательно, которое соотвѣтствуетъ способностямъ и силамъ человѣка, т.-е. свобода мысли человѣка поставлена въ зависимость отъ чего-то, что̀ можетъ быть опредѣлено только одной этой свободой. Назвать Крылова обскурантомъ и ретроградомъ было бы несправедливо, но что истинный либералъ никогда бы не позволилъ себѣ такихъ рѣчей по адресу науки и знанія, это — несомнѣнно. Крыловъ и въ данномъ случаѣ не желалъ утруждать себя долгимъ размышленіемъ и ограничился острымъ словомъ и мѣткимъ сравненіемъ тамъ, гдѣ требовалось необычайно серьезное обсужденіе вопроса.

О просвѣщеніи Крыловъ разсуждалъ приблизительно такъ, какъ разсуждалъ о „свободѣ“ вообще. Разсказавъ басню о томъ, какъ всадникъ, довѣрившись вышколенному коню, снялъ съ него узду, и конь, почуя свободу, сломалъ себѣ шею [„Конь и Всадникъ“], баснописецъ отъ себя прибавилъ такое нравоученіе:

Какъ ни приманчива свобода,
Но для народа
Не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мѣра не дана.

А какъ опредѣлить заранѣе эту разумную мѣру, если избѣгать всякихъ опытовъ.

По образу своихъ мыслей и по темпераменту Крыловъ былъ несомнѣнный консерваторъ — не въ политическомъ смыслѣ, а въ обыденномъ, такъ какъ ни о какой политикѣ онъ никогда не думалъ. Новшествъ онъ вообще не любилъ: наказалъ же онъ лягушекъ за то, что онѣ, недовольныя своимъ царемъ, просили другого [„Лягушки, просящія царя“]. Мѣщанамъ онъ рекомендовалъ не желать жить какъ именитые граждане, и мелкую сошку уговаривалъ, чтобы она въ знатные дворяне не лѣзла [„Лягушка и Волъ“]. Доброму селянину и простому солдату онъ тоже не совѣтовалъ сличать ихъ состояніе съ состояніемъ иныхъ сословій и доказывалъ имъ, что государство о нихъ-то именно всего больше и заботится [„Колосъ“]. Въ баснѣ „Ворона въ павлиныхъ перьяхъ“ Крыловъ говорилъ о томъ, что каждый долженъ держаться званія, въ которомъ рожденъ, и что простолюдинъ со знатью не долженъ родниться. „Лучше вѣрнаго держаться, чѣмъ за обманчивой надеждою гоняться“—утверждалъ онъ въ баснѣ „Пастухъ и море“ и повторилъ ту же мысль въ трогательномъ разсказѣ „Два голубя“. Да и въ первой своей баснѣ, съ которой началась его дѣятельность какъ баснописца, онъ, не любя ни опасности, ни борьбы, готовъ былъ отдать предпочтеніе гибкой трости передъ могучимъ дубомъ [„Дубъ и Трость“].

И, въ концѣ концовъ, къ чему ропотъ, недовольство, къ чему вообще критика? Какъ однажды лошадь критиковала работу крестьянина [„Крестьянинъ и Лошадь“], не такъ ли—

Съ самой древности, въ нашъ даже вѣкъ
. . . . . дерзко человѣкъ
О волѣ судитъ Провидѣнья,
Въ безумной слѣпотѣ своей,
Не вѣдая Его ни цѣли, ни путей?

Сатирикъ съ развитымъ гражданскимъ чувствомъ и строгой общественной мыслью не станетъ такъ утѣшать ни самого себя, ни своихъ ближнихъ.

Но Крыловъ—несомнѣнный сатирикъ, хоть и очень субъективный. Онъ выработалъ для своего обихода мораль довольно обыденную, пассивную, въ общихъ чертахъ сентиментально добропорядочную, и, справляясь съ ней, судилъ онъ о людяхъ и жизни. Очень многое въ этой жизни онъ не видѣлъ или не хотѣлъ видѣть, но то, на что онъ устремлялъ свой взглядъ, онъ улавливалъ необычайно ловко, и какъ настоящій художникъ рельефно, пластично воспроизводилъ съ большой жизненной правдой. И въ каждой баснѣ всегда говорилъ *онъ*, и мораль читалъ *онъ*, и если сгруппировать выводы его басенъ, то получится не мудрость жизни вообше или жизни данной эпохи, а весьма несложный очеркъ незатѣйливой мудрости самого баснописца.

Крыловъ, несомнѣнно, въ извѣстной степени и бытописатель, только эту сторону его творчества не слѣдуетъ выдвигать на первый планъ при его оцѣнкѣ. Онъ умѣетъ въ двухъ-трехъ штрихахъ набросать бытовыя сценки, мастерски ведетъ краткій діалогъ и въ особенности силенъ онъ отдѣльными колоритными словами, оборотами, взятыми изъ простонародной рѣчи.

Но по его баснямъ нельзя получить понятія о какой-нибудь цѣлой бытовой полосѣ нашей жизни. Чаще всего среди дѣйствующихъ лицъ его басенъ появляется нашъ крестьянинъ. Говоритъ этотъ крестьянинъ, дѣйствительно, иногда языкомъ народнымъ, но обрисованъ онъ чертами крайне неопредѣленными. Какъ живетъ онъ, въ какихъ условіяхъ, каковъ образъ его мыслей, каково его религіозное міропониманіе, кто онъ, какъ парень, какъ мужъ, какъ отецъ?—объ этомъ мы ничего не узнаемъ изъ басенъ Крылова. Странно, впрочемъ, предъявлять баснописцу такія требованія, но на эту особенность въ басняхъ Крылова слѣдуетъ обратить вниманіе, хотя бы затѣмъ, чтобы видѣть, какъ художникъ того времени, имѣвшій возможность сродниться съ простымъ народомъ, былъ пока еще не въ состояніи включить его жизнь въ сферу своего поэтическаго созерцанія. Сати-

рикъ не то, чтобы считалъ этотъ матерьялъ для искусства непригоднымъ, но онъ не умѣлъ обращаться съ нимъ.

Заслуги Крылова передъ нашей словесностью были бы исчислены не полностью, если бы мы въ немъ не признали большого мастера языка. Съ нимъ простая неподкрашенная народная рѣчь вступала въ художественную литературу. Но кромѣ народной рѣчи въ тѣсномъ смыслѣ въ басняхъ Крылова дана и образцовая литературная рѣчь. Такой сочности, сжатости и мѣткости она до него не имѣла. Это была очень трезвая, живая, естественная, полная реализма рѣчь, дополнявшая ту плавную, возвышенную и поэтическую, которая одновременно съ басней Крылова звучала въ стихотвореніяхъ современныхъ ему лириковъ.

Недаромъ цѣлыя строфы Крылова вошли въ пословицу и стали поговорками.

Какъ мастеръ рѣчи нашъ баснописецъ былъ прямой предшественникъ и, пожалуй, учитель Грибоѣдова *).

*) Съ баснями Крылова мы знакомимся еще въ нашемъ дѣтствѣ и затѣмъ рѣдко беремъ ихъ въ руки. При чтеніи въ зрѣломъ возрастѣ онѣ могутъ, однако, доставить большое удовольствіе. По литературному достоинству своему всѣ онѣ приблизительно однородны.

«Горе отъ ума».

Комедія Александра Сергѣевича Грибоѣдова служила издавна предметомъ оживленныхъ споровъ среди всѣхъ ея безчисленныхъ поклонниковъ. Споръ шелъ не объ ея идейномъ и литературномъ достоинствѣ, — которое было сразу всѣми признано,—а о томъ, что̀ она собой представляла, какъ извѣстная литературная *форма*. Комедія ли она въ настоящемъ смыслѣ слова, или сатира въ монологахъ и діалогахъ? Съ перваго взгляда можетъ показаться, что споръ идетъ о пустякахъ,—не все ли равно, комедія ли „Горе отъ ума", или сатира, лишь бы она была художественнымъ произведеніемъ. Но совсѣмъ иначе приходится оцѣнивать этотъ споръ, когда имѣешь въ виду опредѣлить ростъ эстетическаго отношенія художника къ жизни. Можемъ ли мы сказать, что съ Грибоѣдовымъ художникъ Александровской эпохи поднялся на ту высоту творчества, съ которой онъ могъ бросить на окружающую его дѣйствительность свободный и широкій взглядъ комика, улавливающаго въ этой жизни ея смѣшную сторону, какъ она естественно и непринужденно въ ней выражается?—Или въ лицѣ Грибоѣдова передъ нами сатирикъ, съ очень ясными и рѣзкими личными симпатіями, проповѣдникъ извѣстныхъ взглядовъ на жизнь, который для доказательства правоты своихъ взглядовъ подбираетъ факты, искусно ихъ комбинируетъ, иногда въ ущербъ правдоподобности, рисуетъ не столько живыхъ людей, сколько общіе

типы, въ которыхъ воплощаетъ тѣ или другіе людскіе мысли, склонности и въ особенности пороки? Грибоѣдовъ—художникъ ли онъ, созерцающій жизнь и интересующійся въ ней преимущественно ея комической стороной, или онъ художникъ-судья, строгій судья, который читаетъ этой жизни наставленіе? Какъ велика доза того *субъективнаго* отношенія къ жизни, которую Грибоѣдовъ внесъ въ свою комедію?

Отвѣты на эти вопросы давались разные еще со временъ Бѣлинскаго, который за „Горемъ отъ ума" отрицалъ право на названіе художественной комедіи, такъ какъ, по его мнѣнію, Грибоѣдовъ имѣлъ опредѣленную внѣшнюю цѣль—осмѣять современное общество въ злой сатирѣ, и комедію, которая внѣ себя не должна имѣть цѣли, избралъ только средствомъ. Споръ не конченъ и въ наше время.

Намъ кажется, что болѣе правы тѣ, кто въ Грибоѣдовѣ видитъ по преимуществу сатирика, а не комика-драматурга.

Сатирикъ гнался, во-первыхъ, не за смѣхомъ, когда задумалъ свою комедію: онъ рѣшалъ какой-то очень серьезный вопросъ. Есть свѣдѣніе, что первоначальное начертаніе „Горя отъ ума" было—по словамъ самого автора,—„гораздо великолѣпнѣе и высшаго значенія"; этотъ первоначальный замыселъ рисовался поэту не какъ комедія, а какъ „сценическая поэма", и только какія-то соображенія, вѣроятно цензурныя, заставили Грибоѣдова придать задуманной поэмѣ тотъ „суетный нарядъ", въ какомъ она теперь передъ нами. Но и въ „суетномъ" своемъ нарядѣ комедія затрагиваетъ очень больной вопросъ тогдашней современности. Этотъ именно вопросъ, а не людей выдвигалъ авторъ на авансцену и его обставлялъ онъ доказательствами въ образѣ типичныхъ людей, выразителей ходячихъ тогда мнѣній. Сцена была заполнена такими ходячими мнѣніями, носителями которыхъ являлись люди съ очень прозрачными фамиліями Скалозуба, Молчалина, Хлестовой, Репетилова, Чацкаго [фамилія котораго первоначально писалась „Чадскій". Въ этой транскрипціи хотѣли видѣть намекъ на

Чаадаева, но дѣло объясняется проще: фамилія „Чадскій“ происходитъ отъ слова „чадъ“, и авторъ, очевидно, намекалъ на тотъ туманъ, который въ головѣ его героя гнѣздился]. Всѣ эти лица движутся и дѣйствуютъ по предписанію автора даже въ мельчайшихъ подробностяхъ своего поведенія [вплоть до отдѣльныхъ выходовъ и уходовъ на сценѣ]. Говорятъ они также то, что̀ имъ приказываетъ авторъ, говорятъ его собственными словами, и всѣ ихъ рѣчи клонятся опять-таки къ доказательству единой мысли, которая не давала покоя Грибоѣдову. Вездѣ и во всемъ въ комедіи на первомъ планѣ самъ авторъ, съ его „горемъ“ и съ его „умомъ“.

Грибоѣдовъ былъ, дѣйствительно, однимъ изъ самыхъ умныхъ людей своего вѣка и безспорно самый изъ нихъ острый языкъ.

„Его меланхолическій характеръ, говорилъ о немъ Пушкинъ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самые слабости и пороки, все въ немъ было необыкновенно привлекательно. Онъ былъ рожденъ съ честолюбіемъ, равнымъ его дарованіямъ“.

И была въ немъ еще одна особенность—очень рѣдкая въ то время, полагавшая рѣзкую грань между нимъ и большинствомъ его современниковъ: онъ по природѣ своей былъ враждебенъ сентиментализму—былъ человѣкъ очень трезвыхъ взглядовъ, и чувствительность въ разныхъ ея формахъ вызывала въ немъ чаще всего насмѣшку. Онъ недолюбливалъ Карамзина и всю его школу.

Кромѣ того изъ всѣхъ нашихъ видныхъ литераторовъ того времени онъ былъ единственный человѣкъ дѣла—прозаическаго, житейскаго дѣла и при томъ еще государственнаго, при которомъ всякій сентиментализмъ былъ прямымъ недостаткомъ.

Родился Грибоѣдовъ въ 1795 году въ Москвѣ, въ семьѣ богатой и знатной, и воспитаніе и образованіе его съ самыхъ юныхъ лѣтъ было обставлено очень благопріятными условіями. Пятнадцати лѣтъ поступилъ онъ въ Мо-

сковскій университетъ на юридическій факультетъ. Занимаясь своими юридическими науками, онъ, однако, удѣлялъ не мало времени исторіи и словесности и самъ пробовалъ силы въ сочинительствѣ—стихотворномъ. Сдавъ кандидатскій экзаменъ, Грибоѣдовъ, въ знаменательный 1812 годъ, зачислился въ гусарскій полкъ, но сразиться съ врагомъ ему не пришлось. Много проказничалъ онъ за это время, и образъ жизни его былъ разсѣянный и вольный, но въ немъ зрѣлъ человѣкъ наблюдательнаго, остраго ума и художникъ. Уже въ эти ранніе годы онъ былъ большимъ театраломъ и авторомъ нѣсколькихъ комедій, литературная стоимость которыхъ была впрочемъ весьма ординарна. Въ 1817 году онъ поступилъ въ вѣдомство коллегіи иностранныхъ дѣлъ, гдѣ ему суждено было очень быстро продвинуться по службѣ. Годъ спустя его назначили состоять при нашемъ повѣренномъ въ дѣлахъ въ Персіи. Необычайный даръ къ языкамъ позволилъ Грибоѣдову въ короткій срокъ хорошо овладѣть арабскимъ и персидскимъ, а необычайный тактъ и умъ сдѣлали его однимъ изъ нашихъ самыхъ искусныхъ дипломатовъ, талантъ котораго былъ сразу отмѣченъ. Съ 1819 года Грибоѣдовъ жилъ преимущественно на Востокѣ, хотя часто наѣзжалъ въ столицы. Мимолетной угрозой его быстрой дипломатической карьерѣ было событіе 14-го декабря.

Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о политическихъ убѣжденіяхъ Грибоѣдова, но можно сказать, что, несмотря на тѣсную дружбу съ литературными старовѣрами изъ консервативнаго лагеря, онъ въ вопросахъ общественныхъ былъ либераломъ общаго гуманнаго типа. Среди декабристовъ у него было много знакомыхъ, и онъ велъ съ ними частыя бесѣды, хотя политикой интересовался мало и вступить въ тайное общество не пожелалъ. По дѣлу декабристовъ онъ былъ, однако, вытребованъ съ Кавказа и арестованъ. Его, впрочемъ, оправдали и, повысивъ въ чинѣ, отпустили обратно на службу.

Принимая во вниманіе строгость, съ какой велось слѣдствіе, и болѣе чѣмъ благополучное окончаніе его для Грибоѣдова, можно предположить, что Грибоѣдовъ, дѣйствительно, къ дѣлу никакого касательства не имѣлъ. Да и все то, что мы знаемъ о складѣ его ума и характера говоритъ противъ возможности его увлеченія той политической мечтой, которая привела его друзей и знакомыхъ къ катастрофѣ.

Въ концѣ 1826 года Грибоѣдовъ вернулся къ мѣсту своего служенія. Разгоралась наша война съ Персіей. Она кончилась миромъ въ Туркманчаѣ, и этотъ мирный договоръ, для насъ очень выгодный, былъ выработанъ при ближайшемъ участіи Грибоѣдова, которому и было поручено доставить его въ Петербургъ. Изъ Петербурга Грибоѣдовъ вернулся, награжденный чиномъ, высокимъ орденомъ и деньгами. Вскорѣ послѣ этого онъ былъ назначенъ нашимъ полномочнымъ министромъ-резидентомъ въ Тегеранѣ. Назначеніе было очень почетное, но очень опасное, въ виду страстей, которыя послѣ войны еще не остыли. Грибоѣдовъ сознавалъ, что онъ ѣдетъ на вѣрную смерть, и опасенія его оправдались. Въ январѣ 1829 года во время возмущенія черни въ Тегеранѣ Грибоѣдовъ былъ убитъ.

Россія потеряла въ немъ самаго умнаго и тонкаго дипломата тѣхъ годовъ, помимо того, что она теряла въ немъ крупнаго писателя, который сталъ знаменитостью тотчасъ же, какъ начали появляться въ рукописяхъ списки его комедіи „Горе отъ ума“.

Въ этой комедіи заключено все литературное наслѣдство Грибоѣдова, такъ какъ всѣ остальные его драматическіе и стихотворные опыты никакой художественной стоимости не имѣютъ.

Комедія „Горе отъ ума“ создавалась въ продолженіе долгихъ лѣтъ, и авторъ урывками, когда ему позволялъ досугъ, надъ ней работалъ. Въ 1823 году она, кажется, была закончена, но печати при жизни автора не увидѣла. Безуспѣшны были и всѣ попытки поставить ее на сценѣ. Она

попала сразу въ разрядъ какъ бы запрещенныхъ произведеній.

Цензура, и въ особенности театральная, не могла, конечно, съ этой пьесой помириться; она въ ней видѣла прямое обличеніе и Екатерининской старины, которая была еще жива, и Аракчеевскаго режима, который процвѣталъ. Послѣ 1825 года цензура должна была насторожиться еще болѣе, такъ какъ главное лицо въ пьесѣ напоминало слегка тѣхъ молодыхъ людей, съ которыми правительству пришлось въ 1825 году посчитаться.

Тѣсную связь комедіи съ переживаемымъ моментомъ читатель понялъ и оцѣнилъ сразу. Не имѣя въ рукахъ печатнаго текста пьесы, онъ занялся ея перепиской, и она въ безчисленныхъ спискахъ разлетѣлась по всей Россіи.

За комедіей Грибоѣдова многіе отрицали право на названіе комедіи, или если признавали ее за таковую, то не хотѣли согласиться съ тѣмъ, что она — произведеніе вполнѣ самобытное, русское.

Дѣйствительно, въ пьесѣ замѣтны слѣды вліянія театральной техники французской классической комедіи. Въ ней соблюдено, напримѣръ, единство мѣста [домъ Фамусова] и единство времени [съ утра одного дня до его вечера]. Остался въ комедіи среди чисто русскихъ типовъ и какъ будто не русскій типъ Лизы — не то субретки, не то наперсницы [хотя защитники Грибоѣдова утверждали, что такіе типы дворовыхъ были возможны, и что сѣнныя дѣвушки, камеристки могли стать въ очень интимныя отношенія къ своимъ господамъ].

Главное, что̀ нужно отмѣтить, это — тенденціозный подборъ типовъ. Положимъ, подборъ типичныхъ характеровъ необходимъ для сценическаго дѣйствія. Но когда видишь, что такіе подысканные типы, каждый порознь, являются выразителями опредѣленныхъ чувствъ и понятій, доведенныхъ

до крайняго своего выраженія, что они становятся какъ бы символами разныхъ пороковъ, облеченными въ человѣческій образъ, и при этомъ каждый изъ нихъ является выразителемъ непремѣнно одного какого-нибудь порока или смѣшной крайности, — начинаешь подозрѣвать автора въ умышленной тенденціозной группировкѣ дѣйствующихъ лицъ, въ стремленіи не *изобразить* жизнь только, а въ стремленіи этимъ изображеніемъ *доказать* нѣчто. Въ этомъ отношеніи любопытно сравнить „Горе отъ ума", напр., съ „Ревизоромъ", гдѣ также подобрана цѣлая кунсткамера. Въ „Ревизорѣ" передъ нами всетаки люди, хоть, можетъ быть, слишкомъ смѣшные,—но люди, и ни про кого изъ этихъ людей нельзя сказать, что онъ — олицетвореніе какого-нибудь порока. Всѣ герои „Ревизора" обычные пустые, пошлые и порочные люди; въ розницу они всѣ въ жизни встрѣчаются, и только ихъ встрѣча въ гостиной городничаго можетъ быть названа случайностью. Встрѣтиться въ жизни съ героями „Горя отъ ума" значительно труднѣе и, пожалуй, даже невозможно. Мы можемъ подмѣтить въ людяхъ фамусовскія, молчалинскія, репетиловскія наклонности, болѣе или менѣе ясно обнаруженныя, но съ Грибоѣдовскими героями во всей полнотѣ ихъ психики едва ли судьба насъ свести можетъ. Предположить, что они существовали въ свое время и исчезли также едва ли будетъ основательно, такъ какъ всѣ до сихъ поръ опубликованные матерьялы изъ жизни „Грибоѣдовской Москвы" даютъ намъ типы лишь слегка похожіе на тѣ, которые обрисованы Грибоѣдовымъ. Это не исключаетъ возможности, что самъ Грибоѣдовъ, вырисовывая то или другое лицо, имѣлъ предъ глазами живыхъ людей, которыхъ наблюдалъ. Разсказываютъ, что онъ актерамъ передавалъ подробности изъ жизни такихъ „оригиналовъ".

Если типы „Горя отъ ума" грѣшатъ слишкомъ рѣзкой яркостью и характерностью, и геніальны какъ сатирическіе образцы, но мало правдоподобны какъ живые портреты, то и сборище ихъ въ одномъ домѣ не есть случайность, а пред-

умышленно созванное собраніе, для того, чтобы дать возможность автору или главному дѣйствующему лицу произвести надлежащій смотръ и оцѣнку всѣхъ собравшихся чудаковъ. Такой смотръ, дѣйствительно, и происходитъ, начиная съ ранняго утра до поздняго вечера въ домѣ Фамусова. Уже давно было замѣчено, что и самый ходъ развитія драматическаго дѣйствія заключаетъ въ себѣ много странностей, плохо вяжущихся съ правдоподобностью. Ночной концертъ Софьи и Молчалина; пріѣздъ свѣтскаго молодого человѣка въ аристократическій домъ прямо съ дороги въ дорожномъ костюмѣ, раннимъ утромъ; его обличительная рѣчь противъ всѣхъ родственниковъ любимой имъ дѣвушки, рѣчь, сказанная послѣ перваго же привѣтствія; его нежеланіе обмѣняться съ хозяиномъ двумя, тремя вѣжливыми словами при встрѣчѣ послѣ долгой разлуки; неожиданная прогулка Молчалина, зимой, верхомъ; монологъ Чацкаго на балу, когда онъ разражается цѣлой филиппикой въ пустое пространство; завязка четвертаго акта, позволяющая Чацкому спрятаться за колонну отъ швейцара; и наконецъ финальный скандалъ, который Фамусовъ устраиваетъ своей дочери при всей прислугѣ,—все это довольно невѣроятныя происшествія. Но автору они были очень нужны, такъ какъ каждая изъ этихъ сценъ давала ему удобный поводъ для дальнѣйшаго развитія дѣйствія.

Всѣ эти замѣчанія теряютъ, конечно, свою силу, если „Горе отъ ума“ признать сатирой, не претендующей на названіе художественной „комедіи“.

Какъ сатира, бичующая въ человѣческихъ образахъ ходячія тогда понятія гражданской и личной морали, „Горе отъ ума“ — неподражаемо сильное и злое произведеніе; и въ особенности сильно должно было быть впечатлѣніе, произведенное имъ на современниковъ. Для нихъ эти сатирическіе символы комедіи были итогомъ взглядовъ и понятій, самыхъ живыхъ и острыхъ, а не понятій общаго характера, какими они стали теперь для насъ, за давностію лѣтъ.

Но—и это главное—въ сатирѣ былъ поднятъ самый животрепещущій вопросъ, стоявшій тогда на очереди и на виду у всѣхъ — вопросъ о старомъ и молодомъ поколѣніи, объ „отцахъ и дѣтяхъ“.

Бываютъ эпохи, когда этотъ вопросъ разрѣшается какъ-то тихо, хотя всегда не мирно, эпохи, когда въ общественной жизни не ощущается особенно сильнаго перелома, и когда между отцами и дѣтьми устанавливается извѣстнаго рода соглашеніе, позволяющее имъ ужиться безъ рѣзкихъ столкновеній. Случается, однако, что такое неизбѣжное столкновеніе молодого и стараго совпадаетъ съ эпохой большого возбужденія общественной или политической мысли. Естественно, что споръ между отцами и дѣтьми принимаетъ тогда болѣе острый характеръ. Такъ было и въ тѣ годы, когда созидалось „Горе отъ ума“, — въ концѣ царствованія Императора Александра Павловича. Молодежь, которая подросла къ этому времени, т.-е. родилась въ самомъ началѣ вѣка, сентиментальная, либерально настроенная была свидѣтельницей великихъ событій. Всѣ впечатлѣнія, мысли и ощущенія тѣхъ знаменательныхъ годовъ отразились на повышеніи въ молодыхъ людяхъ чувства смѣлости, сознанія собственнаго достоинства и увѣренности въ своихъ силахъ, отразились и на гордости ихъ и на самомнѣніи, на рѣшительности въ осужденіи всего того, что̀ отзывалось стариной. Во многомъ молодежь была, конечно, права, и многое въ старинѣ заслуживало осужденія,—но, какъ въ такихъ случаяхъ всегда бываетъ, гнѣвъ противъ старины и насмѣшки надъ ней росли въ молодыхъ устахъ и головахъ гораздо быстрѣе, чѣмъ росла сама работа молодого поколѣнія на пользу новаго. Противъ поступковъ и мыслей стариковъ, надъ которыми молодежь смѣялась и которые она осуждала, она могла выставить пока лишь одни обѣщанія и пожеланія, и единственнымъ ея оружіемъ было пока острое слово—безпощадное и смѣлое, которое, конечно, было тѣмъ безпощаднѣе и смѣлѣе, чѣмъ меньше была житейская опытность обличителя.

Само собою разумѣется, что на эту обличительную рѣчь старшее поколѣніе не отвѣчало улыбкой. Столкновеніе между стариками и ихъ наслѣдниками становилось неизбѣжно, и оно должно было принять характеръ довольно острый, въ особенности въ тѣхъ дворянскихъ семьяхъ стараго закала, въ которыхъ были живы традиціи недавней старины двухъ предшествующихъ царствованій. Появленіе въ такихъ семьяхъ молодыхъ людей, хотя бы съ самой скромной программой жизни, построенной на новыхъ началахъ, людей, отнюдь не разрушителей или вольнодумцевъ, а просто моралистовъ и слегка либераловъ—всегда могло грозить скандаломъ. Старики преувеличивали опасность и вредъ направленія новой мысли, а люди молодые могли дойти до огульнаго отрицанія всего существующаго.

Вотъ этотъ-то вопросъ о положеніи молодого человѣка среди людей старыхъ взглядовъ и положилъ Грибоѣдовъ въ основаніе своей сатиры.

Такая тема, жизненная и вполнѣ современная, допускала различныя формы литературной обработки. Она могла служить канвой для широкой повѣствовательной картины, для романа или повѣсти. Но эпоха, о которой идетъ рѣчь, была крайне неблагопріятна для бытоописательныхъ повѣстей и романовъ. Художнику эта форма не давалась. Перевѣсъ субъективнаго элемента въ творчествѣ не разрѣшилъ ему написать на эту тему и вполнѣ художественной бытовой комедіи. Въ его распоряженіи оставалась единственная форма, именно форма сатиры, которая позволяла ему одновременно рѣзко подчеркнуть свое личное отношеніе къ вопросу и въ то же время не упустить бытового матерьяла, использовавъ его въ нѣсколькихъ рѣзко очерченныхъ и утрированныхъ типахъ.

Втискивая широкій вопросъ въ тѣсныя рамки сатиры въ лицахъ, Грибоѣдовъ неизбѣжно долженъ былъ допустить много условностей. Нѣкоторыя изъ нихъ онъ допустилъ умышленно, другія были ему навязаны извнѣ.

Сатирикъ долженъ былъ прежде всего, чтобы не разбить впечатлѣнія, сгустить краски при обрисовкѣ старины, съ которой враждовало молодое поколѣніе. Нѣтъ сомнѣнья что эта старина вовсе не была такъ безнадежно тупа, глупа и пошла, какъ она обрисована въ нашей сатирѣ. Въ высшемъ дворянскомъ кругу попадались вѣдь не одни только Фамусовы, Хлестовы, Тугоуховскіе и К°. Было въ немъ много людей и просвѣщенныхъ, и прогрессивныхъ, и съ несомнѣнными заслугами. Но такимъ людямъ не могло быть мѣста въ сатирѣ, если только авторъ желалъ, чтобы Чацкій сдѣлалъ старикамъ строжайшій выговоръ. А авторъ, несомнѣнно, желалъ этого. Такимъ образомъ, въ бытовой картинѣ, гдѣ впервые передъ зрителемъ выступало старое дворянское поколѣніе Екатерининскаго времени, весь этотъ классъ людей былъ представленъ во образѣ какихъ-то нравственныхъ уродовъ. Точно также и военный классъ тѣхъ годовъ едва ли могъ быть подведенъ подъ общій Скалозубовскій типъ. Война 12-го года, въ которой Скалозубъ принималъ участіе, сохранила намъ много типовъ, совсѣмъ на него непохожихъ. Но Грибоѣдову былъ нуженъ именно онъ для сатиры, которая могла одновременно бить по старинѣ Павловской эпохи и по Аракчееву. Наконецъ, чтобы рѣзче подчеркнуть рознь между молодымъ энтузіастомъ и средой, которая его не признаетъ, авторъ пожелалъ создать фигуру для контраста—фигуру также молодого человѣка, но такого, какимъ старики желали бы видѣть представителя подрастающаго поколѣнія. И въ гостиной Фамусова появился Молчалинъ—опять олицетвореніе очень опредѣленнаго порядка мыслей и чувствъ, но едва ли живое лицо. Таковы были условности, которыя были нужны сатирику и которыя онъ допустилъ вполнѣ обдуманно.

Были и другія, которыя ему продиктовала необходимость. Цензура заставила Грибоѣдова умолчать о многомъ, о чемъ, конечно, слѣдовало бы упомянуть. Выводя на сцену молодого человѣка въ боевой позѣ, какъ обличителя цѣлаго обще-

ственнаго уклада, нужно было хорошо вооружить его и убѣжденіями, и знаніями. Такія убѣжденія и взгляды самъ авторъ, конечно, имѣлъ, но передать ихъ своему герою не рѣшился. Что̀ знаемъ мы, напр., объ общественныхъ и политическихъ взглядахъ Чацкаго? Слѣдовъ этихъ взглядовъ мы не найдемъ въ комедіи, но если мы вспомнимъ, какъ этой стороной жизни интересовалось молодое поколѣніе, какимъ предметомъ спора и вражды между стариками и молодыми были вопросы политики внутренней и внѣшней, то отсутствіе указанія на нихъ въ комедіи очень сбиваетъ читателя. Но вина въ данномъ случаѣ не автора. Поднять эти вопросы на сценѣ было невозможно, тѣмъ болѣе, что и безъ нихъ комедія была сочтена достаточно опасной. Приходилось, такимъ образомъ, молчать, пожалуй, о самомъ главномъ и изыскивать способы чѣмъ-нибудь заполнить этотъ пробѣлъ. Но заполнить его было нечѣмъ: онъ такъ и остался, и всѣ, кто читалъ сатиру или смотрѣлъ, какъ ее разыгрывали, выносили впечатлѣніе, что образъ главнаго героя въ обрисовкѣ автора вышелъ неяснымъ: чувства Чацкаго всѣмъ понятны, но что̀ онъ думаетъ, во что̀ онъ вѣритъ, чѣмъ замѣнилъ бы онъ то, что̀ отрицаетъ,—на это нѣтъ ясныхъ указаній.

Нельзя не отмѣтить также, что любовной интригѣ отведено въ пьесѣ слишкомъ много мѣста. Впечатлѣніе отъ этой интриги какъ бы отодвигаетъ на задній планъ всю идейность протеста Чацкаго, и главнымъ источникомъ его негодованія, его филиппикъ какъ-будто является уязвленное самолюбіе непризнаннаго любовника. А если бы Софья Павловна откликнулась на любовь Чацкаго? Неужели онъ помирился бы и съ Фамусовымъ, и съ Молчалинымъ, и съ Скалозубомъ? Легко возможно, если брать его таковымъ, какимъ онъ стоитъ передъ нами въ пьесѣ, и не дополнять его словъ тѣми словами, которыхъ онъ не успѣлъ или не могъ сказать. Вся комедія въ сущности построена на его любви, и эта любовь, быть можетъ, извиняетъ и его

ранній пріѣздъ въ домъ Фамусова и его небрежное отношеніе къ хозяину дома, и его наскокъ на Скалозуба и Молчалина и, наконецъ, это послѣднее, странное по своей напыщенности, рѣшеніе: „Вонъ изъ Москвы!". Но, зная глубокій умъ автора, его широкій умственный кругозоръ, нельзя предположить, чтобы именно эту личную обиду Чацкаго онъ чувствовалъ такъ больно. И можетъ прійти въ голову мысль— не потому ли авторъ такъ налегъ на любовную исторію, что въ болѣе широкомъ развитіи дѣйствія онъ былъ несвободенъ? Не затѣмъ ли оскорблена такъ сильно въ Чацкомъ любовь, чтобы заставить его почувствовать непримиримую вражду къ этимъ людямъ, къ которымъ онъ долженъ чувствовать такую вражду и помимо отвергнутой любви, въ силу принципіальной своей розни съ ними по вопросамъ, гораздо болѣе существеннымъ, чѣмъ личное чувство? Не есть ли эта оскорбленная любовь своего рода символъ непримиримаго несогласія во всѣхъ взглядахъ? Если такъ понять ее, то и роль Молчалина въ любовной интригѣ станетъ болѣе правдоподобна. Любовь Софьи Павловны къ Молчалину всегда возбуждала недоумѣніе. Что̀ она нашла въ немъ? Положимъ, она души его не знала. Онъ игралъ съ ней въ любовь, все больше молчалъ или говорилъ сентиментальныя приторности. Но все же—не могла она не замѣтить, ну, если не пошлости, то хоть пустоты этого человѣка, а между тѣмъ любовь ея искренняя, а не простое кокетство. Иногда эту любовь объясняли нелѣпымъ воспитаніемъ; быть можетъ—но возможно предположить также, что эта любовь навязана Софьѣ авторомъ въ цѣляхъ болѣе рѣзкаго оттѣненія душевной трагедіи Чацкаго. Отвергнутая любовь, да еще перенесенная на недостойнаго человѣка — хорошій драматическій двигатель: онъ могъ быть нуженъ, чтобы пропасть между Чацкимъ и окружающимъ его обществомъ сдѣлать еще глубже. Впрочемъ, кто знаетъ,—можетъ быть, авторъ руководился въ данномъ случаѣ просто старой литературной традиціей, которая любовную интригу дѣлала обязательной

для всякой пьесы, хотя бы ея основная идея ничего общаго съ любовными дѣлами не имѣла.

Нѣтъ нужды давать характеристики всѣхъ дѣйствующихъ лицъ комедіи. Большинство изъ нихъ такъ ярко очерчено, что добавлять къ словамъ автора нечего. Но на характеристикѣ главнаго лица придется остановиться, такъ какъ она одна изъ всѣхъ допускаетъ разнорѣчивое толкованіе. И дѣйствительно, такихъ разнорѣчивыхъ толкованій накопилось въ нашей критикѣ немало *). Каждое поколѣніе выступало со своей оцѣнкой Чацкаго, и одно уже это обстоятельство указываетъ на глубокій смыслъ появленія въ обществѣ такихъ людей, какъ этотъ молодой энтузіастъ, обличитель, попадающій въ смѣшное положеніе.

Что̀ хотѣлъ авторъ сказать тѣмъ смѣшнымъ положеніемъ, въ которое героя поставилъ? Заслуживалъ ли Чацкій этого? Если принять во вниманіе то, что̀ говорено выше, то—нѣтъ, потому что, повидимому, это типъ положительный. Въ молодомъ поколѣніи Александровскаго царствованія мы замѣчаемъ искреннее стремленіе критиковать старину, смѣлое отрицаніе старыхъ устоевъ жизни, много огня въ сердцѣ, много экзальтированности въ чувствахъ, большую порывистость въ мысляхъ—качества, которыми такъ блещетъ герой комедіи Грибоѣдова. Если по многимъ вопросамъ Чацкій не имѣетъ, что̀ сказать, то онъ молчитъ поневолѣ.

Но какъ оградить себя отъ другого предположенія? Что если у Чацкаго на самомъ дѣлѣ не было никакихъ установившихся взглядовъ ни на одинъ серьезный вопросъ жизни? Что если Грибоѣдовъ зналъ, что у его героя такихъ отвѣтовъ не имѣется, и что если онъ Чацкаго вывелъ на сцену не для того только, чтобы имъ любоваться или кому-ни-

*) «Чацкій просто крикунъ, фразеръ, идеальный шутъ, на каждомъ шагу профанирующій все святое, о которомъ говорятъ» [Бѣлинскій]. «Онъ искренній и горячій дѣятель, остальные паразиты. Роль Чацкихъ всегда побѣдительная... они вѣстовщики грядущаго» [Гончаровъ].

будь его ставить въ примѣръ? Возможно, что сатирикъ, наблюдая за молодежью своего времени, отмѣтилъ въ ней экзальтированность, не прикрытую никакими убѣжденіями, недовольство окружающимъ, безъ возможности указать на способы плодотворной борьбы, увлеченіе словомъ, не подкрѣпленнымъ дѣйствіемъ, душевный жаръ, который самъ себя пожираетъ, и ни на какое дѣло не направляетъ ни ума, ни чувства? Отмѣтивъ эти качества, которыя всегда во всякомъ молодомъ поколѣніи встрѣчаются, не желалъ ли сатирикъ указать на нихъ, какъ на нѣчто также заслуживающее осужденія? Припоминая, какой Грибоѣдовъ былъ практичный и дѣловой человѣкъ, какой насмѣшникъ, какъ трезво онъ смотрѣлъ на жизнь, какъ мало было въ немъ уступчивости, мечтательности, сентиментальности — можно предположить, что онъ съ одинаковой строгостью отнесся и къ старикамъ, и къ молодымъ, и вовсе не былъ влюбленъ въ своего „Чадскаго", сердце котораго и горѣло, и чадило, и которому умъ пошелъ не на радость, а на горе.

Есть въ комедіи два намека, которые, независимо отъ вопроса о личности Чацкаго, говорятъ какъ будто въ пользу такого предположенія. Какъ разъ въ то время, когда комедія Грибоѣдова была закончена [1823[, въ Москвѣ начиналъ пользоваться извѣстностью и уваженіемъ философскій кружокъ, членами котораго, какъ мы помнимъ, были Веневитиновъ и его друзья. Многіе изъ этихъ молодыхъ людей, Грибоѣдову знакомыхъ, состояли чиновниками на службѣ въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Всѣ они, такъ называемые „архивные юноши", были большіе идеалисты, сентименталисты и мечтатели, но, конечно, совсѣмъ не „дѣловые". И вотъ въ ихъ компанію Грибоѣдовъ зачѣмъ-то зачислилъ Молчалина, опредѣливъ его въ тотъ же архивъ на службу *).

*) Въ комедіи, впрочемъ, не сказано въ какой архивъ, но намекъ довольно ясенъ.

Затѣмъ, въ тѣ же годы, когда Грибоѣдовъ работалъ надъ своей комедіей, вполнѣ сложились и тайныя общества. Грибоѣдовъ хорошо былъ освѣдомленъ о томъ, что̀ въ этихъ обществахъ творилось.

И болѣе чѣмъ странны тѣ слова, которыя онъ вложилъ въ уста Репетилову, и въ которыхъ заключенъ прозрачный намекъ на эти тайныя собранія.

„Поздравь меня, — говоритъ Репетиловъ Чацкому, — теперь съ людьми я знаюсь съ умнѣйшими... Изъ шумнаго я засѣданія... Пожалуйста молчи—я слово далъ молчать. У насъ есть общество и тайныя собранія, по четвергамъ. Секретнѣйшій союзъ. Вслухъ, громко говоримъ — никто не разберетъ. Я самъ, какъ схватятся о камерахъ, присяжныхъ, о Байронѣ... о матерьяхъ важныхъ, частенько слушаю, не разжимая губъ. Что за люди! Сокъ умной молодежи... Рѣшительные люди, горячихъ дюжина головъ; кричимъ—подумаешь, что сотни голосовъ! Шумимъ, братецъ, шумимъ... Не мѣсто объяснять теперь и недосугъ, но—государственное дѣло! оно, вотъ видишь, не созрѣло, нельзя же вдругъ... что за люди!“

И затѣмъ идетъ перечисленіе этихъ людей — цѣлая выставка пошляковъ:

Во-первыхъ, князь Григорій,
Чудакъ единственный, насъ со смѣху моритъ!
Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка,
И такъ же онъ сквозь зубы говоритъ,
И такъ же коротко обстриженъ для порядка.
Ты незнакомъ? О, познакомься съ нимъ.
Другой—Воркуловъ Евдокимъ.
Ты не слыхалъ, какъ онъ поетъ? О, диво!
Послушай, милый, особливо
Есть у него любимое одно:
«А нонъ ла-шьяръ ми но-но-но!»
Еще у насъ два брата:
Левонъ и Боренька—чудесные ребята!
Объ нихъ не знаешь, что̀ сказать.
Но если генія прикажете назвать, —
Удушьевъ, Ипполитъ Маркелычъ!

Ты сочиненія его
Читалъ ли что-нибудь? хоть мелочь?
Прочти, братецъ! Да онъ не пишетъ ничего!
Вотъ этакихъ людей бы сѣчь-то,
И приговаривать: писать, писать, писать!
Въ журналахъ можешь ты однако отыскать
Его отрывокъ: «Взглядъ и Нѣчто».
Объ чемъ бишь «Нѣчто»?—обо всемъ:
Все знаетъ; мы его на черный день пасемъ;
Но голова у насъ, какой въ Россіи нѣту,
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ,
И крѣпко на руку не чистъ.
Да умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ!
Когда-жъ о честности высокой говоритъ,
Какимъ-то демономъ внушаемъ,
Глаза въ крови, лицо горитъ,
Самъ плачетъ, и мы всѣ рыдаемъ.

Можно спросить — да декабристовъ ли имѣлъ въ виду Грибоѣдовъ? Можетъ быть, сатирикъ говорилъ о какомъ-нибудь иномъ интимномъ кружкѣ, быть можетъ, о какой-нибудь выродившейся массонской ложѣ?

Во всякомъ случаѣ, слова о „государственномъ дѣлѣ, которое еще не созрѣло“, могли быть истолкованы какъ прямой намекъ по адресу декабристовъ, и Грибоѣдовъ зналъ, что такое толкованіе будетъ имъ дано, и тѣмъ не менѣе произвелъ Репетилова въ члены тайнаго политическаго общества.

За что онъ кольнулъ и философовъ мечтателей и мечтателей политиковъ? За излишнюю любовь къ словамъ?

А что если и къ Чацкому, къ этому герою исключительно словеснаго низложенія всѣхъ авторитетовъ, Грибоѣдовъ относился минутами иронически, и его сатира была не прославленіемъ героя, въ котораго онъ вложилъ всю свою душу, а разносомъ и отцовъ, и дѣтей, — насмѣшкой надъ отрицательными сторонами перезрѣлыхъ пошляковъ и недозрѣлыхъ мечтателей? Все это, конечно, лишь до-

гадки. Самъ Грибоѣдовъ признавался въ полной симпатіи къ Чацкому, онъ всегда былъ на его сторонѣ, но онъ далъ столь неясную характеристику своего пріятеля, и ставилъ его неоднократно въ столь смѣшное положеніе, что оставилъ за нами право дѣлать всевозможныя предположенія. Отчего же не предположить, что прекраснодушіе, легковѣрность, сентиментальность и словесный паѳосъ Чацкаго сердили минутами его скептически, трезво и дѣловито настроеннаго друга? И въ эти минуты Грибоѣдовъ могъ быть очень строгъ къ своему любимцу. Характеристика Чацкаго, какъ она дана въ сатирѣ, дѣйствительно, очень не полна и туманна.

Изъ всѣхъ типовъ сатиры это наиболѣе колеблющійся и неопредѣленный типъ; и авторъ очень скупъ на поясненія. Мы не знаемъ ничего о дѣтствѣ Чацкаго и его ранней юности; мы не знаемъ, какъ его воспитывали, не знаемъ даже, кончилъ ли онъ какое-нибудь высшее учебное заведеніе. О чемъ онъ думалъ, чѣмъ занимался — неизвѣстно. Есть глухое указаніе на какую-то его „связь съ министрами", но мало вѣроятно, чтобы у этого юнца [а съ министрами онъ, очевидно, былъ знакомъ до своего отъѣзда изъ Россіи, когда ему было 18 лѣтъ] были какія-нибудь серьезныя сношенія съ дѣловыми людьми. Гдѣ Чацкій пропадалъ три года?—и на этотъ вопросъ тоже нѣтъ отвѣта. Онъ былъ, конечно, за границей, такъ какъ сказано, что онъ видѣлъ „свѣтъ" и уѣхалъ „въ даль", а если бы онъ жилъ въ Петербургѣ, то за три года навѣрное побывалъ бы въ Москвѣ, хотя бы для того, чтобы посмотрѣть на Софью Павловну. Чѣмъ онъ занимался за границей, въ какихъ кругахъ вращался — этой, для того времени очень важной справки намъ авторъ не даетъ. Наконецъ, куда уѣзжаетъ Чацкій и гдѣ его оскорбленное чувство находитъ себѣ уголокъ — на станціяхъ ли безконечной дороги, у себя ли въ усадьбѣ [кстати, какъ онъ смотрѣлъ на свою обязанность помѣщика? имѣніемъ, мы знаемъ, онъ управлялъ

оплошно, но противъ крѣпостного права декламировалъ хорошо] или, быть можетъ, опять за границей? Кто знаетъ? Чацкій появляется передъ нами въ одно прекрасное утро, и ночью того же дня исчезаетъ, какъ таинственный незнакомецъ.

Въ комедіи ему выдается одна лишь опредѣленная аттестація: онъ очень гордъ и большой насмѣшникъ. Софья Павловна признается, что онъ славно умѣетъ всѣхъ пересмѣять: болтаетъ, шутитъ—и ей забавно. Признавая его умъ, остроту и краснорѣчіе, соглашаясь съ тѣмъ, что онъ умѣетъ увлечь людей, Софья Павловна дѣлаетъ только одну оговорку: она полагаетъ, что онъ о себѣ думаетъ слишкомъ высоко и что въ его насмѣшкѣ гораздо больше самоуслажденія, чѣмъ критическаго отношенія къ жизни и серьезности: „Онъ тамъ счастливъ — говоритъ она — гдѣ люди посмѣшнѣе". Она, очевидно, хочетъ сказать, что людей-то собственно Чацкій не любитъ и мало опечаленъ тѣмъ, что въ нихъ такъ много смѣшныхъ сторонъ. Она, повидимому, права, такъ какъ при первой же встрѣчѣ Чацкій не щадитъ ея родственныхъ чувствъ и всѣхъ ея родныхъ, начиная съ папаши, высмѣиваетъ безпощадно, не будучи пока ничѣмъ вызванъ на такія колкости. Онъ сразу начинаетъ щеголять передъ Софьей Павловной своимъ остроуміемъ:

Ну, что вашъ батюшка? все Англійскаго клоба
Старинный, вѣрный членъ до гроба?
Вашъ дядюшка отпрыгалъ ли свой вѣкъ?
А этотъ... какъ его?.. онъ турокъ или грекъ.....
Тотъ черномазенькій, на ножкахъ журавлиныхъ,
Не знаю, какъ его зовутъ...
Куда ни сунься: тутъ какъ тутъ,
Въ столовыхъ и гостиныхъ?..
А трое изъ бульварныхъ лицъ,
Которые съ полвѣка молодятся?
Родныхъ мильонъ у нихъ, и съ помощью сестрицъ
Со всей Европой породнятся.
А наше солнышко, нашъ кладъ?
На лбу написано: театръ и маскарадъ;

Домъ зеленью расписанъ въ видѣ рощи,
Самъ толстъ, его артисты тощи...
На балѣ, помните, открыли мы вдвоемъ
За ширмами, въ одной изъ комнатъ посекретнѣй,
Былъ спрятанъ человѣкъ и щелкалъ соловьемъ—
Пѣвецъ зимой погоды лѣтней.
А тотъ, чахоточный, родня вашъ, книгамъ врагъ,
Въ ученый комитетъ который поселился
И съ крикомъ требовалъ присягъ,
Чтобъ грамотѣ никто не зналъ и не учился?..
Опять увидѣть ихъ мнѣ суждено судьбой!
Жить съ ними надоѣстъ, и въ комъ не сыщешь пятенъ;
Когда-жъ постранствуешь, воротишься домой,
И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ.
А тетушка? Все дѣвушкой, Минервой?
Все фрейлиной Екатерины Первой?
Воспитанницъ и мосекъ полонъ домъ?
Ахъ, къ воспитанью перейдемъ;
Что нынче, такъ же, какъ издревле,
Хлопочутъ набирать учителей полки,
Числомъ поболѣе, цѣною подешевле?
Не то, чтобы въ наукѣ далеки:
Въ Россіи, подъ великимъ штрафомъ,
Намъ каждаго признать велятъ
Историкомъ и географомъ!
Нашъ менторъ—помните колпакъ его, халатъ,
Перстъ указательный, всѣ признаки ученья,
Какъ наши робкіе тревожили умы!...
Какъ съ раннихъ поръ привыкли вѣрить мы,
Что намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья!
Свиданьемъ съ вами оживленъ,
Я говорливъ, а развѣ нѣтъ временъ,
Что я Молчалина глупѣе? Гдѣ онъ, кстати?
Еще ли не сломилъ безмолвія печати?
Бывало, пѣсенокъ гдѣ новенькихъ тетрадь
Увидитъ—пристаетъ: пожалуйте списать.
А впрочемъ, онъ дойдетъ до степеней извѣстныхъ —
Вѣдь нынче любятъ безсловесныхъ.

„Не человѣкъ — змѣя!“ говоритъ про себя Софья Павловна и спрашиваетъ Чацкаго язвительно, случалось ли ему когда-нибудь о комъ-либо сказать доброе? Онъ очень удивленъ такимъ вопросомъ и не хочетъ вѣрить, чтобы его слова могли кому-нибудь принести вредъ:

Послушайте, ужель слова мои всѣ колки
И клонятся къ чьему-нибудь вреду?
Но если такъ—умъ съ сердцемъ не въ ладу;
Я въ чудакахъ иному чуду
Разъ посмѣюсь, потомъ забуду;

Софья Павловна, однако, не можетъ признать въ немъ такого безобиднаго смѣха:

Хотите знать вы истины два слова?
Малѣйшая въ комъ странность чуть видна —
Веселость ваша *не скромна:*
У васъ тотчасъ ужъ острота готова,
А сами вы...

Чацкій.

А самъ? не правда ли, смѣшонъ?

Софья.

Да, грозный взглядъ, и рѣзкій тонъ...
И этихъ въ васъ особенностей бездна;

Не „особенностей“ — она хотѣла сказать „странностей“. Эти странности для нея скоро разъясняются, и въ смѣхѣ Чацкаго Софья Павловна начинаетъ подозрѣвать откровенное презрѣніе къ людямъ... Смирнѣйшему нѣтъ отъ Чацкаго пощады!

„Шутить, и вѣкъ шутить! Какъ васъ на это станетъ?!“

Наконецъ этотъ неудержимый смѣхъ ей кажется пустымъ тщеславіемъ. Она думаетъ, что Чацкій затѣмъ глумится надъ всѣмъ свѣтомъ, чтобы люди замѣтили его и о немъ заговорили.

И у Чацкаго не находится на эти довольно справедливыя замѣчанія иного отвѣта, кромѣ уже разъ высказаннаго:

Ахъ, Боже мой! неужли я изъ тѣхъ,
Которыхъ цѣль всей жизни смѣхъ?
Мнѣ весело, когда смѣшныхъ встрѣчаю,
А чаще съ ними я скучаю.

Но на самомъ дѣлѣ, что же такое этотъ смѣхъ Чацкаго? Забава или, дѣйствительно, гнѣвъ?

Чацкій смѣется двойнымъ смѣхомъ. Когда онъ смѣется какъ Чацкій, какъ молодой баловень, капризный и самолюбивый—его смѣхъ простое острословіе, дерзкое въ достаточной степени и необычайно колкое, но безъ всякой примѣси какого-нибудь негодованія или гражданской скорби. Свѣтскій человѣкъ потѣшается надъ всѣми окружающими.

Когда же Чацкій начинаетъ смѣяться смѣхомъ Грибоѣдова, смѣхомъ сатирика и обвинителя, тогда этотъ смѣхъ насквозь пропитывается и гнѣвомъ, и печалью. Это уже настоящій, обличающій смѣхъ человѣка, близко принимающаго къ сердцу тѣ общественные недуги, надъ которыми ему приходится глумиться. Въ эти минуты Чацкій въ своихъ знаменитыхъ монологахъ становится патетиченъ и глубоко серьезенъ.

Эти монологи настолько серьезны и съ такимъ жаромъ сказаны, что отъ насъ ускользаетъ безспорная несерьезность повода, ихъ вызвавшаго. Вѣдь Чацкій въ сущности лишь неудачный любовникъ; иного дѣла, кромѣ любовнаго, онъ пока за душой не имѣетъ, а говоритъ онъ о томъ, какъ его обманула — *родина*. Услыхавъ, что его ославили безумнымъ [а кто ославилъ: г-нъ Загорѣцкій, гг. Х. и У., княжны Тогоуховскія, Хлестова etc.], онъ восклицаетъ:

Чье это сочиненье?
Повѣрили глупцы, другимъ передаютъ,
Старухи вмигъ тревогу бьютъ —
И вотъ общественное мнѣнье!
И вотъ та родина!.. Нѣтъ, въ нынѣшній пріѣздъ,
Я вижу, что она мнѣ скоро надоѣстъ.

При чемъ тутъ *общественное* мнѣніе и при чемъ тутъ родина?—можемъ мы спросить. Неужели вся она умѣстилась въ гостиной Фамусова? Еще страннѣе, чтобы не сказать больше, послѣднія слова, съ какими Чацкій прощается съ нами.

Пока онъ упрекаетъ Софью Павловну и Фамусова, онъ говоритъ возбужденно и раздраженно, какъ обиженный влюбленный человѣкъ, и говоритъ логично:

Слѣпецъ! я въ комъ искалъ награду всѣхъ трудовъ?
Спѣшилъ!.. летѣлъ!.. дрожалъ!.. вотъ счастье, думалъ, близко!
Предъ кѣмъ я давеча такъ страстно и такъ низко
Былъ расточитель нѣжныхъ словъ.
А вы! о, Боже мой! кого себѣ избрали?
Когда подумаю, кого вы предпочли?
Зачѣмъ меня надеждой завлекли?
Сказали бы, что вамъ внезапный мой пріѣздъ,
Мой видъ, мои слова, поступки—все противно:
Я съ вами тотчасъ бы сношенія пресѣкъ
И передъ тѣмъ, какъ навсегда разстаться,
Не сталъ бы очень добиваться,
Кто этотъ вамъ любезный человѣкъ...
А вы, сударь, отецъ, вы, страстные къ чинамъ,
Желаю вамъ дремать въ невѣдѣньи счастливомъ,
Я сватаньемъ моимъ не угрожаю вамъ.
Другой найдется благонравный,
Низкопоклонникъ и дѣлецъ,
Достоинствами, наконецъ,
Онъ будущему тестю равный.

Но въ концѣ монолога Чацкій вдругъ, почему-то считаетъ себя въ правѣ излить желчь *на весь міръ* и, отождествляя гостиную Фамусова со всей Москвой, готовъ бѣжать изъ столицы въ пространство.

Такъ! Отрезвился я сполна,
Мечтанья съ глазъ долой и спала пелена!
Теперь не худо-бъ было сряду
На дочь и на отца,
И на любовника глупца,
И на весь міръ излить всю желчь и всю досаду.
Съ кѣмъ былъ? Куда меня закинула судьба?
Всѣ гонятъ! всѣ клянутъ! мучителей толпа,
Въ любви предателей, въ враждѣ неутомимыхъ,
Разсказчиковъ неукротимыхъ,
Нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простяковъ,
Старухъ зловѣщихъ, стариковъ,
Дряхлѣющихъ надъ выдумками, вздоромъ!..
Безумнымъ вы мени прославили всѣмъ хоромъ—
Вы правы: изъ огня тотъ выйдетъ невредимъ,
Кто съ вами день пробыть успѣетъ,
Подышитъ воздухомъ однимъ,
И въ комъ разсудокъ уцѣлѣетъ!

Вонъ изъ Москвы! сюда я больше не ѣздокъ.
Бѣгу, не оглянусь, пойду искать по свѣту,
Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ!
Карету мнѣ, карету!

Мы,—но, конечно, въ иномъ смыслѣ, чѣмъ Фамусовъ,—можемъ спросить, чѣмъ же Москва провинилась передъ Чацкимъ, и не говорятъ ли эти слова, дѣйствительно, о нѣкоторой его умственной неуравновѣшенности? Бѣжать изъ Москвы и мыкаться по свѣту, потому что случай свелъ съ людьми, которыхъ имѣешь право презирать,—нѣсколько странно. Тѣмъ болѣе странно, что въ той же Москвѣ нашъ обличитель легко могъ найти компанію, которая оцѣнила бы его стремленія, и вѣроятно не была бы такъ удивлена горячностью его рѣчи.

Но весь комизмъ этихъ громкихъ словъ, сказанныхъ Чацкимъ на прощаніе, отъ насъ какъ-то ускользаетъ, потому что въ ушахъ нашихъ все звучатъ другіе его страстные монологи и все намъ кажется, что передъ нами стоитъ непризнанный пророкъ и обличитель, поборникъ идеаловъ молодого поколѣнія, убѣжденный идеалистъ и либералъ въ широкомъ смыслѣ слова.

Для насъ Чацкій всетаки герой благороднаго подвига и все потому, что онъ, трижды забывая самого себя и свою любовную канитель, выступилъ съ громкимъ, сильнымъ и серьезнымъ словомъ.

Въ первый разъ, мы помнимъ, онъ, щеголяя своимъ остроcловіемъ передъ Софьей Павловной, сказалъ нѣсколько теплыхъ и правдивыхъ словъ о нашихъ общественныхъ язвахъ, о крѣпостномъ состояніи, объ обскурантахъ и о системѣ воспитанія. Положимъ, рѣчи эти были некстати, но все же искренни.

Но съ Софьей Павловной онъ шутилъ, а съ Фамусовымъ сталъ говорить болѣе рѣзко:

И точно началъ свѣтъ глупѣть,
Сказать вы можете вздохнувши;

Какъ посравнить, да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій—
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.
Какъ тотъ и славился, чья чаще гнулась шея;
Какъ не въ войнѣ, а въ мирѣ брали лбомъ —
Стучали объ полъ, не жалѣя!
Кому нужда—тѣмъ спесь, лежи они въ пыли,
А тѣмъ, кто выше, лесть, какъ кружево, плели.
Прямой былъ вѣкъ покорности и страха,
Все подъ личиною усердія къ царю!
Я не объ дядюшкѣ объ вашемъ говорю,—
Его не возмутимъ мы праха,—
Но между тѣмъ, кого охота заберетъ,
Хоть въ раболѣпствѣ самомъ пылкомъ,
Теперь, чтобы смѣшить народъ,
Отважно жертвовать затылкомъ?
А сверстничекъ, а старичокъ
Иной, глядя на тотъ скачокъ
И разрушаясь въ ветхой кожѣ,
Чай, приговаривалъ: ахъ, если бы мнѣ тоже.
Хоть есть охотники поподличать вездѣ.
Да нынче смѣхъ страшитъ и держитъ стыдъ въ уздѣ.
Недаромъ жалуютъ ихъ скупо государи.

Затѣмъ, тѣ же мысли, но съ еще большей силой и уже съ явнымъ негодованіемъ Чацкій повторилъ при Скалозубѣ.

А судьи кто?.. За древностію лѣтъ,
Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима;
Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ
Временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма;
Всегда готовые къ журьбѣ,
Поютъ все пѣснь одну и ту же,
Не замѣчая о себѣ,
Что старѣе, то хуже.
Гдѣ, укажите намъ, отечества отцы,
Которыхъ мы должны принять за образцы?
Не тѣ ли, что, грабительствомъ богаты,
Защиту отъ суда въ друзьяхъ нашли въ родствѣ,
Великолѣпныя соорудя палаты,
Гдѣ разливаются въ пирахъ и мотовствѣ,
И гдѣ не воскресятъ кліенты иностранцы
Прошедшаго житья подлѣйшія черты?
Да и кому въ Москвѣ не зажимали рты
Обѣды, ужины и танцы?

Не тотъ ли вы, къ кому меня съ пеленъ,
Для замысловъ какихъ-то непонятныхъ,
Дитей возили на поклонъ?
Тотъ Несторъ негодяевъ знатныхъ
Толпою окруженный слугъ?
Усердствуя, они, въ часы вина и драки,
И жизнь, и честь его не разъ спасали; вдругъ
На нихъ онъ вымѣнялъ борзыя три собаки!
Или вонъ тотъ еще, который для затѣй
На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей?
Самъ погруженъ умомъ въ зефирахъ и амурахъ,
Заставилъ всю Москву дивиться ихъ красѣ;
Но кредиторовъ тѣмъ не согласилъ къ отсрочкѣ:
Амуры и зефиры всѣ
Распроданы по одиночкѣ!
Вотъ тѣ, которые дожили до сѣдинъ!
Вотъ уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!
Теперь пускай изъ насъ одинъ,
Изъ молодыхъ людей, найдется врагъ исканій,
Не требуя ни мѣстъ, ни повышенья въ чинъ.
Въ науки онъ вперитъ умъ, алчущій познаній;
Или въ душѣ его самъ Богъ возбудитъ жаръ
Къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ
Они тотчасъ: разбой! пожаръ!
И прослывешь у нихъ мечтателемъ опаснымъ.
Мундиръ! одинъ мундиръ! Онъ въ прежнемъ ихъ быту
Когда-то укрывалъ, расшитый и красивый,
Ихъ слабодушіе, разсудка нищету;
И намъ за ними въ путь счастливый?
И въ женахъ, дочеряхъ къ мундиру та же страсть...
Я самъ къ нему давно-ль отъ нѣжности отрекся?
Теперь ужъ въ это мнѣ ребячество не впасть.

Собесѣдникъ, положимъ, былъ опять выбранъ неудачно, но рѣчь была отъ души и полна очень искренняго воодушевленія.

Наконецъ, въ третьемъ актѣ, сначала передъ Софьей, а затѣмъ въ пространство, Чацкій разражается своимъ послѣднимъ монологомъ. Это тотъ знаменитый монологъ, въ которомъ Чацкій силится разобраться въ вопросѣ о нашемъ національномъ чувствѣ и о подражаніи иноземному;

Софья.

Скажите, что̀ васъ такъ гнѣвитъ?

Чацкій.

Въ той комнатѣ незначущая встрѣча:
Французикъ, изъ Бордо, надсаживая грудь,
Собралъ вокругъ себя родъ вѣча
И сказывалъ, какъ снаряжался въ путь
Въ Россію, къ варварамъ, со страхомъ и слезами;
Пріѣхалъ—и нашелъ, что ласкамъ нѣтъ конца:
Ни звука русскаго, ни русскаго лица
Не встрѣтилъ; будто бы въ отечествѣ съ друзьями—
Своя провинція! Посмотришь, вечеркомъ
Онъ чувствуетъ себя здѣсь маленькимъ царькомъ!
Такой же толкъ у дамъ, такіе же наряды...
Онъ радъ, но мы не рады.
Умолкъ. И тутъ со всѣхъ сторонъ
Тоска, и оханье, и стонъ:
«Ахъ, Франція! Нѣтъ въ мірѣ лучше края!»—
Рѣшили двѣ княжны-сестрицы, повторяя
Урокъ, который имъ изъ дѣтства натверженъ.
Куда дѣваться отъ княженъ?
Я одаль возсылалъ желанья
Смиренныя,—однако вслухъ,—
Чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ
Пустого, рабскаго, слѣпого подражанья;
Чтобъ искру заронилъ онъ въ комъ-нибудь съ душой,
Кто могъ бы словомъ и примѣромъ
Насъ удержать, какъ крѣпкою вожжей,
Отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой.
Пускай меня объявятъ старовѣромъ,
Но хуже для меня нашъ сѣверъ во сто кратъ
Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ обмѣнъ на новый ладъ,
И нравы, и языкъ, и старину святую,
И величавую одежду на другую
По шутовскому образцу:
Хвостъ сзади, спереди какой-то чудный выемъ,
Разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ!
Движенья связанны и не краса лицу.
Смѣшные, бритые, сѣдые подбородки!..
Какъ платье, волосы, такъ и умы коротки!..
Ахъ, если рождены мы все перенимать,
Хоть у китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ!
Воскреснемъ ли когда отъ чужевластья модъ,

Чтобъ умный, добрый нашъ народъ
Хотя по языку насъ не считалъ за нѣмцевъ?
«Какъ европейское поставить въ параллель
«Съ національнымъ—странно что-то!
«Ну, какъ перевести мадамъ, мадмуазель?
Ужли—сударыня?»—забормоталъ мнѣ кто-то...
Вообразите, тутъ у всѣхъ
На мой же счетъ поднялся смѣхъ.
«Сударыня! ха! ха! ха! ха! прекрасно!
«Сударыня! ха! ха! ха! ха! ужасно!»
Я, разсердясь и *жизнь кляня*,
Готовилъ имъ отвѣтъ громовый,—
Но всѣ оставили меня.
Вотъ случай вамъ со мною,—онъ не новый.
Москва и Петербургъ во всей Россіи то,
Что̀ человѣкъ изъ города Бордо.
Лишь ротъ открылъ—имѣетъ счастье
Во всѣхъ княженъ вселять участье
И въ Петербургѣ, и въ Москвѣ.
Кто недругъ выписныхъ лицъ, вычуръ, словъ кудрявыхъ,
Въ чьей, по несчастью, головѣ
Пять-шесть найдется мыслей здравыхъ,
И онъ осмѣлится ихъ гласно объявлять—
Глядь...

Монологъ сказанъ опять некстати, и въ немъ кроется странная непослѣдовательность [Фамусовъ, напр., былъ также противъ иностраннаго вліянія на нашъ чисто русскій укладъ жизни], но наболѣвшая душа Чацкаго всетаки видна въ этой довольно несвязной рѣчи.

Итакъ, передъ нами собственно два Чацкихъ: одинъ—влюбленный юноша, который „рыскаетъ по свѣту, бьетъ баклуши“, „франтъ—пріятель, отъявленъ мотомъ, сорванцомъ, какъ его аттестуетъ Фамусовъ; гордый, самолюбивый юноша, насмѣшникъ и насчетъ идей довольно беззаботный. Другой—серьезный обличитель разныхъ общественныхъ недуговъ, сатирикъ, съ очень горячей душой, переполненной гражданской скорбью.

Первый ведетъ себя не умно: плохо знаетъ женское сердце, пренебрегаетъ приличіемъ, любовную интригу ведетъ крайне неумѣло; надоѣдаетъ Софьѣ Павловнѣ своей

любовью, требуетъ отъ нея какой-то исповѣди, на которую права не имѣетъ, старается, и совсѣмъ неумно, уронить Молчалина въ ея глазахъ, доходитъ въ своей растерянности до того, что неделикатно напоминаетъ любимой дѣвушкѣ о „прысканьи и объ оттираніи“ и о томъ, что онъ ее этимъ прысканьемъ „воскресилъ“ для другого — однимъ словомъ, ведетъ себя такъ, какъ никогда не повелъ бы себя Грибоѣдовъ. На каждомъ шагу онъ рискуетъ подставить себя подъ рядъ непріятныхъ замѣчаній со стороны людей, которыхъ имѣетъ всѣ основанія не уважать. Фамусовъ былъ правъ, когда сказалъ ему: „Поди-ка, послужи!“—напирая на то, что Чацкій ни къ какому дѣлу не приткнутъ; ему и Скалозубъ могъ замѣтить: „Я всетаки сидѣлъ въ траншеѣ, а—вы?“ Наконецъ, и Молчалинъ, если бы онъ собрался съ духомъ, могъ бы намекнуть Чацкому, что онъ, Молчалинъ, какъ-никакъ трудится и зарабатываетъ себѣ кусокъ хлѣба, а Чацкій живетъ на даровыхъ хлѣбахъ.

Второй Чацкій—тотъ ведетъ себя также не умно, потому что говоритъ всегда некстати и передъ глухими. Но рѣчь его умна, полна темперамента и смысла, полна искренняго увлеченія. Видно, что Чацкій велъ долгія бесѣды съ Грибоѣдовымъ. Но по этимъ умнымъ рѣчамъ Чацкаго нельзя себѣ составить яснаго понятія о томъ, чего онъ хочетъ.

Мы не знаемъ, насколько этотъ представитель молодого поколѣнія отстаетъ отъ своего времени или опережаетъ тогдашнее общественное движеніе. Мы знаемъ только, что противъ старины онъ возстаетъ во имя туманнаго, но весьма честнаго идеала. Онъ, конечно, не консерваторъ, но онъ и либералъ безъ программы. Въ единственномъ вопросѣ, по которому онъ высказывается болѣе подробно,—по вопросу о національномъ чувствѣ, онъ склоняется въ сторону націонализма и очень подозрительно смотритъ на иноземное вліяніе. Онъ правъ, потому что обрушивается на смѣшныя стороны этого вліянія, но гдѣ граница между смѣшнымъ

и вреднымъ подражаніемъ и полезнымъ заимствованіемъ— онъ не указываетъ.

Если, дѣйствительно, такіе Чацкіе встрѣчались въ жизни, то это были образцы еще совсѣмъ не сформировавшихся молодыхъ людей, большихъ энтузіастовъ и критикановъ, въ сердцѣ и умѣ которыхъ мысли и чувства находились въ полномъ броженіи; эти люди понимали, что такъ жить, какъ живутъ старики,—нельзя, но они даже для собственнаго обихода не имѣли пока еще яснаго представленія о новомъ пути.

И опять можетъ навернуться вопросъ,—а не было ли у автора желанія при случаѣ посмѣяться надъ горячностью своего героя и надъ его сентиментальнымъ сердцемъ, которое такъ часто было въ разладѣ съ большимъ умомъ, уступленнымъ Чацкому на время Грибоѣдовымъ?

Впрочемъ, противорѣчія и неясности въ характеристикѣ Чацкаго могутъ быть объяснены рѣзко субъективнымъ отношеніемъ автора къ своей темѣ: желая высказать свои личныя мнѣнія и убѣжденія по нѣкоторымъ вопросамъ, по которымъ разрѣшалось высказываться гласно, сатирикъ не обратилъ вниманія на то, что изложеніе этихъ мыслей онъ поручилъ человѣку, который былъ совершенно неподготовленъ къ такой роли обличителя и судьи, человѣку, который не успѣлъ ничѣмъ доказать своей любви къ идеалу, кромѣ громкихъ словъ, сильныхъ въ устахъ Грибоѣдова и только лишь дерзкихъ въ устахъ Чацкаго. Авторъ послалъ на проповѣдь юношу, сентиментально настроеннаго, довѣрчиваго, въ жизни совсѣмъ не опытнаго, не умѣющаго разбираться въ людяхъ, восторженнаго, несдержаннаго, совсѣмъ плохого дипломата, т.-е. человѣка, который по темпераменту и складу ума былъ полной противоположностью ему самому — автору. Чацкій неизбѣжно долженъ былъ очутиться въ смѣшномъ положеніи, какъ бы онъ ни былъ уменъ въ отдѣльныхъ своихъ словахъ; и авторъ, какъ большой насмѣшникъ, не могъ не улыбаться минутами, глядя какъ себя ведетъ его пріятель.

Есть и еще одно обстоятельство, которое до нѣкоторой степени объясняетъ туманность характеристики Чацкаго, Чацкій слишкомъ юнъ и живетъ онъ въ такое время, когда цѣльность и законченность убѣжденій можетъ быть удѣломъ лишь немногихъ. Требовать, чтобы въ такой молодой головѣ была установлена гармонія идей и схематичность взглядовъ—нельзя. А если вспомнить, что въ тѣ годы, когда Чацкій громилъ старину, русскіе молодые умы находились подъ давленіемъ самыхъ разнообразныхъ и порой противорѣчивыхъ идей, и во власти настроеній столь же разнообразныхъ,—то не приходится удивляться тому, что одинъ и тотъ же человѣкъ могъ быть и скептикомъ, и сентименталистомъ, и мягкимъ и дерзкимъ, и либераломъ на словахъ и ни къ какому дѣлу не пристроеннымъ свѣтскимъ человѣкомъ. Взять хотя бы національный вопросъ, о которомъ Чацкій говоритъ такъ много. Какая невѣроятная путаница царитъ въ его словахъ, начиная съ желанія позаимствовать у китайцевъ ихъ „незнаніе иностранцевъ“ вплоть до желанія „проклясть свою жизнь“, потому что слово „мадамъ“ не покрывается словомъ „сударыня“.

Комедія „Горе отъ ума“ занимаетъ, какъ видимъ, совершенно исключительное мѣсто въ ряду памятниковъ своего времени. Помимо того, что въ ней литературный языкъ, повседневный, трезвый и образный достигаетъ высшей степени художественнаго совершенства, она и въ эстетическомъ отношеніи, въ какое художникъ становится къ своему матерьялу, обнаруживаетъ сильное отклоненіе отъ общепризнанныхъ тогда литературныхъ вкусовъ. Никто до Грибоѣдова не подгонялъ типы, которые создавались фантазіей художника, такъ искусно подъ дѣйствительность, какъ онъ; никто не ставилъ эти типы въ такую реальную обстановку, какъ онъ. Но настоящимъ реалистомъ въ искусствѣ Грибоѣдова назвать нельзя. Слишкомъ много было пре-

думышленнаго въ созданіи типовъ и условности въ ихъ подборѣ. Старина была сатирически осмѣяна и обличена, но не выведена на сцену въ ея художественной цѣльности и объективной правдѣ. Сцена была заполнена скорѣе пороками, чудачествами и странностями, чѣмъ живыми людьми.

Посредникомъ между зрителемъ и дѣйствующими лицами оставался самъ авторъ, который одну часть своего „я", а именно свой саркастическій умъ уступалъ на время Чацкому — что́ не помѣшало ему поставить своего друга въ смѣшное положеніе. Язвительно и сердито отнесся авторъ ко всѣмъ героямъ, никого не вознося на пьедесталъ и показывая, какъ неизмѣримо высоко стоялъ надъ всѣми онъ самъ со своимъ трезвымъ сужденіемъ. Онъ былъ судья надъ всѣми, онъ былъ единственно умный человѣкъ среди всей этой компаніи, и онъ ни на одно мгновеніе не забывалъ о себѣ. Онъ всѣми этими лицами двигалъ и онъ имъ подсказывалъ всѣ ихъ реплики.

Но художественная сатира Грибоѣдова изъ всѣхъ современныхъ ей творческихъ созданій всетаки ближе другихъ подошла къ реальнымъ явленіямъ жизни.

Развѣ только „Евгеній Онѣгинъ" можетъ въ этомъ смыслѣ съ ней поспорить.

«Евгеній Онѣгинъ».

Въ бытность свою на югѣ, въ годы „романтической тревоги“ духа, Пушкинъ сталъ набрасывать этотъ знаменитый романъ въ стихахъ. Писалъ онъ его съ перерывами, выпуская въ свѣтъ по главамъ, и ко времени освобожденія поэта изъ его плѣна въ селѣ Михайловскомъ такихъ главъ было написано шесть. Пушкинъ продолжалъ работу надъ романомъ и позже, добавилъ еще двѣ главы, и, какъ извѣстно, на восьмой главѣ работу оборвалъ и больше къ ней не возвращался.

Авторъ, кажется, не особенно жалѣлъ о такомъ внезапномъ концѣ своего романа. „Онѣгинъ“ свое дѣло сдѣлалъ. Пушкинъ прожилъ съ нимъ много лѣтъ, находя въ работѣ и отдохновеніе, и утѣшеніе; а когда настроеніе, которое дѣлало „Онѣгина“ автору столь милымъ и дорогимъ, исчезло, то естественно, что поэтъ довольно равнодушно простился съ своимъ героемъ. Онѣгинъ былъ его другомъ юности въ годы его пребыванія въ ссылкѣ, онъ дѣлилъ съ нимъ одиночество въ селѣ Михайловскомъ, а затѣмъ наступило время, когда этотъ человѣкъ сталъ ему совсѣмъ неинтересенъ.

Но были длинные годы ихъ весьма интимной дружбы и для біографіи Пушкина, для исторіи смѣнявшихся въ его душѣ настроеній повѣсть объ Онѣгинѣ—источникъ и матерьялъ первостепенной важности.

Но помимо автобіографическаго значенія, какое „Евгеній Онѣгинъ“ имѣетъ какъ интимное признаніе автора,

онъ—документъ цѣлой литературной эпохи; онъ—произведеніе, какъ принято говорить, „творящее эпоху“. Такое его значеніе было, впрочемъ, не сразу отгадано современной критикой. Она встрѣтила романъ при его появленіи несовсѣмъ дружелюбно, пораженная новизной его замысла и выполненія, нѣсколько разсерженная его героемъ, и только позже, отойдя отъ произведенія на извѣстное разстояніе, она смогла оцѣнить все его колоссальное литературное значеніе.

Въ творчествѣ самого Пушкина „Онѣгинъ“—исключительное и единственное явленіе. Никогда ни до, ни послѣ созданія „Онѣгина“ Пушкинъ не подходилъ на такое близкое разстояніе къ жизни ему современной. Поэтъ умѣлъ удовлетворять требованіямъ художественнаго реализма даже при обработкѣ сказочныхъ, легендарныхъ и историческихъ сюжетовъ, но сами сюжеты, которые онъ избиралъ, не имѣли обыкновенно никакого отношенія къ окружающей его реальной дѣйствительности. Одинъ только „Евгеній Онѣгинъ“ могъ претендовать на названіе *современнаго* романа, такъ какъ „Повѣсти Бѣлкина“ были сборникомъ анекдотовъ „Домикъ въ Коломнѣ“—шуткой, „Лѣтопись села Горюхина“—сатирой, а два, три отрывка бытовыхъ романовъ въ прозѣ въ разсчетъ приняты быть не могутъ, такъ какъ Пушкинъ обрывалъ ихъ на первыхъ же главахъ. Положимъ, и „Евгеній Онѣгинъ“ не оконченъ, но въ немъ дано гораздо больше бытового матерьяла, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ только-что названныхъ произведеніяхъ.

Но мы не должны преувеличивать количества этого матерьяла, этихъ бытовыхъ сценъ и типовъ, взятыхъ Пушкинымъ для „Онѣгина“ изъ современной ему жизни.

Типовъ очень мало [всего три, если не считать самого Онѣгина: Татьяна, Ольга и Ленскій], но зато эти типы стоятъ какъ живые передъ нами, и мы не скажемъ ни про одинъ изъ нихъ, что онъ—олицетвореніе какого-нибудь единичнаго опредѣленнаго чувства или взгляда. Всѣ они люди, люди того времени, и историкъ можетъ найти имъ

параллели среди дѣйствительно въ то время жившихъ лицъ. Въ изображеніи ихъ авторъ необычайно искусно избѣгъ всякой идеализаціи [а Татьяна могла легко подать къ ней поводъ] и ироніи [а Ленскій и Ольга могли ее вызвать].

Но при всѣхъ этихъ достоинствахъ реальнаго художественнаго письма „Евгенія Онѣгина“ всетаки нельзя назвать широкой картиной современной поэту жизни. Провинціальная деревенская жизнь дана въ видѣ наброска, а изъ столичной жизни намъ показанъ очень бѣгло лишь одинъ маленькій уголокъ свѣтскаго общества; и притомъ всѣ эти сцены въ будуарахъ, салонахъ, въ театрахъ и на балахъ только намѣчены нѣсколькими штрихами — словно авторъ торопился поскорѣй набросать фонъ, который былъ ему нуженъ для чего-то, а самъ по себѣ интересовалъ его мало своими бытовыми особенностями.

Дѣйствительно, хоть эти штрихи и истинно геніальны по своей мѣткости и выразительности, хоть по нимъ возсоздаются цѣлыя картины, но не ихъ имѣлъ въ виду авторъ, когда писалъ свой романъ. Да въ сущности романъ ли это? Не кроется ли въ этомъ романѣ самая чистая лирическая исповѣдь? Прежде всего надо отмѣтить, что всѣ главы романа, дѣйствительно, пестрятъ лирическими отступленіями, иногда очень длинными. Говорятъ, будто Пушкину въ данномъ случаѣ служилъ образцомъ „Донъ-Жуанъ“ Байрона, гдѣ эпическій разсказъ ежеминутно прерывается лирическими изліяніями. Но зачѣмъ говорить о Байронѣ, когда независимо отъ него Пушкину могло прійти желаніе вести дневникъ въ стихахъ? А „Евгеній Онѣгинъ“ въ значительной своей части несомнѣнный дневникъ. Откровенно поэтъ дѣлится съ нами воспоминаніями о своей юности, лицейской жизни, своихъ первыхъ шагахъ въ „свѣтѣ“, разсказываетъ намъ интимности своихъ сердечныхъ увлеченій, а всего чаще даетъ сентенціи въ стихахъ, вырываетъ листки изъ интимнаго альбома, въ которомъ онъ собралъ наиболѣе мѣткіе афоризмы, вычитанные имъ изъ книги жизни. Онъ

въ своемъ романѣ передъ нами въ полномъ смыслѣ слова нараспашку, какъ онъ еще никогда ни въ одномъ стихотвореніи не былъ. Мы не преувеличимъ, если скажемъ, что о Пушкинѣ, какъ о человѣкѣ и о поэтѣ, мы изъ „Евгенія Онѣгина“ узнаемъ гораздо больше, чѣмъ изъ всѣхъ другихъ его сочиненій. Даже его переписка не даетъ намъ столь богатаго автобіографическаго матерьяла. Конечно, это не случайность. Поэтъ постоянно переходитъ къ откровенной бесѣдѣ о себѣ самомъ, увлекаемый своимъ лиризмомъ. Онъ самъ сознаетъ, что этой лирики слишкомъ много и даже какъ бы извиняется за нее передъ читателемъ. Но сдержаться онъ не можетъ и готовъ каждую минуту забыть о своихъ герояхъ. Онъ самъ одинъ изъ главныхъ, если не главный герой этой повѣсти.

Оставивъ въ сторонѣ бытовыя картины, такъ бѣгло очерченныя, выдѣливъ изъ романа всѣ строфы чисто лирическія и относящіяся прямо къ жизни и къ личности автора,—мы получимъ эпическую завязку несложной повѣсти и нѣсколько сценъ безъ развязки, такъ какъ конецъ Онѣгина намъ не извѣстенъ. Но въ тѣхъ шести главахъ, которыя были написаны Пушкинымъ на югѣ и въ селѣ Михайловскомъ, разсказанъ эпизодъ, вполнѣ закругленный и достаточно обрисовывающій характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Фабула—мы сказали—необычайно проста и въ свое время поразила всѣхъ своей простотой. Явленіе было, дѣйствительно, необычное, если припомнить, какъ замысловаты и запутаны бывали тогда сюжеты любимыхъ повѣстей и романовъ.

Но фабула „Евгенія Онѣгина“ вовсе на такъ проста, какъ это съ перваго взгляда кажется. Если припомнить условія личной жизни поэта и то колебаніе въ сторону „романтической“ тревоги, которое испытало его настроеніе на югѣ, то начинаешь понимать, почему такой простой сюжетъ такъ долго занималъ поэта и почему поэтъ все къ нему возвращался, словно онъ хотѣлъ осилить какую-то трудность.

Вѣдь въ сущности основная тема „Евгенія Онѣгина“ заключается въ противопоставленіи *романтической* натуры двумъ натурамъ *сентиментальнымъ*. Тревожный и мятежный духъ Онѣгина и двѣ нѣжныя и безмятежныя души Ленскаго и Татьяны, и столкновеніе этихъ силъ—вотъ собственно въ чемъ завязка всей драмы. Душа взволнованная, разочарованная, гордая до самообожанія, душа протестующая, хотя и не дающая себѣ яснаго отчета въ томъ, противъ чего она протестуетъ—однимъ словомъ, „романтическая“ душа подвергнута испытанію. Какъ сосчитается она съ двумя чувствами, сентиментальными по преимуществу—съ дружбой и съ любовью? Чтó она внесетъ новаго въ пониманіе этихъ чувствъ? Будутъ ли они для нея святы, какъ они были искони святы для всякой истинно-сентиментальной души? Какое она свершитъ надъ ними насиліе, увлеченная своей тревогой и своимъ эгоизмомъ? И не захочетъ ли авторъ, какъ онъ разъ уже сдѣлалъ въ „Цыганахъ“, еще разъ произнести свой судъ надъ „романтизмомъ“ — надъ тревожной душой, которая, попавъ въ кругъ мирныхъ простыхъ людей, натуръ непосредственныхъ, способна причинить имъ великую боль и страданіе?

Эти вопросы невольно навертываются, когда читаешь романъ Пушкина, и вспоминаешь все недавно имъ пережитое, всѣ написанныя имъ тогда „романтическія“ поэмы и лирическіе стихи въ тревожномъ ключѣ.

Въ лицѣ Владиміра Ленскаго намъ данъ трогательный и поэтичный образъ чистѣйшаго сентименталиста.

Въ свою деревню въ ту же пору
Помѣщикъ новый прискакалъ,
И столь же строгому разбору
Въ сосѣдствѣ поводъ подавалъ;
По имени Владиміръ Ленскій,
Съ душою прямо геттингенской,
Красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
Поклонникъ Канта и поэтъ.
Онъ изъ Германіи туманной

Привезъ учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчь
И кудри черныя до плечъ.
Отъ хладнаго разврата свѣта
Еще увянуть не успѣвъ,
Его душа была согрѣта
Привѣтомъ друга, лаской дѣвъ.
Онъ сердцемъ милый былъ невѣжда;
Его лелѣяла надежда,
И міра новый блескъ и шумъ
Еще плѣняли юный умъ.
Онъ забавлялъ мечтою сладкой
Сомнѣнья сердца своего;
Цѣль жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой;
Надъ ней онъ голову ломалъ,
И чудеса подозрѣвалъ.
Онъ вѣрилъ, что душа родная
Соединиться съ нимъ должна;
Что, безотрадно изнывая,
Его вседневно ждетъ она;
Онъ вѣрилъ, что друзья готовы
За честь его принять оковы,
И что не дрогнетъ ихъ рука
Разбить сосудъ клеветника;
Что есть избранные судьбами
Людей священные друзья,
Что ихъ безсмертная семья
Неотразимыми лучами
Когда-нибудь насъ озаритъ
И міръ блаженствомъ одаритъ.
Негодованье, сожалѣнье
Ко благу чистая любовь
И славы сладкое мученье
Въ немъ рано волновали кровь.
Онъ съ лирой странствовалъ на свѣтѣ;
Подъ небомъ Шиллера и Гете,
Ихъ поэтическимъ огнемъ
Душа воспламенилась въ немъ;
И музъ возвышенныхъ искусства,
Счастливецъ, онъ не постыдилъ:
Онъ въ пѣсняхъ гордо сохранилъ
Всегда возвышенныя чувства,

Порывы дѣвственной мечты
И прелесть важной простоты.
Не пѣлъ порочной онъ забавы,
Не пѣлъ презрительныхъ цирцей:
Онъ оскорблять гнушался нравы
Прелестной лирою своей.
Онъ пѣлъ любовь, любви послушный,
И пѣснь его была ясна,
Какъ мысли дѣвы простодушной,
Какъ сонъ младенца, какъ луна
Въ пустыняхъ неба безмятежныхъ,
Богиня тайнъ и вздоховъ нѣжныхъ.
Онъ пѣлъ разлуку и печаль,
И нѣчто, и туманну даль,
И романтическія розы;
Онъ пѣлъ тѣ дальныя страны,
Гдѣ долго въ лоно тишины
Лились его живыя слезы;
Онъ пѣлъ поблеклый жизни цвѣтъ,
Безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ.

Понять такую душу очень нетрудно, несмотря на всѣ туманности ея изліяній. Въ характеристикѣ, которая дана Пушкинымъ, только нѣкоторыя частности возбуждаютъ сомнѣніе. Неясно, напримѣръ, какимъ образомъ Ленскій попалъ въ число поклонниковъ Канта, когда философія Канта вообще такъ мало говоритъ сентиментальной душѣ. Далѣе, изъ самого романа никакъ нельзя ничего узнать о „вольнолюбивыхъ“ мечтахъ Ленскаго, но сентименталисту александровской эпохи полагалось имѣть таковыя; зато „учености плоды“ могли смѣло отсутствовать, да Ленскій никогда и не щеголялъ ими. Во всемъ остальномъ символъ сентиментальной вѣры воспроизведенъ въ этой дивной характеристикѣ полностью и точно, съ тѣмъ чувствомъ художественной мѣры, съ какимъ парадированы и образцово-сентиментальные стихи, которые Ленскій читалъ Онѣгину изъ своихъ „сѣверныхъ поэмъ“.

Въ поясненіе этого сентиментальнаго характера разсказана и вся исторія любви Ленскаго къ Ольгѣ.

Ахъ, онъ любилъ, какъ въ наши лѣта
Уже не любятъ; какъ одна
Безумная душа поэта
Еще любить осуждена:
Всегда, вездѣ одно мечтанье,
Одно привычное желанье,
Одна привычная печаль!
Ни охлаждающая даль,
Ни долгія лѣта разлуки,
Ни музамъ данные часы,
Ни чужеземныя красы,
Ни шумъ веселій, ни науки
Души не измѣнили въ немъ,
Согрѣтой дѣвственнымъ огнемъ.
Часъ отъ часу плѣненный болѣ
Красами Ольги молодой,
Владиміръ сладостной неволѣ
Предался полною душой.
Онъ вѣчно съ ней. Въ ея покоѣ
Они сидятъ въ потемкахъ двое;
Они въ саду, рука съ рукой,
Гуляютъ утренней порой;
И что-жъ? Любовью упоенный,
Въ смятеньи нѣжнаго стыда,
Онъ только смѣетъ иногда,
Улыбкой Ольги ободренный,
Развитымъ локономъ играть,
Иль край одежды цѣловать.
Онъ иногда читаетъ Олѣ
Нравоучительный романъ,
Въ которомъ авторъ знаетъ болѣ
Природу, чѣмъ Шатобріанъ;
А между тѣмъ двѣ, три страницы
[Пустыя бредни, небылицы,
Опасныя для сердца дѣвъ]
Онъ пропускаетъ, покраснѣвъ.

Такая любовь, которая всегда видитъ лишь то, что́ она хочетъ видѣть, всегда повышаетъ чувство на нѣсколько степеней и не желаетъ признать въ немъ ничего земного,—очень ярко подчеркиваетъ основное положеніе сентиментальнаго міропониманія, создающаго міръ по образу своихъ видѣній и чаяній, не считаясь съ наличностью фактовъ.

Недостатки и даже смѣшныя стороны такой сентиментальной натуры Пушкинымъ не скрыты, но симпатіи его, безспорно, на сторонѣ этого идеалиста,—и въ печальномъ исходѣ дружбы Ленскаго и Онѣгина кроется глубоко трагическая мысль. Дружба этихъ двухъ столь противоположныхъ натуръ на первый взглядъ не совсѣмъ понятна. Но эта дружба не отъ скуки, какъ хотѣлъ бы объяснить ее авторъ; въ ней есть что-то задушевное, что-то дѣйствительно связующее эти двѣ души, какъ сентиментальная душа была родственно связана съ романтической. Непонятенъ сразу и финалъ этой дружбы. Какъ бы ни чувствовалъ себя оскорбленнымъ Ленскій, онъ по экспансивности своей могъ бросить въ лицо Онѣгину слово упрека или негодованія, и это слово, несомнѣнно, устранило бы поединокъ. Положимъ, Ленскій былъ обуянъ ревностью,—про которую поэтъ говоритъ, что она болѣзнь, какъ чума, какъ черный сплинъ, какъ лихорадка, какъ поврежденіе ума,—но все же непонятно, какъ Ленскій могъ послать вызовъ своему другу, не обмѣнявшись съ нимъ ни единымъ словомъ; какъ отъ любви и уваженія къ Онѣгину онъ могъ сразу перейти къ ненависти и обозвать своего друга развратителемъ и презрѣннымъ червемъ:

«буду ей спаситель:
Не потерплю, чтобъ развратитель
Огнемъ и вздоховъ, и похвалъ
Младое сердце искушалъ;
Чтобъ червь презрѣнный, ядовитый
Точилъ лилеи стебелекъ;
Чтобы двухъ-утренній цвѣтокъ
Увялъ, еще полураскрытый».

Съ другой стороны, какъ бы Онѣгинъ ни взвинчивалъ своего задора [слабо мотивированнаго вообще], онъ не могъ такъ легкомысленно ставить на карту свою жизнь и жизнь своего друга. Пушкинъ это понималъ, когда пространно говорилъ о томъ, какъ Онѣгинъ обвинялъ себя за свое глупое поведеніе на балу.

Но дуэль должна была состояться, и Ленскій долженъ былъ умереть: этого требовала психологическая правда того тревожнаго и разочарованнаго настроенія, какое овладѣло на время художникомъ. Тайна „романтической“ души просила для себя жертвы, и то чувство, на которое сентиментализмъ всегда такъ довѣрчиво опирался, отъ котораго онъ столь многаго ждалъ для міра,—чувство дружбы должно было первое испытать на себѣ ударъ этой душевной тревоги—неясной, немотивированной и капризной. Въ лицѣ Ленскаго было убито то очарованіе дружбой, которое лежало въ основѣ личной этики наивнаго сентиментализма.

Такой же ударъ сразилъ и другое чувство.—чувство сентиментально наивной любви. Отвергнуть любовь Татьяны Онѣгинъ долженъ былъ въ силу той же психологической необходимости, какая побудила его убить Ленскаго. „Романтикъ“ хотѣлъ дать почувствовать, что онъ не можетъ удовлетвориться тѣмъ ходячимъ сентиментальнымъ взглядомъ на любовь, который въ иной душѣ, при иныхъ обстоятельствахъ обожествилъ бы Татьяну, возвелъ бы ее въ идеалъ и заставилъ человѣка въ ея любви найти высшее блаженство.

Дѣйствительно, лучшаго идола для чистѣйшей сентиментальной любви, чѣмъ Татьяна, найти трудно,—въ особенности Татьяна первыхъ шести пѣсенъ романа. Когда она затѣмъ, уступая волѣ матери, выходитъ замужъ и потомъ говоритъ свою знаменитую фразу: „я буду вѣкъ ему вѣрна“, она изъ „чувствительной“ дѣвушки превращается въ разсудительную невѣсту и добродѣтельную жену. Сама она признается, что въ былые годы она была „лучше“, и это „лучше“ надо понимать не въ смыслѣ морали, такъ какъ съ годами она стала въ этомъ отношеніи еще лучше, а въ смыслѣ цѣльности и поэтичности ея натуры. А въ деревнѣ она была такой цѣльной сентиментальной душой самой чистой пробы. Она—родная сестра Ленскаго, и удивительно, что не на ней остановилъ онъ свой выборъ.

Ленскаго могла, впрочемъ, оттолкнуть отъ Татьяны ея внѣшность, которая подходила больше къ натурамъ тревожнымъ и романтическимъ, чѣмъ къ чисто сентиментальнымъ.

Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная боязлива,
Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой.
Она ласкаться не умѣла
Къ отцу, ни къ матери своей;
Дитя сама, въ толпѣ дѣтей
Играть и прыгать не хотѣла,
И часто цѣлый день одна
Сидѣла молча у окна:
  Задумчивость—ея подруга
Отъ самыхъ колыбельныхъ дней—
Теченье сельскаго досуга
Мечтами украшала ей.
Ея изнѣженные пальцы
Не знали иглъ; склонясь на пяльцы,
Узоромъ шелковымъ она
Не оживляла полотна.
И были дѣтскія проказы
Ей чужды; страшные разсказы
Зимою въ темнотѣ ночей,
Плѣняли больше сердце ей.
Когда же няня собирала
Для Ольги, на широкій лугъ,
Всѣхъ маленькихъ ея подругъ,
Она въ горѣлки не играла,
Ей скученъ былъ и звонкій смѣхъ,
И шумъ ихъ вѣтреныхъ утѣхъ.

Вела Татьяна себя также не совсѣмъ похоже на истинно томную дѣву, нѣжную и хрупкую:

Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ исчезаетъ хороводъ,
И тихо край земли свѣтлѣетъ,
И вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣетъ,
И всходитъ постепенно день.
Зимой, когда ночная тѣнь

Полміромъ долѣ обладаетъ,
И долѣ въ праздной тишинѣ,
При отуманенной лунѣ,
Востокъ лѣниво почиваетъ,—
Въ привычный часъ пробуждена,
Вставала при свѣчахъ она.

Но при такой внѣшности и при такихъ привычкахъ, рѣзкихъ и эксцентричныхъ, душа Татьяны обнаруживаетъ всѣ качества сентиментальной натуры, живущей въ желаемомъ мірѣ призраковъ. Міръ дѣйствительности заслоненъ для нея міромъ нѣжной мечты, и по книгамъ учится она думать и чувствовать, и руководствомъ къ познанію людей служатъ ей самые лучшіе образцы сентиментальной литературы:

Ей рано нравились романы;
Они ей замѣняли все,
Она влюблялася въ обманы
И Ричардсона и Руссо.
Теперь съ какимъ она вниманьемъ
Читаетъ сладостный романъ.
Съ какимъ живымъ очарованьемъ
Пьетъ обольстительный обманъ!
Счастливой силою мечтанья
Одушевленныя созданья,
Любовникъ Юліи Вольмаръ,
Малекъ Адель и де-Линаръ.
И Вертеръ, мученикъ мятежный,
И безподобный Грандисонъ,
Который намъ наводитъ сонъ,—
Всѣ для мечтательницы нѣжной
Въ единый образъ облеклись,
Въ одномъ Онѣгинѣ слились.
Воображаясь героиней
Своихъ возлюбленныхъ творцовъ,
Кларисой, Юліей, Дельфиной;
Татьяна въ тишинѣ лѣсовъ
Одна съ опасной книгой бродитъ;
Она въ ней ищетъ и находитъ
Свой тайный жаръ, свои мечты,
Плоды сердечной полноты.

Наконецъ, когда Татьяна уже не можетъ противиться своему чувству, она, столь скрытная и нелюдимая, становится

необычайно откровенной,—убѣжденная въ томъ, что искренность чувства оправдываетъ его обнаруженіе, и что любовь, согласно сентиментальному ученію,—благотворный фатумъ, передъ которымъ надо преклониться:

«Другой!... Нѣтъ, никому на свѣтѣ
Не отдала бы сердце я!
То въ высшемъ суждено совѣтѣ...
То воля неба—я твоя;
Вся жизнь моя была залогомъ
Свиданья вѣрнаго съ тобой:
Я знаю, ты мнѣ посланъ Богомъ,
До гроба ты—хранитель мой...
Ты въ сновидѣньяхъ мнѣ являлся;
Незримый, ты мнѣ былъ ужъ милъ,
Твой чудный взглядъ меня томилъ,
Въ душѣ твой голосъ раздавался
Давно... Нѣтъ, это былъ не сонъ!
Ты чуть вошелъ, я вмигъ узнала,
Вся обомлѣла, запылала,
И въ мысляхъ молвила: вотъ онъ.
Не правда-ль? я тебя слыхала:
Ты говорилъ со мной въ тиши,
Когда я бѣднымъ помогала,
Или молитвой услаждала
Тоску волнуемой души?
И въ это самое мгновенье
Не ты ли, милое видѣнье,
Въ прозрачной темнотѣ мелькнулъ,
Приникнулъ тихо къ изголовью?
Не ты-ль съ отрадой и любовью
Слова надежды мнѣ шепнулъ?
Кто ты: мой ангелъ ли хранитель,
Или коварный искуситель?
Мои сомнѣнья разрѣши.
Быть можетъ, это все пустое,
Обманъ неопытной души,
И суждено совсѣмъ иное...
Но такъ и быть! судьбу мою
Отнынѣ я тебѣ вручаю,
Передъ тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю...
Вообрази: я здѣсь одна,
Никто меня не понимаетъ,

Разсудокъ мой изнемогаетъ,
И молча гибнуть я должна.
Я жду тебя: единымъ взоромъ
Надежды сердца оживи,
Иль сонъ тяжелый перерви,
Увы, заслуженнымъ укоромъ!

И на такую любовь, въ которой растворилась вся душевная сущность человѣка, любовь полную самозабвенія и готовую на всѣ жертвы, Онѣгинъ отвѣтилъ выговоромъ и совѣтомъ поучиться обуздывать страсти.

Всегда этотъ отвѣтъ Онѣгина на письмо Татьяны возбуждаетъ въ насъ досадное чувство.

Почему Онѣгинъ не пошелъ на встрѣчу этой любви и почему не призналъ въ Татьянѣ своего спасителя, того добраго генія, который спасъ бы его отъ душевнаго разлада и изнуряющаго его духъ разочарованія или безочарованія? Но, склонись Онѣгинъ передъ этой любовью—весь смыслъ трагической завязки романа былъ бы нарушенъ и его основная мысль была бы искажена. При встрѣчѣ съ тревожной душой Онѣгина искренняя и беззащитная въ своей откровенности любовь Татьяны должна была пострадать. Чувство въ его „романтической“ формѣ не могло признать надъ собой власти мягкаго и довѣрчиваго чувства, и, какъ дружба была убита Онѣгинымъ на дуэли съ Ленскимъ, такъ не понята и оскорблена была теперь любовь при встрѣчѣ Онѣгина и Татьяны. И хорошо еще, что эта любовь была только оскорблена, а не обманута, не измучена, не убита, какъ это случалось въ другіе разы, когда настоящая романтически-демоническая натура сталкивалась съ такой наивной и безхитростной любовью. Такія встрѣчи демоновъ и ангеловъ [литературная тема очень широко распространенная на Западѣ и у насъ] кончались для „ангеловъ“ всегда гораздо болѣе печально, чѣмъ кончился романъ Татьяны.

Итакъ, столкновеніе Онѣгина съ Ленскимъ и съ Татьяной, повидимому столь естественныя простыя встрѣчи въ условіяхъ самыхъ обыкновенныхъ, имѣютъ свое историче-

ское значеніе какъ знаменательный фактъ въ исторіи настроенія той эпохи и какъ документъ автобіографическій, какъ страница изъ исторіи развитія психики самого художника. Пушкинъ, который въ это время какъ разъ переживалъ тревогу духа, внесшую въ его гармоничную душу разладъ и разочарованіе,—онъ убилъ въ мечтахъ Ленскаго и отвергъ любовь Татьяны, и не безъ умысла. Онъ въ Онѣгинѣ наказывалъ до извѣстной степени самого себя и безпощадно анализировалъ мрачныя стороны того душевнаго состоянія, какимъ самъ былъ временно охваченъ. А мы знаемъ, какъ рѣшительно и скоро Пушкинъ овладѣлъ собою и осилилъ въ себѣ это тревожное настроеніе.

Но неужели же живые образы Ленскаго и Татьяны лишь символы извѣстныхъ психическихъ состояній, съ которыми авторъ сводилъ свои счеты?

Нѣтъ нужды дѣлать такой выводъ. Изъ документовъ того времени мы знаемъ, что люди типа Ленскаго и даже типа Татьяны, дѣйствительно, встрѣчались, хотя, конечно, не въ видѣ общаго правила. Поэтъ и изобразилъ ихъ вполнѣ реально безъ всякой фальши. Но что въ выборѣ этихъ фигуръ, въ ихъ размѣщеніи на планѣ романа участвовали чисто субъективныя ощущенія автора, его личные счеты съ самимъ собою, его раздумье надъ тѣмъ душевнымъ состояніемъ, которое онъ самъ переживалъ тогда, когда писалъ свой романъ,—въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Характеристика самого Онѣгина еще яснѣе подтверждаетъ это предположеніе.

Нельзя сказать, чтобы Онѣгинъ былъ личность яркая, съ рѣзко выраженнымъ характеромъ и съ ясными взглядами. Въ ней очень много недосказаннаго. Такая неопредѣленность, впрочемъ, и была нужна автору, потому что въ ней-то главнымъ образомъ и заключалась типичность этого лица и характерность того настроенія, носителемъ котораго являлся

онъ и на нѣкоторое время его ближайшій другъ — самъ Пушкинъ.

Когда мы знакомимся съ Онѣгинымъ, онъ — „молодой повѣса“, съ необычайно легкимъ умственнымъ багажемъ.

Мы всѣ учились понемногу,
Чему-нибудь и какъ-нибудь,
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
У насъ немудрено блеснуть.
Онѣгинъ былъ, по мнѣнью многихъ
[Судей рѣшительныхъ и строгихъ],
Ученый малый, но педантъ.
Имѣлъ онъ счастливый талантъ—
Безъ принужденья въ разговорѣ
Коснуться до всего слегка.
Съ ученымъ видомъ знатока
Хранить молчанье въ важномъ спорѣ,
И возбуждать улыбку дамъ
Огнемъ нежданныхъ эпиграммъ.
Латынь изъ моды вышла нынѣ;
Такъ, если правду вамъ сказать,
Онъ зналъ довольно по-латынѣ,
Чтобъ эпиграфы разбирать,
Потолковать объ Ювеналѣ,
Въ концѣ письма поставить vale,
Да помнилъ, хоть не безъ грѣха,
Изъ Энеиды два стиха.
Онъ рыться не имѣлъ охоты
Въ хронологической пыли
Бытописанія земли:
Но дней минувшихъ анекдоты,
Отъ Ромула до нашихъ дней,
Хранилъ онъ въ памяти своей.

Человѣкъ онъ былъ къ поэзіи довольно равнодушный и кажется съ нѣкоторыми симпатіями къ точнымъ наукамъ.

Высокой страсти не имѣя
Для звуковъ жизни не щадитъ,
Не могъ онъ ямба отъ хорея,
Какъ мы ни бились, отличить.
Бранилъ Гомера, Ѳеокрита;
Зато читалъ Адама Смита
И былъ глубокій экономъ.
То-есть умѣлъ судить о томъ,

Какъ государство богатѣетъ,
И чѣмъ живетъ, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продуктъ имѣетъ.

Настоящей его спеціальностью была, однако „наука нѣжной страсти“, но и эту единственную науку, къ которой онъ относился съ рѣдкимъ прилежаніемъ, онъ изучалъ, кажется, больше по книгамъ, чѣмъ на опытѣ.

Всего, что зналъ еще Евгеній,
Пересказать мнѣ недосугъ;
Но въ чемъ онъ истинный былъ геній,
Что̀ зналъ онъ тверже всѣхъ наукъ,
Что̀ было для него измлада
И трудъ, и мука, и отрада,
Что́ занимало цѣлый день
Его тоскующую лѣнь,—
Была наука страсти нѣжной,
Которую воспѣлъ Назонъ.
Насъ пылъ сердечный рано мучитъ—
Очаровательный обманъ—
Любви насъ не природа учитъ,
А Сталь или Шатобріанъ.
Мы алчемъ жизнь узнать заранѣ,
Мы узнаемъ ее въ романѣ,
Мы все узнали, между тѣмъ,
Не насладились мы ничѣмъ;
Природы гласъ предупреждая,
Мы только счастію вредимъ,
И поздно, поздно вслѣдъ за нимъ
Летитъ горячность молодая.
Онѣгинъ это испыталъ,
Зато какъ женщинъ онъ узналъ!

Между Онѣгинымъ и міромъ незамѣтно становилась книга, т.-е. чужая мысль, чужое чувство, и онъ поддѣлывалъ свой умъ и свое сердце подъ уже готовые образцы, которые могли ему нравиться и своей красотой, и тѣмъ, что на трудные вопросы жизни они давали готовые отвѣты. Если мы припомнимъ, что этому „философу“, какъ его называетъ авторъ, было восемнадцать лѣтъ, когда мы съ нимъ знакомимся; что онъ былъ человѣкъ состоятельный и потому не

зналъ никакого обязательнаго труда; что онъ отъ всякаго труда умышленно бѣгалъ и слонялся безъ всякаго дѣла, срывая съ жизни одни лишь цвѣты удовольствія,—то неудивительно, что имъ овладѣла самая ординарная скука отъ пресыщенія тѣми впечатлѣніями, которыя придаютъ жизни красоту лишь при условіи гигіеничнаго съ ними обращенія.

Но, шумомъ бала утомленный
И утро въ полночь обратя,
Спокойно спитъ въ тѣни блаженной
Забавъ и роскоши дитя.
Проснется за полдень, и снова
До утра жизнь его готова,
Однообразна и пестра.
И завтра—то же, что̀ вчера.
Но былъ ли счастливъ мой Евгеній,
Свободный, въ цвѣтѣ лучшихъ лѣтъ,
Среди блистательныхъ побѣдъ,
Среди вседневныхъ наслажденій?
Вотще ли былъ онъ средь пировъ
Неостороженъ и здоровъ?
Нѣтъ, рано чувства въ немъ остыли;
Ему наскучилъ свѣта шумъ;
Красавицы не долго были
Предметъ его привычныхъ думъ;
Измѣны утомить успѣли;
Друзья и дружба надоѣли.
Затѣмъ, что не всегда же могъ
Beef steaks и страсбургскій пирогъ
Шампанской обливать бутылкой.
И сыпать острыя слова,
Когда болѣла голова;
И хоть онъ былъ повѣса пылкій,
Но разлюбилъ онъ, наконецъ,
И брань, и саблю, и свинецъ.
Недугъ, котораго причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный англійскому сплину,
Короче—русская хандра
Имъ овладѣла понемногу;
Онъ застрѣлиться, слава Богу,
Попробовать не захотѣлъ,
Но къ жизни вовсе охладѣлъ.
Какъ Child-Harold, угрюмый, томный,

Въ гостиныхъ появлялся онъ;
Ни сплетни свѣта, ни бостонъ,
Ни милый взглядъ, ни вздохъ нескромный,
Ничто не трогало его;
Не замѣчалъ онъ ничего.

Давно извѣстно, что противъ хандры, какой былъ боленъ Онѣгинъ, т.-е. хандры отъ бездѣлья, есть два хорошихъ средства леченія — путешествіе или, наоборотъ, уединеніе. На первый разъ Онѣгинъ отъ путешествія отказался [въ немъ онъ искалъ утѣшенія потомъ, уже послѣ бѣгства изъ усадьбы] и засѣлъ за письменный столъ. Ничего, конечно, изъ всѣхъ его писаній не вышло, и тогда онъ замѣнилъ писаніе—чтеніемъ.

Отступникъ бурныхъ наслажденій,
Онѣгинъ дома заперся,
Зѣвая за перо взялся,
Хотѣлъ писать, но трудъ упорный
Ему былъ тошенъ; ничего
Не вышло изъ пера его,
И не попалъ онъ въ цехъ задорный
Людей, о коихъ не сужу
Затѣмъ, что къ нимъ принадлежу.
И снова, преданный бездѣлью,
Томясь душевной пустотой,
Усѣлся онъ съ похвальной цѣлью
Себѣ присвоить умъ чужой;
Отрядомъ книгъ уставилъ полку,
Читалъ, читалъ, а все безъ толку:
Тамъ скука, тамъ обманъ и бредъ;
Въ томъ совѣсти, въ томъ смысла нѣтъ;
На всѣхъ различныя вериги;
И устарѣла старина,
И старымъ бредитъ новизна.
Какъ женщинъ, онъ оставилъ книги,
И полку съ пыльной ихъ семьей
Задернулъ траурной тафтой.

Всякія попытки связать себя какими-нибудь обязательствами съ окружающей жизнью, ну, хоть стать хорошимъ помѣщикомъ, также кончились ничѣмъ. Слѣдуя либеральной модѣ того времени, Онѣгинъ на первыхъ порахъ своей

деревенской жизни принялъ къ сердцу судьбу крестьянъ, замѣнилъ барщину легкимъ оброкомъ и, какъ увѣряетъ поэтъ, заставилъ раба благословить свою судьбу. Но если крестьянинъ выигралъ отъ сосѣдства Онѣгина, то Онѣгинъ отъ близости крестьянина ничего не выигралъ. Никакого направленія его уму, сердцу и дѣйствію эти новыя для него отношенія не придали. Онѣгинъ скучалъ по-старому и, наконецъ, въ эту скуку вторглась дружба Ленскаго и любовь Татьяны.

Кто же, наконецъ, этотъ герой, на долю котораго выпала такая чистая любовь и такая нѣжная дружба? Сначала „молодой повѣса", затѣмъ „инвалидъ въ любви", „модный тиранъ" и „пасмурный чудакъ", кѣмъ же былъ онъ, когда онъ поселился въ деревнѣ, когда могъ такъ нравиться, такъ плѣнять своимъ умомъ и своей поэтичной внѣшностью?

Этотъ вопросъ задала себѣ Татьяна вскорѣ послѣ бѣгства Онѣгина, и тогда она вмѣстѣ съ Пушкинымъ, который также не могъ себѣ выяснить психики своего — какъ онъ выражался — „страннаго" спутника, стала рыться въ книгахъ Онѣгина и какъ будто напала на рѣшеніе загадки.

Хотя мы знаемъ, что Евгеній
Издавна чтенье разлюбилъ,
Однакожъ нѣсколько твореній
Онъ изъ опалы исключилъ:
Пѣвца Гяура и Жуана,
Да съ нимъ еще два-три романа,
Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.
Хранили многія страницы
Отмѣтку рѣзкую ногтей.
Глаза внимательной дѣвицы
Устремлены на нихъ живѣй.

Татьяна видитъ съ трепетаньемъ,
Какою мыслью, замѣчаньемъ
Бывалъ Онѣгинъ пораженъ,
Съ чѣмъ молча соглашался онъ.
На ихъ поляхъ она встрѣчаетъ
Черты его карандаша:
Вездѣ Онѣгина душа
Себя невольно выражаетъ—
То краткимъ словомъ, то крестомъ,
То вопросительнымъ крючкомъ.
И начинаетъ понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснѣе, слава Богу,
Того, по комъ она вздыхать
Осуждена судьбою властной:
Чудакъ печальный и опасный,
Созданье ада иль небесъ,
Сей ангелъ, сей надменный бѣсъ,
Что-жъ онъ? Ужели подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ?...
Ужъ не пародія ли онъ?
Ужель загадку разрѣшила?
Ужели слово найдено?

Дѣйствительно, найдено ли „слово"? Неужели Онѣгинъ только пародія? Повидимому авторъ согласился съ такимъ объясненіемъ, потому что, когда много лѣтъ спустя онъ встрѣтился съ Онѣгинымъ въ Петербургѣ, онъ спрашивалъ:

«Все тотъ же ль онъ, иль усмирился?
Иль корчитъ такъ же чудака?
Скажите, кѣмъ онъ возвратился?
Что̀ намъ представитъ онъ пока?
Чѣмъ нынѣ явится? Мельмотомъ,
Космополитомъ, патріотомъ,
Гарольдомъ, квакеромъ, ханжой
Иль маской щегольнетъ иной?
Иль просто будетъ добрый малый,
Какъ вы да я, какъ цѣлый свѣтъ?
По крайней мѣрѣ, мой совѣтъ:
Отстать отъ моды обветшалой.

Довольно онъ морочилъ свѣтъ...»
— Знакомъ онъ вамъ?—«И да, и нѣтъ».

Очевидно, Пушкинъ считалъ Онѣгина въ большой мѣрѣ фигляромъ. Но намъ какъ-то трудно согласиться съ тѣмъ, чтобы въ этомъ человѣкѣ, который при всей пустотѣ душевной, при всѣхъ прегрѣшеніяхъ, странныхъ и дикихъ поступкахъ всетаки вызываетъ къ себѣ извѣстное сочувствіе, чтобы во всемъ его явленіи рѣшительно не было ничего серьезнаго.

Повидимому, однако, нѣтъ ничего серьезнаго ни въ его разочарованіи, ни въ его думахъ, ни въ чувствахъ. Разочарованіе его вытекаетъ изъ простого пресыщенія удовольствіями, никакого отвѣтственнаго поста онъ въ жизни не занималъ, ни за что не боролся, ничего не отстаивалъ въ ней и потому ничему не радовался и ни о чемъ не скорбѣлъ. Быть можетъ, смыслъ жизни ему открылся въ книгахъ, и онъ его выстрадалъ умственно? Но и этого не было. Книги онъ читалъ невнимательно, поверхностно, и никакая идея его никогда не мучила. Презиралъ онъ людей изъ чувства индифферентизма къ нимъ, а отнюдь не изъ любви, которая одна могла бы оправдать такое презрѣніе. Онѣгинъ былъ уменъ, т.-е. даже не уменъ, а просто остроуменъ, и въ мысляхъ своихъ жилъ на чужой счетъ. Чувствовалъ ли онъ глубоко? Едва ли. Хотя мы плохо знаемъ его прошлое, но очевидно, что настоящей душевной драмы онъ не переживалъ, потому что иначе — будь онъ въ такихъ страданіяхъ испытанъ—онъ не отнесся бы такъ легкомысленно къ дружбѣ Ленскаго и къ любви Татьяны. Однимъ словомъ, тѣ строгіе судьи, которые называли его „пустымъ“ человѣкомъ, были какъ будто правы.

Если предположить, однако, что въ довершеніе всего Онѣгинъ — „пародія“, т.-е. человѣкъ, умышленно позирующій, то нравственная и умственная его стоимость падаетъ еще ниже, и мы начинаемъ понимать нѣкоторыхъ современниковъ и друзей Пушкина, которые на поэта весьма искренне

сердились за то, что онъ тратитъ свое время на описаніе похожденій столь незначительнаго и неинтереснаго человѣка.

А, между тѣмъ, поэтъ питалъ къ своему знакомому чувства очень нѣжныя: онъ во всякомъ случаѣ былъ сильно имъ заинтересованъ.

Пушкинъ откровенно признается, что нашелъ въ Онѣгинѣ родственную душу:

Условій свѣта свергнувъ бремя,
Какъ онъ, отставъ отъ суеты,
Съ нимъ подружился я въ то время.
Мнѣ нравились его черты,
Мечтамъ невольная преданность,
Неподражательная странность
И рѣзкій, охлажденный умъ.
Я былъ озлобленъ—онъ угрюмъ;
Страстей игру мы знали оба,
Томила жизнь обоихъ насъ;
Въ обоихъ сердца жаръ погасъ;
Обоихъ ожидала злоба
Слѣпой Фортуны и людей
На самомъ утрѣ нашихъ дней.
Мнѣ было грустно, тяжко, больно,
Но, одолѣвъ мой умъ въ борьбѣ,
Онъ сочеталъ меня невольно
Своей таинственной судьбѣ;
Я сталъ взирать его очами,
Съ его печальными рѣчами
Мои слова звучали въ ладъ...

Онѣгинъ пріобрѣлъ какъ будто извѣстную власть надъ душой поэта и вліяніе его стало столь замѣтно, что Пушкинъ начиналъ даже опасаться, какъ бы ихъ не приняли за одно лицо:

Цвѣты, любовь, деревня, праздность,
Поля! я преданъ вамъ душой.
Всегда я радъ замѣтить разность
Между Онѣгинымъ и мной,
Чтобы насмѣшливый читатель
Или какой-нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здѣсь мои черты,

Не повторялъ потомъ безбожно,
Что намаралъ я свой портретъ,
Какъ Байронъ, гордости поэтъ;
Какъ будто намъ ужъ невозможно
Писать поэмы о другомъ,
Какъ только о себѣ самомъ?

И опасенія Пушкина были вполнѣ основательны. Не только „насмѣшливый“ или злобный читатель могъ въ Онѣгинѣ узнать Пушкина, но и читатель вполнѣ добросовѣстный.

Поэтъ не отрицалъ того, что онъ иногда совпадалъ въ своихъ мысляхъ съ Онѣгинымъ.

Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей;
Кто чувствовалъ, того тревожитъ
Призракъ невозвратимыхъ дней,
Тому ужъ нѣтъ очарованій,
Того змія воспоминаній,
Того раскаянье грызетъ.
Все это часто придаетъ
Большую прелесть разговору.
Сперва Онѣгина языкъ
Меня смущалъ, но я привыкъ
Къ его язвительному спору,
И къ шуткѣ, съ желчью пополамъ,
И къ злости мрачныхъ эпиграммъ.

Да и въ прошломъ въ ихъ судьбѣ было кое что сходное: Онѣгинъ—

Въ первой юности своей
Былъ жертвой бурныхъ заблужденій
И необузданныхъ страстей.
Привычкой жизни избалованъ,
Однимъ на время очарованъ,
Разочарованный другимъ,
Желаньемъ медленнымъ томимъ,
Томимъ и вѣтреннымъ успѣхомъ,
Внимая въ шумѣ и тиши
Роптанье вѣчное души,
Зѣвоту подавляя смѣхомъ:
Вотъ какъ убилъ онъ восемь лѣтъ,
Утратя жизни лучшій цвѣтъ.

Теперь страсти улеглись въ душѣ Онѣгина—

Ушедъ отъ ихъ мятежной власти,
Онѣгинъ говорилъ объ нихъ
Съ невольнымъ вздохомъ сожалѣнья.
Блаженъ, кто вѣдалъ ихъ волненья
И наконецъ отъ нихъ отсталъ;
Блаженнѣй тотъ, кто ихъ не зналъ,
Кто охлаждалъ любовь разлукой,
Вражду злословіемъ...

Улеглись онѣ и въ душѣ поэта.

Таковъ былъ онъ — этотъ „романтическій" герой, разочаровавшійся во всѣхъ сентиментальныхъ идеалахъ и оставшійся стоять на одномъ мѣстѣ безъ движенія, цѣлей, плановъ и дѣла.

Былъ ли этотъ типъ простой случайностью въ нашей жизни того времени?

Историческое развитіе типа Евгенія Онѣгина и его связь съ современной ему эпохой въ настоящее время выяснены опредѣленно и точно. Нашъ извѣстный историкъ В. О. Ключевскій далъ полную генеалогію этого типа, и теперь не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Евгеній Онѣгинъ—лицо живое, и отнюдь не случайное въ нашей жизни.

Повторимъ выводы ученаго, такъ какъ добавить къ нимъ нечего.

Начиная съ XVII вѣка въ нашемъ обществѣ стали попадаться люди, которые никакъ не могли идти вровень со своимъ вѣкомъ и, стремясь угоняться за нимъ, постепенно отъ него отставали. Петровская реформа потребовала отъ многихъ молодыхъ людей такихъ знаній и такого образа мыслей, который былъ имъ недоступенъ. Эти не ко времени пришедшіеся люди чувствовали себя очень неловко и должны были прійти къ сознанію, что они „лишніе". Дѣтей своихъ они пожелали избавить отъ такого непріятнаго положенія и какъ-нибудь приспособить къ потребностямъ новаго времени, созданнаго реформой. Наскоро стремились эти дѣти

нахвататься разныхъ практическихъ знаній [хотя въ большинствѣ случаевъ въ этомъ не успѣвали], которыми особенно дорожилъ великій реформаторъ. Но времена быстро мѣнялись, и со смертью Петра совсѣмъ иного стали требовать отъ человѣка, который не желалъ отстать отъ времени. „Одни, послѣ Петра заболѣвшіе тоской по родной старинѣ, встрѣтили Петровскаго служаку насмѣшками и ругательствами за „европейскій обычай", привезенный имъ изъ Голландіи; другіе, одержимые вожделѣніемъ къ новизнѣ, преслѣдовали его кличками неуча деревенскаго, мужика, за недостаточный запасъ европейскаго обычая, имъ привезенный, за незнаніе моднаго катехизиса, которымъ вмѣнялось благородному шляхтичу въ обязанность то самое шпажное и танцовальное искусство, которое онъ считалъ безполезнымъ". Молодой человѣкъ Петровскаго времени послѣ Петра попалъ, такимъ образомъ, въ неловкое положеніе, какъ нѣкогда и его родитель, и, испытавъ много непріятностей за свое неумѣніе приноравливаться къ обстоятельствамъ, заперся въ деревнѣ, гдѣ до смерти „коптилъ небо, созерцая звѣзды". Въ этой деревнѣ, въ его семьѣ родился отецъ Онѣгина. Воспитаніе свое онъ получилъ при Елисаветѣ, кончилъ его при Екатеринѣ и доживалъ свой вѣкъ при Александрѣ. Онъ усвоилъ себѣ весь внѣшній лоскъ западной образованности, но дѣла на родинѣ себѣ также не нашелъ. Покинувъ службу, онъ переѣхалъ въ свою губернію, задумавъ служить по выборамъ. „Онъ былъ выбранъ въ дворянскіе засѣдатели, но соскучился, дожидаясь дѣлъ, которыхъ въ три года поступило ровно три и не было рѣшено ни одного, пробовалъ заняться сельскимъ хозяйствомъ, но только сбилъ съ толку управляющаго и старосту, хотѣлъ по крайней мѣрѣ пожить весело, потчивалъ гостей частыми обѣдами, бѣгами и псовой охотой съ дворовою музыкой и цыганской пляской и, наконецъ, уставъ и заглянувъ въ долговую книгу, махнулъ на все рукой и окончательно переселился въ деревню доканчивать давно начатую и сложную работу изолированія

себя отъ русской дѣйствительности". Всю жизнь помышляя о „европейскомъ обычаѣ", о просвѣщенномъ обществѣ, онъ старался стать своимъ между чужими и только становился чужимъ между своими. Въ Европѣ видѣли въ немъ переодѣтаго по-европейски татарина, а въ глазахъ своихъ онъ казался родившимся въ Россіи французомъ. Въ этомъ положеніи культурнаго межеумка, исторической ненужности, было много трагизма, и ему самому подчасъ становилось невыразимо тяжело чувствовать себя въ такомъ положеніи.

„Сынъ его—нашъ Онѣгинъ—воспитывался въ его преданіяхъ, но не подъ его вліяніемъ. Онъ наслѣдовалъ многія изъ его идей, убѣжденій, взглядовъ, привычекъ, но не наслѣдовалъ его вкусовъ, чувствъ и отношеній къ окружающему и не наслѣдовадъ потому, что выросъ и началъ дѣйствовать подъ другими впечатлѣніями". Наступило Александровское царствованіе, и молодежь была увлечена въ круговоротъ религіозной, національной и политической мысли. Сознаніе, „что въ Россіи образованнѣйщій и руководящій классъ пренебрегаетъ роднымъ языкомъ и всѣмъ, что̀ касается родины"; сознаніе, „что въ русскомъ народѣ таятся могучія силы, лишенныя простора и дѣятельности, скрыты умственныя и нравственныя сокровища, нуждающіяся въ разработкѣ", заставило эту молодежь „круто и прямо повернуть лицомъ къ русской дѣйствительности". Одна часть этой молодежи отдалась политикѣ и погибла; „другіе пошли стороной, осторожно вглядываясь въ даль и озираясь вокругъ. Они также питали много надеждъ и иллюзій, желали дѣятельности и готовились къ ней, запасаясь идеями и иноземными образцами, которые можно было бы примѣнить въ отечествѣ". Но послѣ, когда со средины царствованія преобразовательное движеніе, смѣло начатое правительствомъ, остановилось, и реакція взяла верхъ, всѣ ихъ иллюзіи разсѣялись и „они впали въ уныніе или нравственное оцѣпенѣніе и опустили руки". Послѣ, „оправившись отъ столбняка, они кое-какъ стали прилаживаться къ русской дѣй-

ствительности". На-ряду съ этими людьми, которые такъ смѣло и рѣшительно пошли впередъ и не убоялись политической борьбы, и на-ряду съ тѣми изъ нихъ, которые впали въ уныніе, — стояли еще и другіе, по возрасту болѣе молодые, которые своеобразно откликнулись на свершившійся переломъ въ жизни ихъ родины. „Они проходили школу тогдашняго столичнаго свѣта съ его показнымъ умомъ, заученными приличіями, замѣнявшими нравственныя правила, и съ любезными словами, прикрывавшими пустоту общежитія. Эта школа давала много пищи злословію, вырабатывала „насмѣшку съ желчью пополамъ", но не пріучала ни къ умственному труду, ни къ практической дѣятельности,— напротивъ, отучала отъ того и другого, всего же болѣе располагала къ скукѣ. На наклонности, воспитанныя такой школой, ложились чувства старшихъ братьевъ, — патріотическая скорбь однихъ, уныніе другихъ. Изъ смѣшенія столь разнородныхъ вліяній и составилось сложное настроеніе, которое тогда стали звать *разочарованіемъ*. Поэзія часто рисовала его байроновскими чертами, и сами разочарованные любили кутаться въ Гарольдовъ плащъ. Но въ составъ этого настроенія входило гораздо болѣе туземныхъ ингредіентовъ. Здѣсь были и запасы схваченныхъ на лету идей съ приправой мысли объ ихъ ненужности, и унаслѣдованное отъ вольнодумныхъ отцовъ брюзжанье съ примѣсью скуки жизнью, преждевременно и безтолково отвѣданной, и презрѣніе къ большому свѣту съ неумѣньемъ обойтись безъ него, и стыдъ бездѣлья съ непривычкой къ труду и недостаткомъ подготовки къ дѣлу; и скорбь о родинѣ, и досада на себя, и лѣнь, и уныніе—весь умственный и нравственный скарбъ, унаслѣдованный отъ отцовъ и дѣдовъ и прикрытый слоемъ острыхъ и гнетущихъ чувствъ, внушенныхъ старшими братьями. Это была полная нравственная растерянность, выражавшаяся въ одномъ правилѣ: ничего дѣлать нельзя и не нужно дѣлать. Поэтическимъ олицетвореніемъ этой растерянности и явился Евгеній Онѣгинъ".

Таково историческое толкованіе типа Онѣгина, данное большимъ знатокомъ нашей прошлой жизни. Какъ видимъ, это типъ, полный историческаго смысла и значенія. Остается лишь опредѣлить—съ удачнымъ ли представителемъ этой типичной семьи имѣлъ Пушкинъ случай познакомиться.

Экземпляръ былъ не изъ лучшихъ. Всѣ тѣ очень серьезныя мысли и чувства, которыя—какъ показалъ намъ историкъ — въ оригинальномъ своемъ сочетаніи создали этотъ характерный типъ, въ Онѣгинѣ достаточно стерлись и вывѣтрились. Ни патріотической скорби, ни идейнаго разочарованія на почвѣ общественныхъ чувствъ мы не замѣчаемъ въ нашемъ Онѣгинѣ.

Не примемъ же мы въ серьезъ его патріотизма и той любви къ Россіи, любви, которую онъ вдругъ, нежданно и сразу, почувствовалъ, чтобы тотчасъ же перестать ее чувствовать.

Наскуча или слыть Мельмотомъ,
Иль маской щеголять иной,
Проснулся разъ онъ патріотомъ
Дождливой, скучною порой.
Россія, господа, мгновенно
Ему понравилась отмѣнно,
И рѣшено—ужъ онъ влюбленъ,
Ужъ Русью только бредитъ онъ!
Ужъ онъ Европу ненавидитъ
Съ ея политикой сухой,
Съ ея развратной суетой.
Онѣгинъ ѣдетъ; онъ увидитъ
Святую Русь: ея поля,
Пустыни, грады и моря.

За короткій срокъ своего знакомства съ нами Онѣгинъ растерялъ всѣ чувства, всѣ мысли, всѣ надежды и, гуляя на минеральныхъ водахъ среди разныхъ калѣкъ, имѣлъ полное основаніе съ грустью думать:

Зачѣмъ я пулей въ грудь не раненъ?
Зачѣмъ не хилый я старикъ,
Какъ этотъ бѣдный откупщикъ?

Зачѣмъ, какъ тульскій засѣдатель,
Я не лежу въ параличѣ?
Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
Хоть ревматизма?—Ахъ, Создатель!
И я, какъ эти господа,
Надежду могъ бы знать тогда!

И всетаки въ душѣ Пушкина было много симпатіи къ этому измельчавшему члену талантливой семьи, къ этому самому слабовольному среди разочарованныхъ и „лишнихъ“ людей Александровскаго царствованія.

Объясненіе этой привязанности Пушкина надо искать не въ душѣ Онѣгина, а въ душѣ самого Пушкина. Онъ въ гораздо большей степени, чѣмъ его пріятель, выстрадалъ ту драму разочарованной души, о которой говорилъ намъ историкъ. На дорогу политической борьбы Пушкинъ, положимъ, не вступилъ, но мы знаемъ, что и на сѣверѣ, и на югѣ, гдѣ онъ съ Онѣгинымъ встрѣтился, онъ въ тѣ годы политикой интересовался и имѣлъ уже случай убѣдиться лично въ томъ, насколько можно довѣрять либеральному направленію правительства. Поэтъ въ извѣстномъ смыслѣ былъ уже знакомъ и съ патріотической скорбью, и съ разочарованіемъ. Если припомнить, что эти чувства возбудили въ немъ неясную тревогу разсерженнаго ума и озлобленнаго чувства— то такое состояніе духа должно было расположить его въ пользу Онѣгина. Вѣдь такъ часто, въ минуты душевнаго волненія, мы въ людяхъ видимъ то, что̀ хотимъ видѣть, и, интересуясь ими, на дѣлѣ бываемъ заняты собой. Для Пушкина Евгеній Онѣгинъ былъ отчасти поэтическимъ воплощеніемъ его собственной тревожной души, разочарованной, сердитой, минутами недовольной всѣмъ міропорядкомъ, людьми и самимъ собою. Какъ ни былъ простъ умомъ и духовно немощенъ Онѣгинъ, но въ эти минуты Пушкинъ любилъ въ немъ человѣка, который хоть и безъ всякаго права, но бросалъ вызовъ всему окружающему. Только

спустя нѣкоторое время, когда тревога улеглась въ сердцѣ поэта, онъ, нѣсколько сердясь на самого себя за свое увлеченіе, бросилъ уѣзжавшему Онѣгину въ догонку жесткое слово: „пародія“.

Такъ много субъективнаго было въ этомъ романѣ!

Субъективность поэта сказалась и въ томъ, что онъ относился къ своему герою въ сущности критически, и не упускалъ случая сказать по его адресу много ироническихъ словъ и колкостей.

Разрѣшилъ же онъ ихъ себѣ потому, что въ его собственномъ сердцѣ та тревога духа, которая роднила его съ Онѣгинымъ, была лишь мимолетнымъ волненіемъ. Поэтъ отъ этого волненія освобождался быстро, и по мѣрѣ того, какъ писались главы романа, характеръ Онѣгина становился все чаще и чаще предлогомъ для иронической замѣтки.

Въ 1825 году близкое знакомство Пушкина съ Онѣгинымъ оборвалось, и поэтъ встрѣчался съ старымъ другомъ лишь изрѣдка, а въ началѣ тридцатыхъ годовъ совсѣмъ потерялъ его изъ виду.

Романъ „Евгеній Онѣгинъ“ помимо своей цѣнности какъ документъ для изученія психики художника—явленіе крупнѣйшее въ исторіи развитія нашего словеснаго творчества. Это — нашъ первый по времени художественный романъ реальнаго письма, хотя и не настоящаго реальнаго типа. Субъективнаго элемента въ немъ больше, чѣмъ описательнаго и бытового, но всетаки, несмотря на перевѣсъ личныхъ вкусовъ и взглядовъ автора, романъ сохранилъ намъ достаточное количество бытовыхъ деталей и картинъ, чтобы стать настоящимъ историческимъ памятникомъ своей эпохи. Это былъ первый романъ, въ которомъ художникъ подошелъ на близкое разстояніе къ современной ему жизни. Если центральной фигурой оставался самъ художникъ или его излюбленный герой, то этотъ герой дѣйствовалъ въ

условіяхъ не вымышленныхъ, а согласныхъ съ исторической правдой даннаго момента. До „Евгенія Онѣгина“ такого реальнаго письма въ нашей повѣствовательной литературѣ, да и вообще во всей нашей изящной словесности не было. Послѣ „Евгенія Онѣгина“ оно также не попадалось вплоть до Гоголя.

Русскій романъ XVIII вѣка былъ въ большинствѣ случаевъ подражательный, и хорошо, если романисту удавались нѣсколько вѣрныхъ бытовыхъ штриховъ или нѣсколько силуэтовъ изъ галлереи современныхъ ему людей. То, что въ особенности мѣшало романисту XVIII вѣка подняться до истинной художественности, была обязательная моральная или сатирическая тенденція; она, а не жизнь, составляла планъ романа и управляла ходомъ его дѣйствія.

Въ этой же тенденціозности можно упрекнуть и всѣ сентиментальные и — какъ тогда говорилось — нравоописательные романы и повѣсти конца XVIII вѣка и начала XIX-го. Авторъ стремился настроить душу читателя, тронуть его сердце, защищалъ интересы добра передъ порокомъ, и нравственное воспитаніе читателя было ему дороже эстетической правды. Къ типу такихъ сентиментальныхъ повѣстей относятся всѣ нѣкогда столь прославленныя повѣсти Карамзина и Жуковскаго. Въ нихъ было много нѣжности, религіознаго и патріотическаго настроенія, много стилистическихъ достоинствъ, но самое главное — русская жизнь — въ нихъ отсутствовала. Когда Карамзинъ вдругъ, вопреки всѣмъ своимъ привычкамъ, задумалъ написать чисто реальную повѣсть изъ лично имъ пережитаго, съ сохраненіемъ бытовыхъ подробностей и колорита, онъ прервалъ работу въ самомъ началѣ — такъ трудно давались ему пріемы реальнаго письма и совпадавшая съ дѣйствительной жизнью работа фантазіи. А между тѣмъ эта единственная въ своемъ родѣ повѣсть Карамзина — „Рыцарь нашего времени“ обнаруживала въ авторѣ большую способность рисовать бытовыя картины и давала образцы хорошей психологической мотивировки. Но на эту

сторону своего дарованія Карамзинъ не обратилъ должнаго вниманія.

Послѣ повѣстей Карамзина и Жуковскаго можно упомянуть развѣ только о романахъ Измайлова и Нарѣжнаго, какъ о произведеніяхъ, подымающихся выше обычнаго тогда ординара. Не отрицая за этими писателями извѣстнаго дара наблюдать жизнь и способности обобщать разрозненныя наблюденія, надо признать, что и для нихъ романъ былъ всетаки лишь удобнымъ предлогомъ—прочитать пороку наставленіе и ободрить добродѣтель. Кое-какія бытовыя детали скрашивали эту проповѣдь и иногда — какъ, напр., у Нарѣжнаго — разсказъ отливалъ бодрымъ юморомъ. Но ни романъ Измайлова, ни многочисленные романы Нарѣжнаго не могутъ быть названы художественными произведеніями и потому въ поле нашего зрѣнія не входятъ.

Общій обзоръ.

Литературная эпоха, за судьбами которой мы слѣдили, закончилась 1825 годомъ, годомъ смѣны царствованія и сопровождавшей эту смѣну политической бури.

Имѣемъ ли мы право при обозрѣніи такого непрерывнаго движенія, какъ развитіе литературныхъ вкусовъ, направленій и формъ, указывать на какое-нибудь событіе или на какой-нибудь годъ, какъ на моментъ окончанія извѣстнаго періода въ исторіи литературы и какъ на моментъ начала новой эры? Не есть ли это опять возвратъ къ произвольному хронологическому дѣленію исторіи словесности или дѣленію ея по царствованіямъ?

Противъ такого дѣленія на царствованія [литература Александровской эпохи, литература Николаевскихъ временъ, литература въ царствованіе Александра II] нельзя, кажется намъ, ничего возразить по существу, если только условиться въ пониманіи этихъ опредѣленій. Недоразумѣніе можетъ получиться, если мы слова „Александровское время", „Николаевское время" будемъ понимать въ томъ традиціонномъ смыслѣ, къ какому насъ пріучила литература западная, гдѣ мы встрѣчаемъ, напр., такія ясныя для насъ рубрики въ исторіи литературы, какъ „вѣкъ Августа", „вѣкъ Елисаветы", „эпоха Медичи", „вѣкъ Людовика XIV" и у насъ „вѣкъ Екатерины". Въ томъ смыслѣ, какой приданъ этимъ

терминамъ, мы не можемъ говорить о вѣкѣ Александра I, Николая I или Александра II въ исторіи литературы.

Августъ и Елисавета, и Людовикъ, и даже Екатерина, какъ личности съ извѣстнымъ міросозерцаніемъ и извѣстными литературными вкусами, прилагали особое стараніе къ тому, чтобы современныя имъ искусство и литература развивались въ опредѣленномъ направленіи, которое эти властители считали наиболѣе совершеннымъ и достойнымъ ихъ царствованія. Свою власть правителя и законодателя эти монархи и монархини простерли на область художественнаго творчества, въ которой они были большіе знатоки или любители; и сколько бы непріятныхъ сторонъ въ „меценатствѣ" ни было, надо признать, что такое покровительство власти оказывало иногда искусству немалую матерьяльную и нравственную поддержку.

Императоры Александръ Павловичъ и Николай Павловичъ [ограничимся пока лишь первой половиной XIX вѣка] были люди съ безспорнымъ интересомъ къ литературѣ, меценаты, и о процвѣтаніи отечественныхъ музъ заботились. Но литература ихъ царствованія въ лицѣ самыхъ сильныхъ художниковъ шла почти всегда наперекоръ ихъ вкусамъ и желаніямъ. Начиная съ 20-хъ годовъ XIX вѣка власть находилась въ постоянной ссорѣ съ словеснымъ искусствомъ, и поэтъ, романистъ и литераторъ былъ отданъ подъ очень строгую опеку, которая становилась все придирчивѣе и самовольнѣе, что̀ несомнѣнно служило показателемъ постепеннаго уменьшенія довѣрія власти къ писателю. Такое уменьшеніе довѣрія со стороны власти было вполнѣ понятно, такъ какъ, дѣйствительно, литература становилась все болѣе и болѣе въ оппозиціонное отношеніе къ государственному режиму. Въ царствованіе Александра Павловича этотъ разладъ литературы и власти еще не такъ рѣзко проступаетъ наружу. Наиболѣе уважаемые властью писатели вмѣстѣ съ тѣмъ и передовые литераторы, какъ, напр., Карамзинъ и Жуковскій. Общее сентиментально религіозное и патріо-

тическое настроеніе, подогрѣтое борьбой съ Наполеономъ, объединяетъ и власть, и литературу. Но уже въ двадцатыхъ годахъ начинаетъ чувствоваться разладъ между ними. Сначала власть ссорится съ наукой, затѣмъ съ литературой. Ссорится она съ нею изъ-за либеральнаго ея направленія и изъ-за пробуждающагося въ ней критическаго отношенія къ жизни, и, дѣйствительно, либерализмъ, критическая оцѣнка, свободная философская мысль постепенно просачиваются въ литературу и публицистику—какъ это видно въ поэзіи Пушкина двадцатыхъ годовъ, въ комедіи Грибоѣдова, въ философскомъ направленіи кружка Веневитинова, въ гражданской пѣснѣ Рылѣева. Такимъ образомъ, словами: „Александровскій вѣкъ въ литературѣ“ можно было бы окрестить лишь самые начальные годы развитія нашей изящной словесности, когда Жуковскій и Карамзинъ были ея учителями и воспитателями.

Съ еще меньшимъ правомъ можно говорить о „Николаевскомъ вѣкѣ“. Императоръ Николай Павловичъ желалъ дать тонъ литературѣ и слѣдилъ за ней очень зорко: въ исключительныхъ случаяхъ онъ даже бралъ на себя роль ея защитника передъ цензурой, какъ это было съ Пушкинымъ и Гоголемъ. Но надежды царя не оправдались. Развѣ только старшее поколѣніе литераторовъ—все тотъ же Жуковскій, Пушкинъ, Крыловъ,—не то, чтобы оправдывали его надежды, а просто не сердили его. Все молодое въ литературѣ, критикѣ и публицистикѣ шло противъ тѣхъ тенденцій, какія царь хотѣлъ провести въ нашу государственную и общественную жизнь. Достаточно вспомнить о томъ, какъ цензура приводила къ молчанію и западниковъ, и славянофиловъ, какъ трудно приходилось Бѣлинскому, Грановскому, Герцену и ихъ друзьямъ, какимъ опаснымъ считался Лермонтовъ. Даже Гоголь, этотъ консервативнѣйшій изъ нашихъ писателей, при всей своей благонадежности, невольно сталъ обличителемъ тѣхъ общественныхъ пороковъ, развитію которыхъ, несомнѣнно, способствовалъ установившійся прави-

тельственный режимъ. Такимъ образомъ, вѣкъ Николая Павловича въ литературѣ есть собственно вѣкъ борьбы литературы съ тѣмъ, что̀ императоръ умышленно или неумышленно бралъ подъ свою защиту. Въ концѣ царствованія Николая I въ годы выступленія на литературное поприще Тургенева, Достоевскаго, Писемскаго, Островскаго, Некрасова. Гончарова и др.—художникъ былъ зачисленъ въ разрядъ очень опасныхъ враговъ правительственнаго порядка.

Итакъ, если ужъ говорить въ исторіи словесности объ эпохахъ Александра I и Николая I, то не въ старомъ смыслѣ „вѣка", на который эти властители наложили печать своего духа. Дѣлить исторію литературы на эти рубрики по царствованіямъ возможно только при условіи, если подъ царствованіями разумѣть чисто хронологическія грани [1802—1825 и 1826—1855 годы].

Въ этомъ смыслѣ дѣленіе вполнѣ допустимо, такъ какъ общій характеръ нашей духовной и общественной жизни въ первомъ періодѣ [1802 — 1825] значительно отличался отъ его характера во второмъ [1826—1855]. Подъ вліяніемъ перемѣнъ, происшедшихъ въ жизни общественной и политической, измѣнилось и отношеніе художника къ жизни, измѣнился его взглядъ на себя и свое призваніе, измѣнились также въ извѣстномъ смыслѣ и пріемы его мастерства.

Теперь, когда мы ознакомились съ ростомъ изящной словесности въ царствованіе Александра Павловича, не трудно будетъ уловить особенности психики художника въ эти первые годы его жизни.

Во главѣ государства стоялъ человѣкъ, получившій либеральное и гуманное воспитаніе и образованіе. Вступилъ онъ на престолъ съ вѣрою въ людей и въ спасительное дѣйствіе добрыхъ людскихъ пожеланій. Какъ сынъ своего сентиментальнаго вѣка, онъ думалъ, что умъ и воля человѣка, правильно направленные, способны въ самый короткій

срокъ переродить людей и осуществить на землѣ царство справедливости. Онъ начиналъ свою дѣятельность съ цѣлаго ряда самыхъ гуманныхъ и либеральныхъ реформъ и проектовъ и былъ убѣжденъ, что разъ эти проекты имъ подписаны, они уже сами собой сдѣлаютъ свое великое дѣло. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ благихъ послѣдствій благого начинанія.

Угрожающій ростъ наполеоновской имперіи заставилъ царя, однако, все свое вниманіе и время отдать вопросамъ внѣшней политики, а заботы о внутреннемъ развитіи своей страны царь уступилъ людямъ, которые такъ или иначе успѣли овладѣть его довѣріемъ. Война и дипломатія скоро окончательно отвлекли его отъ кропотливой, требующей большой выдержки домашней работы. Когда война окончилась побѣдой надъ Наполеономъ, онъ, и безъ того религіозный человѣкъ и очень склонный къ мистическому толкованію житейскихъ явленій,—все болѣе и болѣе сталъ убѣждаться въ своей провиденціальной міровой роли, онъ сталъ понимать свое призваніе не только какъ царя русскаго, но какъ героя, призваннаго служить всему человѣчеству. Повседневная забота о Россіи отошла совсѣмъ на задній планъ: его настроеніемъ и умомъ окончательно овладѣли хитрые западные дипломаты, которые стали эксплоатировать его религіозно-сентиментальное настроеніе въ интересахъ реакціи религіозной и политической. Передъ императоромъ стала труднѣйшая задача, въ которой онъ не могъ разобраться. Роль въ предѣлахъ Россіи казалась ему слишкомъ узкой и ничтожной; подъ вліяніемъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ близкаго столкновенія съ культурой Запада, Россія стала ему непріятна своей отсталостью, и общественной, и культурной, и онъ началъ пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы уѣхать изъ ея предѣловъ. Нѣкоторое время онъ еще продолжалъ говорить либеральныя рѣчи, которыя обѣщали даже полную ломку нашего государственнаго строя, но затѣмъ въ его душѣ стало происходить нѣчто загадочное и необъ-

яснимое. Онъ переживалъ, должно быть, великую душевную трагедію, которая едва ли можетъ быть возстановлена во всей ея полнотѣ. Быть можетъ, все большее и большее погруженіе въ мистику, трудность выяснить себѣ самому свое призваніе; можетъ быть, разочарованіе въ людяхъ и въ своей родинѣ; можетъ быть, вопросы личной этики и тяжелыя воспоминанія—но только императоръ сталъ тяготиться и людьми, и самимъ собою. Имъ овладѣла какая-то тоска, которая заставляла его искать облегченія въ безконечныхъ путешествіяхъ, и онъ бѣжалъ отъ работы, довольный тѣмъ, что нашлись лица, которыя за него готовы были взять на себя трудъ управленія, а главное—взять отвѣтственность за этотъ трудъ. Это были уже не тѣ товарищи, съ которыми онъ начиналъ свою юную жизнь властителя: тѣ были идеалисты и сентименталисты - мечтатели того же душевнаго склада, что̀ и онъ. Такіе люди теперь едва ли могли помочь ему. Помочь могли лишь характеры трезвые до сухости, люди не теорій, а дѣла, хотя бы самаго грубаго, люди съ волей, хотя бы жестокіе; однимъ словомъ, люди Аракчеевскаго типа. Имъ онъ довѣрился, потому что они умѣли ему импонировать и потому что для нихъ не существовало тѣхъ вопросовъ, которые его мучили. И вотъ, вторая половина царствованія императора становится отрицаніемъ той программы, которую онъ возвѣстилъ при своемъ вступленіи на престолъ. Наступаетъ реакція безпринципная, непослѣдовательная, капризная, зависящая отъ настроенія. Насколько императоръ самъ руководилъ этой реакціей—трудно сказать; вѣрнѣе, что онъ махнулъ рукой на внутреннія дѣла государства, занятый больше дѣлами внутренними собственной души. По крайней мѣрѣ, когда онъ узналъ, что въ государствѣ готовится обширный заговоръ противъ него и даже противъ его жизни, онъ не принялъ никакихъ мѣръ огражденія—какъ будто чувствуя близость своей кончины. Говорятъ, что онъ при этомъ случаѣ сказалъ даже, что не ему карать преступленія, на которыя онъ самъ наталкивалъ.

своихъ подданныхъ. Если онъ, дѣйствительно, такъ думалъ, то велика была трагедія, которую онъ пережилъ. Въ 1825 году императоръ неожиданно скончался и тотчасъ же вспыхнуло возстаніе, усмирять которое пришлось его брату.

На нашей общественной жизни такая личность правителя, какимъ былъ Александръ Павловичъ, въ общемъ отразилась благотворно. Въ началѣ царствованія онъ покровительствовалъ росту свободы совѣсти, свободы мысли и слова, и стремился пробудить въ своихъ подданныхъ чувства общественныя и политическія. Затѣмъ онъ сталъ гнать эти свободы и чувства, но гналъ какъ бы нехотя, и несмотря на Аракчеевщину во всѣхъ вѣдомствахъ, общественная самодѣятельность въ его царствованіе не замерла, а скорѣе разгоралась.

Большую помощь этой самодѣятельности оказывало наше исключительное тогда положеніе среди другихъ культурныхъ народовъ. Мы приняли близкое участіе въ дѣлахъ Европы. Съ 1807 года по 1815 мы были однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ европейской политической драмы. Мы возстановляли низверженный престолъ во Франціи, потомъ дѣлили Европу на Вѣнскомъ конгрессѣ, затѣмъ почти до самой смерти Императора Александра I участвовали на разныхъ конгрессахъ, вникая во внѣшнія и во внутреннія дѣла всего континента. Такое привилегированное положеніе должно было отразиться на нашемъ національномъ самосознаніи и вызвать въ насъ страшную торопливость, чтобы по всѣмъ направленіямъ нагнать ту иноземную культуру, къ которой мы сразу такъ приблизились.

И эта культура стала дѣлиться съ нами всѣми своими богатствами. Въ особенности богатъ былъ притокъ идей и всевозможныхъ чувствъ и настроеній разной національной окраски, съ которыми знакомила насъ западная литература, перелетавшая тогда съ необычайной быстротой и въ большомъ обиліи черезъ нашу границу. Намъ пришлось знакомиться со всевозможными оттѣнками религіозной, философ-

ской, эстетической, общественной и политической мысли, съ массою литературныхъ направленій и формъ, съ громаднымъ количествомъ историческихъ фактовъ изъ прошлаго культурной жизни Запада и ея настоящаго. Всѣмъ этимъ мы интересовались, все хотѣли усвоить и понять; желали даже всему этому противопоставить нѣчто самобытное.

Таковы были условія нашей внѣшней жизни въ тѣ годы. Жизнь внутренняя—она была полна многихъ противорѣчій: съ одной стороны рядъ либеральныхъ чаяній, съ другой — рядъ нравственныхъ аномалій, начиная съ крѣпостного состоянія. Сознаніе недочетовъ и грѣховъ жизни быстро росло и крѣпло въ обществѣ, и отношеніе къ нимъ было отношеніе здоровое, хотя, можетъ быть, и недостаточно энергичное. Сентиментальный складъ ума и сердца позволялъ во многомъ полагаться на Бога, довѣрять его замѣстителю на землѣ и вообще вѣрить, что въ человѣкѣ отъ природы гораздо больше предрасположенія къ добру, справедливости и истинѣ, чѣмъ ко всѣмъ злымъ склонностямъ и мыслямъ. При такомъ взглядѣ на жизнь отношеніе къ ея изъянамъ было довольно мягкое; оно могло быть очень сознательное, искреннее и глубокое, но оно рѣдко бывало мучительнымъ или острымъ. Всегда налицо была вѣра въ человѣка, въ его разумъ и добрыя его чувства, и какой бы болью и скорбью зло ни отдавалось въ сердцѣ, всегда можно было надѣяться, что съ помощью Божьей и силою власти земной со всѣми несовершенствами легко справиться. Въ первые годы царствованія Императора Александра I такое сентиментальное міропониманіе было крайне повышено, но даже и въ послѣдующіе годы, годы реакціи, оно людей не покинуло. Нѣкоторымъ особенно чуткимъ людямъ пришлось, правда, пережить извѣстную тревогу духа, извѣстное смятеніе мыслей, и какой-то неопредѣленный мракъ временно окуталъ ихъ души, мракъ, который поколебалъ въ нихъ довѣріе и къ Богу, и къ власти, и къ людямъ. Но такое настроеніе улеглось въ этихъ чуткихъ душахъ быстро, и эта „романтиче-

ская“ разновидность сентиментальнаго отношенія къ міру не разобщила ихъ съ жизнью.

Они продолжали въ нее вѣрить, хотя и говорили о своемъ разочарованіи. Вѣра въ силу доброй воли человѣка и въ быстрое торжество справедливости была у нѣкоторыхъ даже настолько сильна, что, несмотря ни на какую осязаемую и видимую реакцію, толкнула ихъ на путь прямого возстанія противъ существующаго общественнаго и политическаго порядка.

И вотъ, въ этихъ-то условіяхъ, при такомъ душевномъ настроеніи и образѣ мыслей приходилось жить художнику. Вполнѣ естественно, что эти условія опредѣлили его отношеніе къ тому матерьялу, какой былъ ему данъ окружающей жизнью.

Передъ художникомъ открывалось необозримое поле новыхъ ощущеній, впечатлѣній и мыслей. Многое было ему дано совсѣмъ готовымъ, какъ итогъ чужой культуры, глубокой по смыслу и красивой по формѣ. Ему оставалось только облечь этотъ итогъ въ русскую художественную рѣчь, которая къ этому времени уже родилась и быстро совершенствовалась. Многое открылось ему также и въ его родной жизни, въ которой, при исключительныхъ историческихъ условіяхъ, стало обнаруживаться сильное идейное и общественное броженіе.

Самое дорогое въ этой новизнѣ впечатлѣній и мыслей было для художника, конечно, его личное отношеніе къ ней. Все для него было такъ ново, такъ неожиданно, все такъ возбуждало прежде всего его любопытство, что онъ съ большой поспѣшностью переходилъ отъ одного порядка чувствъ къ другому, отъ одной идеи къ другой, подставляя себя нерѣдко подъ упрекъ невыдержанности въ настроеніяхъ и противорѣчіяхъ въ мысляхъ. Но этими настроеніями и мыслями, равно какъ и фактами, со всѣхъ сторонъ на него налетавшими, онъ былъ подавленъ, ослѣпленъ и смущенъ. Времени привести все это въ стройную систему у

него не было. Еще слишкомъ неопытенъ былъ онъ для такой систематизаціи. Онъ наслаждался новизной жизни, жадно ловилъ всѣ впечатлѣнія, но спокойно, объективно отнестись къ жизни онъ не могъ—занятый больше своей личностью, чѣмъ ею.

Субъективное отношеніе къ жизни, какое наблюдается у всѣхъ нашихъ художниковъ тѣхъ годовъ, — не есть результатъ какой-нибудь односторонности духа или недостатка художнической организаціи. Это вполнѣ естественное явленіе при тѣхъ условіяхъ жизни общественной, при какихъ художники родились и начали развиваться. Даже тѣ изъ нихъ, у которыхъ былъ несомнѣнный даръ наблюденія, не надъ собой только, а надъ жизнью внѣшней, и тѣ не могли удержаться, чтобы не подчеркивать при каждомъ случаѣ своихъ личныхъ чувствъ, настроеній и мыслей. Личность художниковъ стала въ центрѣ всего ихъ творчества, и оцѣнка окружающей дѣятельности свелась для нихъ къ самооцѣнкѣ.

Въ этомъ субъективномъ отношеніи къ міру художники проявили въ общемъ довольно миролюбивое и благодушное настроеніе. Какъ бы они ни сердились и какъ бы порой печальны ни были, они всетаки оставались довѣрчивыми сентименталистами и только на очень короткое время душою нѣкоторыхъ изъ нихъ овладѣвала та „романтическая“ тревога духа, та тревожная форма сентиментальнаго міропониманія, которая заставляла ихъ, вѣрующихъ и любящихъ, на словахъ быть отрицателями и пессимистами. Но этотъ „романтизмъ“ въ Александровскіе годы былъ явленіемъ исключительнымъ и всецѣло овладѣть душой художника онъ не могъ.

Какую же психическую силу преимущественно проявилъ нашъ художникъ въ своемъ эстетическомъ отношеніи къ міру? Искалъ ли онъ въ окружающей его жизни повода къ размышленію, къ возбужденію воли или онъ искалъ въ жизни прежде всего пищи для своей фантазіи, для своего чувства? Въ этотъ періодъ своего развитія нашъ художникъ

преимущественно жилъ чувствомъ, довольствовался впечатлѣніями и ощущеніями, насыщая ими свою фантазію; онъ дорожилъ богатствомъ фантазіи и въ широчайшемъ развитіи этой чуткости, этой способности чувствовать видѣлъ главное свое достоинство и конечную цѣль своего призванія. Онъ хотѣлъ быть „эхо“ всей вселенной. Надъ тѣмъ, что̀ онъ получалъ извнѣ, онъ думалъ мало, такъ какъ впечатлѣнія смѣнялись необычайно быстро и кругомъ кипѣла жизнь, отливавшая самыми разнообразными красками. Особенно задумываться не приходилось уже и потому, что слишкомъ довѣрчиво смотрѣлъ человѣкъ на все, что̀ вокругъ него творилось. Эта довѣрчивость уменьшала въ художникѣ также и желаніе принять непосредственное участіе въ событіяхъ, которыя на его глазахъ вершились. Воля, импульсъ къ дѣйствію, желанье сблизить мечту и жизнь были въ эти годы очень слабо развиты въ художникѣ. Онъ сторонился отъ „толпы“, отъ житейской суеты [подводя подъ названіе суеты иногда весьма серьезные вопросы жизни], онъ хотѣлъ быть преимущественно созерцателемъ и очень дорожилъ этой способностью сохранять хладнокровіе среди общаго волненія. Эстетическій аристократизмъ считалъ онъ необходимымъ условіемъ для истиннаго творчества, вполнѣ увѣренный, что на своемъ посту, оставаясь вдали отъ житейской сутолоки, онъ для жизни сдѣлаетъ больше, чѣмъ если непосредственно втянется въ ея омутъ. Свободу, широту и глубину чувствъ, отзывчивость „на все“—вотъ что̀ цѣнилъ онъ всего больше въ искусствѣ.

Когда мы такъ подчеркиваемъ роль чувства въ психикѣ художника того времени, то, конечно, мы не имѣемъ въ виду ея исключительной, единственной власти надъ душой человѣка. Нѣтъ людей, которые бы жили однимъ чувствомъ, безъ импульсовъ воли и склонности къ логической систематизаціи впечатлѣній и ощущеній. Были и въ эти годы художники съ нѣкоторымъ тяготѣніемъ къ отвлеченной мысли, были и другіе, которые вносили въ свою лирику немало

боевого настроенія, но это были исключенія; въ общемъ, въ поэзіи того времени преобладаетъ „чувствительное“ отношеніе художника къ жизни, при которомъ, занятый почти исключительно самимъ собою, онъ ловитъ и выслѣживаетъ всѣ новыя для него и столь разнообразныя впечатлѣнія, спѣшитъ отъ одного впечатлѣнія къ другому, радуется ихъ обилію, красотѣ и новизнѣ,—въ общій же ихъ философскій смыслъ вникаетъ мало и еще меньше желаетъ принять въ жизни непосредственное волевое и активное участіе. Такова психика художника за этотъ первый періодъ развитія нашей изящной словесности въ XIX-томъ столѣтіи.

Само собою разумѣется, что отъ этой психики въ прямой зависимости находились характеръ, настроеніе, темпъ, содержаніе, построеніе и объемъ самихъ художественныхъ памятниковъ.

Сводя къ одному все, что успѣла дать изящная словесность за цѣлую четверть вѣка—видишь, что та сложная, живая, обильная идеями, настроеніями и событіями жизнь, какой мы начали жить, не нашла должнаго отраженія въ искусствѣ. Многія и очень существенныя ея стороны остались незамѣченными или слабо освѣщенными; многіе очень яркіе типы не попали на страницы литературы; многія переживанія очень глубокія не вдохновили художника. Приписать это явленіе малой опытности или малой силѣ талантовъ тѣхъ годовъ нельзя, такъ какъ таланты, которые были налицо, обладали большой силой, иногда граничащей съ геніальностью, и потому могли быстро и легко пріобрѣсти любой артистическій опытъ. Въ самомъ дѣлѣ, за эту четверть вѣка мы имѣли среди насъ Жуковскаго, Батюшкова, Пушкина, Баратынскаго, Крылова и Грибоѣдова [не считая менѣе даровитыхъ] т. е. цѣлую группу художниковъ первоклассныхъ, которые могли бы широко раздвинуть границы художественнаго кругозора, и современную имъ жизнь воскресить полно и цѣлостно въ образахъ и картинахъ. Такой художественной картины современности мы, однако, не полу-

чили. Наши художники дали намъ рядъ личныхъ признаній и исповѣдей, рядъ портретовъ, списанныхъ съ нихъ самихъ въ разные періоды ихъ духовнаго развитія. Мы имѣли исповѣдь сентиментальнаго настроенія въ пѣсняхъ Жуковскаго; восторги и печали большого эстета въ лицѣ Батюшкова; поэзію жизнерадостныхъ чувствъ, свѣтлаго, гармоничнаго міросозерцанія съ временной легкой примѣсью романтической тревоги въ творчествѣ Пушкина; имѣли двѣ сатирическихъ оцѣнки жизни, одну общаго характера въ басняхъ Крылова, другую характера частнаго въ монологахъ разсерженнаго Грибоѣдова; имѣли мы наконецъ пѣсни безпринципно веселыя въ стихахъ Языкова, идейно-скорбныя въ стихотвореніяхъ Баратынскаго, философски-спокойныя въ юношескихъ опытахъ Веневитинова и граждански-боевыя въ лирикѣ Рылѣева.

Дать общую характеристику всей эпохи по этимъ поэмамъ, пѣснямъ, балладамъ, думамъ, посланіямъ и инымъ лирическимъ стихотвореніямъ—нельзя. Въ нихъ отсутствуетъ бытовой матеріалъ и въ нихъ сохранено лишь малое количество душевныхъ чертъ человѣка того времени, духовные интересы котораго были очень сложны и разносторонни. Но художникъ пока не выходилъ изъ тѣснаго круга личныхъ ощущеній и не брался за такія темы, въ которыхъ пришлось бы касаться психики ему чуждой и обстановки, съ которой онъ не свыкся.

Вотъ почему въ литературномъ движеніи тѣхъ годовъ отсутствуютъ нѣкоторыя формы изящной словесности, которыя требовали отъ писателя пристальнаго наблюденія надъ жизнью и способности забывать о себѣ, о своихъ взглядахъ и вкусахъ.

Мы, напр., не встрѣчаемъ ни одной повѣсти, ни одного романа, который удовлетворялъ бы требованіямъ истинной художественности. Карамзинъ сдѣлалъ попытку въ этомъ родѣ, когда началъ писать „Рыцаря нашего времени“, но повѣсти не окончилъ... И первый болѣе цѣльный примѣръ

такой повѣсти былъ данъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“, который также остался неоконченнымъ и въ которомъ опять-таки личность поэта стояла на первомъ планѣ. То огромное количество повѣстей и романовъ, которые въ тѣ годы печатались въ журналахъ или отдѣльными книгами—имѣли нѣкоторую литературную цѣнность, какъ образовательное чтеніе, но ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть причислены къ произведеніямъ художественнымъ. Въ этой области литературной работы не выдвинулся ни одинъ болѣе или менѣе крупный талантъ. Большинство романовъ и повѣстей были переводные или подражательные въ духѣ модныхъ европейскихъ романовъ сентиментальной школы или „романтической“, съ занятными похожденіями, съ элементомъ неожиданнаго, фантастическаго и страшнаго. Къ русской жизни они никакого отношенія не имѣли. Когда русскій авторъ хотѣлъ примѣнить эти иностранныя формулы къ родной ему жизни, когда онъ бралъ иностранную фабулу и въ нее вводилъ русскія имена и обстановку, когда онъ писалъ русскія подражанія „сентиментальному путешествію“ Стерна, когда онъ бралъ сюжеты изъ исторической или легендарной старины русской [въ большинствѣ случаевъ измышленной]—онъ давалъ своему читателю иной разъ образцы довольно увлекательнаго чтенія, но художественность отъ этого ничего не выигрывала: получался литературный трафаретъ или шаблонъ, и правда жизни и правда человѣческой души отсутствовали. Авторъ хотѣлъ либо разсказать что-нибудь очень занятное, либо „соревновать“ съ иностраннымъ образцомъ, либо прочитать наставленіе, дать образецъ моральнаго, благомыслящаго разсказа, либо наконецъ прославить своихъ соотечественниковъ, напоминая имъ о славномъ, хотя бы измышленномъ прошломъ. Съ такими тенденціями художество ужиться не могло,—а сами тенденціи эти потому возобладали, что въ писателѣ пока не было силы отрѣшиться отъ самого себя и увлечься чужой психологіей или окружающимъ его бытомъ въ цѣляхъ истинно-художественныхъ.

Такую же малую степень художественности обнаруживаетъ и театръ въ Александровскую эпоху. И для сценическаго произведенія нужна была способность объективнаго воспроизведенія жизни, нужно было умѣнье спрятаться за дѣйствующихъ лицъ. Способность эта отсутствовала и нашъ театръ тѣхъ годовъ, за исключеніемъ „сатиры въ лицахъ" Грибоѣдова, не далъ ни одного художественнаго образца.

На сценѣ процвѣтала, впрочемъ, трагедія, завѣщанная еще XVIII вѣкомъ. Она была чисто подражательная, такъ называемаго „ложно-классическаго" стиля. Что этотъ родъ сценическаго творчества имѣлъ наиболѣе широкое распространеніе,—это вполнѣ понятно, такъ какъ отъ автора онъ требовалъ только хорошаго знанія образцовъ и соблюденія установленныхъ „правилъ" искусства. Произведенія, созданныя по такому рецепту, не могли имѣть художественной стоимости даже тогда, когда люди талантливые принимались за ихъ выполненіе. Когда Озеровъ, нашъ лучшій драматургъ тѣхъ годовъ, человѣкъ съ несомнѣннымъ дарованіемъ пожелалъ сочетать эту „ложно-классическую" форму съ сентиментальными чувствами, то эти попытки для искусства дали очень мало — что̀ не помѣшало, однако, почти всѣмъ пьесамъ автора имѣть оглушительный успѣхъ на сценѣ. Въ нашей трагедіи „ложно-классическаго" типа съ героями иноземными или русскими жизнь изображалась въ самыхъ общихъ очертаніяхъ. Если бы въ эти символы могъ быть вложенъ глубокій смыслъ, общеміровой или даже національный, то со всѣми условностями такихъ трагедій можно было бы помириться, но для трагедіи съ общеміровымъ смысломъ и съ глубокой національной идеей время пока еще не наступило. Въ концѣ Александровской эпохи Пушкинъ въ „Борисѣ Годуновѣ" сдѣлалъ первую попытку въ этомъ направленіи и художественный инстинктъ подсказалъ ему, что первое, съ чѣмъ надо порвать, это — съ традиціей „классической" трагедіи.

Жизнь тѣхъ годовъ могла, конечно, дать обильный ма-

терьялъ для драмы и комедіи, но и для этихъ формъ художественнаго творчества писатель тѣхъ годовъ также подготовленъ не былъ. На сценѣ ставились переводы комедій и драмъ преимущественно съ французскаго, ставились передѣлки иностранныхъ пьесъ на русскіе нравы, попадались и попытки оригинальнаго творчества, но даже лучшія изъ этихъ оригинальныхъ пьесъ были крайне бѣдны содержаніемъ, смахивали на водевили, на анекдоты въ лицахъ и поражали несерьезностью завязки и самой несложной психологической мотивировкой.

Какъ въ повѣстяхъ и романахъ, такъ и въ пьесахъ чувствовалась малая наблюдательность авторовъ, малый запасъ знанія бытовыхъ чертъ, рѣчи и характеровъ; авторъ не могъ забыть о себѣ и не сходилъ со сцены.

Художникъ Александровской эпохи былъ, какъ видимъ, преимущественно лирикъ, и такимъ онъ и долженъ былъ быть—онъ, впервые появлявшійся на аренѣ нашей исторической жизни въ годы, когда столько новыхъ идей и впечатлѣній на него сразу нахлынуло. Не отозваться на нихъ прежде всего сердцемъ было невозможно. Для раздумья, строгаго наблюденія, анализа и обобщенія явленій жизни—впереди оставалось много времени.

Дальнѣйшія судьбы нашей изящной словесности.

Смерть императора Александра Павловича и декабрьскія событія 1825 года — дата необычайнаго значенія не только въ исторіи развитія нашей гражданственности, но и въ исторіи нашей словесности. Совсѣмъ особая психика художника вырабатывается въ Николаевское царствованіе.

На престолъ вступаетъ человѣкъ совсѣмъ иного склада ума и сердца, чѣмъ его братъ. Начинаетъ онъ свое царствованіе среди мятежа, который, какъ онъ убѣжденъ, наполовину — дѣло рукъ литераторовъ и публицистовъ. Не безъ основанія винитъ онъ въ этомъ мятежѣ пылкое чувство энтузіастовъ и впечатлительныхъ натуръ. Такихъ людей императоръ не терпитъ и во все продолженіе своего царствованія гонитъ. Натура совсѣмъ не сентиментальная, а необычайно трезвая, прямолинейная и практичная, императоръ Николай Павловичъ еще терпитъ истинныхъ сентименталистовъ съ религіознымъ и мирнымъ складомъ души; сентименталисты же романтики, „тревожныя души“ ему подозрительны, какъ натуры „недовольныя“.

Самъ онъ—логикъ, и безпощадный логикъ идеи самодержавія. Никакихъ колебаній и переломовъ духа онъ никогда не зналъ [или, можетъ быть, узналъ ихъ только передъ самой кончиной]. Онъ отдался одному принципу, одной цѣли— поддерживать безъ уступокъ существующую форму пра-

вленія въ Богомъ хранимой Россіи. Этотъ принципъ онъ проводилъ неумолимо во всѣ области и отрасли нашей матерьяльной и духовной жизни. Онъ мнилъ себя высшимъ опекуномъ мыслей, настроеній и образа дѣйствія своихъ подданныхъ. Сообразно съ этимъ былъ установленъ и режимъ воспитанія и программы обученія, и опредѣлены границы печатнаго и устнаго слова. То, что̀ при императорѣ Александрѣ Павловичѣ придавало нашей жизни такой колоритъ,—довольно свободное развитіе религіозныхъ, общественныхъ и политическихъ идей, было теперь заторможено строжайшимъ правительственнымъ контролемъ. Допущенъ былъ только свободный ростъ мысли философской и то лишь въ области одной эстетики. Живой обмѣнъ мысли исчезалъ мало-по-малу изъ области печатнаго слова и становился достояніемъ частной бесѣды или письма. Литература проигрывала отъ этого безмѣрно, художникъ неизбѣжно долженъ былъ чувствовать себя въ постоянной опаскѣ, и свободное обращеніе съ матерьяломъ, который ему давала жизнь, становилось для него почти немыслимо.

Вровень съ этой вялостью гласной мысли шла возрастающая вялость всей жизни общественной. Режимъ требовалъ прежде всего спокойствія и рутинной механичности движенія. Ни о какой общественной самодѣятельности, которую стремилось вызвать александровское царствованіе, по крайней мѣрѣ въ первые свои годы, не могло быть и рѣчи. Даже на мелкія проявленія этой самодѣятельности, какъ напр., на жизнь частныхъ литературныхъ кружковъ власть смотрѣла косо. И интересъ къ общественной жизни, интересъ къ вопросу дня падалъ все больше и больше.

Ничего возбуждающаго и бодрящаго не давало и наше международное положеніе тѣхъ годовъ. Турецкая война, венгерскій походъ, затянувшаяся война на Кавказѣ—какъ все это было мелко и жалко сравнительно съ тѣмъ, что̀ такъ недавно было пережито. Пусть наше положеніе среди державъ и было почетное, но оно лишено было всякаго

блеска. На Западѣ, правда, общественная жизнь шла очень бурнымъ ходомъ и была полна героизма и внѣшней красоты, въ особенности въ періодъ времени отъ 1830 до 1848 года,—но наши связи съ Западомъ къ этому времени очень ослабѣли. Связи эти могли быть только идейныя, такъ какъ прямого участія въ жизни Запада мы не принимали. Но именно этотъ обмѣнъ идей былъ тогда очень затрудненъ въ виду особенно сильнаго подъема либеральной и радикальной мысли у нашихъ сосѣдей.

Таковы были условія, при которыхъ теперь приходилось жить художнику новаго поколѣнія: сѣрая, регламентированная и скучная жизнь внутри, сильное пониженіе въ обмѣнѣ гласной мысли, значительное уменьшеніе притока впечатлѣній извнѣ и постоянная боязнь сказать что-нибудь лишнее или сдѣлать что-нибудь недозволенное.

Старшее поколѣніе художниковъ, съ Пушкинымъ и Жуковскимъ во главѣ, должно было, казалось, всего болѣзненнѣе ощутить происшедшую перемѣну въ общественной атмосферѣ. Оно ощущало ее безспорно, но съ ней примирилось, попрежнему довѣрчивое и оптимистически настроенное. Явленіями современной жизни это старшее поколѣніе попрежнему интересовалось мало, устраняя изъ области искусства все, могущее возбудить такъ или иначе тревогу духа.

Для художника молодого поколѣнія такое примиреніе было невозможно. Жизнь оказывала своеобразное вліяніе на его психику и учила его нѣсколько иначе смотрѣть на ея явленія, чѣмъ смотрѣли его старшіе братья. Тѣ искали преимущественно впечатлѣній, на все откликались и полагали, что этимъ ихъ роль исполнена. Теперь это отношеніе художника къ жизни существенно мѣняется.

Прежде всего является потребность разобраться въ накопленномъ богатствѣ впечатлѣній и мыслей. Жизнь перестаетъ давать неустанно новое. Она становится такъ однообразна и скучна въ своемъ теченіи, что интересоваться ея

видимостью нельзя, и для всякаго человѣка чуткаго и умнаго остается одинъ выходъ: это — отвлеченіе отъ фактовъ и переносъ своего интереса на ту общую мысль, на тотъ общій смыслъ, который должны же имѣть эти разрозненные факты, столь ничтожные и сѣрые, если ихъ брать поодиночкѣ. Стремленіе къ отвлеченной обобщающей мысли, которая помирила бы человѣка съ окружающей его безцвѣтной обстановкой, истолковала бы ему смыслъ того, что̀ не поражаетъ его ни красотой, ни разнообразіемъ, ни неожиданностью; которая наконецъ связала бы въ одно цѣлое все, что̀ онъ успѣлъ узнать о прошломъ и что успѣлъ схватить въ настоящемъ—это стремленіе сказывается очень ясно въ нашей критикѣ и публицистикѣ Николаевскихъ временъ, и проникаетъ также и въ литературу. Кружкѝ Станкевича и Герцена—кружкѝ теоретиковъ, по преимуществу. Пусть въ одномъ кружкѣ преобладаетъ интересъ къ чистому умозрѣнію и къ эстетикѣ, а въ другомъ къ соціальнымъ вопросамъ, — но для членовъ и того, и другого братства общій смыслъ явленій дороже ихъ видимости. Эту видимость они готовы всегда истолковать въ угоду извѣстной теоріи, и того, что̀ называется практическимъ смысломъ, у нихъ очень мало; нѣтъ въ нихъ и способности только лишь любоваться фактомъ и довольствоваться впечатлѣніемъ, какое онъ производитъ. Они всегда и обо всемъ *размышляютъ*. Этимъ объясняется и ихъ увлеченіе отвлеченностями нѣмецкой философіи, которая повидимому такъ далека отъ русской жизни. Но она для нихъ цѣнна тѣмъ, что даетъ готовыя формулы для ихъ теоретическихъ выкладокъ. Изъ этихъ же иностранныхъ философскихъ формулъ съ примѣсью національнаго сентимента выводятъ свое ученіе и наши славянофилы. И они—теоретики и мыслители по преимуществу, съ весьма малымъ чутьемъ реальнаго факта. Со многими, даже нежелательными явленіями нашей жизни они готовы помириться, прикрывъ ихъ отвлеченнымъ истолкованіемъ. Столь же отвлеченной, какъ эта публици-

стическая и историческая мысль, становится въ тѣ годы и художественная критика. Сначала Надеждинъ, затѣмъ Бѣлинскій превращаютъ критику въ философско-эстетическій трактатъ. Критикъ начинаетъ доискиваться главнымъ образомъ *смысла* тѣхъ произведеній искусства, которыя останавливаютъ на себѣ его вниманіе. Сначала его интересуетъ больше всего самый процессъ художественнаго творчества, затѣмъ—общій смыслъ тѣхъ явленій жизни, которыя воплощены въ художественныхъ образахъ. И только въ серединѣ сороковыхъ годовъ критикъ начинаетъ цѣнить художественные памятники какъ документы данной исторической эпохи.

Это стремленіе оттѣнить въ живыхъ явленіяхъ дѣйствительности прежде всего ихъ общій смыслъ проникаетъ и въ область чистаго художественнаго творчества. Николаевскія времена не очень богаты художниками слова. Если говорить объ истинныхъ художникахъ, которые въ эту эпоху развились и вполнѣ созрѣли, то такихъ было только два: Гоголь и Лермонтовъ. Остальные — либо публицисты, какъ напр., кн. В. Ѳ. Одоевскій и Герценъ, либо еще не совсѣмъ сформировавшіеся таланты, какъ напр., молодые „натуралисты“ конца сороковыхъ годовъ — Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Григоровичъ, Островскій и Некрасовъ.

Если оставить въ сторонѣ этихъ „натуралистовъ“—учениковъ Гоголя, расцвѣтъ творчества которыхъ падаетъ въ болѣе позднюю эпоху, и считаться только съ творчествомъ тѣхъ художниковъ, которые въ Николаевскія времена достигли полнаго развитія своихъ творческихъ силъ, то вторженіе обобщающей мысли въ искусство сказывается ясно на ихъ произведеніяхъ. Всѣ повѣсти Герцена — этико-соціальныя мысли въ формѣ беллетристическаго разсказа. Повѣсти кн. В. Ѳ. Одоевскаго также не что иное, какъ философскія эстетическія и этическія разсужденія въ лицахъ.

Но самый характерный примѣръ вторженія мысли въ творчество и яркій примѣръ борьбы этой мысли съ твор-

чествомъ даетъ намъ исторія развитія таланта Гоголя. Рѣдко являлся художникъ, который бы такъ умѣлъ непосредственно и вѣрно схватывать дѣйствительность, какъ Гоголь. Въ особенности веселая и комичная сторона жизни была ему хорошо видна. Но съ самыхъ первыхъ лѣтъ своей литературной работы Гоголь былъ убѣжденъ, что онъ призванъ не только изображать жизнь, но и разгадать ея таинственный смыслъ. Онъ въ тайникѣ души былъ всегда сентименталистомъ и моралистомъ, и въ немъ съ годами крѣпла эта склонность истолковывать всѣ явленія жизни въ религіозномъ и нравственномъ смыслѣ. Такой смыслъ онъ хотѣлъ найти не только въ самихъ житейскихъ явленіяхъ, но онъ хотѣлъ навязать его и своему творчеству. И свое геніально-непосредственное творчество онъ сталъ портить въ угоду разнымъ общимъ взглядамъ. Долго его крупнѣйшій талантъ боролся противъ такой идеологіи, но къ серединѣ сороковыхъ годовъ въ борьбѣ ослабѣлъ, и художникъ-Гоголь преобразился въ чистаго проповѣдника. И такое насиліе надъ талантомъ было совершено во имя религіозно-нравственной мысли, которую надо было доказать и воплотить во что бы то ни стало. Отъ такого насилія пострадалъ тогда не одинъ только Гоголь. Можно вспомнить и о Кольцовѣ...

Но не всегда человѣкъ способенъ успокоиться на какой-нибудь чистой мысли—религіозной, философской или этической. Не для всѣхъ людей диссонансы жизни разрѣшаются на такихъ высотахъ или въ такихъ глубинахъ. Раздумье надъ жизнью, надъ противорѣчіемъ идеала и дѣйствительности для многихъ можетъ такъ и остаться печальнымъ раздумьемъ, изъ котораго нѣтъ примиряющаго выхода. Такое раздумье можетъ привести человѣка къ очень пессимистическому взгляду и повысить въ его душѣ то тревожное настроеніе, которое мы условно назвали „романтическимъ". И оно очень повысилось въ Николаевскія времена. Въ Александровскую эпоху мы его подмѣтили въ довольно слабой формѣ у Пушкина, въ періодъ, когда поэтъ жилъ на югѣ.

Теперь при новыхъ общественныхъ условіяхъ, столь враждебныхъ всякому благодушію и оптимизму, при неустанной работѣ мысли, которая искала разрѣшенія жизненныхъ диссонансовъ и не могла найти ихъ, — повышеніе тревоги въ чуткихъ сердцахъ становилось неизбѣжно.

Литература очень ясно отразила на себѣ эту усилившуюся тревогу. Русскій „романтизмъ“ начиналъ находить своихъ наиболѣе типичныхъ выразителей. Это былъ не только „романтизмъ“, проводящій рѣзкую грань между идеаломъ и жизнью, мечтой и дѣйствительностью, это былъ „романтизмъ“ въ большой степени озлобленный и пессимистическій. Онъ готовъ былъ обрушиться и на Бога, и на людей, и на всякую власть земную, и если онъ этого не дѣлалъ, то потому, что его принуждали къ молчанію. Стѣсненное въ своихъ нападкахъ на самую жизнь, недовольство жизнью нерѣдко всею своею тяжестью ложилось на душу самого носителя печали и порождало острыя формы разочарованія, при которыхъ человѣкъ терялъ всякую бодрость духа. Въ конечномъ результатѣ такого психическаго процесса могло появиться ощущеніе и сознаніе, что человѣкъ сталъ совершенно „лишнимъ“. И дѣйствительно, литература и публицистика конца сороковыхъ годовъ отмѣтили появленіе у насъ такихъ „лишнихъ“ людей.

Всѣ эти различныя формы обострившейся душевной тревоги имѣютъ среди писателей Николаевскаго времени своихъ выразителей. Въ формѣ очень неопредѣленной, но патетической она проявилась въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ и драматическихъ сочиненіяхъ Н. Полевого. Въ повѣстяхъ Марлинскаго она же облеклась въ форму очень красивой страстности и демоничности. Мы находимъ ее съ примѣсью большой грусти и печали въ стихотвореніяхъ Полежаева. Наконецъ, все творчество Лермонтова есть непрерывное раздумье надъ смысломъ жизни, надъ собственнымъ призваніемъ, надъ этической проблемой міра — раздумье, которое привело поэта къ глубоко пессимистическому взгляду на

жизнь и къ разочарованію, граничащему съ отчаяніемъ. Вся эта повышенная романтическая тревога духа вытекала не только изъ повышенности чувствъ, но была обусловлена прежде всего тѣмъ, что цѣлый рядъ самыхъ глубокихъ и неотвязныхъ мыслей обступилъ человѣка и требовалъ разрѣшенія. Тотъ, кто не могъ просто отмахнуться отъ этихъ мыслей, кто не могъ разрѣшить ихъ въ отвлеченныхъ формулахъ—тотъ изнемогалъ подъ ихъ бременемъ и утрачивалъ способность спокойнаго отношенія къ жизни: сначала относился съ большой страстностью даже къ ея мелочамъ, а затѣмъ кончалъ разочарованіемъ, которое не хотѣло замѣтить самыхъ серьезныхъ сторонъ окружающей дѣйствительности.

А время шло, и общественный и умственный уровень жизни повышался. Къ концу сороковыхъ годовъ такія отношенія къ жизненнымъ явленіямъ, при которыхъ человѣкъ исходитъ изъ повышеннаго чувства или отвлеченной мысли, перестали удовлетворять чуткіе умы и души. Жизнь стала требовать отъ людей, чтобы они, созерцая ее и раздумывая надъ ней, не забывали, что они призваны быть въ ней активной, дѣйствующей силой. Въ Николаевскія времена навстрѣчу этому требованію пошли лишь немногіе люди, но многимъ становилось ясно, что въ область отвлеченной мысли отъ жизни не уйдешь, и что разочарованный взглядъ на нее грозитъ перейти въ шаблонную безсодержательную позу. Новый герой пока не появлялся, да и не могъ онъ явиться при тогдашнихъ общественныхъ условіяхъ.

Но, несмотря на тяжесть этихъ условій, отдѣльныя лица своими словами и своимъ поведеніемъ показывали, что отъ чувствъ и разсужденій они готовились перейти къ дѣйствію. Критика Бѣлинскаго за послѣдніе годы его жизни направляла вниманіе читателя на общественные вопросы и, насколько это было возможно, намекала на дѣятельную программу, которой слѣдовало бы придерживаться. Повѣсти и публицистическія статьи Герцена переводили вопросы

жизни прямо на практическую почву, и когда работа въ этомъ направленіи стала въ Россіи немыслима, Герценъ переселился за границу. Бакунинъ — самый ярый защитникъ отвлеченной мысли—также ушелъ за границу и сразу обнаружилъ темпераментъ революціоннаго агитатора. Мистикъ и патріотъ консервативнаго склада—Гоголь, и тотъ въ своей „Перепискѣ съ друзьями“ сталъ прописывать читателю рецепты практической дѣятельности. Наконецъ, къ этому же времени образовался кружокъ Петрашевцевъ—первый кружокъ, въ которомъ западный соціализмъ сталъ предметомъ изученія, и, разумѣется, не ради изученія только. Всѣ эти симптомы указывали достаточно ясно на то, что на смѣну прежнимъ взглядамъ на жизнь шелъ новый, который отъ человѣка требовалъ уже не отзывчивости и раздумья только, а извѣстнаго напряженія воли.

Въ недавнемъ прошломъ художникъ такъ любилъ созерцать жизнь, такъ чутко отзывался на нее сердцемъ и такъ смѣло ставилъ свою личность въ центръ мірозданія; онъ только что пережилъ долгіе годы раздумья, когда жилъ преимущественно мыслью чистой, отвлеченной, въ сферѣ которой думалъ разрѣшить всѣ противорѣчія. И на время онъ, дѣйствительно, забывался на ея высотахъ или впадалъ въ разочарованіе, не будучи въ состояніи удержаться на нихъ. Теперь, когда въ обществѣ начало ясно сказываться пробужденіе извѣстнаго волевого, активнаго начала, когда чувство общественности настолько окрѣпло, что созерцаніе и раздумье перестали удовлетворять людей,—естественно, что такая чуткая организація, какъ психика художника, не могла не почувствовать происходящей перемѣны въ общественномъ настроеніи. Волевое начало просыпалось и въ душѣ художника. Но какъ дѣйствовать и въ какомъ направленіи, когда не располагаешь достаточнымъ знаніемъ деталей жизни? Русская жизнь была такъ разнообразна и своеобразна во всѣхъ своихъ слояхъ—а что̀ зналъ о ней русскій художникъ? Онъ былъ занятъ до сихъ поръ почти исключительно своей

собственной личностью, своими настроеніями и своими идеями.

И вотъ, съ конца сороковыхъ годовъ мы наблюдаемъ въ нашей словесности необычайно быстрый подъемъ интереса художника къ окружающей его дѣйствительности. Еще Гоголь, при всей своей субъективности и при своемъ желаніи истолковывать житейскіе факты въ угоду извѣстной теоріи,— показалъ, какое колоссальное богатство поэзіи таится въ томъ, что́ принято называть прозой жизни. Теперь на эту прозу и устремилось вниманіе художника. Молодая, какъ ее тогда называли, „натуральная“ школа принялась разрабатывать матерьялъ, доселѣ почти нетронутый. Тургеневъ въ „Запискахъ охотника“ сдѣлалъ цѣлыя открытія въ области народной крестьянской психики и далъ намъ въ первый разъ вполнѣ правдивыя картины крестьянскаго и помѣщичьяго быта. На помощь ему пришелъ Григоровичъ. Островскій знакомилъ читателя со средой совсѣмъ пока неизвѣстной—съ купеческимъ бытомъ. Гончаровъ въ „Обломовѣ“ задумалъ разсказать исторію жизни осужденнаго на гибель дворянина стараго типа и въ „Обыкновенной исторіи“ вскрылъ передъ нами чиновную душу высокаго, столичнаго полета; и наконецъ Достоевскій въ „Бѣдныхъ людяхъ“ и въ первыхъ своихъ разсказахъ не убоялся завести читателя въ компанію лицъ, стоящихъ на самыхъ низкихъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Тогда же начиналъ свою литературную дѣятельность и Некрасовъ, который, къ великому удивленію современниковъ, сталъ рядить въ стихотворную форму самые прозаическіе сюжеты.

Пусть темы, которыя въ своихъ произведеніяхъ затрогивали эти писатели, были не новы, но отношеніе писателя къ этимъ темамъ было и новое, и своеобразное. Для художниковъ первымъ условіемъ стала правда самой жизни, правда, которая могла идти въ разрѣзъ съ ихъ собственными ожиданіями, настроеніями и идеями. Раньше писатели требовали правды только отъ самихъ себя, теперь они свою

личность отодвинули на задній планъ, и сама жизнь во всемъ ея разнообразіи стала ихъ первой заботой. Субъективное отношеніе къ матерьялу уступило мѣсто объективному, и художникъ становился бытописателемъ. Онъ не выбиралъ, какъ прежде, изъ жизни только то, что̀ совпадало съ его настроеніемъ или міропониманіемъ, онъ цѣнилъ фактъ не постольку, поскольку онъ будилъ въ немъ извѣстныя чувства и мысли,—ему фактъ становился дорогъ самъ по себѣ, какъ проявленіе жизни, которая теперь обращалась къ нему съ требованіемъ войти въ ея интересы, принять въ ея движеніи болѣе непосредственное участіе, чѣмъ онъ принималъ раньше.

Съ каждымъ годомъ это новое требованіе сознавалось художникомъ все отчетливѣе, и онъ, занятый собираніемъ и изученіемъ матерьяла, естественно не могъ остановиться на простомъ его воспроизведеніи, хотя бы и художественномъ; нарастаніе волевого начала, повышеніе активнаго отношенія къ жизни, какое чувствовалъ онъ вокругъ себя и въ себѣ самомъ, должно было привести его къ рѣшенію оттѣнить то, съ чѣмъ онъ въ окружающей его дѣйствительности былъ согласенъ, отъ того, что̀ онъ порицалъ, и подчеркнуть въ своихъ произведеніяхъ то „направленіе“, въ какомъ, по его мнѣнію, жизнь должна двигаться.

Съ 1855 года, послѣ кончины императора Николая Павловича, послѣ Крымской войны, наша общественная жизнь, а вмѣстѣ съ ней и словесное художественное творчество вступаютъ въ новый періодъ своего развитія, отличный отъ двухъ предшествующихъ.

Общій характеръ такъ называемой „эпохи реформъ“— по преимуществу практическій и активный. Сознавая недостатки стараго строя, правительственная власть сама рѣшилась призвать общество на помощь въ дѣлѣ обновленія устоевъ жизни. Призывъ былъ искренній, и въ первые годы

довѣріе власти къ обществу и общества къ власти обѣщали очень плодотворную работу. Но очень скоро это довѣріе исчезло; требованія, которыя ставило общество въ лицѣ своихъ передовыхъ элементовъ, повышались очень быстро. Правительство не находило возможнымъ удовлетворять ихъ, и, не считаясь съ психологическими мотивами, изъ которыхъ такія требованія вытекали, взглянуло на нихъ, какъ на посягательство. Вмѣсто того, чтобы использовать силу ума, характера, темперамента, которую проявляло передовое общество, и умѣлыми и своевременными мѣрами избѣжать или обезвредить неизбѣжныя крайности въ чувствахъ и мысляхъ, правительственная власть прибѣгла къ старымъ репрессивнымъ пріемамъ, которые, конечно, цѣли своей достичь не могли. Послѣ краткаго періода относительнаго мира между передовымъ обществомъ и правительствомъ [1855—1861] началась внутренняя война „охранительнаго" начала съ „прогрессивнымъ", война почти безъ перемирія, на долгіе годы.

Въ предѣлы нашей задачи не входитъ оцѣнка этой войны или ея исторія, но одинъ непосредственный ея результатъ для насъ имѣетъ особое значеніе. Какой бы ни былъ темпъ этой борьбы передовыхъ общественныхъ силъ, затихала ли она временно или ярко вспыхивала, велась ли она цѣлыми широкими кругами общества или болѣе тѣсными группами, но во всѣхъ образованныхъ людяхъ, даже и полуобразованныхъ, она повышала энергію и волю къ дѣйствію. Мы привыкли жаловаться на то, что наше общество инертно и вяло, что изъ всѣхъ психическихъ силъ воля развита въ немъ слабѣе другихъ. Нельзя, конечно, похвастать особенной склонностью нашего общества къ самодѣятельности, — но если вспомнить, что пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ мы имѣли многомилліонную крѣпостную массу, совершенно темную, пожалуй, не менѣе темное сословіе мѣщанское и купеческое; что и дворянство наше въ большой массѣ было полутемное, какъ и чиновничество и духовенство, что наконецъ

всѣ эти сословія и группы жили жизнью рутинной и инертной, при очень слабо развитомъ чувствѣ солидарности, то, быть можетъ, мы не будемъ столь строги къ достигнутымъ за пятьдесятъ лѣтъ результатамъ нашей общественной работы. При всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ эта работа крѣпла изъ года въ годъ, и очень большую роль въ этомъ процессѣ напряженія общественной воли и труда сыграли литература, критика и публицистика.

Выразители этой стороны нашей духовной дѣятельности разбились на партіи, враждебно другъ къ другу относящіяся, но всѣхъ ихъ объединяло одно стремленіе—увидать въ жизни осуществленіе и оправданіе тѣхъ желаній, мыслей и убѣжденій, въ которыя они—публицисты, критики и писатели—вложили свою душу. Они понимали свою роль какъ роль активныхъ дѣятелей, и всѣ они стали проводить извѣстное направленіе въ жизнь—даже тѣ изъ нихъ, которые на словахъ открещивались отъ всякаго „направленія".

Не только писатели второго ранга отдали свое творчество въ услуженіе опредѣленнымъ направленіямъ, которыя они оправдывали или опровергали своими наблюденіями надъ широкими полосами жизни, но даже крупные, первоклассные таланты, даже геніи, и тѣ стали искать въ окружающей ихъ дѣйствительности подтвержденіе своимъ нравственнымъ и общественнымъ идеаламъ. Во всемъ, что́ они писали, чувствовалось, что художникъ стоитъ въ самомъ круговоротѣ житейскаго волненія, полный стремленій, желаній, жажды дѣйствія, иногда съ совершенно опредѣленной программой, которую онъ намѣренъ провести въ жизнь.

Самый бѣглый обзоръ творчества нашихъ крупнѣйшихъ писателей шестидесятыхъ и послѣдующихъ годовъ убѣдитъ насъ въ этомъ.

Всѣ большіе романы Тургенева—что́ они такое, какъ не исторія нашего общественнаго движенія съ 1855 года по конецъ семидесятыхъ? Каждое лицо въ нихъ—лицо историческое, иногда идеализированное, но списанное съ натуры,

иногда угаданное, но не вымышленное,—лицо, которое дѣйствуетъ, живетъ, движется не по волѣ автора, но волею историческаго, на нашихъ глазахъ развивающагося, процесса. Каждый романъ Тургенева какъ будто говорилъ: „Вотъ что́ дѣлается, и вотъ что́ слѣдовало бы дѣлать, а вотъ отъ чего слѣдовало бы уберечься“.

Гончаровъ также былъ увлеченъ господствующей тенденціей своего дѣловитаго времени. Онъ чувствовалъ себя въ немъ не ко двору и писалъ мало. Но когда онъ рѣшился наконецъ передѣлать старый романъ, начатый еще въ сороковыхъ годахъ, и подъ заглавіемъ „Обрывъ“ выпустилъ его въ свѣтъ—въ романѣ были изложены программы личной и гражданской морали, и художникъ открыто награждалъ ихъ исповѣдниковъ то одобреніемъ, то порицаніемъ.

Не скрывалъ своихъ гражданскихъ тенденцій и Островскій, и въ формѣ драмы читалъ намъ часто наставленія. Русская народная ду́ша и ея простая житейская мудрость были его излюбенными героями, и въ пользу ихъ онъ стремился расположить зрителя.

Когда такія тенденціи и направленія проводились въ романахъ, повѣстяхъ, то съ этимъ еще какъ-то мирились. Но когда Некрасовъ поэта-пѣснопѣвца превратилъ въ бойца за демократическіе идеалы жизни, то раздались крики о профанаціи „поэзіи“, и начался нескончаемый споръ о „свободномъ“ искусствѣ и о „тенденціозномъ“. Этотъ споръ лишній разъ доказалъ, какъ въ художникѣ и въ особенности въ критикѣ вскипала воля въ ущербъ безстрастному созерцанію и хладнокровному мышленію.

Такимъ же нареканіямъ, какъ Некрасовъ, подвергся и Щедринъ-Салтыковъ за то, что онъ будто бы обращалъ искусство въ чистую публицистику. Щедринъ былъ безспорно однимъ изъ нашихъ крупнѣйшихъ художниковъ, и онъ, дѣйствительно, требовалъ отъ художественнаго творчества непосредственнаго воздѣйствія на окружающую жизнь.

Воинственно настроенная воля заставляла его брать перо въ руки, и всѣ недочеты его какъ художника объясняются именно этимъ преобладаніемъ сатирика и общественнаго дѣятеля надъ художникомъ-созерцателемъ и мыслителемъ.

Самымъ глубокимъ мыслителемъ-художникомъ того времени принято считать Достоевскаго, и несомнѣнно, онъ — какъ мистикъ, богословъ и моралистъ — исключительное явленіе среди нашихъ писателей. Но вмѣстѣ съ этимъ даромъ творчества и глубокаго отвлеченнаго мышленія природа дала ему темпераментъ настоящаго проповѣдника, временами фанатика. Это проповѣдничество пропитало насквозь всѣ его романы.Отстаивая свою религіозную, національную или вообще этическую программу, онъ пользовался художественнымъ словомъ, какъ карающимъ мечомъ, и искусство было для него тѣмъ же орудіемъ непосредственнаго воздѣйствія на умъ, сердце и волю ближняго, чѣмъ оно было и для его антипода—Щедрина.

Достоевскаго обыкновенно противопоставляютъ Толстому, и какъ художника, и какъ моралиста. Дѣйствительно, эти два нашихъ національныхъ генія обладаютъ совершенно своеобразными пріемами мастерства, и ихъ философскіе взгляды на міръ и человѣка во многомъ разнствуютъ, но они дѣти одного времени, и духовное родство ихъ несомнѣнно. Оба они защитники извѣстныхъ программъ жизни и для обоихъ истинность такихъ программъ и возможность ихъ проведенія въ жизнь дороже того поэтическаго дара, которымъ они отмѣчены.

Толстой по силѣ своего таланта—міровой феноменъ, и если о комъ можно сказать, что онъ какъ художникъ способенъ откликнуться на все разнообразіе явленій бытія съ одинаковой правдой и силой, то только о немъ. Его созданія даютъ намъ правдивую художественную полноту разнообразія жизни, и между тѣмъ мы знаемъ, что именно этотъ неоцѣненный даръ всепониманія и геніальнаго воплощенія жизни въ искусствѣ всегда тяготилъ художника, какъ нѣчто

мѣшающее ему направить всѣ свои силы на самое дорогое ему дѣло. Душевная трагедія Толстого во многомъ напоминаетъ трагедію Гоголя. Какъ излишнее раздумье надъ задачей своего творчества погубило въ Гоголѣ художника, такъ неотвязная мысль о непосредственной практической пользѣ созданій искусства постоянно портила произведенія Толстого и довела его до откровеннаго отреченія отъ всего, что́ имъ создано какъ художникомъ. Воздѣйствіе на жизнь людскую для полнаго пересозданія личной и гражданской морали и общественнаго и государственнаго строя—вотъ въ чемъ Толстой полагалъ свою миссію, и уже въ первыхъ своихъ произведеніяхъ говорилъ объ этой миссіи устами разныхъ героевъ. Онъ всю жизнь велъ борьбу съ своимъ талантомъ, навязывая ему доказательство извѣстныхъ этико-религіозныхъ положеній. Только благодаря тому, что этотъ талантъ былъ колоссальной силы, онъ не сломился подъ напоромъ морали и до послѣдняго дня остался силенъ и свѣжъ въ тѣ рѣдкіе часы, когда художникъ предоставлялъ ему полную свободу.

Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что съ наступленіемъ новой исторической эры психика художника обогатилась, и въ его творчество стало вторгаться то волевое, активное начало, которое дѣлало писателя сторонникомъ извѣстной этической и общественной программы и заставляло его цѣнить въ своихъ герояхъ всего больше ихъ склонность и способность къ дѣйствію. Художникъ, по преимуществу созерцатель, занятый почти исключительно своими ощущеніями, впечатлѣніями, своими чувствами, равно какъ и художникъ, по преимуществу раздумывающій надъ смысломъ явленій, въ сторонѣ отъ которыхъ онъ стоитъ, и унывающій и разочарованный въ своемъ раздумьи—этотъ художникъ стараго времени и типа уступалъ теперь свое мѣсто другому, которому, конечно, нельзя отказать ни въ способности чувствовать, ни въ склонности размышлять, но который, однако, всегда въ лицѣ своихъ героевъ защищалъ и оправдывалъ

или отвергалъ и отрицалъ какую-нибудь программу дѣйствія и поведенія, вызванную потребностями современной ему исторической минуты.

Можно спросить, однако, не есть ли эта защита извѣстныхъ программъ и направленій возвратъ къ прежней субъективности? Вѣдь всякій писатель съ опредѣленнымъ направленіемъ всегда защитникъ своего субъективнаго міропониманія.

Но то, что̀ мы называемъ направленіемъ художника и его программой, теперь уже не на вѣру принятая любезная мечта, непровѣренная фактами, и не теорія, заранѣе составленная въ умѣ и приноравляемая къ жизни. Этотъ старый субъективизмъ въ художественномъ творчествѣ отошелъ въ прошлое, и не собой интересовался и любовался теперь художникъ, защищая свои убѣжденія. Эти убѣжденія и программу жизни онъ вычитывалъ изъ самой жизни; онъ кропотливо собиралъ мельчайшіе факты, изучалъ ихъ соотношеніе и сцѣпленіе, онъ слѣдилъ за людьми, наблюдалъ ихъ во всѣхъ самыхъ прозаическихъ обстановкахъ, вникалъ въ ихъ психологію даже тогда, когда она совсѣмъ не совпадала съ его собственной; онъ старался забыть о себѣ, когда творилъ своихъ героевъ; онъ стремился къ тому, чтобы его произведеніе всецѣло покрывалось жизнью,—однимъ словомъ, какъ художникъ онъ былъ реалистъ и бытописатель самый послѣдовательный и убѣжденный. Онъ желалъ только, чтобы сама жизнь свидѣтельствовала о правотѣ его взглядовъ и сама своимъ естественнымъ развитіемъ доказывала законность и торжество того направленія, котораго онъ держался, и той программы, которую онъ защищалъ. Стремясь быть реальнымъ и объективнымъ, художникъ старался затеряться среди созданныхъ имъ дѣйствующихъ лицъ, но, конечно, эту роль онъ не выдерживалъ и начиналъ часто говорить отъ своего имени. Но такой субъективизмъ нисколько не нарушалъ правдивости и широты той бытовой картины, надъ которой художникъ работалъ.

Со смертью Достоевскаго [1881], Писемскаго [1881], Тургенева [1883], Островскаго [1887], Щедрина [1889], Гончарова [1891], и съ окончательнымъ поворотомъ Л. Толстого на путь чистой проповѣди закончился, если такъ можно выразиться, золотой вѣкъ нашей изящной словесности. Новыхъ талантовъ, равныхъ по силѣ старымъ—съ тѣхъ поръ не появлялось.

Западные образцы.

Изученіе судебъ русской изящной словесности въ этотъ первый періодъ ея развитія требуетъ знакомства съ нѣкоторыми памятниками литературы иностранной. Какую бы степень самостоятельности ни обнаружили наши первые художники, они несомнѣнно находились въ зависимости отъ образцовъ, какіе имъ давала жизнь болѣе сложная, чѣмъ наша, и литература сравнительно съ нашей безконечно болѣе богатая. Въ тотъ періодъ развитія, о которомъ мы говорили, наши художники чувствовали себя въ мірѣ мечты свободнѣе, чѣмъ въ мірѣ реальныхъ фактовъ, и этотъ міръ поэтическихъ образовъ открывался имъ въ творчествѣ западныхъ поэтовъ, древнихъ и новыхъ.

Поставить границы, въ какихъ для нашей цѣли должно ознакомиться съ западной словесностью — крайне трудно. Здѣсь всякій излишекъ—всегда выгода.

Зависимость нашей изящной словесности отъ жизни и литературы иноземной длилась довольно долго и была, несмотря на наличность очень сильныхъ талантовъ, въ началѣ XIX столѣтія зависимостью конечно гораздо болѣе тѣсной, чѣмъ въ послѣдующія десятилѣтія. Въ творчествѣ Жуковскаго, Батюшкова, Пушкина, Грибоѣдова и Крылова нетрудно найти ясные слѣды иноземнаго вліянія идейнаго и даже чисто внѣшняго. Вполнѣ самобытнаго и оригинальнаго

нашъ художникъ давалъ въ тѣ годы очень мало, и тогда уже это малое цѣнилось на вѣсъ золота нашей критикой. Сколько бы своего ни вкладывали въ свои стихи Жуковскій и Батюшковъ, и какого бы художественнаго совершенства они ни достигали, они не достигли бы этой высоты, если бы у нихъ не было на комъ учиться, и если бы не было образцовъ, съ которыми они хотѣли сравняться. То же можно сказать и про Крылова. И для Пушкина, при всей силѣ его дарованія, годы Александровскаго царствованія были ученическими годами. Десятокъ лирическихъ стихотвореній въ періодъ 1822—25 годовъ и двѣ-три главы „Евгенія Онѣгина"—вотъ то немногое, въ чемъ даже самая придирчивая критика не въ состояніи подмѣтить слѣдовъ какого-нибудь чужестраннаго вліянія. Во всемъ остальномъ эта примѣсь иноземнаго чувствуется: и въ лицейскихъ стихотвореніяхъ, и въ „Русланѣ", и въ поэмахъ, писанныхъ на югѣ, и въ архитектоникѣ „Бориса Годунова", и во многихъ посланіяхъ, элегіяхъ, пѣсняхъ и иныхъ лирическихъ стихотвореніяхъ.

Само собою разумѣется, что присутствіе этого иноземнаго элемента нисколько не мѣшаетъ намъ всѣ такіе въ нѣкоторой зависимости находящіеся памятники причислить къ памятникамъ нашей отечественной литературы, поскольку въ нихъ сказывалось мастерство выполненія и художественность русской рѣчи.

Въ послѣдующій періодъ, въ тридцатые и сороковые годы степень зависимости нашей литературы отъ западной замѣтно уменьшается. Изъ писателей прежняго поколѣнія Пушкинъ становится совершенно самобытнымъ мастеромъ своего дѣла. Случается ему иногда добровольно „подражать" кому-нибудь, и онъ разрѣшаетъ себѣ эту художественную прихоть; но прозаикъ и поэтъ, онъ во всемъ оригиналенъ, какъ драматургъ, какъ авторъ историческихъ повѣстей, „Полтавы" и „Мѣднаго Всадника", какъ лирикъ интимныхъ настроеній, какъ авторъ послѣднихъ пѣсенъ

„Евгенія Онѣгина“. На помощь Пушкину какъ самобытной творческой силѣ скоро пришелъ Гоголь—первый изъ нашихъ писателей, который всегда былъ вполнѣ и всецѣло самобытенъ. Вполнѣ оригинальнымъ самородкомъ былъ и Кольцовъ, авторъ пѣсенъ и даже авторъ „Думъ“, въ которыхъ сдѣлана такая смѣлая попытка сочетанія двухъ-трехъ заимствованныхъ отвлеченныхъ мыслей съ внѣшней формой, чисто русской и почти-что простонародной. Возникали нерѣдко споры о томъ, насколько Лермонтова можно считать оригинальнымъ въ виду большого сходства основныхъ мотивовъ его поэзіи съ мотивами байроническими. Несомнѣнно, что многіе иностранные писатели и преимущественно Байронъ произвели большое впечатлѣніе на Лермонтова въ его ранней юности, но несомнѣнно также, что сама природа располагала Лермонтова къ извѣстному порядку чувствъ и мыслей, которымъ Байронъ далъ въ литературѣ наиболѣе художественную форму; и поэтъ былъ вполнѣ оригиналенъ во многомъ, что́ при поверхностномъ взглядѣ кажется навѣяннымъ. И кромѣ того, развѣ мало было въ творчествѣ Лермонтова мотивовъ, которые ему диктовала русская дѣйствительность и личная его жизнь, не нуждавшаяся ни въ какомъ книжномъ поясненіи? Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ XIX вѣка подъ нѣкоторымъ вліяніемъ Запада находились лишь писатели-беллетристы второстепенной силы, какъ напр., Н. Полевой, Н. Кукольникъ, А. Бестужевъ-Марлинскій, кн. В. Одоевскій, отчасти Полежаевъ... Это были наши настоящіе „романтики“, воспитавшіеся на образцахъ частью нѣмецкой романтики, а частью французской.

Съ появленіемъ „натуральной“ школы кончились всякія иноземныя заимствованія. Мы быстро развернулись въ великую литературную державу, мы заплатили по всѣмъ долгамъ, и наши литературныя богатства стали предметомъ не только интереса, но и тщательнаго изученія со стороны тѣхъ, кто не такъ давно въ полномъ невѣдѣніи не считался съ нашей литературой, какъ съ чисто подражательной.

Итакъ, литературныя заимствованія, которыя мы дѣлали у Запада, были въ Александровскую эпоху весьма значительны, въ Николаевское царствованіе они уменьшились весьма замѣтно, а со средины пятидесятыхъ годовъ совсѣмъ исчезли вплоть до самаго конца XIX вѣка, когда сторонники разныхъ „новыхъ“ школъ опять стали нуждаться въ иноземной поддержкѣ.

Тотъ, кто приступаетъ къ изученію русской изящной словесности въ первую эпоху ея развитія, вынужденъ, такимъ образомъ, расширить свою работу и включить въ ея кругъ рядъ памятниковъ иностранной литературы, имѣвшихъ непосредственное вліяніе на нашихъ отечественныхъ художниковъ.

Эти памятники иностранной литературы возникли въ разное время, у разныхъ народовъ и принадлежатъ разнымъ литературнымъ школамъ. Въ сферу нашего интереса они вошли, однако, почти одновременно, и знакомиться съ ними мы начали почти безъ всякой историко-литературной подготовки.

Изъ всего разнообразнаго богатства литературныхъ школъ на Западѣ слѣдующія, наиболѣе распространенныя оказали прямое вліяніе на ходъ нашего литературнаго развитія.

1-хъ такъ называемая школа „классическая“. Она охватывала памятники, возникшіе на почвѣ прямого подражанія античнымъ образцамъ и всѣ памятники такъ называемаго „ложно-классическаго“ стиля. Съ литературой античной, греческой и римской, въ оригиналахъ, переводахъ и подражаніяхъ, равно какъ и съ литературой „псевдо-классической“ въ произведеніяхъ Корнеля, Расина, Вольтера и ихъ послѣдователей русскій художникъ знакомъ былъ хорошо,— но въ Александровскую эпоху онъ этимъ матерьяломъ пользовался значительно рѣже, чѣмъ онъ это дѣлалъ раньше, въ XVIII вѣкѣ.

2-хъ школа „сентиментальная“. Она обнимала писателей французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, начиная съ Руссо, кончая такъ называемой озерной англійской школой двадцатыхъ годовъ XIX вѣка. Руссо, Ламартинъ, Шиллеръ, ранній Гете, Бюргеръ, Кернеръ, Уландъ, Ричардсонъ, Стернъ, Вордствортъ и Саути—вотъ имена главнѣйшихъ поэтовъ, которыми увлекалось молодое поколѣніе временъ Карамзина и Жуковскаго въ первыя десятилѣтія XIX вѣка. Интересъ писателей распредѣлялся очень неравномѣрно между этими авторами, и кромѣ того русскій писатель цѣнилъ въ нихъ не столько то особенное, чѣмъ каждый изъ нихъ другъ отъ друга отличался, сколько то общее сентиментальное міропониманіе, которое всѣхъ ихъ объединяло.

3-хъ школа „романтическая“—широко развѣтвленная семья писателей разныхъ странъ и народовъ. Къ числу поэтовъ этой школы надо отнести Байрона, Вальтеръ-Скотта, Шатобріана, Вакенродера и Новалиса. Байронъ кружилъ всѣмъ головы, Шатобріана и Вальтеръ-Скотта любили меньше, а нѣмецкіе романтики были извѣстны лишь въ тѣсномъ кругу московскихъ философовъ.

Со всѣми этими школами необходимо ознакомиться, чтобы составить себѣ понятіе объ иноземномъ вліяніи на русскую литературу въ начальный періодъ ея развитія.

Изъ античнаго міра нашъ художникъ бралъ лишь самыя общія представленія о жизни, какія онъ считалъ спеціально античному міру свойственными; онъ повторялъ нѣсколько извѣстныхъ легендъ и драматическихъ положеній и усваивалъ наконецъ нѣкоторые чисто внѣшніе пріемы исполненія. Нельзя сказать, чтобы нашъ художникъ вполнѣ освоился съ духомъ античной поэзіи, и нельзя забывать также, что „античное“ онъ иногда получалъ изъ вторыхъ — французскихъ и нѣмецкихъ—рукъ, но образы античной фантазіи и исторіи были живы въ его памяти. Они служили ему готовой внѣшней формой для выраженія многихъ настроеній—и веселыхъ, и печальныхъ.

Знакомство читателя съ античной словесностью могло бы ограничиться слѣдующими памятниками: Иліадой и Одиссеей, драмами: „Скованный Прометей“ Эсхила, „Эдипъ-царь“ и „Антигона“ Софокла; „Вакханки“, „Медея“ и „Ипполитъ“ Эврипида; „Одами“ Горація, „Сатирами“ Ювенала, „Метаморфозами“ Овидія и „Анналами“ Тацита.

Что касается французской литературы „псевдо-классической“, какъ ее обыкновенно называютъ, то писатель александровскихъ годовъ зналъ ее хорошо, такъ какъ она занимала большое мѣсто въ тогдашнемъ школьномъ и домашнемъ образованіи. Но слѣды этой „псевдо-классической“ формы художественнаго творчества въ нашей изящной словесности тѣхъ годовъ весьма незначительны: нѣтъ въ сущности ни одного истинно художественнаго памятника тѣхъ лѣтъ, который былъ бы созданъ въ этомъ, тогда уже устарѣвшемъ стилѣ. Онъ держался еще на нашей сценѣ въ посредственныхъ трагедіяхъ и комедіяхъ, въ длинныхъ скучныхъ посланіяхъ, въ переводныхъ басняхъ и въ совсѣмъ обветшалыхъ одахъ. Въ развитіи изящной словесности всѣ такія произведенія роли никакой не играли, и они могутъ быть обойдены при первоначальномъ изученіи предмета.

Обойти, однако, ту школу, изъ которой они вышли, тѣ дѣйствительно художественные памятники, которые служили образцами,—нельзя. Детальное чтеніе французскихъ „классиковъ“ мало поможетъ намъ въ оцѣнкѣ художественныхъ памятниковъ Александровскаго времени, и потому это чтеніе можетъ быть сведено къ весьма малому количеству образцовъ. Трагедіи Расина [напр., „Федра“, „Эсфирь“, „Гоѳолія“, „Андромаха“] и Корнеля [„Сидъ“, „Горацiи“, „Цинна“] могутъ дать ясное представленіе о томъ паѳосѣ чувствъ, который въ старину такъ любили наши писатели, и который косвенно отразился на торжественномъ настроеніи многихъ лирическихъ стихотвореній. Къ драмамъ Расина и Корнеля можно добавить и нѣсколько драмъ Вольтера [напр., „Семирамиду“, „Заиру“ и „Танкреда“], въ тѣ годы доста-

точно популярныхъ. Большого вниманія заслуживаютъ комедіи Мольера, главнымъ образомъ, потому, что ихъ архитектоника, діалогъ и нѣкоторые типы остались не безъ вліянія на „Горе отъ Ума“. Изъ этихъ комедій наибольшую цѣну въ данномъ случаѣ имѣютъ „Тартюфъ“ и „Мизантропъ“. Знакомство съ Вольтеромъ можетъ быть ограничено романомъ „Кандидъ“, который для многихъ людей Александровскаго царствованія былъ любимой книгой.

Богатыя „сентиментальная“ и „романтическая“ литературы Запада требуютъ особаго вниманія. Онѣ въ Александровскую эпоху были послѣдними литературными новинками и привлекали всеобщій интересъ.

Изученіе этихъ широкихъ по объему литературныхъ теченій можетъ быть сведено въ минимальной дозѣ къ слѣдующему: съ основными сочиненіями Жанъ Жака Руссо, въ виду ихъ громоздкости, можно ознакомиться по обобщающимъ книгамъ. Наиболѣе подходящая въ данномъ случаѣ была бы книга *Геттнера* „Исторія французской литературы“. Особенное вниманіе должно обратить на „Исповѣдь Савойскаго священника“ въ „Эмилѣ“. „Сентиментальное путешествіе“ Стерна должно быть прочтено, такъ какъ рѣдко какая книга сентиментальной школы имѣла такое широкое распространеніе, какъ эта. Нужно ознакомиться и съ разсказомъ Бернардена-де-Сенъ-Пьерра „Павелъ и Виргинія“.

Что касается нѣмецкой литературы конца XVIII вѣка, то ея неисчислимыя богатства находили себѣ у насъ въ александровское царствованіе немного и—за рѣдкими исключеніями—неглубокихъ цѣнителей. Жуковскій и московскіе послѣдователи Шеллинга, пожалуй, одни знали имъ настоящую цѣну. Большинство было знакомо съ нѣмецкой литературой больше по-наслышкѣ. Это обстоятельство, однако, не можетъ избавить читателя отъ необходимости ознакомиться съ тѣми памятниками классической нѣмецкой литературы, которые хотя бы въ видѣ смутныхъ образовъ тревожили фантазію нашихъ писателей того времени. „Лири-

ческія стихотворенія“ Гете, его „Вертеръ“, „Германъ и Доротея“ упоминаются въ тогдашней критикѣ чаще другихъ его произведеній. Шиллера любили больше, чѣмъ Гете, и его драмы и баллады имѣли ревностныхъ поклонниковъ. Баллады Шиллера довольно полно представлены въ стихотвореніяхъ Жуковскаго, а изъ драмъ—на „Разбойниковъ“, „Фіэско“, „Коварство и любовь“ и „Донъ-Карлоса“ должно обратить особенное вниманіе.

Изученіе другихъ нѣмецкихъ авторовъ можетъ быть сведено къ тѣмъ образцамъ, которые даны въ переводахъ Жуковскаго. Онъ взялъ почти все лучшее изъ нѣмецкихъ сентименталистовъ.

Изъ произведеній „романтической“ школы наибольшимъ вліяніемъ пользовались: повѣсти Шатобріана „Рене“ и „Атала“, романъ M-me де-Сталь „Коринна“, повѣсть Бенжамена Констана „Адольфъ“, разсказъ Нодье „Жанъ Сбогаръ“; поэмы, драмы и стихотворенія Байрона; поэмы и романы Вальтеръ Скотта. Для ознакомленія съ поэзіей Байрона въ нашихъ цѣляхъ нѣтъ нужды читать всѣ его произведенія, и врядъ ли литературная молодежь Александровской эпохи читала этого любимѣйшаго своего писателя отъ доски до доски. Наибольшій слѣдъ въ русской литературѣ того времени оставили поэмы „Чайльдъ Гарольдъ“, „Гяуръ“, „Абидосская невѣста“, „Корсаръ“, „Лара“, „Осада Коринѳа“ и романъ въ стихахъ „Донъ-Жуанъ“. И изъ этихъ памятниковъ нѣтъ нужды читать всего „Чайльдъ Гарольда“ и „Донъ-Жуана“. Можно остановиться лишь на первой и третьей пѣснѣ поэмы и на первыхъ четырехъ пѣсняхъ романа. Для полноты пониманія байроническаго настроенія нужно знаніе „Манфреда“, „Каина“ и мистеріи „Небо и Земля“ и драмы „Сарданапалъ“. Изъ произведеній Вальтеръ Скотта можно остановиться на любомъ историческомъ романѣ [какъ напр., „Айвенго“, „Кенильвортъ“,—не считаясь съ годомъ, когда эти романы написаны, такъ какъ въ данномъ случаѣ имѣетъ значеніе не содержаніе романа, а пріемы мастер-

ства автора] и на его поэмахъ, изъ которыхъ самыя характерныя: „Послѣдняя пѣснь Менестреля“ и „Дѣва съ озера“.

Нѣмецкая романтика имѣла у насъ въ тѣ годы очень малое распространеніе.

Ко всѣмъ поименованнымъ памятникамъ, на чтеніи которыхъ русскій художникъ Александровской эпохи воспитывался, надо прибавить еще нѣсколько произведеній, входившихъ въ тогдашнюю программу литературнаго чтенія, но не остановившихъ на себѣ въ должной степени вниманія—произведеній, которыя лишь спустя нѣсколько лѣтъ оказали большое вліяніе на ходъ нашей философской и эстетической мысли. Это были: „Фаустъ“ Гете; его драмы: „Эгмонтъ“ и „Тассо“; первая часть романа „Вильгельмъ Мейстеръ“; стихотворенія второго періода жизни Шиллера и его драмы, написанныя послѣ „Донъ-Карлоса“.

Читатель, знакомый со всѣми этими образцами иноземной словесности, убѣдится, что даже на сверкающемъ фонѣ западныхъ литературъ самобытная сила нашего художественнаго творчества—и въ эти самые ранніе годы своего развитія—не тускнѣетъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Отъ автора 5

Когда родилась наша изящная словесность 15

Дѣленіе исторіи жизни человѣчества на эпохи и столѣтія. Условность такого дѣленія 15—16. Связь эпохи Екатерины II съ эпохой Александра I 16—17. Дѣленіе исторіи новой русской литературы на два основныхъ періода 17—18. XVIII вѣкъ; отсутствіе въ немъ художественной словесности 18—19. Зарожденіе и расцвѣтъ этой словесности въ XIX вѣкѣ 19—20. Субъективное и объективное отношеніе художника къ жизни—какъ основаніе новаго дѣленія исторіи русской литературы XIX вѣка на два періода 20—21. Краткій обзоръ русской литературы за XIX столѣтіе примѣнительно къ такому дѣленію 21—24. Зарожденіе изящной словесности въ первые годы XIX вѣка 24—25.

Условія, при которыхъ наша изящная словесность родилась и начала развиваться 26

Благопріятное для развитія талантовъ стеченіе обстоятельствъ въ Александровскую эпоху 26—27. Наше общеніе съ Западомъ, идейное и житейское 27—30.

Ростъ національнаго самосознанія 30—31. Первыя попытки сочетанія служенія искусству съ служеніемъ народу 32—33.

Ростъ религіозно-нравственной мысли 33—34. Движеніе мысли философской 34—35.

Мысль политическая и общественная 35—38. Отсутствіе міровыхъ проблемъ въ тогдашней изящной словесности 38—39. Душевный покой и жизнерадостность художника 39.

Повышеніе стоимости ученаго и литературнаго труда 39—40. Журналы 40—41. Сословіе литераторовъ 41.

Литературные стили классическій и сентиментальный 42. Стиль романтическій 43.

стр.

Сентиментальное міросозерцаніе и его художественное отраженіе въ стихахъ Жуковскаго 44

Жуковскій какъ наставникъ молодого поколѣнія писателей 44—45. Учителя и предшественники Жуковскаго 45. Общая характеристика поэзіи Жуковскаго 46. Онъ—нашъ первый по времени истинный художникъ слова 46. Культъ поэзіи 46—47. Искренность 47. Мелодичность стихотворной рѣчи 47—48. Образовательная сила поэзіи Жуковскаго 48. Отраженіе въ ней сентиментальнаго міросозерцанія 48. Сущность сентиментальнаго міросозерцанія 49—51. Распространеніе этого міросозерцанія въ Европѣ и у насъ 51—52.

Краткій очеркъ жизни Жуковскаго 52—57. Жуковскій, какъ переводчикъ 57—58. Общій очеркъ развитія творчества Жуковскаго 58—63. Религіозные мотивы въ его стихахъ Александровской эпохи 63—68. Смиреніе. Меланхолія 68—71. Мечта и дѣйствительность; суетность земного 71—73. О сущности зла 74. Тайна смерти 74—77. Воспоминаніе 77—78. Таинственное въ жизни 78—82. Красота природы и «невыразимое» 82—86. Чувства дружбы, любви и семейнаго очага 85—89. «Теонъ и Эсхинъ» какъ синтезъ основныхъ настроеній въ поэзіи Жуковскаго 89—92.

Патріотическіе мотивы 92—94. О царской власти 94. Вѣра въ Россію и мечты объ ея будущемъ 94—95. Мысли Жуковскаго о крестьянскомъ вопросѣ 95—97. Нелюбовь къ политикѣ 97—98.

Взгляды Жуковскаго на поэзію и на призваніе поэта. Поэзія и Богъ 98—103.

Общая оцѣнка міросозерцанія Жуковскаго 103—106. Лебединая пѣсня 107—108.

Батюшковъ и усовершенствованіе стихотворнаго стиля . 108

Мотивы античной древности въ поэзіи Александровской эпохи 108—111. Смѣшеніе грусти и веселья 111—112. Совершенство художественной формы 112.

Заслуга Батюшкова передъ нашей словесностью 113. Онъ эстетъ по преимуществу 113. Очеркъ жизни Батюшкова 113—114. Ранніе стихи 114. Преобладаніе грустныхъ мотивовъ 115—116. Элегія «Умирающій Тассъ» 116—118. Подъемъ жизнерадостности въ пѣсняхъ, написанныхъ въ подражаніе античнымъ мотивамъ 118—121. Послѣднее скорбное стихотвореніе 121. Общая оцѣнка 121—122.

Ранніе годы Пушкина. 123

Сила и глубина художественнаго генія Пушкина 123. Пушкинъ въ ряду міровыхъ поэтовъ 124—125. Пушкинъ и его время 125—126. Исключительный даръ перевоплощенія 126. Нелюбовь поэта къ текущей минутѣ 126—127. Поэзія и жизнь въ пониманіи художниковъ

стр.

того времени 127. Поэзія Пушкина какъ наиболѣе полный отзвукъ искусства на тогдашнюю дѣйствительность 128—129. Пушкинъ какъ судья своего времени 129—131. Пушкинъ и «толпа» 131—132.

Очеркъ жизни Пушкина до его ссылки на югъ 132—135.

Литературная стоимость раннихъ стихотвореній Пушкина 135—136. Религіозные и сентиментальные мотивы въ этихъ стихотвореніяхъ 136. Мотивы жизнерадостные 136—139. Патріотическіе стихи 139—140. Растущая оригинальность 140. «Русланъ и Людмила». Поэма, какъ пѣсня любви и жизнерадостности 141—143. «Вольнолюбивыя» стихотворенія Пушкина 143—147. Общая характеристика раннихъ годовъ творчества Пушкина 147—148.

Первые ростки русскаго художественнаго романтизма . . 149

Ссылка Пушкина на югъ. Новая обстановка, новыя чувства и настроенія 149—152. Возрастающая тревога духа 152. Ея отраженіе въ лирическихъ стихотвореніяхъ Пушкина 1821—1824 годовъ 154—160. Политическіе мотивы 160—162. Постепенное умиротвореніе этой тревоги и незлобивыя стихотворенія 162—168.

Поэмы Пушкина, какъ первые образцы русскаго художественнаго романтизма 168. Романтизмъ, какъ историческое явленіе и какъ психическое движеніе 168—172. Судьбы русскаго романтизма 172—175. «Бахчисарайскій фонтанъ» какъ пѣснь романтической любви 175—176. Романтическое настроеніе въ «Разбойникахъ» 176—177. «Кавказскій плѣнникъ» и его психологія 177—180. Судъ надъ романтической тревогой въ «Цыганахъ» 180—184. Вопросъ о заимствованіяхъ въ поэзіи Пушкина 184—186.

Примиреніе съ жизнью на почвѣ художественнаго созерцанія 187

Жизнь въ Михайловскомъ 187—188. Пушкинъ и декабристы 188—189. Замиреніе духа 189—193. Стихотвореніе «А. Шенье» 193—197. Мысли о призваніи художника 197—200. Интимная лирика 1824—1825 гг. 200—205. Стихотворенія съ религіознымъ настроеніемъ 205—209.

«Борисъ Годуновъ». Нравственная идея пьесы 209—211. Политическіе мотивы 211—213. Художественное значеніе драмы 213—214.

Общій обзоръ творчества Пушкина за время его жизни въ Михайловскомъ 214—216.

«Плеяда» 218

Лирики Александровской эпохи. Ихъ дарованіе и мотивы ихъ пѣсенъ 217—220.

Боратынскій; его жизнь 220—221. Поэма «Пиры» 221—223. Пер-

стр.

выя грустныя думы 223—225. «Эда» 225. Скорбное міросозерцаніе Боратынскаго, какъ оно открывается въ его лирическихъ стихотвореніяхъ 226—234. Отсутствіе связи между поэтомъ и его временемъ 236—237.

Языковъ. Общая характеристика его творчества 237—238. Безпечность генія 238—241. Очеркъ жизни Языкова 241. Стихотворенія, написанныя въ Дерптѣ 242—243. Застольныя пѣсни 243—245. Приближающаяся тревога 245—247. Творчество Языкова въ позднѣйшіе годы 247—248. Поэзія Языкова и Александровская эпоха 248—249.

Веневитиновъ. Очеркъ его жизни 249—251. Мысли о поэзіи и о призваніи поэта и ихъ выраженіе въ лирикѣ Веневитинова 251—260. Общая оцѣнка поэзіи Веневитинова 261.

Рылѣевъ, поэтъ и гражданинъ 261—262 Его жизнь 262—26 . «Думы» и поэма «Войнаровскій» 263—265. Ода «Къ Временщику» 265—266. Гражданская и политическая лирика 266—270.

Общая характеристика лирики Александровской эпохи 270—271.

Сатира 272

Отсутствіе художественной сатиры въ XVIII вѣкѣ 272—275. Сатира въ Александровскую эпоху слабо представлена 275—277. Басня 277. Очеркъ жизни Крылова 278—279. Его характеръ и образъ мыслей 279—280. Басни съ сентенціями общаго характера 280—281. Басни на темы изъ жизни литераторовъ 281—282. Патріотическія темы 282. Басни съ намеками на русскую общественную и политическую жизнь 283—285. Басни на тему о воспитаніи и о наукѣ 285—289. Консервативный образъ мыслей Крылова 289—291. Крыловъ какъ бытописатель 291—292. Языкъ Крылова 292.

«Горе отъ ума» 293

Комедія или сатира? 293—295. Очеркъ жизни Грибоѣдова 295—297. Работа надъ комедіей; ея успѣхъ 297—298.

Слѣды французскаго вліянія 298. Тенденціозный подборъ типовъ и условности въ развитіи дѣйствія 299—301. Вопросъ о старомъ и молодомъ поколѣніи. Роль этого вопроса въ планировкѣ комедіи 301—304. Любовная интрига 304—306.

Чацкій, повидимому, типъ положительный 306. А что, если и онъ осмѣянъ? 306—310. Неясности въ характеристикѣ Чацкаго 310—311. Его смѣхъ 311—314. Обличительные монологи 314—320. Два Чацкихъ 320—321. Смѣшное положеніе, въ какое попалъ герой 321—322. Возможное разъясненіе туманностей въ характеристикѣ Чацкаго 322—323.

«Горе отъ ума» какъ бытовая художественная сатира 323—324.

стр.

«Евгеній Онѣгинъ» 325

Работа надъ «Онѣгинымъ» 325. Бытовой матерьялъ въ романѣ 326—327. «Евгеній Онѣгинъ» какъ личная исповѣдь 327—329.

Основная тема—противопоставленіе романтической натуры двумъ сентиментальнымъ 329. Ленскій 329—334. Татьяна 334—339.

Онѣгинъ, его воспитаніе и склонности 339—342. Хандра 342—344. Поиски дѣла 344. Пародія? 344—347. Онѣгинъ и Пушкинъ 347—349. Историческая генеалогія типа Онѣгина 349—353. Онѣгинъ не лучшій представитель своей семьи 353—354.

Субъективный элементъ въ романѣ 355—356. «Евгеній Онѣгинъ» въ ряду другихъ романовъ его времени 356—357.

Общій обзоръ 358

Въ какомъ смыслѣ можно говорить объ Александровскомъ и Николаевскомъ вѣкѣ въ литературѣ 358—362.

Александръ I 362—365. Общеніе съ западомъ 365—366. Внутреннее положеніе 366—367.

Субъективное отношеніе художника къ жизни 367—368. Роль чувства въ психикѣ художника 368—370. Романисты 370—371. Драматурги 372—373. Художникъ того времени преимущественно лирикъ 373.

Дальнѣйшія судьбы нашей изящной словесности . . . 374

Николай I 374—376. Положеніе художника при новыхъ общественныхъ условіяхъ. Перемѣна въ отношеніи художника къ жизни. Стремленіе къ отвлеченной обобщающей мысли 376—379. Романтизмъ 30-хъ и 40-хъ годовъ 379—381. Ростъ напряженія воли въ людяхъ 381—382. Новая перемѣна въ отношеніи художника къ жизни 382. Ростъ интереса художника къ окружающей дѣйствительности 383—384.

Художникъ въ эпоху реформъ 384—386. Стремленіе художника непосредственно вліять на жизнь. «Направленія» въ художественномъ творчествѣ 386—391.

Западные образцы 392

Xerox 17 320-121
234/237-238/5
396-397-402 (3)

BINDING LIST DEC 15 1951

519820
LR.H Kotlyarevsky, Nestor Aleksandrovich
K8758kx Литературныя направленія Александровской
эпохи. 3.изд.

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED